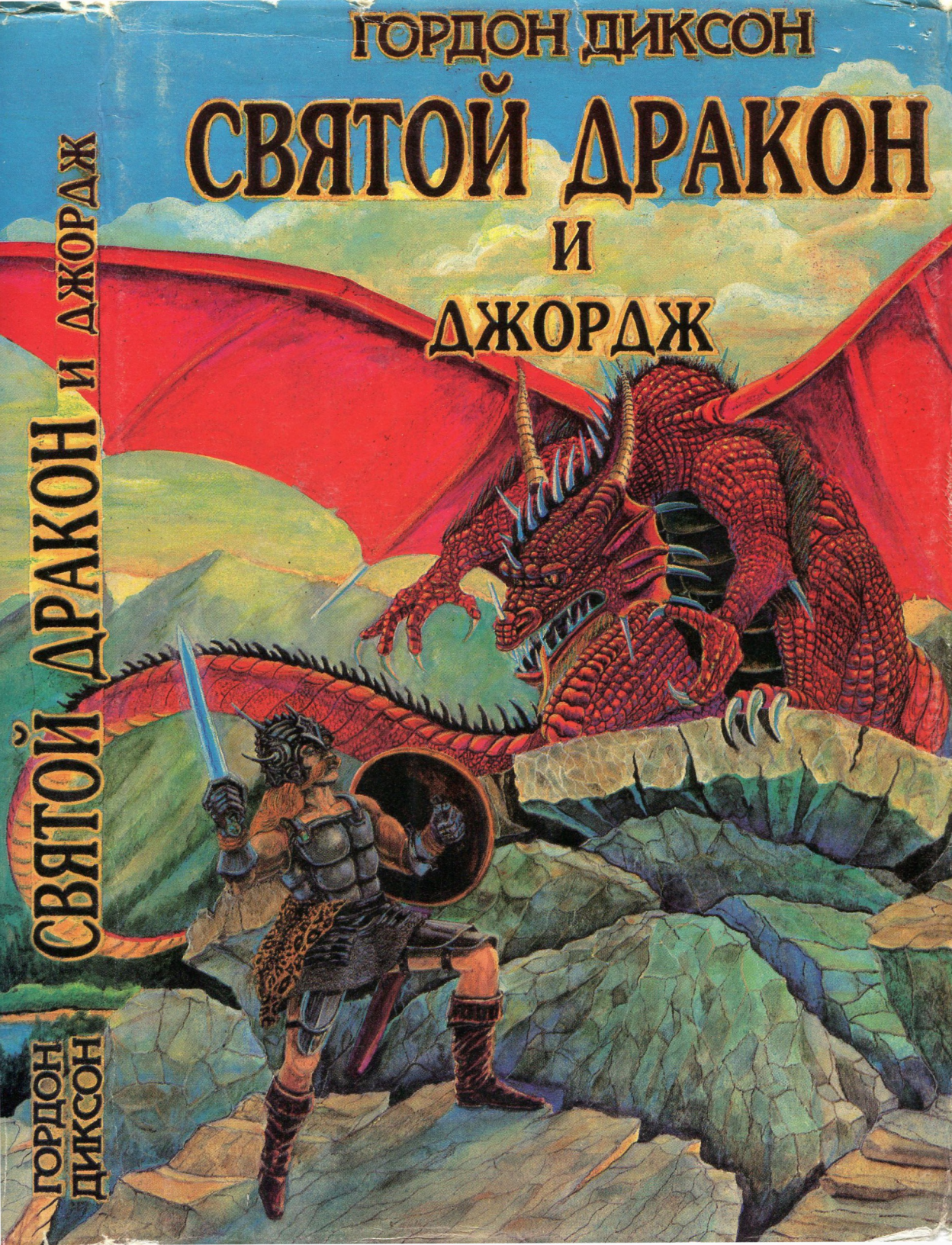

ГОРДОН ДИКСОН

СВЯТОЙ ДРАКОН И ДЖОРДЖ

СВЯТОЙ ДРАКОН И ДЖОРДЖ

ГОРДОН
ДИКСОН

Гордон Р. ДИКСОН

СВЯТОЙ ДРАКОН
И
ДЖОРДЖ

Фантастический роман

ТОО «ЛАНЬ»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1993

ББК 84.4 США
Д 8

Переводы: *Крылов, Кулаков, Жураховский*

СВЯТОЙ ДРАКОН И ДЖОРДЖ. Романы. Пер. с англ. / Сост. Крылов,
СПб., «Лань», 1993 г.
ISBN 5-88-436-004-5

ГЛАВА 1

Стояло теплое и яркое сентябрьское утро.

Джеймс Эккерт въехал на территорию Ривероук-колледжа и ровно в девять тридцать затормозил перед зданием Стоддард-Холла, на третьем этаже которого сиротливо ютилась небольшая лаборатория Лоренса К. Генсслера.

Как обычно, вместо того, чтобы в данную секунду спускаться к машине Джима, Энджи Фарелл все еще находилась в лаборатории. Она, как всегда, задерживалась. Джим сидел в машине, следил за массивными дверями Стоддард-Холла и тихо злился, тщетно пытаясь побороть внутреннее раздражение.

Но злость Джима была направлена отнюдь не на Энджи. Во всем виноват этот болван Генсслер, который уговорил Энджи участвовать в своем очередном идиотском эксперименте. Джим не сомневался, что все идеи Генсслера — чушь собачья; главное для Лоренса К. — удержать Энджи на работе дольше заранее оговоренного времени.

Вот и сегодня ситуация повторялась. Можно было подумать, что Генсслер пронюхал о планах Энджи и Джима, собиравшихся в это теплое яркое сентябрьское утро отправиться на решающий поиск квартиры... Сами понимаете, трудно оставаться спокойным, когда твоя невеста работает под началом такого типа, как Генсслер. Мало того, что Лоренс К. один из крупнейших неудачников современности, он, ко всему, неумело, но старательно отодвигает Энджи от Джима, надеясь «забрать» ее себе...

Массивная парадная дверь Стоддард-Холла резко распахнулась, но... вышел коренастый парень с густой рыжей шевелюрой и кустистыми усами. Увидев машину, он сбежал по ступеням и наклонился к открытому окну, одновременно ставя на землю пузатый портфель и здороваясь с Джимом.

— Ждешь Энджи? — спросил он.

— Ты не ошибся, Дэнни, — вздохнул Джим. — Генсслер ни разу вовремя не выпустил ее из своих лап.

— Это в его стиле, — согласился Дэнни Кердак, ассистент с физического факультета; в волейбольной команде колледжа Дэнни с Джимом были единственными игроками класса АА. — Собираешься сгонять и осмотреть трейлер, в котором жила Шерилл?

— Да, если Энджи появится в ближайшие десять минут, — ответил Джим.

— Она появится с минуты на минуту, — заверил Дэнни. — Это точно. Лучше скажи: вы готовы закатиться ко мне сегодня вечером, после игры?

— Морально готовы. А что за причина?

— Ничего особенного. Просто вечеринка. Соберутся ребята

из нашей команды — с женами или подружками. Я уже заказал пиццу и пиво...

— Звучит заманчиво, — мрачно согласился Джим. — Мы обязательно заглянем к тебе, если не произойдет чего-либо из ряда вон... Например, Шорлз может подбросить срочную работу. В любом случае, спасибо за приглашение.

— Договорились, — Дэнни Кердак выпрямился, подхватив портфель. — Тогда до вечера.

Дэнни развернулся и не спеша удалился, а Джим вновь погрузился в поток тягостных мыслей. Возраст, — внушал он себе, — уже не позволяет терять над собой эмоционального контроля — даже оказавшись в такой ситуации, как в это утро. Даже если у них с Энджи в распоряжении всего два часа на то, чтобы смотаться в трейлер-корт, вернуться обратно, а потом еще успеть перекусить, прежде чем Энджи продолжит «рванный» график работы в лаборатории Генсслера. Он, Джим, обязан помнить, что подобные фрустрации составляют неотъемлемую часть его жизни. Ему, Джиму, еще предстоит научиться жить в окружении и под руководством эгоистичных «шишек» колледжа; научиться жить на жалованье, низкое непропорционально объему выполняемой работы. Конечно, экономическая ситуация в стране вязала Ривероук-колледж по рукам и ногам (впрочем, как и любое другое учебное заведение) до такой степени, что начинало казаться: самое большее, что вы можете сделать со степенью доктора по средневековой истории — использовать официальный документ вместо обычной «неофициальной» тряпочки, чтобы до блеска начистить ботинки перед тем, как идти наниматься «пилотом» зерноуборочного комбайна.

При мысли о бескрайних кукурузных полях Джим резко обрывал малоприятные раздумья, отметив, что не только не обрел душевного спокойствия, а наоборот — впился в старинный руль Оглоеда так, что побелели костяшки пальцев. Оглоед даже не пикнул, с легкостью перенеся пытку. Судьба небольшой автомашины складывалась на редкость удачно, и вам не пришлось бы покривить душой, соглашаясь с владельцем, что десятилетний «фиат» находится в хорошей форме. Впрочем, и сам владелец «фиата» — как и любой другой волейболист класса АА — находился в отличной спортивной форме. Ростом Джим был шести с небольшим футов, но даже профессиональные тяжелоатлеты не дотягивали двадцати, а то и более, до его двухсот десяти фунтов тренированного веса, сумма которого складывалась лишь из костей и мышц.

К большому сожалению, в «центральный компьютер» данной модификации мотора биохимического сгорания были инстинктивно заложены программы прямого целенаправленного действия. В ситуациях, когда устройству под названием «Джим» бросали открытый вызов, — что происходило, например, на волейбольной площадке — мгновенная ответная реакция была адекватной и эффективной. Но... в обыденной жизни принцип «прямой целенаправ-

ленности» не являлся лучшим решением. Поэтому «Джим», как ни старался, был не в силах справиться сам с собой.

На счастье, небеса сжалились над ним и послали ему в помощь Энджи, удивительное качество которой состояло в умении добиваться от людей положительных — для себя — результатов. Причем она достигала выбранной цели, не действуя собеседнику на нервы — даже в ситуациях, когда Джим готов был набычиться, засучить рукава и броситься на обидчика, считая, что тот умышленно провоцирует стычку. Кстати, Джиму ни разу не удалось отчетливо подметить, каким образом Энджи удерживает течение беседы в мирных руслах. Единственное, что он разнюхал — она объясняет суть вопроса ровным, доходчивым, дружелюбным голосом. Что бы ни творилось на ваших глазах до появления Энджи, но, стоило ей только появиться и произнести несколько фраз — и люди, с которыми она начинала разговор, по какой-то непонятной причине мгновенно переставали делать то, что противоречило ее словам, и уже через секунду становились стопроцентно ручными — дружелюбными, заботливыми, всепонимающими. Энджи действительно была незаурядна — и внешне, и в общении с людьми; особенно ловко она расправлялась с субъектами, которые вообще не представляли из себя ничего особенного. Надо было видеть, как умело она командует таким типом, как Генсслер. Хотя, что касается рабочего времени в лаборатории Лоренса К., то...

Джим резко вздрогнул, как будто задремал от убаюкивающей бессмысленности течения времени — и вдруг проснулся. Вот и он сам просто сидит здесь, занимаясь пустопорожними размышлениями.

Джим посмотрел на часы: четверть одиннадцатого! Ну это уж слишком! Даже если у Генсслера не хватает ни ума, ни здравого смысла догадаться отпустить Энджи, ей-то этих качеств не занимать. Энджи давно следовало самой встать и уйти.

Джим толчком распахнул дверь со своей стороны и уже начал было вылезать, но тут массивные двери Стоддард-Холла распахнулись, и Энджи сбегала по ступенькам, на ходу натягивая светло-бежевое пальто. Она очень спешила, поэтому карие глаза ее блестели, а щеки порозовели.

— Ага, вот все же и ты, — кисло заметил Джим, усаживаясь обратно в машину.

— Прости, — Энджи быстро забралась в нутро Оглоеда и захлопнула дверцу. — Знаешь, Генсслер по-настоящему взволнован. Он считает, что стоит на самом краю доказательства того, что астральная проекция реальна...

— Какая проекция?

Джим повернул ключ зажигания, Оглоед ожил и отъехал от прямоугольника Стоддард-Холла.

— Астральная проекция. Высвобождение духа из плена тела. Отталкиваясь от результатов, которые он уже получил, успешно

используя схемы обратной биосвязи и дублируя определенные фазы сна...

— Надеюсь, ты не позволила ему ставить все эти дурацкие эксперименты на тебе? Помнишь, ведь мы договаривались...

— Ради бога, не вмешивайся; по крайней мере, не сейчас...— ответила Энджи.— Я не подопытное животное, а помощник-экспериментатор. Можешь не беспокоиться, он не собирается гипнотизировать меня...

— Но однажды он уже пытался!

Джим вывел Оглоода с территории колледжа на Вест-стрит, а затем по наклонному въезду вывел «фиат» на Хайвей-файв.

— Вот именно, попытался. Единственный человек, которому удалось меня загипнотизировать — это ты. Кстати, после того, как тебя научил Генсслер.

— Тем более ты не должна позволять гипнотизировать себя — ни мне, ни Генсслеру, ни... кому другому.

— Конечно, конечно,— спокойно согласилась Энджи. Тихо так согласилась. А главное — перехватив инициативу. Всего пара слов, констатировал Джим, и все его возражения улетучились...

Он глубоко вздохнул и принялся с удивлением вспоминать, из-за чего разгорелся весь этот сыр-бор? И еще он чувствовал, что провинился, подняв шум из-за сушей ерунды, о которой не то что заводить разговор, а просто упоминать-то вслух не следовало.

— Как бы то ни было,— продолжал он, разгоняя Оглоода по Хайвей-файв в направлении трейлер-кэмп, о котором ему по секрету рассказал Дэнни Кердак,— этот трейлер может оказаться той выгодной сделкой, которую приятно заключать: мы сразу же поженимся, а совместное ведение хозяйства позволит сэкономить нам часть денег. И тогда ты бросишь работу у Генсслера, а возможно — и ассистентство на факультете английской литературы.

— Джим, — напомнила Энджи,— тебе известно так же хорошо, как и мне...

— Позволит,— упрямо повторил Джим.

— Или не позволит. Сейчас мы живем в общежитии, что стоит каждому из нас, учитывая низкокалорийную похлебку и двухъярусные кровати в спальнях, по сто двадцать. Любой угол, который мы снимем только для себя, сделает нашу жизнь дороже, а не дешевле. Я даже представить себе не могу более дешевых обедов, чем в студенческой столовой. Поэтому я не брошу работу у Генсслера. Но, самое главное, трейлер на двоих — это действительно то, с чего следует начинать. Даже крохотная квартирка — шаг вперед. Только не надо морочить себе голову насчет дешевизны...

— Но разве нельзя на несколько месяцев отказаться от удобств и жить в походном режиме?

— Все равно нужна какая-то кухонная утварь — в чем готовить, из чего есть. Нужен обеденный стол, за который не стыдно и непротивно садиться. И еще нужен письменный стол, за которым

мы будем проверять тексты и студенческие работы. Нужно по крайней мере четыре стула, потому что два ты тут же займешь под книги и тетради. И еще нам нужен, на крайний случай, хотя бы матрац, на котором можно спать, и что-то вроде комода для одежды...

— В таком случае, я возьму сверхурочную работу.

— Нет, не возьмешь. А вот я прекращу работу над *своими* тезисами. Почему? Потому что ты обязан заваливать академические журналы статьями до тех пор, пока тебя не начнут печатать. И уж тогда Шорлз уберет тебя подальше от работы с нерадивыми студентами.

— Черт возьми,— охнул Джим,— временами мне кажется, что я никогда, нигде и ничего не напечатаю.

— Даже и не думай выкрутиться! — на секунду голос Энджи прозвучал грозно и с убедительной настойчивостью.

— Я имел в виду совсем другое,— пристыженно заспорил Джим.— Знаешь, последняя статья ложилась на бумагу просто здорово, и если бы мне не пришлось ее отложить и отправиться сегодня утром на занятия..

Профессор Тибальт Шорлз, «глава» исторического факультета, проявлял откровенное недовольство, когда его ассистенты пропускали занятия, которые он проводил лично. Джиму эти выверты начальства не нравились, поскольку всегда оказывались ненужным довеском к постоянной ежедневной работе: проверке и корректировке текстов, с которыми работали студенты, а также подготовке рекомендаций и ссылок на книги по данному курсу — и так далее, и тому подобное... Нелепая прихоть упряма-шефа добавляла к ненормированному рабочему времени Джима лишние шесть часов в неделю, но ни цента к его ста семидесяти пяти долларам в месяц.

— Он что-нибудь сказал? — спросила Энджи.— Или ты опять не решился спросить его о ставке преподавателя?

— Он был явно не в духе.

— Он? Или ты?

Джим растерянно заморгал. В прошлом году в Чикаго, во время работы Ассоциации историков, Шорлз долго и подробно беседовал с Джимом и пообещал ему быстрое получение должности преподавателя на возглавляемом Шорлзом историческом факультете Ривероук-колледжа. Ориентируясь на данную перспективу, Энджи, в свою очередь, предприняла ряд шагов и на радость обоим — себе и Джиму — получила место ассистента с правом преподавания на факультете английской литературы. Она получила это место, хотя еще только работала над диссертацией. Джим опередил Энджи на три года, защитившись в Мичиганском университете, где они и познакомились, еще будучи старшекурсниками.

Учитывая, что оба они получили работу в одном академическом учебном заведении, их будущее было практически заказано. Но, когда они прибыли в Ривероук-колледж, Шорлз разбил их радужные планы новостью, что из-за неожиданно возникших финансовых

трудностей Джим не сможет получить должности преподавателя — по крайней мере до начала весеннего семестра. В то же время ставка преподавателя на факультете оставалась вакантной и по сей день...

Проведя на новом месте пару недель, Джим выяснил истинную природу «бюджетных» трудностей Шорлза. Исторический факультет Ривероук-колледжа (впрочем, как и любое другое академическое учебное заведение) представлял из себя мишень, которую до состояния дуршлага изрешетили из разнокалиберных интригометов. Две равноценные по силам фракции на факультете противостояли одна другой буквально по любому вопросу. Шорлз, не примкнув ни к одной из враждующих сторон, за четыре года научился ловко подсуживать по очереди обеим командам.

Совершенно очевидно, что Джим, получи он ставку преподавателя, мог вызвать перегруппировку сил, то есть перевернуть лодку, которая перво-наперво утопит самого Шорлза.

Краеугольным камнем в процессе конфронтации, как вскоре выяснил для себя Джим, являлся заместитель Шорлза — профессор Теодор Н. Джеллами. Одна из команд поддерживала последнего, поскольку Джеллами всегда и все говорил начистоту и прямо в глаза собеседнику. Вторая команда всячески протестовала против человека, который постоянно ходил в замшевой куртке и признавал лишь один вид транспорта — мотоцикл. Ходили слухи, что Джеллами всерьез собирался перед началом весеннего семестра покинуть Ривероук-колледж.

Но — не более, чем слухи. И все же, для собственной безопасности Шорлзу не следовало включать в игру нового человека, тем более — молодого и ретивого, а значит, и непредсказуемого...

— Извини, Энджи,— с искренним раскаянием произнес Джим.— Я вынужден сидеть на его занятиях битый час, бездельничая, но делая вид, что заинтересован его байками. Понимаешь, я ни на секунду не забываю о том, как он с нами обошелся, и поэтому, когда звучит звонок, даже не смею подойти к нему, чтобы заговорить. Боюсь, если он мне откажет, я попросту выбью ему все зубы.

Недолгая, но очень холодная пауза повисла внутри мчащейся вперед машины; потом Джим всмотрелся сквозь лобовое стекло в какую-то очень далекую точку и постепенно почувствовал, что впившиеся в руль пальцы ослабили хватку.

— Брось, все нормально,— подбодрила его Энджи.— Если ты чувствуешь себя именно так, то поступаешь совершенно правильно. Как-нибудь ты отловишь его в спокойной обстановке, чтобы обсудить все вопросы...

Некоторое время они ехали молча.

— Кажется, здесь,— Джим кивнул вправо, чуть в сторону от дороги.

ГЛАВА 2

Трейлер-корт Бельвью не вызывал у проезжающих мимо желания бросить на него повторный взгляд. К тому же ни один из владельцев (за последние двадцать лет) даже не попытался изменить к лучшему внешний вид трейлер-корта. Нынешний в свои пятьдесят был таким же высоким и крупным, как Джим Эккерт; но с годами некогда упругая плоть свалаялась в складки и морщины, так что кожи на его вытянутом лице получалось слишком много, а рубашка цвета берлинской лазури раздувалась вокруг торса пузырем. Выгоревшие темно-бордовые штаны были стянуты на талии черным ремнем так сильно, что глубоко впивались в живот и скорее напоминали юбку со сборкой. Дышал он, как пес, утомленный длительной погоней; к тому же, пахло от него так, будто он перед самым разговором закусил головкой изрядно подпорченного сыра. В прогретом солнцем небольшом пространстве автоклетушки, которую он нахваливал Джиму и Энджи, это его основное «достоинство» было трудно игнорировать.

— Вот, значит,— говорил морщинистый, как чуть позже выяснилось — не владелец, а менеджер, размашистым жестом очерчивая крохотное помещение, сжатое стенами трейлера.— Вот, значит, это оно и есть! Я на некоторое время оставляю вас, чтобы вы смогли получше осмотреться. Когда созреете, приходите ко мне в офис.

И он вышел, закрыв дверь за собой и своим тяжелым духом.

Джим посмотрел на Энджи, которая нетерпеливо водила пальцем по потрескавшейся лакировке одной из дверей стенового шкафчика над раковиной.

— Достаточно паршиво, да? — заметил Джим.

Так оно и было; трейлер, несомненно, доживал свои последние и отнюдь не лучшие дни. Точно под башмаками Джима пол вздыбливался и искривленно тянулся до противоположной стены, где и стояла сейчас Энджи. Раковина выглядела давно немойтой и как будто посыпанной песком; запylенные окна сиротливо и несуразно сидели в рамах; стены казались слишком тонкими, чтобы, кроме чувства обособленности, давать еще и тепло.

— Когда придет зима, вагончик будет напоминать палатку альпинистов, занесенную снегом,— констатировал Джим.

Он серьезно задумался о морозно-ледяной зиме Миннесоты и о том, что до Ривероук-колледжа Оглоеду придется таскать их на лысой резине и изношенном моторе. И еще серьезнее он задумался о летней сессии и палящей жаре июльской Миннесоты, когда они будут потеть внутри этого металлического склепа, внося бесконечные исправления в контрольные работы.

Но Энджи ничего не ответила. Она молча открывала-закрывала дверь ванно-душевого закутка-заморыша в дальнем углу

трейлера. Вернее, она открывала и старательно тщилаь плотно закрыть дверь. Но та, как будто чужая в этом вагончике, не очень-то хотела вставать на место. Плечи Энджи как-то сжались под голубым жакетом и стали по-детски угловатыми. Самым разумным решением было бы вернуться в Бюро расселения студентов и вновь просмотреть списки возможных вариантов квартир неподалеку от колледжа. Но Энджи не согласится так быстро принять поражение — Джим слишком давно и слишком хорошо ее знал. Кроме того, он знал, что надежды переубедить ее бессмысленны изначально; а попытки найти вариант жилья, устраивающий их обоих, ограничены жесткими рамками свободного времени.

Мрачная железная твердость автодома окатила душу Джима суровым ветром безысходности. На мгновение он ощутил нечто вроде безрассудной тоски по тому образу жизни, который был принят в студенческих кругах средневековой Европы. В те времена все проблемы взаимоотношений с соперниками принимали четко очерченный характер «плоти-и-крови», в отличие от ныне принятой академической традиции «предлога-и-повода». В те далекие времена затянувшийся спор с Шорлзом можно было бы запросто разрешить при помощи шпаги... И уж тогда бы Шорлзу не удалось в очередной раз увильнуть, сославшись на ухудшившуюся общеэкономическую ситуацию в стране и на внутривполитический баланс сил на историческом факультете.

— Пойдем, Энджи, — вздохнув, сказал Джим. — Мы обязательно найдем что-нибудь получше.

Энджи резко обернулась; карие глаза под копной темных волос блестяще достаточно решительно.

— Ты обещал, что в эту последнюю неделю я сама приму окончательное решение.

— Я не забыл, что...

— Мы два месяца кряду шныряли по адресам, которые ты мне предлагал. Завтра, как ты помнишь, состоятся собрания на всех факультетах, и нам представят расписания занятий на следующий семестр. Так что свободного времени у нас не остается. Сегодня — последний день поисков.

— Но мы сможем вечерами...

— Нет. Сегодня — последний день. Возвращаться в общежитие я не намерена. Я хочу иметь собственную квартиру. Пусть никудышную, главное — собственную!

— Посмотри вокруг, Энджи! — взмолился Джим. — И это убожество находится в двадцати трех милях от колледжа! Оглоед может очокуриться в любой момент, буквально завтра!

— Если это произойдет, мы найдем ему замену. И, со временем, найдем замену этому трейлеру. Ты же знаешь, что мы можем это сделать, если очень захотим!

Джим еще пару раз вздохнул, а затем они мирно вернулись в офис трейлер-кэмп и предстали перед менеджером.

— Мы берем, — сообщила Энджи.

— Надеюсь, домик придется вам по вкусу,— улыбнулся менеджер, достал из письменного стола какие-то бланки и стал раскладывать их перед собой.— Но откуда вы узнали, что трейлер освободился? Я еще даже не дал объявления в газету.

— Прежний квартирант, вернее, подружка брата моего приятеля, с которым мы играем в одной волейбольной команде,— ответил Джим.— Так вот, ей пришлось срочно переехать в Миссури, и она сообщила нам, что ее дом-мобиль освободился.

— Вот значит как...— кивнул менеджер.— Что ж, можете считать, что вам повезло.— Он подтолкнул бумаги и бланки к сидевшим перед столом Энджи и Джиму.— Если не ошибаюсь, вы сказали, что преподаете в колледже?

— Да, все верно,— ответила Энджи.

— Хорошо. Тогда вам надо заполнить всего несколько граф. И расписаться... да, вот здесь. Вы женаты?

— Мы собираемся,— сообщил Джим,— сразу, как переедем.

— О'кей. Но, раз вы еще не женаты, пусть распишется каждый из вас, или, если вы согласитесь, пусть распишется кто-то один, а другой будет внесен в договор как субарендатор. Но проще, если вы распишетесь оба. Тогда вы внесете плату за два месяца вперед. За первый.— это как положено, а за следующий — как депозит на случай непредвиденной ситуации. Двести восемьдесят долларов.

— Две... восемьдесят? — переспросила Энджи.— Но Дэнни Кердак говорил, что Шерил платила сто десять в месяц. Мы рассчитывали именно на эту сумму.

— Все правильно. Но мне поступило указание поднять квартплату.

— На тридцать долларов в месяц?! За ту рухлядь, которая там стоит?!

— Ежели вам не нравится,— менеджер пожал плечами и поднялся на ноги,— то в трейлер можете и не въезжать. Вы должны понять...

— Конечно, мы можем понять,— не унималась Энджи,— что вы вынуждены поднять квартплату, учитывая общий рост цен. Но мы просто не в состоянии платить по сто сорок в месяц.

— Мне остается только посочувствовать вам. Но сегодня этот дом-мобиль стоит именно сто сорок долларов. Вы же знаете, что я только менеджер, а не владелец трейлер-кэмп. И не я назначаю цену. Я служащий, выполняющий приказы свыше.

Итак, произошло то, что невозможно было изменить. Оказавшись внутри Оглоеда, они окончательно распростились с надеждами на собственный домик.

Джим повернул ключ зажигания; заглотив порцию бензина, Оглоед ожил. Джим вывел его на Хайвей-файв и направил к колледжу. Обратный путь они проделали молча.

— Да ладно, все нормально,— сказала Энджи, когда Джим

припарковал машину на стоянке возле столовой общежития. — Мы что-нибудь найдем. Обычно такие возможности подворачиваются совершенно неожиданно. Что-нибудь обязательно подыщется. Просто надо продолжать поиски и не унывать.

— Угу, — угрюмо согласился Джим.

За ленчем они старательно подбадривали друг друга.

— Мы сами во всем виноваты, — объясняла Энджи. — Мы слишком много надежд возлагали на этот дом-мобиль, тем более, что о нем не знал никто, кроме нас. Отныне я ни на что заранее не рассчитываю, и поверю в успех только тогда, когда мы въедем в свой дом.

— И я тоже, — кивнул Джим.

Когда они расправились с ленчем, время уже круто поджимало. Джим отвез Энджи к Стоддарт-Холл.

— Ты освободишься к трем? — спросил он. — Или мне опять придется тебя ждать?

— Нет, — ответила Энджи, захлопнула дверцу и пояснила через открытое окно: — Только не сегодня. Когда ты подъедешь, я уже буду тебя ждать. — Голос ее прозвучал чуть приглушенно, но ровно.

— Хорошо бы, — сказал Джим, провожая Энджи глазами. Она быстро поднялась по массивным ступеням и исчезла за одной из огромных дверей.

Джим пустил Оглоеда вскачь и вскоре припарковал на стоянке, неподалеку от здания исторического факультета. Он ничего не говорил Энджи, хотя решение выкристаллизовалось в нем еще во время ленча. Джим собирался «оседлать» Шорлза и не слезать с него до тех пор, пока тот не согласится дать ему должность преподавателя без каких-либо дальнейших отсрочек, отговорок и обещаний. Он бегом преодолел три лестничных пролета и двинулся по длинному мрачному коридору, по обе стороны которого располагались кабинеты всех «шишек» и «шишечек» факультета.

Шорлз стоял на ступеньку выше остальных, и поэтому перед его кабинетом располагалась приемная, в которой сидела секретарша (теоретически — факультета, но практически — личная секретарша декана).

Джим резко вошел в приемную и отметил, что девушка в который уже раз перепечатывает свежий манускрипт Шорлза об этрусских корнях современной цивилизации.

— Привет, Мардж... он у себя?

Джим недвусмысленно покосился на дверь, ведущую в кабинет Шорлза, которая в данный момент была плотно закрыта. Он знал ответ раньше, чем Мардж открыла рот.

— Только не сейчас, — запротестовала секретарша — подтянутая, с песочными волосами девушка лет тридцати. — У него сейчас Тед Джеллами. Но они должны скоро освободиться. Подождешь?

— Обязательно.

Джим сел на один из двух жестких стульев для посетителей, стоявших в приемной. Мардж продолжала печатать за своим столом.

Минуты ползли невероятно медленно... Но потом оказалось, что прошло полчаса; потом на них наслось еще пятнадцать минут...

Неожиданно дверь распахнулась, и из кабинета, животом вперед, буквально вылетел Шорлз. Вплотную за ним следовал Тед Джеллами в ковбойских башмаках и куртке из «рифленной собачины». Они, не останавливаясь, пересекали комнату, причем Шорлз на ходу отдавал Мардж распоряжения.

— Мардж, сегодня меня уже не будет. Мы направляемся в факультетский клуб. Если позвонит жена, пусть ловит меня там...

Стоило двери открыться, Джим автоматически вскочил на ноги и шагнул навстречу вышедшим из комнаты профессорам. Они змейкой прошуршали по приемной, но Шорлз, заметив Джима, благожелательно помахал ему рукой.

— Замечательная новость, Джим! — воскликнул он. — Тед согласился остаться с нами еще на год...

И дверь шумно захлопнулась за двумя учеными мужами.

Джим ошеломленно уставился в пустоту, затем растерянно оглянулся на Мардж, которая смотрела на него с искренней симпатией и сожалением.

— Он сказал это, не подумав, — произнесла секретарша.

— Ха! — воскликнул Джим. — Да он просто злорадствует, и ты прекрасно это понимаешь!

— Нет, — девушка покачала головой. — Нет. В самом деле — нет. Ты ошибаешься. Они с Тедом давние и очень близкие друзья. На Шорлза постоянно давят, чтобы он отправил Теда на пенсию. Наш колледж — частное заведение. Поэтому, учитывая нынешнюю инфляцию, его пенсия — без дополнительного заработка — составляет мизерную сумму. Тед стремится держаться за свою работу, пока сил хватает. И Шорлз действительно очень обрадовался за Теда, когда все сложилось так, что его друг смог остаться. Только поэтому он не подумал, что означает эта новость для тебя.

— Ммм, — то ли зарычал, то ли застонал Джим и вышел в коридор.

Направляясь к месту парковки машины, он вдруг вспомнил о времени и посмотрел на часы. Почти два тридцать. Через полчаса он обещал заехать за Энджи. Времени для серьезной работы — будь то самостоятельные статьи или ассистентство у Шорлза — не оставалось; как, впрочем, и желания делать хоть что-либо на благо шефа.

Джим забрался в нутро Оглоеда, громко хлопнул дверцей и поехал, плохо соображая куда и зачем.

Сначала он вывернул на Хай-стрит, потом, сделав еще один левый поворот, очутился на Уоллес-драйв, а затем, через пяток минут, каким-то непонятным образом выехал на Олд-Ривер-роуд,

тянувшуюся вдоль Элинг-ривер. Старая двухполосная асфальтовая лента соединяла Ривероук-колледж с небольшим городком Бихли.

Параллельным маршрутом по полям мчался и несся недавно накатанный Хайвей-файв, и поэтому Олд-Ривер-роуд, как обычно, была почти пуста. Дорога пролежала по заболоченной местности, и ее не сжимали с обеих сторон многочисленные постройки и вспаханные поля. Джим долго гнал машину в относительной тишине и пустоте, совершенно не понимая, кто он и что он. Лишь неожиданно подступивший к самой дороге берег реки немного привел его в чувства и прояснил мысли.

Постепенно он подвел себя к выводу, что Мардж права и что Тед Джеллами (так же сильно, как и Джим) озабочен собственным будущим, то есть банальной мыслью о средствах к существованию...

Джим с явным облегчением поставил себя на эту точку зрения и успокоился — Тед Джеллами был одним из немногих на факультете, кто действительно нравился Джиму. Оба они были индивидуалистами, но... знающими себе истинную цену.

Лишь идиотская нестабильность, сложившаяся на факультете, заставила их вступить в соперничество. В любом другом случае они бы подружились.

Да, конечно, винить во всем надо не Теда Джеллами, а тиски экономической ситуации, которые сжимаются и заставляют людей набрасываться друг на друга.

И все же...

И все же Джим в очередной раз поймал себя на желании, а еще лучше — на возможности решать проблемы, которые постоянно ставила перед ним жизнь, четкими, резкими и даже радикальными способами...

Он вновь посмотрел на часы. Без пятнадцати три. Самое время разворачивать машину и — за Энджи. Доехав до перекрестка, он развернул Оглоеда и пустил его вскачь в обратном направлении. К счастью, пока Джим ехал «туда», он не слишком усердно жал на газ, поэтому «обратно» оказалось не таким уж долгим.

Опоздание едва ли зачтется Джиму в актив, тем более после его постоянной воркотни, что, мол, Энджи позволяет Генсслеру измываться над собой, а он, Джим, подолгу ее ждет...

Он затормозил перед Стоддard-Холлом, имея в запасе всего пару минут. Джим заглушил мотор и принялся спокойно ждать, что получалось хуже некуда. Он все еще не мог придумать, как преподнести Энджи итоги своего последнего «пролета». С утра им не удалось арендовать дом-мобиль, а в середине дня он подбросит ей на сладкое очередную новость той же пробы.

После недолгого раздумья Джим решил, что даже не заикнется о том, чем закончился его последний визит в приемную Шорлза.

Нет, очень плохо. Такая идея изначально ущербна. Энджи обязательно спросит потом, почему он скрыл от нее правду, а не

сообщил немедленно. И вопрос ее будет абсолютно справедлив и правомочен. Нельзя брать на вооружение привычку утаивать друг от друга плохие новости — это заведомо ложная трактовка доброты.

Джим вновь посмотрел на часы и с удивлением увидел, что пока сидел тут и думал, прошло почти десять минут. Энджи опять пересидживает лишнее время.

Что-то с треском лопнуло внутри Джима, и он ощутил злость — холодную и тупую. Генсслер слишком часто оказывался на пути его планов. Джим стремительно выбрался из Оглоеда, захлопнул дверцу и взбежал к массивным дверям Стоддарт-Холла. За ними, внутри, почти сразу же начиналась главная лестница; низкие ступеньки были облицованы серыми гранитными плитками, буквально до дыр стоптанными за долгие годы бесчисленным количеством студенческих башмаков. Джим поднимался вверх, без труда перешагивая сразу через несколько ступенек.

Три пролета вверх и тридцать футов по коридору вправо. За дверью матового стекла находилась лаборатория, в которой Генсслеру была выделена секция площадью в десять квадратных футов. Джим вошел в лабораторию — дверь, ведущая в блок Генсслера, была закрыта. Несколько шагов, и...

Генсслер стоял справа от Джима перед прибором — скорее всего, контрольной панелью. Он испуганно завертел головой, то ли не видя Джима, то ли не соображая, кто ворвался к нему во время эксперимента.

Лицом к Джиму возле дальней стены сидела в кресле «от дантиста» Энджи. На голову ей, доходя почти до подбородка, был надет какой-то кожух — то ли шлем, то ли фен из парикмахерской.

— Энджи! — в ужасе выкрикнул Джим. В ответ его невеста растворилась.

Девушка попросту исчезла...

На какой-то бесконечно долгий момент Джим застыл, уставившись на пустое кресло и пустоту под шлемом.

Энджи просто не могла никуда исчезнуть!

Исчезнуть так быстро, что он даже глазом не успел моргнуть! То, чему он только что стал свидетелем, было абсолютно невозможно! Поэтому он немой стоял на месте и ждал, когда с его глаз спадет пелена, и он вновь увидит Энджи, сидящую в кресле...

— Аппортация! — Изумленно-восторженный вопль Генсслера выдернул Джима из ошолобенного состояния.

Джим резко повернулся и впился глазами в Лоренса-психолога — высокого, худого, со всклокоченными волосами, совсем недавно получившего степень... Генсслер таращился, разглядывая опустевшее кресло. Даже в эту жуткую для себя секунду Джим отметил, что кровь отхлынула от лица Лоренса К.

Жизнь и движения вернулись к Джиму одновременно с осмысленным вопросом:

— Что это такое? Что происходит? — заорал он на Генсслера. — Куда делась Энджи? Где она сейчас находится?

— Она аппортировалась! — восторженно сообщил Генсслер, но взгляда от кресла, на которое сам же усадил Энджи и с которого она исчезла, не отвел. — Она действительно аппортировалась! И я надеюсь, что... и я... я старался отправить ее в астральную проекцию...

— Что? — Джим повернулся и, набычившись, шагнул к Генсслеру. — Что ты попытался с ней сделать?

— Астральная проекция! Астральная проекция! Не более того! — выкрикивал Генсслер. — Мы предполагали спроецировать астральную сущность из ее тела. Я даже не пытался воздействовать на ее материальную сущность, только на астральную! Все, на что я мог рассчитывать, лишь незначительный астральный сдвиг, который можно зарегистрировать микроамперметром, установив контактные пластинки вдоль спинного мозга... вдоль позвоночника, и они фиксируют «ответ». Но она вместо этого аппортировалась. Она...

— Куда? Где она? — взревел Джим.

— Я не знаю! Я... клянусь, я не знаю! — голос высокого худого ученого взметнулся стократ выше его самого. — У меня нет вариантов объяснения, куда...

— Будет лучше, если варианты появятся!

— Я не знаю! Я не в курсе настройки моих приборов, но...

Джим сделал три шага через комнату, схватил тощего психолога за лацканы рабочей куртки и вмазал Генсслера спиной в стену, чуть левее приборной панели.

— *Верни ее обратно!*

— Я же сказал тебе, что не могу! — взвизгнул Генсслер. — Я не предполагал, что она может выкинуть нечто подобное, поэтому я оказался не готов к столь неожиданному результату! Прежде чем вернуть ее обратно, мне потребуется несколько дней или даже недель, чтобы выяснить причины и суть происшедшего. А затем я должен буду придумать, как повернуть процесс аппортации в обратную сторону... Какая интересная мысль — сделать процесс перехода обратным, — Генсслер зачарованно задумался, но после того, как Джим встряхнул психолога, тот спешно продолжил объяснение: — Но даже если все это мне удастся проделать быстро, к тому времени... может оказаться поздно. Слишком поздно, если она выйдет за пределы объема физического пространства, в которое аппортировалась.

Голова у Джима пошла кругом. Казалось совершенно невероятным, что он вынужден стоять и выслушивать всю эту чушь несусветную, вместо того, чтобы как следует размазать Генсслера по стене. Но объяснение Лоренса К. звучало чертовски правдоподобно: ведь как ни крути, а Энджи исчезла, что являлось неоспоримым фактом.

Но Джим никак не мог поверить, что все произошло в *его*

реальной жизни. Даже несмотря на то, что *сам лично* видел, как Энджи исчезла.

Джим зарычал, еще сильнее впился в лацканы пиджака и сообщил Генсслеру свое решение:

— Вот что я тебе скажу, индюк! Либо ты сейчас же вернешь ее, либо я начинаю неторопливо разрывать тебя на мелкие кусочки.

— Я же сказал, что не-мо-гу! Сто-ой... — выкрикнул Лоренс К. Генсслер, чувствуя, как Джим потянул его на себя, и понимая, что вся эта груда мышц с удвоенной энергией вот-вот начнет размазывать его по стенке.

Но Генсслер ошибался — в планы Джима входило пробить стену насквозь, используя для этой благородной цели голову психолога.

— Подожди! У меня появилась идея!

Джим затормозил движение тела, но хватки не ослабил.

— Ну так что за идея? — заорал он.

— Есть шанс. Не слишком надежный, но все же — шанс, — прохрипел Генсслер. — Тебе потребуется моя помощь. Но это может сработать. — Лоренс К. оживился. — Да, это действительно может сработать!

— Ну, хорошо! — рявкнул Джим. — Выкладывай суть, да поскорее!

— Я могу послать тебя вслед за ней... — и Генсслер резко заткнулся, почувствовав повисшую в воздухе незримую угрозу. — По... подожди! Я совершенно серьезно! Я действительно считаю, что идея того стоит...

— Ага, теперь ты попытаешься избавиться и от меня, — сквозь зубы процедил Джим. — Хочешь устранить единственного свидетеля, который может дать против тебя показания?!

— Нет, нет! — заспорил Генсслер. — Идея сработает. Я уверен, что сработает! Чем больше я над ней думаю, тем сильнее убеждаюсь, что идея сработает! Я окажусь прав... Несомненно, я окажусь прав! И тогда я стану знаменит!

Казалось, его паническое состояние постепенно испаряется. Он распрямил (правда, лишь вдоль стены) плечи и предпринял (надо отметить, неудачную) попытку отпихнуть от себя Джима.

— Отпусти меня! — громко, но без истерики, произнес он. — Мне необходимо вернуться к приборам, иначе я просто не смогу помочь Энджи. А я не хочу, чтобы она попала в беду! Как и ты, я хочу вернуть ее обратно в целости и сохранности!

Джим осторожно выпустил собеседника, но продолжал внимательно за ним наблюдать, держа правую руку наготове, чтобы в любую секунду заграбастать Генсслера.

— Начинай двигаться и объяснять, — скомандовал Джим. — Но только быстро.

— Я двигаюсь так быстро, как только могу, — Генсслер повернулся к контрольной панели, бормоча себе под нос: — Да, да, именно в этом положении... да, именно на этом уровне, да... иначе и быть не могло...

— Ты о чем это там все время лопочешь? — спросил для остротки Джим.

Лоренс посмотрел на него через плечо, которое буквально выпирало из-под пиджака.

— Ну, пока мы не догадаемся, куда именно она аппортировалась, мы не сможем придумать, как вернуть ее обратно, — сообщил Генсслер. — Итак, совершенно точно мне известно лишь одно — я попросил ее сконцентрировать внимание на любом, что придет ей в голову. И она сказала мне, что сконцентрировалась на драконах.

— Каких драконах? Где драконы?

— Я уже сказал, что не знаю, *где!* Может, останки драконов в археологических музеях, а вернее — где угодно! Вот почему мы обязаны хоть как-то локализовать ее местонахождение, вот почему требуется твоя помощь... Иначе мы вовсе не справимся с поставленной задачей!

— В таком случае, уточни, что делать мне, — попросил Джим.

— Садись в кресло, из которого она исчезла... — Генсслер резко замолчал, стоило Джиму сжать кулак и сделать шаг навстречу психологу-экспериментатору. — Ну, если не хочешь садиться, не садись! Тогда просто выйди из лаборатории и захлопни за собой дверь. А заодно распрощись с последним шансом вернуть ее обратно.

Джим поджал губы и задумался. Затем медленно и неохотно повернулся к пустому «стоматологическому» креслу, на которое указывал Генсслер.

— Будем считать, что ты прав, — вздохнул Джим, подошел к креслу, опустился в него. — Итак, что ты намерен делать дальше?

— Тебе не о чем беспокоиться! — сообщил Генсслер. — Все контрольные приборы выставлены на те же уровни, как и в момент аппортации Энджи. Я лишь немного уменьшил напряжение. Думаю, это единственная причина, вызвавшая ее физическое перемещение в астральную проекцию. Ее подтолкнул туда слишком сильный энергетический импульс. Я уменьшу силу заряда, чтобы ты спроецировался, но ни в коем случае не аппортировался.

— Что это будет значить?

— Это будет значить, что материально твое тело никуда не переместится. Ты останешься сидеть в этом кресле. В путь двинется лишь твое сознание — и спроецируется туда же, куда аппортировалась Энджи.

— Ты уверен в своих словах?

— Конечно же, уверен. Твое тело останется сидеть здесь, в этом кресле. А вот твоя астральная сущность отправится в путь, чтобы встретиться с Энджи и помочь ей. Возможно, она слишком сконцентрировалась на...

— Не пытайся свалить вину на нее!

— Я и не пытаюсь. Просто... В любом случае, ты сам не позабудь сосредоточиться. Энджи имела большой опыт в данном на-

правлении внутренней концентрации. У тебя такого опыта нет, поэтому тебе следует сделать единственно возможное — предпринять попытку... Думай об Энджи. Сконцентрируйся на ней. Концентрируй внимание на ней, не забывая, что в том месте есть драконы.

— Ну, хорошо! — прорычал Джим. — Что дальше?!

— Если ты правильно ориентируешь сознание, то спроецируешь свой мозг в то же место, куда аппортировала себя Энджи. На самом деле, то есть материально, ты в этом месте не окажешься, — обещал Генсслер. — Все твои ощущения и впечатления будут субъективны. Но чувствовать себя ты будешь так, словно действительно оказался там. Поскольку Энджи находится в данных координатах настройки, она догадается, что твоя астральная сущность присутствует рядом, даже если и не заметит твоего материального присутствия.

— Ну хорошо, хорошо! — оборвал Джим. — Но как же я смогу вернуть ее?

— Ты должен заставить ее сконцентрироваться на возвращении, — ответил Генсслер. — Помнишь, как я учил тебя гипнотизировать ее?

— Да уж, помню!

— Тогда постарайся загипнотизировать ее вновь. Когда она ментально полностью сольется с обстановкой лаборатории, то сможет аппортироваться обратно. Возьми ее внимание под контроль и внушай ей сконцентрироваться на лаборатории. Когда она исчезнет, ты можешь быть уверен, что она вернулась обратно.

— А я? — спросил Джим. — Что со мной?

— Тебе возвращение вообще ничего не будет стоить, — заверил Генсслер. — Ты просто закроешь глаза и пожелаешь оказаться здесь. Поскольку твое тело останется в этом кресле, то есть в начальной точке, ты автоматически вернешься обратно — в ту же секунду, как подумаешь об этом.

— Ты уверен?

— Уж в этом-то я уверен совершенно точно! А теперь закрывай глаза... нет, нет, подожди... сначала накинь капюшон...

Генсслер шагнул к креслу и опустил на голову Джима шлем. Неожиданная темнота, наполненная легким ароматом духов Энджи, сжала Джиму горло.

— А теперь — концентрируй внимание, — донесся как будто издалека голос Генсслера. — Энджи — драконы. Драконы — Энджи. Закрой глаза и сосредоточься исключительно на этих двух понятиях...

Джим закрыл глаза.

Казалось бы, ничего особенного не происходило: внутри шлема жила лишь темнота, а пространство за его пределами не рождало ни звука. Чертовски знакомый запах волос Энджи буквально сводил с ума. «Думай об Энджи, думай об Энджи, — настойчиво внушал сам себе Джим. — Концентрируйся на Энджи и драконах...»

Но ничего не происходило...

Голову начало ломить...

Джим чувствовал себя огромным и неуклюжим, особенно сейчас, сидя под этим невероятным астральным феном, да еще с закрытыми глазами, да еще с навязчивым, щекочущим ноздри и таким знакомым ароматом духов и лака для волос. Джим услышал биение пространства, но потом понял, что это стучит его собственное сердце, заставляя кровь пульсировать в артериях, сосудах и капиллярах тела...

Медленная и какая-то густая, тяжеловесная поступь приближающихся шагов. Голова Джима начала сама по себе легко вращаться вправо-влево. Ему показалось, что он медленно соскальзывает по наклонной плоскости куда-то вниз. Соскальзывает сквозь темноту и мрак, а тело его увеличивается при этом до гигантских размеров...

Потом в его мозгу начала прорасти непонятная первобытная дикость. Он услышал какой-то шелест, какое-то неведомое порханье огромных крыльев, появилось желание вскочить и в клочья разнести первое, что попадется под руку. Для начала, конечно же, предпочтение будет отдано незабвенному Лоренсу К. Генсслеру. О-о-о! Это будет сладостный для души Джима процесс! Он как следует скрутит этого идиота, прижмет к каменному полу и неторопливо, один за другим, обкусает пальцы... Нет, лучше — фалангу за фалангой...

Незнакомый мощный голос громовыми раскатами призывал его очнуться, но Джим игнорировал зов, запутавшись и потерявшись в собственных мыслях...

Что может быть прекраснее, чем вонзить ногти в грудь, а челюстями перекусить тонкую шею столь ненавистного джорджа...

Челюсти? Джордж?..

О чем это он думает?

Ну уж нет — эта чушь собачья просто так не пройдет! Сейчас, сейчас. Сейчас он откроет глаза!

Он открыл глаза.

Г Л А В А 3

Темнота, наполненная легким ароматом лака для волос, исчезла вместе со шлемом. Джим ошарашенно уставился на каменные стены, которые переходили в ровный свод потолка. Небольшую пещеру и коридор освещали факелы, закрепленные в жирандолях неизвестной работы; факелы горели неровно, выстреливая длинные пляшущие языки желтого света.

— Наполни тебя гром, Горбаш! — проревел кто-то над самым ухом; Джим тщетно попытался уклониться от рева. — Просыпайся, малыш! Нам надобно срочно спуститься в главную пещеру. Наши захватили одного!

— Одного?.. — заикаясь, поинтересовался Джим. — Одного — кого?

— Джорджа! Настоящего Джорджа! Да проснись же ты, Горбаш!

— Я уже проснулся... — заспорил Джим и поперхнулся...

Огромная голова с мощными челюстями и острыми крокодильими зубами, возникнув перед самыми глазами Джима, заслонила собой каменный потолок. Очумелый от рева мозг, зарегистрировав образ, идентифицировал его с некоторым запозданием, и когда понимание пришло, Джим выпалил:

— Дракон!

— А кем еще по-твоему может стать прадядюшка по материнской линии? Опять кошмары мучают? Просыпайся! Это я, Смргол, обращаюсь к тебе, малыш. Я, Смргол! Ну-ка, подъем! Потряси крыльями и пошлепали вниз! Нас и так заждались в главной пещере. Не каждый день удастся захватить в плен Джорджа! Идем.

Клыкастая пасть убралась в сторону. Судорожно моргая, Джим оторвал взгляд от исчезающего жуткого видения, опустил глаза и тут же заметил громадный хвост: бронированный, с рядами острых костяных пластин, бегущих с треугольного кончика вверх по наружной плоскости. Хвост утолщался, приближаясь к... нему.

Это был его хвост!

Хвост Джима!

Джим вытянул перед собой руки. Они оказались огромны и усеяны костяными пластинками — такими же, как на хвосте, но меньшего размера. Пальцы были кожисты и слегка скрючены, а когтям требовался маникюр. Поднеся поближе к глазам трясущуюся когтистую лапу, Джим случайно задел ею об удлинненную морду-пасть, которая вытягивалась от того места на лице... О, Боже! А где же нос? Он судорожно попытался облизнуть губы, но вместо этого длинный, красный раздвоенный язык — его язык! — рассек дымный воздух пещеры.

— Горбаш! — вновь прогремел голос.

Джим обернулся и увидел в проеме морду дракона, судя по голосу — прядяюшки Смергола, который заслонил вход в пещеру. — Сейчас иду. Можешь подождать, если хочешь.

Дракон исчез, а Джим удивленно покачал головой. Что же происходит? Генсслер заверял, что никто не сможет увидеть его, не говоря уже...

Драконы?

Говорящие драконы?..

...Не говоря о том, что он, Джим Эккерт, и сам дракон...

Какая чудовищная нелепица! Он — дракон?! Как он мог оказаться драконом? Почему именно драконом, даже если они и существуют? Очевидно, это наведенная галлюцинация.

Безусловно! Он вспомнил: Генсслер упоминал, что все его ощущения будут сугубо субъективными. И все увиденное и услышанное — не больше, чем разновидность кошмара, наложенного на действительный мир. Сон. Он ущипнул себя... И подскочил от боли.

Он совершенно позабыл, какие чудовищные когти росли на пальцах. Большие и чрезвычайно острые. Даже если Джим спал, то элементы сна были чертовски реалистичны.

Но, сон это или нет, все, о чем он сейчас мечтал, — найти Энджи, покинуть тело дракона и вернуться в нормальный мир. Вот только где ее искать? Найти бы для начала сообразительного собеседника, описать девушку и расспросить: кто ее видел, где, когда.

Безусловно, перво-наперво следовало спросить у дракона, разбудившего Джима. А о чем тот говорил? Что-то о поимке Джорджа?..

Что означает «Джордж»? Возможно, имя? Вероятно, если кто-то принимал облик драконов, то остальные появились в образе Святого Георгия, драконоборца. Но обыденность, вложенная Смерголом в определение «джордж», навела Джима на размышление, что драконы называли «джорджами» обычных людей, а весть о поимке означала...

— Энджи! — во внезапном озарении вскричал Джим.

Он встал на все четыре лапы и потащился через пещеру, выполз наружу и оказался в длинном коридоре, освещенном факелами, и увидел вдали удаляющуюся фигуру дракона. Джим заключил, что это тот, что называет себя прядяюшкой тела, в котором он сейчас находился. Он порывлся в памяти, вспоминая имя дракона.

— Обожди, Смергол! — крикнул он.

Но дракон свернул за угол.

Джим бросился вдогонку, на ходу отмечая, как низок потолок коридора для его крыльев, которые, рефлекторно реагируя на скорость движения, так и норовили расправиться. Он повернул за угол и через большой вход буквально влетел в огромный сводчатый зал, битком набитый драконами — серыми и массивными. Зал освещался пламенем многочисленных факелов, отбрасывающих большие уродливые тени вдоль высоких гранитных стен.

Джим не обращал внимания на дорогу и потому врезался вдруг в спину одного из драконов.

— Горбаш! — прогрохотал дракон и повернул пасть. Джим узнал прадедушку по материнской линии. — Немного уважения, разорви тебя огр, пацан!

— Прости! — брякнул Джим. Он еще не научился рассчитывать силу драконьего голоса, отчего извинение прозвучало выстрелом сигнальной пушки, сообщающей о приближении отряда вооруженных варваров.

Но, очевидно, Смргол не обиделся.

— Все в порядке! Все в порядке! Спина не сломана, — зычно протрубил он. — Присаживайся, паренек. — Он наклонился к уху соседа. — Двигайся! Освободи местечко для внучатого племянша!

— Что? А, это ты, Смргол! — проворчал дракон, повернув голову. Он передвинулся футов на восемь. — Протискивайся, Горбаш. Мы вот-вот начнем обсуждать захваченного джорджа.

Джим втиснулся в более чем узкий просвет меж драконов, сел и попытался проанализировать происходящее. Очевидно, что драконы в этом мире говорят на современном английском... Или он ошибается? Он вслушался в словесный гомон. Воспринимаемые ухом слова вступали в противоречие с объяснением, предлагаемым сознанием. А если он неосознанно говорит на драконьем языке? Джим решил отложить этот вопрос и обдумать его на досуге.

Он огляделся вокруг. Огромная вырубленная в граните пещера буквально кишела тысячами драконов. Но по внимательном рассмотрении тысячи сменились сотнями, а потом выкристаллизовалась и трезвая оценка: примерно пятьдесят драконов разных размеров. Джим с гордостью отметил, что оказался не самым мелким из них. На самом деле, за исключением Смргола, никто не мог сравниться с ним размерами. Однако в конце зала сидел еще один монстр, трепавшийся больше всех, время от времени указывая на стоявший поблизости вполне драконьих габаритов контейнер, накрытый гобеленом искусной ручной работы, на которую когтистые лапы драконов были явно не способны.

Что касалось сути дискуссии, то ее можно было охарактеризовать как пустую перебранку. Титанически громкие голоса, казалось, заставляли вибрировать даже каменные стены и потолок. Джим обернулся на Смргола, но тот, не мешкая, присоединился к дискуссии.

— Заткнись, Брайгх! — прикрикнул он на громадного дракона, сидевшего возле скрытого гобеленом контейнера. — Дайте вставить слово тому, кто имеет больше опыта общения с джорджами и остальным верхним миром, чем вы все вместе взятые. Когда я расправился с огром у Башни Гормли, ни один из вас даже не стучался еще в скорлупу яйца.

— Нам в очередной раз предстоит выслушать историю твоей

великой битвы с огром? — огрызнулся переросток Брайгх. — У нас тут есть дела поважнее!

— Послушай ты, червячок! — разбушевался Смргол. — Чтобы убить огра, нужны мозги. Но как раз их-то у тебя и нет! Мозги — наследственная отличительная черта нашей семьи! И если станет, что очередной огр выползет на свет божий, то никто из вас в ближайшие восемьдесят лет хвоста не высунет из пещеры. На это хватит смелости и ума только мне да Горбашу...

Словесная перепалка длилась еще некоторое время, но постепенно все остальные драконы утихомирились: спор продолжали только двое.

— ...Ну и что ты предлагаешь? — допытывался Брайгх. — Я поймал джорджа возле центрального входа. Этот джордж — шпион.

— Шпион? И с чего ты так решил? Джорджи не шпионят за драконами. Они приходят, чтобы сражаться. Я-то на своем веку понасражался со многими джорджами, — и Смргол горделиво выпятил грудь.

— Сражаться! — насмехался Брайгх. — Какой джордж пойдет сражаться без скорлупы? С самого первого джорджа, увиденного нами, каждый последующий и готовый к бою был одет в скорлупу! А на этом-то ее вовсе не было!

Смргол весело подмигнул соседям-драконам.

— А откуда мне знать, что ты ее не сколупнул? — прогрохотал он.

Погляди и убедись!

Брайгх нагнулся и сорвал гобелен, обнажая железную клетку. В клетке, за толстыми железными прутьями, в отчаянии припала ко дну...

— Энджи! — закричал Джим, позабыв о колоссальных возможностях голосовых связок дракона. Вернее, ему впервые представилась реальная возможность опробовать их. Он инстинктивно выкрикнул имя во всю силу легких, а крику, испущенному во всю мощь драконьих легких, лучше внимать с затычками в ушах, находясь за линией горизонта.

Даже сие великорослое собрание в пещере было потрясено. А Энджи просто сдуло порывом ветра в угол клетки, и она потеряла сознание.

Прадядюшка Горбаша первым оправился от шока.

— Разорви тебя огр, мальчишка! — взревел он, но уже в нормальных разговорных тонах, о которых Джим, к несчастью, вспомнил с запозданием. — Зачем издеваться над барабанными перепонками? И что это такое «Анаши»?

Джим усиленно размышлял.

— Я чихнул, — признался он.

Мертвая тишина послужила ему ответом. После долгой паузы Брайгх заинтересовался:

— Где это видано, чтобы драконы чихали?

— Где? Где? — фыркнул Смргол. — Я вот знаю, что драконы чихают. Но это случилось еще до твоего рождения. Старик Малгор, третий кузен двоюродной сестры матери, чихнул дважды на дню сто восемьдесят лет тому назад. Чихание — семейная традиция. И тоже указывает на наличие мозгов.

— Правильно, — поспешно встрял Джим. — Это указывает, что мои мозги работают. Работа ума рождает в носу чих.

— Так их, так их, мальчик! — громко сказал Смргол, а потом снова настала мертвая тишина.

— Враки! — после паузы взревел Брайгх и повернулся к собранию. — Вы все знаете Горбаша. Половину времени он болтается наверху, заводя знакомства с ежами, волками и всяким зверьем! Смргол учил праплемянника много лет, но Горбаш ни разу не проявил себя, особенно мозгами! Заткнись Горбаш!

— С какой стати? — поспешно закричал Джим. — У меня есть право высказаться, как и у любого присутствующего. Высказаться об этом... э... э... джордже...

Но хор выкрикиваемых предложений прервал его.

— Убить.

— Сжечь заживо!

— Разыграть в лотерею: вытащивший алмаз съедает джорджа!

— Нет! — прогремел Джим. — Выслушайте меня...

— Правильно, что нет, — протрубил Брайгх. — Я нашел джорджа. И право сожрать принадлежит мне. — Он оглядел пещеру. — Но ему есть лучшее применение. Используем его как приманку — посадим там, где его увидят другие джорджи. Затем, когда джорджи придут его освободить, неожиданно нападём и возьмем в плен всю свору. А потом, продав их, заработаем много золота...

Стоило Брайгху упомянуть о золоте, и Джим заметил, как заблестели и засверкали глаза драконов. Аркан алчности туго перехватил даже горло самого Джима. Мысль о золоте набатом стучала в голове; так стучит мечта о роднике у умирающего от жажды в пустыне...

Золото...

Медленно нарастающий шепот одобрения, как шелест прибоя, пронесся по пещере.

Джим поборол в драконьем теле жажду золота, но алчность сменилась паникой. Каким-то образом он должен заставить драконов отказаться от плана Брайгха. Он мгновенно прокручивал безумные варианты: освободить Энджи из клетки, схватить клетку с Энджи и попытаться убежать... И он даже подумал было, что это осуществимо.

Клетка с Энджи стояла рядом с Брайгхом. Молодой дракон-болтун был одинаковых с Джимом, а значит — более чем внушительных размеров. Когда он сидел, то голова находилась на высоте трех метров от пола. Если он встанет на четыре лапы, то окажется около двух метров ростом. И еще — мощный, подвижный метровый хвост. Есть ли у Джима шанс? Да, если улучить момент, когда все

драконы одновременно повернут головы в противоположную от клетки сторону...

О'кей, Джим, но где выход из подземелья? Можно только предполагать, что едва различимое отверстие в дальнем конце пещеры ведет в коридор, а дальше — на поверхность. Отголоски воспоминаний Горбаша убедили его в правильности предположения. Но он не мог слепо полагаться на подсознательные воспоминания тела, в котором случайно оказался. Если он собьется с пути или его загонят в тупик, то остальные драконы разнесут его на куски; а Энджи, даже если уцелеет в сражении, лишится единственного реального спасителя. Надо выбирать иной путь.

— Обождите! — крикнул Джим. — Слушайте внимательно!

— Заткнись, Горбаш! — прогремел Брайгх.

Сам заткнись! — огрызнулся Джим. — Я уже говорил, что мои мозги работают исправно. И они подсказали мне прекрасную идею.

Краем глаза он заметил, что Энджи зашевелилась и с изумленным выражением села на дно клетки; Джим почувствовал облегчение, а вид девушки придал ему смелости и удвоил громкость голоса.

Пойман джордж женского пола. Хотя сей факт малозначителен для вас, но в частых отлучках на поверхность я кое-чему научился. Иногда джорджи женского пола имеют исключительную ценность...

Из-за плеча Джима раздалось покашливание Смергола, сравнимое с рокотом отбойного молотка, вгрызающегося в особо твердый бетон.

— Совершенно верно! — раскатисто воскликнул он. — Возможно, мы изловили принцессу. По мне, так она тянет на принцессу. Как меняются времена! Новое поколение драконов и знать не знает о принцессах. А в былые дни отряды джорджей частенько бросались в погоню за драконом из-за того, что тот захватывал в плен принцессу. Когда я сражался с огром из Башни Гормли, так у него в темницах среди джорджей женского пола затесались аж две принцессы. Эх, видели бы вы, что вытворяли от радости джорджи, заполучив их обратно! Использовать эту вот как приманку весьма рискованно. Джорджи вышлют регулярную армию и попытаются спасти ее. Исключено! И, несмотря на убытки, ее лучше съесть.

— Но, с другой стороны, — быстро вклинился Джим, — если прилично обращаться с ней, и держать Эн... то есть джорджа как заложника, мы сможем диктовать свои условия...

— Нет! — яростно взревел Брайгх. — Это мой джордж. И я не позволяю...

— В хвост и в крылья! — исполинская мощь легких Смергола осадила Брайгха. — Мы коммуна или стадо драконов-одиночек? Если джордж действительно принцесса и ею можно остановить панцирных джорджей, охотящихся на нас, тогда он — обществен-

ная собственность. Жажда золота легко читается в ваших глазах, но вдумайтесь — жажда жизни все-таки предпочтительнее. Кто из вас захочет повстречаться один на один с джорджем в панцире, нацелившим на вас рог? А? Паренек выдал толковую идею — удивлен, как я сам не догадался. Но, как вы слышали, первым-то зачесалось именно у него в носу, и я голосую за то, чтобы объявить джорджа заложником, пока молодой Горбаш не разузнает, насколько он ценен для коммуны. Слово за вами. Что скажете?

Поначалу медленно, но затем с нарастающим энтузиазмом собрание драконов проголосовало за предложение Смергола. Брайгх окончательно сорвался и во весь драконий голос добрых сорок секунд без остановки изрыгал гнусную ругань, а затем демонстративно покинул пещеру голосований. Поняв, что представление закончилось, члены коммуны начали расходиться.

— Пойдем, мой мальчик, — пропыхтел Смергол, протискиваясь к клетке, и набрасывая на нее накидку. — Неси. Осторожно! Не так быстро и энергично. Ты переломаешь джорджу кости. Следуй за мной. Затащим клетку в отверстие верхней части утеса. Джорджи не летают, поэтому место там надежное. Можно даже выпустить его из клетки. Пусть подышит воздухом да прогреется на солнышке. Джорджам крайне необходимо прогреваться на солнце.

Джим, не выпуская клетки, следовал за старым драконом через многочисленные наклонные и петляющие проходы и коридоры. Наконец они вошли в маленькую пещеру с узким, по драконьим стандартам, отверстием для воздуха. Джим опустил клетку. Смергол заблокировал камнем вход в пещеру. Джим подошел к проему, чтобы осмотреть окрестности. При виде тридцатиметрового вертикального обрыва с торчащими на дне зазубренными камнями у него перехватило дух.

— Что ж, Горбаш, — сказал Смергол, подошел сзади и потечески положил хвост на пластинчатые плечи молодого дракона. — Ты сам себе придумал лишнюю работу. И не обижайся на то, что я сейчас скажу, мой мальчик.

Он прокашлялся.

— Откровенно говоря, — продолжал он, — так, между нами, не слишком уж ты и смысленный юноша. А твои странствия на поверхности да знакомства с лисами, волками и прочим зверьем — хм... не лучшее образование для подрастающего дракона. Вероятно, следовало придавить тебя лапой еще в младенчестве, но ты, к сожалению, последний из нашего рода. И я... посчитал, что нет ничего дурного дать ребенку свободно порезвиться в детстве. Я всегда защищал тебя перед другими драконами, ведь кровь родная — не водица. Но мозги и знания — не твоя сила.

— Возможно, я гораздо смысленней, чем ты считаешь, — серьезно заметил Джим.

— Не стоит. Не стоит обижаться. Этот разговор частного порядка. А отсутствие ума никогда не считалось позором для

дракона. Это лишь неудобство для жизни в современном мире, когда джорджи научились наращивать на тело панцири и высывать из себя длинные острые рога и жала. Но я хочу запечатлеть в твоём сознании мысль, в существовании которой не признался бы никому другому. Если мы собираемся выжить, то рано или поздно нам предстоит вести переговоры с джорджами. Прекращающаяся война не наносит им ощутимого вреда, а вот наши потери десятикратно в количественно-пропорциональном соотношении с племенной численностью... О, прости, ты же не знаком с терминами...

— Наоборот, я понял больше, чем ты сказал.

— Ты удивляешь меня, мой мальчик.— Смергол бросил насто-роженный взгляд.— Тогда разясняй!

— Уничтожение значительной части ареала какого-либо растения или животного. Вот что это означает!

— Клянусь первородным яйцом! Возможно, для тебя не все еще потеряно. Я хотел акцентировать важность миссии, а также подстерегающую тебя опасность. Не рискуй, праплемянник. Ты — единственный мой родственник. И по доброте душевной скажу, что несмотря на хорошо накачанные мускулы, любой панцирный джордж, обладая небольшим опытом, через час разрубит тебя на куски.

— Ты так считаешь? Возможно, мне лучше вообще хвоста не высывать?

— Прекрати. И перестань обижаться. Надо вытянуть из джорджа следующее: откуда он родом и какого енота пришел к нам. Я ухожу. Не стоит лишний раз пугать его. Если будет молчать — долго не мучайся, оставь его в пещере. Отсюда он не сбежит. А ты — слетай к волшебнику, живущему у Звенящей Воды. Тебе известно место. Это к северу от нас. Начинай переговоры через него. Скажешь, что пойман джордж — дашь его описание — и что мы хотим обсудить условия перемирия. Волшебник сам подготовит встречу. И, несмотря ни на что,— Смергол сделал паузу и строго посмотрел в глаза Джима,— не смей спускаться в нижнюю пещеру за советом. Я контролирую ситуацию на одном престиже, да и то с невероятным трудом. Я хочу создать впечатление, что ты способен единолично справиться с миссией. Понятно?

— Да,— подтвердил Джим.

— Отлично.— Смергол вперевадку добрался до наружного проема.— Удачи, мой мальчик,— сказал он и спикировал.

Джим услышал звук полувзмахов огромных кожистых крыльев, уходящий вниз и стихший в отдалении.

Он повернулся к клетке, стянул накидку и увидел забившуюся в дальний угол, сжавшуюся Энджи.

— Все в порядке,— торопливо успокоил он.— Это же я, Джим.

Он изучил, как открывается клетка. Через секунду он обнаружил запертую на всякий замок дверь. Ключа не было. Тогда он одной громадной лапой схватился за дверь, а второй уперся

в прутья клетки и со всей силы отжал... Замок звякнул и отлетел, прутья растопырились, дверь открылась нараспашку, а Энджи закричала от ужаса.

— Энджи, это же я! — раздраженно повторил Джим.— Выходи!

Девушка не вышла. Она схватила сломанный прут и, держа его, как кинжал, острым расщепленным концом наставила на Джима.

— Не подходи, дракон,— предостерегла она.— Или я выколю тебе глаза.

— Ты спятила, Энджи! — закричал Джим.— Это же я! Разве я похож на дракона?

— Еще как! — выпалила Энджи.

— Да? Но ведь Генсслер говорил...

В тот же момент потолок обрушился на голову Джима.

Он пришел в сознание и увидел склоненное над его глазами озабоченное лицо Энджи.

— Что произошло? — дрожащим голосом спросил он.

— Не знаю,— ответила она.— Внезапно ты осел и потерял сознание. Джим... неужели это ты, Джим?

— Да, — тупо ответил он.

— ...— сказала Энджи.

Он не ухватил смысла сказанного. В голове творилось нечто неправдоподобное, напоминающее ментальный эквивалент двойного видения, сопровождающего тяжелые сотрясения мозга. Он одновременно мыслил двумя сознаниями. Джим предпринял усилие переключиться на один поток мыслей; и в итоге ментальная фокусировка удалась. Очевидно, ему постепенно удастся избавиться и от раздвоенности сознания.

— Ощущение, будто меня огрели по голове дубиной,— сознался он.

— Да? Но в действительности ничего подобного не произошло,— с горестными нотками произнесла Энджи.— Ты упал и потерял сознание. Как теперь самочувствие?

— Шампур в голове,— ответил Джим.— Брр, вернее, сумбур.

Он почти перекрыл импульсы, шедшие от второго сознания, но продолжал ощущать, что где-то на задворках, в неведомых глубинах мозга, трепещется бодрствующая, нетронутая часть второго я. Он постарался позабыть о пришельце в собственной голове. Возможно, если его игнорировать, неприятное чувство постепенно уйдет. Он полностью сконцентрировался на Энджи.

— Почему ты поверила только сейчас, а не раньше? — спросил он, усаживаясь на задние лапы.

— Была слишком возбуждена и не заметила, что ты обращался по имени,— объяснила Энджи.— Но когда ты упомянул свое имя, а затем сослался и на Генсслера, я внезапно осознала, что передо мной именно ты. Значит, Генсслер догадался послать тебя на помощь?

— Догадался! Ха! Я налег и пригрозил кретину. Но он ответил,

что спровоцирует, нет — спроецирует меня, и я стану невидимым для всех, кроме тебя.

— Но я вижу перед собой дракона. Да, правильно, тебя спроецировали. Но спроецировали твою личность в тело дракона.

— Не понимаю... Обожди, — сказал Джим. — Сперва мне показалось, что я говорю на драконьем языке. Но почему ты понимаешь меня? Ты же должна говорить по-английски!

— Не знаю, — пожала плечами Энджи. — Но и остальных драконов я понимаю запросто. Возможно, все они говорят исключительно по-английски.

— Нет... Прислушайся к словам. К произносимым *тобою* звукам.

— Но я говорю на обычном, разговорном... — Энджи замолкла. Странное выражение появилось на ее лице. — Нет. Ты прав. Это не английский. Я произношу звуки, идентичные произносимым тобой. Думаю, что так. Скажи: «Думаю».

— Думаю.

— Да, — задумчиво проговорила Энджи. — Те же звуки. С той лишь разницей, что твой голос на четыре октавы ниже моего. Но мы оба говорим на местном диалекте. И люди, и драконы изъясняются на одном языке. Дико как-то...

— Дико — мягко сказано, — возразил Джим. — Невероятно, но как мы в одночасье выучили новый язык?

— Не знаю, — ответила Энджи. — Вероятно, такое возможно в случае субъективной переброски, в результате которой мы здесь и оказались. Если предположить, что в этом мире царят иные законы Вселенной, то возможен и единый универсальный язык. То есть, когда ты говоришь в этом проекционном мире, как я его называю, твои мысли автоматически перекладываются на единый язык, общепринятый и общепонятный...

— Не понимаю, — нахмурившись, подытожил Джим.

— Я тоже. Но это не имеет значения. Главное, что мы понимаем друг друга. А как тебя называл... другой дракон?

— Горбаш. Это имя его внучатого племянника, в чьем теле я как раз и нахожусь. А его самого зовут Смергол. Очевидно, ему лет двести, и у него большой личный авторитет среди драконов. Но не стоит отвлекаться. Я отошлю тебя назад, а это означает, что прежде всего тебя необходимо загипнотизировать.

— Ты сам заставил меня дать клятву, что я никому не позволю себя гипнотизировать.

— Сейчас — экстренный случай. Подготовимся к сеансу. Подойди к камню.

И он указал на одиноко лежащий камень, который достигал в высоту талии Энджи. Она подошла к валуну.

— А теперь, — сказал Джим, — положи руку на поверхность, как на стол. Вот так. Сконцентрируйся, представляй или воображай, что ты в лаборатории Генслера. Твоя рука теряет вес. Она медленно поднимается, поднимается...

— Зачем тебе гипнотизировать меня?

— Энджи, сосредоточься, пожалуйста. Рука становится невесомой. Она поднимается... Она невесомая и все поднимается... поднимается... Рука все невесомей и поднимается все выше...

— Нет,— решительно произнесла Энджи, убрав руку с камня.— Я отказываюсь от гипноза, пока ты не объяснишь, что происходит. Что случится, когда ты меня загипнотизируешь?

— Когда ты полностью сконцентрируешься на возвращении в лабораторию Генсслера, то сразу же окажешься там.

— А что будет с тобой?

— Мое тело осталось в лаборатории, и когда мне надоест торчать в этом мире, я возвращусь назад автоматически.

— Такое возможно при условии, что ты бестелесный дух. Уверен ли ты, что запросто покинешь постороннее тело — например, тело дракона?

— Ну...— замялся Джим,— безусловно, да!

— Безусловно, нет! — воскликнула Энджи. Она выглядела разочарованной.— Это моя вина.

— Вина? В чем? Разумеется, нет. Если кого и винить, так только Генсслера!

— Нет,— заспорила Энджи.— Только меня.

— Я же говорю тебе, нет! Может быть, это и не вина Генсслера. Я допускаю возможность поломки оборудования, следствием которого стало твоё перемещение, мне же было суждено зависнуть в теле Горбаша.

— Оборудование было в полном порядке,— настаивала Энджи.— Лоренс, как всегда, очертя голову мчался вперед, не задумываясь над негативными последствиями эксперимента. Поэтому я считаю виновной именно себя. Я знала, что он опрометчивый фанатик, но не признавалась тебе в этом потому, что дополнительный приработок был как нельзя более кстати, а твою реакцию предугадать несложно...

— Несложно? — мрачно переспросил Джим.— Ну, предугадай.

— Ты бы раздражался, суетился, волновался, что произойдет непоправимое — и был бы абсолютно прав. Генсслер словно ребенок с яркой заводной машинкой; он играет со своим оборудованием и плевать хочет на последствия. Но все разрешилось...

— Все превосходно разрешилось,— облегченно вздохнул Джим.— А теперь — положи руку на камень и расслабься!

— Я не об этом! — заспорила Энджи.— Без тебя я никуда не вернусь.

— Но мое возвращение автоматически вызывается желанием присутствия.

— Попробуй. А тогда поговорим...

Джим предпринял попытку...

Он закрыл глаза и сказал самому себе, что не желает находиться нигде, кроме своего собственного тела. Открыв глаза,

он увидел Энджи, хитро наблюдавшую за ним. Над девушкой нависали все те же каменные стены пещеры...

— Убедился? — спросила Энджи.

Джиму показалось, что она заранее знала, чем закончится его попытка.

— Как я могу переместиться в другое место, пока ты остаешься здесь? — спросил Джим. — Вернись обратно, не подвергай свою жизнь опасности и спокойно дождайся меня дома.

— Бросить тебя здесь? Не зная, вернешься ты или нет? Великий Генсслер не имеет представления о том, каким образом забросил нас сюда. Повторно вернуть меня в этот мир он не сумеет. Я отказываюсь.

— Хорошо! Тогда скажи, что нам делать?

— Думаю, — задумчиво отозвалась Энджи.

— О чем?

— Волшебник, о котором говорил дракон. Волшебник, с которым ты должен начать переговоры обо мне! — Энджи удивленно смотрела на Джима.

— А, вспомнил, — кивнул Джим.

— Как ты, должно быть, понял, джорджами драконы называют здешних людей. Но те обо мне никогда не слышали. Если волшебник сообщит им о пленнице, они первым делом бросятся выяснять, кто именно пропал. А когда поймут, что никто из своих не пропал, то встает законный вопрос: зачем начинать переговоры с драконами? Или — зачем идти на уступки твоему прадядюшке ради спасения неизвестного человека?

— Энджи, — объяснил Джим. — Он мне не родственник. Он прадядюшка тела, в котором я нахожусь.

Неважно. Важно другое: если джорджи узнают, что я не принадлежу к их народу, они не будут заинтересованы спасать меня. Итак, когда ты отправишься к волшебнику?

Обожди! Кто сказал, что я брошу тебя здесь?

— Никто не сказал! Но ты прекрасно знаешь -- как, впрочем, и я -- что иначе нам не выкрутиться, — ответила Энджи. — Что шансов на спасение не остается. Только волшебник способен помочь нам вернуться домой. Попытайся научить его гипнозу. Пусть он загипнотизирует нас одновременно, чтобы мы попытались вернуться. Не знаю, но, мне кажется, он -- единственная наша надежда. Неужели мы откажемся от нее?

Джим открыл было рот, чтобы оспорить это положение, но затем, не проронив ни слова, закрыл. Как обычно, ловким приемом словесного дзюдо Энджи положила его на обе лопатки.

— Но вдруг волшебник не захочет помогать? — слабо запротестовал Джим. — С какой стати он станет помогать нам?

— Не знаю. Если он откажется — придется убедить его, — сказала Энджи, — найти вескую причину.

Джим вновь открыл и закрыл рот. И вновь молча.

— Отправляйся на поиски волшебника. Когда найдешь его,

будь с ним откровенен. Расскажешь о ситуации с Генсслером. Спросишь, есть ли способ вернуть нас обратно и как мы сможем отблагодарить его за услуги. Мы ничего не теряем, если будем говорить напрямик и откровенно.

По разумению Джима, шансы на то, что волшебник встретит его с распростертыми объятиями, были минимальны.

— А тебя бросить здесь? — Это было единственным возражением, которое он сумел выдвинуть.

— Я останусь здесь. И все будет в порядке, — заверила Энджи. — Я ведь слышала, что ты говорил внизу, в большой пещере. Я заложник. Меня невыгодно убивать. К тому же, со слов старого дракона, Звонящая Вода находится неподалеку. Отправляйся туда, поговори с волшебником и возвращайся через час-другой. Сейчас, если ты еще не подметил, примерно середина дня. Узнаешь о том, как следует поступить, и к вечеру вернешься обратно.

— Нет, — Джим покачал головой. — Если я тебя загнипнотизирую, то, по крайней мере, хоть ты вернешься домой. А если мы начнем играть в магию — может статься, никто не вернется. Я отказываюсь.

— А я не позволю себя загнипнотизировать, — твердо повторила Энджи. — И не брошу тебя одного здесь: ведь ты же не можешь вернуться, и вообще — всякое может произойти. Кстати, что ты собираешься делать, оставаясь драконом?

У Энджи, подумал Джим, редкая способность замуровывать все пути — за исключением выхода, выбранного ею самой.

— Хорошо, — грустно и окончательно сказал он.

Он потопал к краю отвесного обрыва, но, спохватившись, замер у самого края.

— Что произошло? — спросила Энджи. — Опять что-то не так?

— Я подумал, — чуть напряженно произнес Джим, — что Горбаш умеет летать. А я?

— Попытайся, — предложила Энджи. — Вероятно, навык инстинктивно вернется, как только ты окажешься в воздухе.

Джим поглядел вниз, на острые зазубренные скалы.

— Вряд ли, — с сожалением вздохнул он. — Ничего не получится. Лучше я отодвину камень и спущусь...

— А разве старый дракон... Забыла имя!

— Смргол...

— Разве старик Смргол не предупреждал, что тебе не стоит спускаться в нижние пещеры? Вдруг ты повстречаешь его внизу, и он скажет, что дракону ходить пешком противопоказано? Звонящая Вода должна находиться где-то поблизости. Так что придется тебе туда лететь.

— Точно, — глухо согласился Джим. Он подумал еще, но не нашел альтернативы полету. — Он содрогнулся и закрыл глаза. — Смертельный номер!

Он изо всех сил оттолкнулся, прыгнул вперед и начал бешено размахивать крыльями. Ветер жутко свистел. «Падаю или ле-

чу?» — думал Джим, хотя был уверен, что падает, причем — камнем вниз. В голове что-то беззвучно вспыхнуло, крылья распрямились, и он ощутил сопротивление воздуха, а движение вниз явно замедлилось. Он ощущал давление воздуха на нижнюю поверхность крыльев — так же, как гребец чувствует сопротивление воды на веслах.

Засверкала слабая искорка надежды. Если бы он падал, то за это время наверняка бы уже разбился. Но, вполне возможно, он просто отсрочил падение и сейчас под острым углом скользил прямо на камни?

Неясность ожидания стала невыносимой. Джим открыл глаза и осмотрелся.

Г Л А В А 4

Еще раз, как и в момент неконтролируемого выкрика при виде сидевшей в клетке Энджи, Джим недооценил возможностей драконов. Земля не неслась ему навстречу; наоборот, она оставалась далеко-далеко внизу: неровные островки леса перемежались с открытыми пространствами. Он находился сейчас, по меньшей мере, на высоте двух тысяч футов — и продолжал быстро набирать высоту.

Он прекратил движение, и крылья автоматически стали в положение для парящего полета. Но Джим не опускался вниз, внезапно осознав, что планирует, инстинктивно поднимаясь на термале — восходящем потоке теплого воздуха. «Как воздухоплаватели на воздушных шарах, дельтапланеристы или крупные птицы», — всплыли в памяти воспоминания о прежнем мире. «Безусловно! Почему я не догадался раньше», — обругал себя Джим. Крупные птицы обычно парят в воздухе, сохраняя силы. Джим вспомнил также, что ястребы и орлы не поднимаются в небо по безветренным дням.

То же условие, очевидно, было необходимо соблюдать и драконам, учитывая их огромный вес. Наверное, как и у львов, способных к стремительным броскам только на короткую дистанцию, мускульная сила драконов быстро поднимает их на значительную высоту, но затем необходимо искать подходящие ветры или термалы.

Вероятно, инстинкт к полету был заложен в теле Горбаша. Джим отметил, что полет выровнялся; солнце находилось теперь справа, а он летел к северо-западу от скалы, с которой прыгнул. Скала осталась позади и внизу, превратившись в еле заметную точку. Впереди, на самом горизонте, виднелся темно-зеленый, широкий, постепенно надвигающийся пояс леса. Джим приближался к нему, не прилагая особых усилий, и вскоре начал почти наслаждаться полетом.

Но вряд ли это подходящее время для потворства желаниям — ведь Энджи по-прежнему пленница в пещере; но как ни старался, Джим не сумел подавить чувства радости, и в итоге просто расслабился, предаваясь новым ощущениям.

Время только что перевалило полдень превосходного дня — то ли начала весны, то ли поздней осени. Небо было ясно-голубым, редкие барашки облаков не портили, а наоборот, подчеркивали безукоризненное совершенство дня. Даже с высоты двух тысяч футов (драконы, очевидно, обладали не только способом полета, таким же, как у крупных хищных птиц, но и их телескопическим зрением) пустоши, покрытые куртинами утесника, сосновыми и дубовыми рощицами, поражали свежестью утренней росы.

Обладая острым обонянием Горбаша, Джим уловил слабые,

но калейдоскопически разнообразные запахи трав, исходящие с лугов. Их аромат немного опьянял Джима, и ему казалось, что полет дракона — некое величественное действо.

Джим ощущал беспредельность собственных сил, решимость и некоторое безрассудство. Он запросто мог повернуть обратно к пещере и ради спасения Энджи сразиться со всеми драконами разом. Второе сознание, засевшее в мозгу, уверенно подсказывало, что ни один другой дракон не сравнится с ним в полете. Джим проанализировал данное утверждение, а затем вспомнил, что и Смергол, и Брайгх упоминали, что Горбаш проводил наверху времени больше, чем это принято у драконов. Видимо, Горбаш находился в лучшей, чем остальные, физической форме именно потому, что чаще выбирался из пещер и летал, тренируя крылья.

Продолжая планировать, Джим вспомнил и об остальных вопросах, возникших за время его невероятного путешествия. В этом мире он столкнулся с колоссальным количеством элементов сказочной атрибутики. Драконы — даже если отбросить тот факт, что они говорили — были воистину невероятны. Непостижимая перетасовка всех физических и биологических законов сделала их существование реально возможным. Но человек, имевший степень по средневековой истории, а заодно прослушавший несколько курсов естественных и точных наук, мог разобраться в сути этих законов, а значит, поняв их, использовать свое знание как преимущество — чтобы спасти и себя, и Энджи.

Незнание языка огнюдь не являлось главной проблемой. Но, чем больше Джим размышлял, тем больше крепла в нем уверенность, что, попав в тело Горбаша, он говорил не на современном английском или каком-либо его диалекте.

Как специалист по средневековью, Джим говорил и читал на средне- и староанглийском, а после защиты диссертации читал и сносно объяснялся на современном французском и немецком. Вдобавок к этим языкам он немного владел испанским, зачатками итальянского и хорошо понимал средневековые формы романской группы. Наконец, он свободно читал на классической и церковной латыни и мог со словарем разобраться в классическом греческом.

В общем, как отличное подспорье у него была прекрасная подготовка для странствий по любому периоду средневековья. Только, как оказалось, воспользоваться этими знаниями ему не придется. И отнюдь не главные области его научных интересов окажутся полезными, а наоборот, второстепенные. Но в любой окружающей среде существует логическая система; и если он будет держать глаза открытыми и немного пошевелит мозгами...

Он продолжал парить в воздухе, напряженно размышляя. Но мысли его безрезультатно двигались по кругу. Для выводов не хватало информации. Оставив эту затею, он еще раз осмотрел простиравшуюся внизу местность.

Лес оказался дальше, чем он предполагал. И хотя скорость полета была весьма значительна — Джим оценивал ее в пятиде-

сят—семьдесят миль в час — зеленый пояс деревьев оставался на прежнем расстоянии. Но в то же время Джим не устал, чувствуя, что может парить подобным образом до бесконечности.

Однако вскоре Джим ощутил первые признаки разыгрывающегося аппетита и призадумался над тем, что же едят драконы. Оставалось надеяться — он даже содрогнулся при этой мысли — что не людей. В случае, если люди — единственная пища драконов, Джиму придется некоторое время поголодать. Оставалось надеяться, что волшебник поможет разобраться не только с проблемой возвращения Энджи и Джима домой. Возможно, он подскажет, чем следует дракону утолить голод.

Наконец Джим подлетел достаточно близко к лесу. Он смог уже различать отдельные деревья: сосны, ели, пихты. Тень сомнения закралась в сознание Джима: что если ему придется вести поиски в лесу, передвигаясь на лапах?.. Но затем он успокоил себя. Он не обязан знать местонахождение Звнящей Воды; в противном случае Смергол не стал бы напоминать, что надо лететь на северо-запад. С другой стороны, если место было трудно отыскать, то старый дракон, учитывая его невысокое мнение об умственных способностях Горбаша, дал бы подробные указания и дважды проверил бы внучатого племянника: хорошо ли тот запомнил их.

Вероятно, он сможет увидеть и узнать место с воздуха, думал Джим, начиная снижаться по дуге, которая проложит курс его полета над верхушками деревьев.

Внезапно в лесу обозначился просвет: среди деревьев петлял ручей, заканчивавшийся небольшим водопадом. Около ручья были видны бассейны с фонтаном и маленький, узкий дом под острокопной крышей, окруженный травяным газоном и цветником; посыпанная гравием тропинка вела от обреза густого леса прямо ко входной двери. Около дома, сбоку от дорожки, стоял столб с надписью.

Джим шумно приземлился на дорожку.

В тишине, последовавшей за приземлением, он отчетливо различил звук воды, переливающейся из фонтана в бассейн. Вода действительно звенела, но не колокольчиками, а легким отдаленным стекляннным перезвоном. Звук исподволь убаюкивал и успокаивал нервы, а густой, насыщенный, многосложный запах распустившихся цветов усиливал эффект. Совершенно внезапно Джим погрузился в мир грез, где отсутствует реальность и теряются смысл, привычный ход вещей и понятий.

Медленно протопав по дорожке, он остановился и прочитал надпись на табличке, прибитой к столбу: аккуратные черные буквы на доске, выкрашенной белой краской. Столб окружали заросли астр, тюльпанов, цинтий, роз и ландыша, цветущих одновременно и с откровенным пренебрежением к временам года.

Черными же буквами было написано следующее: «С. Каролинус».

Джим подошел к зеленой входной двери и сел на единственную ступеньку крыльца, покрашенную в красный цвет.

Он постучал.

Ответа не последовало.

Несмотря на успокаивающее действие фонтана и цветов, Джим ощутил внутри неприятный холодок. Какая досада — прилететь в дом С. Каролинуса в критический для себя и Энджи момент и не застать хозяина.

Джим постучал еще раз, чуть сильнее — и услышал внутри дома звук торопливых шагов.

Дверь открыл, резко дернув на себя, уколощий старик в красном плаще и черном колпаке, с реденькой, до белизны седой бородкой. Он высунул голову и уставился на Джима.

— Прости, но сегодня для драконов неприемный день! — отрезал он. — Приходи в следующий вторник.

Он убрал голову и захлопнул дверь.

Мгновение Джим оторопело смотрел С. Каролинусу вслед, а затем в сознание просочилась догадка.

— Эй! — рявкнул он и забарабанил в дверь, забыв о мощи драконьих мускулов.

Дверь яростно отворилась.

— Дракон! — зловеще произнес волшебник. — Не желаешь ли ты превратиться в жука?

— Выслушай меня, — умолял Джим.

— Я же сказал, — разъяснил Каролинус, — сегодня приема драконов нет. К тому же, зверски ноет желудок. Ты понял? Сегодня приема драконов нет.

— Но я не дракон.

Каролинус пристально посмотрел на Джима, а затем, в порыве отчаянного раздражения, обеими руками подбросил вверх бороду, которая, медленно опускаясь вниз, частично запуталась в зубах волшебника, и тот принялся ожесточенно пожевывать волосины.

— И откуда, — спросил он, — дракон раздобыл мозги, развил воображение и создал самоиллюзию, что он не дракон? Ответьте мне, Всемогущие Силы!

— Информация корректна физически, но не психологически, — отозвался густой бас, исходивший из пустого пространства футах в пяти от земли...

Голос насторожил Джима, считавшего вопрос излишне риторическим, чтобы с него стоило начинать разговор.

— Выходит, я должен согласиться с этим как с фактом? — сказал Каролинус, с новым интересом разглядывая Джима. Он выплюнул изо рта оставшиеся волосинки, отошел вглубь и распахнул дверь. — Проходи, Аномалиус, — или у тебя в записке есть имя поинтереснее?

Джим протиснулся сквозь дверной проем и оказался в большой заставленной комнате, которая, очевидно, занимала весь первый этаж дома. Интерьер состоял из разрозненной мебели и алхими-

ческого оборудования, беспорядочно разбросанного по комнате. С. Каролинус закрыл дверь и приблизился к Джиму. Джим уселся на задние лапы, пригнув голову, чтобы не удариться ею о потолок.

— Мое настоящее имя Джеймс... Джим Эккерт,— сказал он.— Но я оказался в теле дракона по имени Горбаш.

— И это,— начал С. Каролинус, морщась и массируя живот,— полагаю, тревожит тебя.— Он закрыл глаза и тихо добавил:— Знаешь ли ты средство от непрекращающейся желудочной боли? Разумеется, нет. Продолжай.

— Боюсь, что нет. Дело обстоит так... Обожди. Ты говоришь на драконьем языке или я изъясняюсь на твоём?

— Если язык драконов существует,— проворчал С. Каролинус,— естественно, ты изъясняешься на нём. Если бы ты говорил на нём, то и я, естественно, изъяснялся бы с тобой только на нём. В действительности, мы просто беседуем. Вот и все. Пожалуйста, не стоит отвлекаться. Рассказывай о себе.

— Неужели драконы и люди... то есть джорджи, говорят на одном языке? То есть, я говорю на вашем языке, а не на своем...

— Почему бы и нет? — сказал Каролинус, закрывая глаза.— Во Владениях Сил по определению возможен единый универсальный язык. И если ты не перейдешь к делу, то, исходя из общих принципов, считай себя жуком.

— О! Хорошо. Дело в том,— начал объяснять Джим,— меня даже не столь сильно интересует, как выбраться из тела дракона, а как вернуться туда, откуда меня прислали. Моя... э-э... Энджи, девушка, на которой я собираюсь жениться...

— Да, да, да. Тринадцатого октября,— нетерпеливо сказал Каролинус.— Продолжай.

— Тринадцатого октября? Этого октября? Через три недели?

— Ты слышал, а говорю я разборчиво...

— Но так скоро? Мы не надеялись...

Каролинус открыл глаза. Он не упоминал более о жуках, но Джим немедленно понял намек.

— Энджи...— поспешно начал он.

— Где она? — прервал Каролинус.— Ты здесь. А где твоя Энджи?

— В пещере у драконов.

— Значит, она дракон?

— Нет, человек.

— Теперь твои трудности понятны.

— Да... нет,— сказал Джим.— Вряд ли понятны. Трудность в том, что я могу вернуть ее обратно, но самому вернуться, вероятно, мне не удастся, а она отказывается возвращаться без меня. Пожалуй, будет лучше рассказать все с самого начала.

— Гениальное предложение! — воскликнул Каролинус, поморщился и вновь закрыл глаза.

— Я ассистент в Ривероук-колледже. Вообще-то я должен быть преподавателем исторического факультета...

Он быстро пересказал события последних часов.

— Понятно,— кивнул Каролинус и открыл глаза.— Ты уверен в своем повествовании? Не соблаговолишь ли ты изменить его на нечто более доступное и логичное? Например, что ты — принц и тебя заколдовал в дракона соперник, у которого старые связи с шарлатанами из Внутреннего Царства? Нет? — Он тяжело вздохнул, и снова поморщился.— И чего же ты хочешь от меня?

— Мы подумали, что ты сумеешь вернуть нас с Энджи обратно.

— Вероятно. Но это крайне сложно. Полагаю, я справлюсь — при наличии времени и нужного баланса между Историей и Случаем. Хорошо. Пятьсот фунтов золота или пять фунтов рубинов, выплаченных авансом.

— Что?

— А почему бы и нет? — холодно спросил Каролинус.— Это разумный гонорар.

— Но...— заикаясь начал Джим.— У меня нет золота... или рубинов.

— Не станем терять время! — отрезал Каролинус.— Золото у тебя имеется. Неслыханно, чтобы дракон не имел тайной сокровищницы!

— Но у меня ничего нет! — запротестовал Джим.— Возможно, у Горбаша и есть сокровищница, но я-то не знаю, где она находится!

— Чушь! Но я готов пойти на разумные уступки. Четыреста шестьдесят фунтов золота.

— Нет у меня сокровищ!

— Ладно. Четыреста двадцать пять. Предупреждаю, это мое последнее слово. За меньшее я не могу работать. На что я буду жить и содержать хозяйство?

— У меня нет сокровищ!

— Тогда четыреста и пусть волшебное проклятие... Подожди. Ты действительно не знаешь, где сокровища Горбаша?

— Это я и пытался втолковать...

— *Очередной* благотворительный пациент! — взорвался Каролинус, гневно потрясая перед собой костлявыми кулаками.— Что произошло с Департаментом Аудиторства? Отвечай!

— Сожалею...— извинился невидимый бас.

— Так,— немного успокоившись, сказал Каролинус,— контролируй, чтобы подобное не повторялось, хотя бы в следующие десять дней.— Он повернулся к Джиму.— Есть ли у тебя хоть какие-нибудь средства?

— Я подумал,— осторожно начал Джим,— о твоей желудочной боли... Она быстро проходит после еды?

— Да,— согласился Каролинус.— Не мгновенно, но через некоторое время проходит.

— В моем мире это называется язвой желудка. Люди, которые живут и работают с большими нервными перегрузками, частенько страдают подобным заболеванием.

— Люди? — Каролинус подозрительно покосился на Джима. — Или драконы?

— В моем мире драконов не существует.

— Хорошо, хорошо, — запальчиво вскинулся Каролинус. — Не стоит чрезмерно фантазировать. Я поверил в существование желудочного дьявола. Я намеренно захотел убедиться в правдивости твоих слов. Нервные перегрузки... Именно! Но как изгоняют этих язв?

— Молоком, — торжественно провозгласил Джим. — Стакан парного коровьего молока — по шесть—восемь раз в день до полного исчезновения симптоматики.

— Ха!

Каролинус развернулся, ринулся к стенной полке и, встав на табурет, достал высокую черную бутылку. Он вытащил пробку и налил жидкость, цветом напоминающую красное вино, в пыльный стеклянный кубок, взятый с ближайшего стола, поднес кубок к свету.

— Молоко! — произнес он, как заклинание, и...

Красная жидкость превратилась в белую, и Каролинус залпом выпил ее.

— Х-м-м! — протянул он, склонив голову набок и выжидая. — Х-м-м...

Медленная, довольная улыбка разделила его бороду на две части, придав лицу мурлыкающее выражение.

— Да, верю, — протянул он почти ласково, — помогает... Да-а-а... Клянусь Силами! Помогает!

С сияющим видом он повернулся к Джиму.

— Превосходно! Бычья сущность молока производит замечательное успокаивающее воздействие на гнев язв, которые, определенно, родом из семей Огненных Демонов. Поздравляю, Горбаш, или Джим, или как там тебя еще звать. Когда ты выдавал себя за ассистента из колледжа, я не поверил. Но сейчас верю. Такой милой, любезной сердцу, симпатичной магии я не видел уже несколько недель. А теперь, — он потер костлявые ладони, — займемся твоей проблемой.

— Вероятно... — сказал Джим, — если ты загипнотизируешь нас одновременно и безотлагательно...

Белые брови Каролинуса испуганными заячьими хвостиками взметнулись на лоб.

— Не учи ведро по воду ходить! — огрызнулся он. — Клянусь Силами! Что творится с миром? Кругом невежество и анархия!

Он покачал длинным грязным указательным пальцем перед мордой Джима.

— Шляются взад-вперед драконы. Слоняются взад-вперед рыцари, натуралы, гиганты, огры, сандмирки и всякая иная нечисть и уроды! И каждый, каждый старается наколдовать да нашкодить изо всех сил, дабы запугать все и вся в своем маленьком пейзаже. И каждая тщеславная обезьяна или ассистент в своей слепоте

ставит себя на одну плоскость с Повелителем Искусств! Невыносимо!

Глаза волшебника зажглись горящими угольками и яростно впились в Джима.

— Я отрицаю подобное развитие событий! И ни в коем случае не намереваюсь смириться с ним. Порядок и Мир, Искусство и Наука — вот что сохранится в мире, даже если мне придется вывернуть луну наизнанку!

— Но ты требовал пятьсот... нет четыреста фунтов золота...

— Не путай бизнес с этикой.— Каролинус запустил руку в бороду, немного приподнял и принялся покусывать ее, но через мгновение выплюнул.— Я подумал: стоит поторговаться и выяснить положение твоих финансов. Но сейчас, заплатив заклятием от язв...— Голос его внезапно стал задумчивым, взгляд — рассеянным и отсутствующим, а глаза затуманились.— Да. Несомненно... весьма интересно.

— Я подумал,— скромно вмешался Джим,— что гипноз работает, потому что...

— Сработает! — закричал Каролинус, возвращаясь обратно на землю.— Разумеется, *сработает!* Огонь излечит запущенную водянку. Но стоит ли считать успехом обугленные останки пациента? Нет, нет, Горбаш — никак не вспомнить другого имени! — произнеси Первый Закон Магии!

— Что?

— Первый Закон — *первый закон!* Чему вас только в колледже учат?

— Моя специализация...

— Давно позабыта, как погляжу,— усмехнулся Каролинус.— О, молодое поколение! Закон Оплаты, ты, идиот! За каждое использование Искусства Науки, существует требуемая или соответственная Цена. Почему я живу на гонорары, а не гадаю по таблицам прорицаний и предвиденья? Потому, что число сочетаний ограничено, и нельзя из ничего создавать что-либо. Зачем использовать ястребов, сов, котов, мышей и фамильных духов? Почему бы, удобно развальясь в гамаке, не глазеть в ясновидящий кристалл? Почему волшебный отвар так отвратителен на вкус? Все должно оплачиваться, но *в пропорции!* Почему я не поступлю, как этот по уши деревянный новичок Лоренс — без предварительного десятилетнего сотрудничества с Департаментом Аудиторства, где у меня кредит, хоть я Повелитель Искусств? Его дебет висит на тонюсеньком волоске. Еще немного, и волосок оборвется.

— Откуда ты знаешь? — спросил Джим.

— Мой несмышленный ассистент,— улыбнулся Каролинус.— Все так очевидно. Он засылает девственницу.— Я полагаю, что она девственница?

— Ну...

— Ладно, назовем ее формальной девственницей. Это существенно только с академической точки зрения,— отрезал Каро-

линул.— Отмечу только один момент — он перебросил душу и тело одновременно. А потом кредита в Департаменте Аудиторства хватило лишь на то, чтобы транспортировать твой дух, оставив тело позади. Результат — Дисбаланс в этом мире, что безумно обожают Темные Силы. Итог: возникла милая, повышенно-чувствительная ситуация, готовая — коли копнуть поглубже — изменить многое в нашей жизни к худшему. Ха! Был бы ты помышленной да пообразованней — не стал бы разбрасываться заклятиями язв, дабы получить помощь. Я в любом случае помог бы тебе, чтобы помочь и себе, и всем остальным.

Джим оглядел волшебника.

— Не понимаю,— выдавил он.

— Вполне естественно — для такого ассистента, как ты. Придется объяснять. Факт вашего с Энджи появления в этом мире нарушил баланс между Историей и Случаем. Причем нарушение сие значительно! Представь качели. Случай сидит на одном краю, а История на противоположном, и они раскачиваются взад и вперед. Одно мгновение — и Случай наверху, а миг спустя Случай уже внизу, зато наверху — История. Темные Силы обожают подобные ситуации. В подходящий момент они прикладывают усилие к находящейся внизу стороне, и тогда либо Случай, либо История застывают наверху. В одном варианте возникает Хаос, а в другом — Предсказуемость, то есть вянут Романтика, Искусство, Магия и гаснет всеобщий интерес к жизни вообще.

— Но...— Джим почти потонул в море слов,— что же в таком случае можем сделать мы?

— Сделать? Толкать вверх, когда Темные Силы давят вниз. И со всей силой толкнуть вниз, когда Темные Силы жмут вверх! Вынудить их на какой-то миг выпустить из лап временный баланс, а затем врезать им по башке да помериться силенками. Если сражение будет выиграно, мы выправим твою ситуацию и вернемся к постоянному балансу. Но сперва возникнут неприятности.

— Обожди...— взмолился Джим.

Он собрался заявить, что Каролинус чересчур усложнял сложившуюся ситуацию. Но возможности закончить фразу не получил. Громкий стук сотряс весь дом; а следом прогремел драконий голос:

— Горбаш!

— Так я и знал,— охнул Каролинус.— Уже началось!

ГЛАВА 5

Он подошел к двери и открыл настежь. Джим последовал за ним на улицу. На дорожке, в дюжине футов от дома, сидел Смергол.

— Приветствую тебя, Маг! — прогремел старый дракон, коротко кивнул головой. — Вероятно, ты не вспомнил меня. Я — Смергол. Вспомни историю с огром из Башни Гормли. Вижу, внучатый племянник добрался до тебя.

— А, Смергол. Вспомнил, — сказал Каролинус. — Неплохо ты тогда поработал.

— У огра была привычка после замаха чуть опускать иногда палицу, — объяснил Смергол. — Он на мгновение оставлял себя незащищенным. Я подметил это на четвертый час битвы. И когда он в следующий раз допустил ту же ошибку — опустил палицу, — я застал его врасплох и разодрал бицепсы правой руки. Добить огра было уже делом техники.

— Вспомнил. Восемьдесят три года назад. А это, значит, твой внучатый племянник?

— Да, — сказал Смергол. — Немного несмышленный, но все же родная плоть и кровь. Надеюсь, ты поладил с ним, Маг?

— Вполне, — сухо ответил Каролинус. — Осмелюсь обещать, что твой внучатый племянник никогда не станет таким, как прежде.

— Надеюсь, — гордо произнес Смергол. — Любое изменение есть изменение к лучшему. Но я прилетел с плохими вестями, Маг.

— Да что ты говоришь! — язвительно заметил Маг.

— А... что?.. — Смергол в недоумении уставился на волшебника.

— Не обращай внимания на сарказм. Продолжай, — спокойно сказал Каролинус. — Что произошло?

— Этот юный червяк Брайгх сбежал с нашим джорджем.

— *Что?* — вскричал Джим.

Цветы и трава пригнулись к земле, как во время урагана. Каролинус закачался, пытаясь удержаться на ногах, а Смергол поморщился.

— Мальчик мой, — назидательно выговорил он. — Сколько раз тебе повторять, что нельзя так кричать?! Я сказал, что Брайгх улизнул вместе с джорджем.

— Куда? — рявкнул Джим.

— Горбаш! — сурово сказал Смергол. — Если ты неспособен изъясняться вежливо, то мы выставим тебя за рамки дискуссии. Не понимаю, почему ты встаешь на задние лапы и реवेशь, как умалишенный, при малейшем упоминании об этом джордже?

— Послушай... — сказал Джим. — Самое время узнать кое-что обо мне. Этот джордж, как ты ее называешь, — женщина, которую я...

Голосовые связки Джима внезапно парализовало, и он не мог больше вымолвить ни слова.

— Одно очевидно,— быстро вставил Каролинус, заполняя паузу, вызванную «неожиданным» молчанием Джима.— Этот вопрос касается буквально всех. Как я уже говорил Горбашу, ситуация настолько плоха, что нам попросту нельзя беспредельно ухудшать ее. Да, Горбаш?

Он пронзительно посмотрел на Джима.

— Нам надо быть предельно осторожными и не усложнять и без того тяжелую ситуацию. Канва Событий и Порядка запутана и достаточно нарушена без нас. В противном случае я просто ничем не смогу вам помочь.

Голосовые связки Джима так же внезапно отпустило, и он снова смог говорить.

— А? Да... безусловно,— хрипло согласился он.

— И, кстати,— гладко продолжал стелить Каролинус,— Горбаш задал правильный вопрос. Где Брайгх спрятал этого так называемого джорджа?

— Никто не знает,— ответил Смергол.— Я подумал, возможно, ты разумеешь об этом, маг.

— Несомненно. Пятнадцать фунтов золота, пожалуйста.

— Пятнадцать фунтов? — Старик-дракон был напроочь сражен цифрой.— Но, Маг, я думал, ты поможешь нам. Я рассчитывал, что ты... У меня нет пятнадцати фунтов золота. Я давным-давно все проел и пропил...

Он повернулся к Джиму и убитым голосом позвал:

— Полетели, Горбаш. Это бесполезно. Распростимся с надеждой найти этого джорджа.

— Нет! — закричал Джим.— Каролинус! Я заплачу! Я где-нибудь раздобуду пятнадцать фунтов...

— Не заболел ли ты, малыш? — Смергол пришел в ужас.— Это же начальная цена! Дела не делаются в столь адской спешке! — Он обернулся к волшебнику.— Вероятно, я наскребу с большим трудом пару фунтов.

Они бойко и азартно торговались, как на базаре, а Джим сидел и дрожал от нетерпения. Наконец они сошлись на четырех фунтах золота, одним фунте серебра и большом, но с изъяном, изумруде.

— По рукам! — заявил Каролинус.

Из складок плаща он вытащил маленький пузырек, подошел к бассейну и до половины наполнил алхимическую склянку. Затем он вернулся и отыскал среди цветника маленькую песочную прогалину, затерявшуюся среди зарослей шелковистой травы...

Он наклонился, а два дракона вытянули шеи, чтобы лучше разглядеть происходящее.

— Теперь — ни звука,— предупредил Каролинус.— Я поговорю с жуком-глазастиком. Они ужасно пугливые, так что даже не дышите!

Джим затаил дыхание. Каролинус наклонил пузырек, и вытек-

шая капля упала на песок, издав стеклянно-музыкальную ноту. Джим удивился тому, как сильно потемнел песок, впитав столь мизерную порцию влаги.

Какое-то мгновение ничего не происходило, затем мокрый песок растрескался, образовалось отверстие, и в воздух забил фонтанчик сухого светлого песка. Горка его все увеличивалась и в конце концов приняла очертания муравейника, сбоку которого из уходящего вниз отверстия виднелись быстродвигающиеся маленькие черные лапки некоего насекомого. Движение прекратилось, и после некоторого затишья из норки высунулась голова черного паучка, на мгновение застыла, а затем повернулась к ним. Передние лапки зашевелились, и до слуха Джима донесся тонкий скрипучий голос, напомнивший звучание засушенной граммофонной пластинки, которую слышно в испорченную телефонную трубку.

— Скрылись в Башне Ненависти. Скрылись в Башне Ненависти. Скрылись в Башне Ненависти.

Жук-глазастик резко замолчал и исчез из вида — зашебуршился в норке, зарываясь песком.

— Не так быстро! — рявкнул Каролинус. — Разве я дал разрешение уйти? Каждый жук-глазастик до смерти боится превратиться в слепочервя! Вылезай, сэр!

Песок пришел в движение, и после нового фонтанчика жук-глазастик вылез, встревоженно размахивая лапками.

— Говори! — приказал Каролинус. — О присутствующем здесь юном друге.

— Соратники, — проскрипел жук-глазастик. — Соратники! Соратники!

Он шмыгнул в норку, песок зашевелился, и через несколько секунд поверхность стала ровной и нетронутой.

— Х-м-м, — задумчиво протянул Каролинус. — Значит, Брайгх сокрылся с девственницей в Башне Ненависти.

Смргол шумно прокашлялся.

— Это разрушенная башня к западу, в топах, Маг? — спросил он. — По слухам, там родилась мать огра из Башни Гормли. А пятьсот лет назад именно оттуда навели порчу на водяных драконов.

Каролинус кивнул и нахмурился, спрятав глаза под густыми белыми бровями.

— Это обитель старой магии, — ответил он. — Темной магии! Такие места — что застарелые нарывы на земле! На некоторое время они рубцуются, но неизменно испускают из себя зло, как только нарушается баланс между Случаем и Историей.

Он задумчиво продолжал говорить, скорее размышляя вслух, нежели обращаясь к Джиму и старику-дракону.

— Опасения были не напрасны, — продолжал он. — Темные Силы отреагировали незамедлительно. Ваш Брайгх принадлежит теперь им, даже если раньше и не был на их стороне. По их прика-

занию он похитил девственницу и укрылся в Башне. Она стала заложницей и оружием в борьбе с Горбашом. Хорошо, что я припугнул жука-глазастика и заполучил полное сообщение.

— Полное сообщение? — непонимающе переспросил Джим.

— Да, именно полное сообщение, — подтвердил Каролинус и начальственно обратился к Джиму: — Теперь, когда весть о похищении твоей дамы докатилась до твоих ушей, ты наверняка готов незамедлительно броситься на ее спасение?

— Безусловно, да! — ответил Джим.

— Безусловно, *нет!* — отрезал Каролинус. — Ты разве не слышал, что сказал жук-глазастик? Соратники! Тебе нужно набрать соратников, прежде чем осмелишься приблизиться к Башне. Иначе твоя Анджела, да и ты сам, обречены.

— Кто это Анджела? — озадаченно спросил Смргол.

— Леди Анджела, дракон, — сказал Каролинус. — Джордж женского пола, унесенная Брайгхом в Башню.

— А-а-а... — грустно протянул Смргол. — Этот джордж все-таки не принцесса. Что ж, нельзя получить от мира всего желаемого. Но почему Горбаш вознамерился спасти ее? Пусть ее спасают джорджи...

— Я люблю ее! — яростно возразил Джим.

— Любишь ее? Мальчик мой... — Смргол в ужасе нахмурился, — в прошлом я закрывал глаза на твои странные знакомства с волками и прочим зверьем. Но влюбиться в джорджа? Существует предел, через который порядочный дракон...

— Остынь, Смргол, — нетерпеливо произнес Каролинус. — Стрелки часов двигают множество колесиков.

— Колесики?.. Не понимаю, Маг.

— Возникла сложная ситуация, производная от многочисленных факторов, как очевидных, так и неочевидных. В любой связанной цепи событий, даже заведомо упрощенной и короткой, суть не всегда подкреплена реальностью. Короче, твой внучатый племянник Горбаш является также — но в другом смысле и в иной плоскости — джентльменом по имени сэръ Джеймс Ривероук. И вот этот вот джентльмен обязан спасти даму своего сердца, отвоевав ее у Темных Сил, контролирующих теперь Брайгха, Башню Ненависти, и только Силы знают, что еще. Выражаясь кратко, тот, кого ты знаешь под именем Горбаша, отправляется в путешествие, чтобы восстановить баланс между Случаем и Историей. И не тебе возражать или критиковать его решение!

— Или понимать, как я полагаю, — смиренно добавил Смргол.

— Можно сформулировать и так, — прорычал Каролинус. — Но я кое-что объясню! — Голос его немного смягчился. — Смргол, мы вовлечены в Битву за Свободу против Доминации Темных Сил. Настоящая битва затмит и сведет твое сражение с огром из Башни Гормли к случайному и ничтожному пустячку. Ты можешь держаться в стороне, но не властен изменить грядущий ход Событий.

— Держаться в стороне? Кто? Я? — захохотился Смргол. —

За какого дракона ты меня держишь? — Я с Горбашом... и с тобой тоже, Маг, если ты на его стороне. Что мне делать?

— Я на вашей стороне,— сухо ответил Каролинус.— В таком случае, Смергол, отправляйся назад и попытайся растолковать драконам обстановку. Поведай им о позиции Горбаша, Брайгха и твоей собственной. Что касается тебя, Джим...— он повернулся к Джиму.

— Я немедленно отправляюсь к Башне,— сказал Джим.

— Можно и так, но тогда ты никогда больше не увидишь свою возлюбленную,— голос Каролинуса прозвучал, как выстрел, а глаза опять вспыхнули.— Поступай не думая — и я умываю руки. А если я умою руки, у тебя не останется ни Шанса, ни Надежды. Так что лучше выслушай меня!

Джим подавил порыв немедленно отправиться в путь. В словах Каролинуса мог быть заключен полезный совет. В любом случае, им с Энджи потребуется помощь, чтобы вернуться домой после того, как девушка будет спасена. В данный момент неблагоприятно настраивать Каролинуса против себя.

— Я выслушаю,— ответил он.

— Превосходно. Темные Силы заточили в Башне твою даму, надеясь заманить тебя на свою территорию прежде, чем ты наберешься сил, чтобы противостоять им. Они хотят, чтобы ты немедленно отправился спасать леди Анджелу, так как в этом случае тебя будет много проще победить. Но если выждать некоторое время и набрать соратников, как сказал нам жук-глазастик, поражение потерпят твои противники. Следовательно, будет глупо, если ты все-таки отправишься прямо сейчас.

— Но что они сделают с Анджелой... с Энджи, увидев, что я не отправился немедленно ее спасать? — запротестовал Джим. — Рассудив, что она плохая приманка, чтобы завлечь меня, они сотворят с ней что-нибудь ужасное...

— Ни в коем случае! — воскликнул Каролинус.— Пленив леди, они уже вышли за рамки собственных возможностей и стали уязвимыми. Обращаясь они с ней плохо, и все, кто противостоит им,— люди, драконы, звери — сплотятся единым фронтом. В этом мире работают определенные правила игры. Немедленная попытка спасения приведет к нашему поражению, а их приведет к поражению смерть заложника!

Первоначальное твердое намерение Джима немедленно броситься вслед за Энджи несколько поколебалось. Он вспомнил о своем желании узнать о системе, по которой живет этот мир. И если Каролинус прав... а волшебник умел убеждать...

— С Энджи действительно ничего не случится, если я не направлюсь к Башне прямо сейчас? — спросил Джим.

— Только в этом случае с ней действительно ничего и не произойдет!

Джим сдался, глубоко вздохнув:

— Хорошо,— согласился он.— Но что мне тогда делать? Куда мне идти?

— Прочь! — сказал Каролинус.— В противоположном направлении от пещер, куда ты собирался возвращаться.

— Но, Маг,— вмешался в разговор ничего не понимающий Смергол,— обратное от пещер направление ведет точно в сторону топей и Башни Ненависти?! А ты говорил, что Горбаш ни в коем случае не должен лететь к Башне.

— Дракон! — вскричал Каролинус, резко оборачиваясь к Смерголу.— Мне что, придется спорить еще и с тобой? Я сказал «прочь», а не «к Башне»! О, Силы, дайте мне терпение! Нужно ли объяснять тонкости Усовершенствованной Магии каждому прилетающему сюда дубоголовому и тупорылому? Я тебя спрашиваю!

— Нет! — ответил глубокий бас из ниоткуда.

— То-то же,— облегченно вздохнул Каролинус, утирая лоб.— Слышали Департамент Аудиторства? Хватит болтать. У меня полно дел. Отправляйся в драконьи пещеры, Смергол. А ты, Горбаш, начинай поступательное движение в противоположном направлении!

Он повернулся, зашел в дом и с грохотом закрыл за собою дверь.

— Пойдем, Горбаш,— протрубил Смергол.— Маг прав. Я прослежу, чтобы ты полетел в нужном направлении, а сам поверну к пещерам. Кто ожидал, что на старости лет мне уготована судьба пожить в интересное время!

Задумчиво покачав головой, пожилой дракон взмыл в небо. Хлопок — широкие кожистые крылья раскрылись, и он набрал высоту.

После секундного колебания Джим последовал за ним.

ГЛАВА 6

— Голубая, подернутая дымкой линия, которая когтем тянется на север и виднеется сразу за лесом, — это и есть начало топей...

Смргол, паривший рядом с Джимом, замолчал сразу же, как только они вышли из восходящего термала; для того, чтобы перебраться в другой поток, им пришлось изрядно поработать крыльями. Здесь преобладали встречные ветры.

Джим подметил у старого дракона привычку замолкать всякий раз, когда тому приходилось прилагать серьезное физическое усилие, что придавало информации, которой Смргол с готовностью делился, некую фрагментарную пикантность.

— ...В наши дни в топях ничего значительного уже не происходит, — продолжал Смргол, как только они, поймав следующий восходящий термал, начали затяжное плавное снижение в сторону смутно виднеющихся болот. — Твои соплеменники, разумеется, интересуются жизнью водяных драконов, ведь они наши дальние родственники, Горбаш. Среди них ты несомненно отыщешь братьев и сестер в пятнадцатом или шестнадцатом колене, хотя те и забыли давным-давно о родстве. Мы и раньше не очень-то много общались с этими мелкотелыми, ну а после наведенной на всех нас порчи контакты полностью оборвались.

Смргол замолчал и откашлялся.

— И с тех пор мы живем порознь. Где среди болот и воды сыщется приличная сухая пещера? И питаются они, должно быть, в основном рыбой, что и неудивительно. Разве что попадется редкий сандмирк, морская ящерица или случайно отбившийся от выводка цыпленок. На краю болот живут полуразорившиеся фермеры, на владения которых изредка и нападают изголодавшиеся водяные драконы. Но фермеры не менее серьезно пострадали от порчи, и все возвращенное ими уродливо и недостойно желудка здоровых драконов вроде нас с тобой. Я слышал сплетни, что некоторые наши родичи из числа водяных драконов пали так низко, что существуют за счет объедков с огородов. Слыхано ли, чтобы кто-нибудь из нас питался капустой? Капуста! Невероятно...

Еще раз им пришлось поработать крыльями и войти в следующий термал. Перейдя на планирующий полет, Смргол заговорил снова, но Джиму стало ясно, что пожилой дракон окончательно выдохся.

— Вот, пожалуй, и все... Горбаш... — сказал он. — Я рассказал тебе все. Не... горячись, мой мальчик... Пусть естественная... ярость дракона не затмит рассудка и не погубит тебя... Старайся. Пожалуй, я поверну обратно.

— Да, — согласился Джим. — Так будет лучше. Спасибо за добрый совет.

— Не надо благодарностей... мой мальчик. Это все, чем я могу помочь... Прощай...

— Прощай.

Джим наблюдал, как Смргол, перейдя в пике и развернувшись на сто восемьдесят градусов, поймал нижний термал и попутный ветер с моря. Смргол быстро исчез из вида, и Джим полностью переключил внимание на пространство, лежавшее перед ним.

Лес с пригорками и опушками, в котором жил Каролинус, сменился монотонными пустошами, редкими деревьями да бедняцкими лачугами, выстроенными из сухих ветвей и стволов деревьев, чем придется связанных между собой. На крыши хижин были навалены охапки соломы и травы.

Завидев летящего Джима, обитатели хижин сразу же бросались в убежища. Явно отказавшиеся от традиционной одежды, они были закутаны в шкуры и на первый взгляд не выглядели привлекательными.

Однако, чем дальше летел Джим, тем реже встречались поселения, пока наконец не исчезли вовсе. Пустошь заканчивалась, и приближался указанный Смрголом лес — не хвойный, как вокруг Звенящей Воды, а лиственный, из дубовых и ивовых зарослей.

Листва уже опала, что было странно для нынешнего времени года. Искореженные, кривые ветви низкорослых деревьев придавали лесу зловещий оттенок. Создавалось впечатление, что любое живое существо, забредшее сюда, будет перемолото и съедено лесом. Искорка самодовольства вспыхнула в Джиме при мысли, что он может безопасно парить в поднебесы.

Опьянение полетом вновь улучшило его самочувствие, и он почти забыл обо всех своих неприятностях. Джим не имел ни малейшего представления о том, что ждало его впереди, но неизвестность ни в коей мере не отразилась на жизнерадостном расположении духа. Он жаждал лететь прямо к Башне Ненависти, но помнил, что Каролинус отговорил его от такого поступка.

Однако в данный момент он летел точно по направлению к Башне — причем по настоянию того же Каролинуса. Неважно, какими причинами руководствовался волшебник, главное — у Джима сложилось осознанное ощущение *правильности* собственных действий.

Джим подлетел к кромке леса, за которым начиналось зеленое неистовство болот, уходящих к горизонту и сливающихся с туманной темно-синей линией моря. Болота занимали все видимое пространство: девственно-чистые холмики опалесцирующего мха, островки свежесброшенной земли, мелкие, как разбросанные блестящие стеклышки, озерца. Болота простирались во все стороны, лишь у самого горизонта ограничиваясь морем.

Телескопическим зрением драконьих глаз Джим обшарил всю поверхность болот, но строения, которое могло бы оказаться Башней Ненависти, не обнаружил. Встречный бриз резко оборвался, однако новый попутный ветерок легко подталкивал его в спину. Он расправил крылья, поймал воздушный поток и медленно, под небольшим углом, начал спускаться вниз, как бы скользя по неви-

димой волшебной поверхности. Болота приближались: мшистая, с сочной густой травой земля, разрезанная протоками с голубой водой на островки, задушенные кольцом мелких заливчиков и запруд, заросших водорослями и камышом.

Стайка водоплавающей дичи легкой струйкой дыма подымалась с одного озерца — шлейф неспешно растягивался на несколько сот футов и медленно оседал на соседнем озере. Крики птиц, приглушенные расстоянием, слабо доносились до сверхчувствительных ушей Джима.

А с запада, начиная нависать над прибрежной линией, собирались тяжелые тучи.

Продолжая полет над тихой стоячей водой и мягкими травами, Джим вдыхал принесенные издалека запахи моря. Он с беспокойством поглядывал на заходящее солнце, край которого начинал вязнуть в черных облаках. Скоро наступит темнота. Он был голоден и не имел ни малейшего представления о том, что будет делать, когда наступит ночь. Продолжать полет небезопасно — малопривлекательно врезаться в землю из-за полной потери ориентации. Столь же неприятно спикировать в озеро или залив. Он может приземлиться и дальше идти пешком, но тогда появится вероятность завязнуть в трясине.

Самое разумное решение — хотя подобная перспектива была безрадостной — заночевать после захода солнца на одном из островков. Но если кто-нибудь вознамерится напасть на него, то наверняка застанет Джима врасплох.

Сомнения Джима оборвала очевидная мысль — точнее, напоминание. Он же дракон! А рассуждать продолжает, как человек! Кто в здравом уме и рассудке осмелится напасть на дракона?! Исключение, как Джим успел выяснить, составляют только рыцари в «скорлупе». Станет ли рыцарь в латах разъезжать в темноте по болотам? Но, может, Джиму стоит опасаться другого дракона? Если сведения о водяных драконах, поведенные Смерголом, верны, то единственным драконом, которого следовало опасаться, оставался Брайгх. Но Брайгх совершит большую ошибку, если приблизится сейчас к Джиму, пребывающему в откровенно агрессивном расположении духа.

Джим счел бы за счастье прямо сейчас вцепиться зубами и когтями в этого предателя. Матерая, тяжелая злоба горячим углем распалась в груди. И как сладостно было это ощущение! Искра раздулась в настоящий пожар — и гнев его был гневом дракона, а не человека. Вероятно, об этом и предупреждал Смергол, советуя не горячиться, не давать воли эмоциям.

Джим попытался успокоиться, но пламя гнева, бушевавшее внутри, было непросто загасить...

Неожиданно удача улыбнулась ему. На одном из крохотных островков он краем глаза выхватил очертания дракона.

Дракон возился с чем-то, лежащим в траве. С такой высоты и под таким углом Джим не мог различить, что это было; идентифи-

кация не интересовала его, поскольку самого вида дракона оказалось достаточно, чтобы пламя гнева вспыхнуло во всю мощь.

— *Брайгх!* — произвольно взрычал он.

Подчиняясь рефлексу, он вошел в пике, как истребитель с наведенными на цель пушками.

Атака была проведена достаточно стремительно, чтобы застать врасплох дракона, находившегося внизу. Но, к сожалению, существовало одно естественное препятствие, о котором не подозревал Джим. Даже идущий на снижение легкий самолет с выключенным двигателем производит достаточно шума, чтобы разбудить спящего, а большой дракон — такой, как Горбаш, — встречал не меньшее сопротивление воздуха, чем двухместный самолет. К тому же, дракон внизу явно имел опыт встречи с подобным нарастающим звуком. Не подымая головы, он сделал отчаянный прыжок и кубарем покатился от того места, куда пикировал Джим.

Атакующий дракон еще раз перекувырнулся, сел, взглянул на Джима и принялся визгливо причитать:

— Это несправедливо! Несправедливо! — кричал он неестественно высоким для дракона голосом. — И все потому, что ты крупнее меня! А я сражался целых два часа, и она раз шесть едва не сбежала. Впервые за несколько месяцев на болота забрела еда таких габаритов, и вот... все прахом... и ты, ты отнимаешь мою добычу! Ведь не нужна она такому упитанному и сильному! А я голоден и немошен...

Джим растерянно заморгал. Он посмотрел на дракона, а затем перевел взгляд на существо, лежавшее перед ним в траве, и увидел, что это туша старой, тощей коровы, уже изрядно покусанной и с переломанной шеей. Он осмотрел дракона и впервые осознал, что перед ним сидело изможденное, в половину его собственного размера существо, находящееся на грани смерти от истощения...

— ...где ты, удача? — стонал дракон. — Каждый раз, стоит поймать приличную жратву, кто-нибудь моментально отнимает ее. И что остается мне. Одна рыба...

Замолчи! — рявкнул Джим.

— ...рыба, рыба, рыба! Холодная рыба, чья холодная кровь не прибавляет сил моим насквозь промерзшим костям!

— Обожди, говорю! Заткнись! — скомандовал Джим, на полные обороты включив голосовые связки Горбаша.

Драконьи жалобы прекратились моментально, словно он был проигрывателем и кто-то отключил его от блока питания.

— Да, сэр, — смиренно произнес он.

— О чем ты говоришь? — спросил Джим. — Я не собирался отнимать у тебя корову.

— Нет, сэр, — ответил дистрофик и покатился со смеху, показывая, что его нельзя обвинить в отсутствии чувства юмора.

— Да нет же.

— Хе-хе-хе, — заливался коротышка. — Какой же вы шутник, ваша честь!

— Черт побери! Я говорю серьезно! — рявкнул Джим, отходя в сторону от туши.— Ешь! Я принял тебя за другого.

— Не хочу, сэр. Я не голоден. Чистая правда! Я пошутил, что голоден. Чистая правда, что пошутил!

— Обожди,— сказал Джим, крепко беря под уздцы заново разгорающийся гнев.— Как тебя зовут?

— Ну...— промямлил коротышка.— Ну, оно вам неизвестно...

— Назови свое имя!

— Секох, ваше святейшество! — В страхе тявкнул дракон.— Просто Секох. Я ничтожный дракон, ваше высочество. Маленький, ничтожный водяной дракон...

— Только не надо меня убеждать, — хмыкнул Джим.— Верю. Хорошо, Секох,— и он махнул лапой в сторону коровы,— рубай. Она мне не нужна. Но возможно, ты поделишься кой-какой информацией об этой местности, о ее жителях, и укажешь куда лететь, а?

— Ну...— начал увиливать Секох; в течение всего разговора он потихоньку подгребал вперед, но теперь решительно приблизился к туше убитой коровы.— Простите мои манеры, сэр. Я простой водяной дракон...— И он внезапно и жадно набросился на тушу.

Джим наблюдал. Его первым импульсом было сострадание: дать дракону поесть прежде, чем расспрашивать его. Но, сидя и наблюдая, Джим почувствовал активность — и весьма значительную — пробудившегося голода. Его желудок внезапно и громко заурчал. Глядя на разодранную тушу коровы, он пытался убедить себя, что это не пища для цивилизованного человека. Сырое мясо мертвого животного: дохлая плоть, кости, шкура...

— М-м. Да,— сказал Джим, придвигаясь поближе к Секоху и к корове; через минуту он откашлялся:— Выглядит неплохо.

Желудок снова заурчал. Очевидно, тело дракона было лишено человеческой щепетильности, которая нашептывала, что лежащая перед Джимом туша непригодна в пищу...

— Секох?

Секох с неохотой поднял голову и настороженно взгляделся в Джима, не переставая при этом лихорадочно чавкать.

— Э... Секох... Я впервые в этих краях,— признался Джим.— Предполагаю, ты хорошо знаешь местность. Я... А как, как она на вкус, эта корова?

— Отвратительная... М-мм,— морщась, но с полным ртом сообщил Секох.— Жесткая, старая... вонючая. Годная разве что для водяного дракона, как я, но не для...

— Я хотел расспросить о местности...

— Да, ваша честь?

— Думаю... Впрочем, это твоя корова.

— Так обещала ваша честь,— осторожно напомнил Секох.

— Но мне любопытно,— Джим доверительно улыбнулся,— какой у этой коровы вкус? Раньше мне не доводилось пробовать ничего подобного.

— Неужели, сэр?

Из глаза Секоха выкатилась крупная слеза и пала в траву.

— Да, никогда. Можно — если ты не возражаешь — отведать кусочек, а?

По щеке Секоха скатилась вторая слеза.

— Если... если ваша честь того желает, — сдавленно произнес он. — Прошу вас присоединиться к трапезе.

— Благодарю, — сказал Джим.

Он подошел к корове и запустил зубы в лопаточную часть. Ароматная кровь парного мяса струйкой потекла на его язык. Резким движением он вырвал предплечье...

Немного погодя он сидел рядом с Секохом, облизывая кости шершавой верхней поверхностью раздвоенного языка, который больше всего напоминал наждачную бумагу.

— Наелся, Секох? — спросил Джим.

— От пуза, сэр, — ответил водяной дракон, голодным, безумным взглядом озирая обглоданный скелет. — Да простит меня ваша честь, но я ужасно равнодушен к костному мозгу...

Он схватил берцовую кость и принялся похрустывать ею, как леденцом.

— Завтра выследим корову, и я убью ее, — сообщил Джим. — И ты съешь ее в одиночку.

— Благодарю вас, ваша честь, — Секох принял подношение с вежливым скептицизмом.

— Я обещаю... А теперь расскажи, где находится Башня Ненависти?

— Ч-ч-то? — начал заикаться Секох.

— Башня Ненависти. Башня Ненависти! Знаешь, где она?

— О, да, сэр. Но ваша честь не пойдет туда? Да, ваше святейшество? Я не вправе советовать вашему высочеству, — испуганно запищал Секох.

— Продолжай, — сказал Джим.

— Разве можно сравнивать тщедушного, робкого водяного дракона с вашей честью? Но Презренная Башня — это ужасное место, ваше высочество.

— Презренная Башня?

— Так называют ее у нас на болоте, ваше...

— Насколько ужасное? — оборвал его Джим.

— Это... необъяснимо. — Секох несчастно огляделся вокруг. — Пятьсот лет назад Башня наслала на нас вырождение, а до того мы были такими же, как и остальные драконы. Безусловно, не такими громадными и свирепыми, как вы, сэр. По слухам, Темные Силы были очень быстро усмирены, а Башня разрушена, только какой прок был от того водяным драконам? Все разбежались по домам, бросив нас в новом обличье на произвол судьбы. Говорят, сейчас Башня уже не опасна. Но на вашем месте я ни за что бы не отправился туда. Ни за что, ваше величество.

— Но в чем опасность? — спросил Джим. — Кого следует опасаться? Кто обитает в Башне?

— Не скажу, что там кто-либо живет,— осторожно ответил Секох.— Ваше высочество не сможет запустить в него лапу. Дело в том, что если кто-либо или что-либо, кому туда нет доступа, приближается к Башне, то Башня как-то влияет на них, сэр. Разумеется, туда частенько наведывается всякая нечисть. Но иногда оттуда исходит нечто странное, а совсем недавно...

Секох остановился, сбившись с повествования, и усердно зашарил среди коровьих костей.

— Что недавно?

— Ничего... ничего особенного, ваше превосходительство! — пронзительно взвизгнул Секох.— Ваша достопочтенность не должна слишком много требовать от ничтожного водяного дракона. Мы не блещем умом. Я только... хотел сказать, что с недавних пор Башня стала еще страшнее и грознее. Никто не знает, почему. И мы стараемся держаться от нее подальше!

— Возможно, у тебя разыгралось воображение,— кисло заметил Джим.

Он всегда был скептиком по натуре, и поскольку этот странный мир не всегда следовал нормальному порядку и течению событий — по крайней мере, как он их понимал, — сознание Джима инстинктивно восставало против слепой веры в сверхъестественное — особенно в сверхъестественные ужасы старинных второсортных кинолент.

— Мы знаем то, что знаем,— с необычным упрямством ответил водяной дракон. Он выставил напоказ свою костлявую иссушенную лапу.— Это вот разе *воображение*?

Джим невразумительно промычал. Только что поглощенный ужин нагонял сон. Серые свинцовые сумерки уходящего дня притупили восприятие. Он чувствовал вялость и апатию.

— Завалюсь-ка я спать,— сообщил он.— Так как мне добратся отсюда до Презренной Башни?

— Пойдете на запад, ваша смелость. Сбиться с пути невозможно.

В последних словах водяного дракона слышалась убедительная дрожь, уже совершенно безразличная сонному Джиму. Он продолжал слушать Секоха, словно сквозь какой-то туман.

— Держитесь Большой Гати. Это широкая полоса твердой земли, тянущаяся миль на пять с востока на запад через болота к морю. Держитесь ее, и выйдете к Башне. Она стоит на высокой скале на краю океана.

— Пять миль... — пробормотал Джим.

Надо ждать рассвета; перспектива обрадовала Джима. Вечерний холодок не тревожил покрытое бронированными пластинками тело, а трава окутывала своей мягкостью.

— Да, пожалуй, я посплю,— пробормотал он. Джим растянулся на траве и, повинуясь драконьему инстинкту, изогнул шею, по-птичь спрятал голову под крыло.— Спокойной ночи, Секох.

— Как пожелает ваше превосходительство,— робким голосом

отозвался водяной дракон. — Я пристроюсь вон там, и если вашему святейшеству понадобятся мои услуги, — только кликните, и я сразу же приду...

Слова стерлись и исчезли. Джим медленно погружался в сон, словно идущий ко дну перегруженный корабль с пробоиной...

ГЛАВА 7

Когда Джим открыл глаза, солнце уже поднялось над горизонтом. Яркий, холодный свет раннего утра умыл небосвод прозрачной голубизной. Утренний бриз легко раскачивал заросли тростника, покрывая рябью гладь мелкого озера, возле которого лежал Джим. Он широко зевнул, сел, изумленно заморгал и огляделся.

Секох исчез. А вместе с ним и объедки.

На мгновение Джим почувствовал слабое раздражение. Подсознательно он рассчитывал выудить из водяного дракона кой-какие сведения о болотах. Но раздражение сменилось весельем. Мысленная картина, как Секох тайком собирает в тишине обглоданные кости и перед рассветом украдкой сбегает вместе с ними, импонировала чувству юмора Джима.

Он подошел к краю озера и принялся пить, лакая, как кот, — с той лишь разницей, что каждое движение длинного языка закидывало в горло несколько литров воды. Утолив жажду, он с тоской посмотрел на запад, разглядывая туманную линию океана, а затем попытался раскрыть крылья...

— Ой! — воскликнул он и поспешно сложил крылья, мысленно проклиная себя.

Следовало предвидеть нечто подобное, памятуя, как сильно выдохся вчера в полете Смергол. Первая же попытка Джима расправить крылья Горбаша вызвала в редко используемых мышцах кинжальную боль. Как нетренированный человек, на долю которого выпала случайная, но изрядная физическая нагрузка, Джим ощутил ломоту и онемелость именно в самой необходимой ему сейчас части тела.

Ирония ситуации не ускользнула от Джима: двадцать шесть лет он прекрасно обходился без крыльев, но сейчас, вкусив за один день радость полета, недовольно взирал на перспективу пешего передвижения. Веселое настроение исчезло достаточно быстро. Джим повернул голову в направлении океана и, задав себе маршрут, двинулся вперед.

К сожалению, путь выдался далеко не прямым. Инстинктивно Джим старался выбирать дорогу посуше, однако ему частенько приходилось перепрыгивать через канавы, что заставляло крылья рефлекторно раскрываться, посылая в задубелые мускулы новые уколы боли. Пару раз ему пришлось даже плыть — через длинную канаву и довольно мелкое, но слишком широкое, чтобы просто перепрыгнуть, озеро. Теперь Джиму стало ясно, почему драконы предпочитают ходить или летать. В противоположность людям, плотность тел драконов оказалась больше, чем у воды. Иными словами, если Джим не плыл изо всех сил, то тут же шел ко дну. И у драконов, как обнаружил вскоре Джим, возникал почти панический страх перед водой, которая могла попасть в ноздри.

Однако он вскоре выкарабкался на широкую полосу земли, по его предположению и являвшуюся Большой Гатью, о которой упоминал Секох. Иной дороги среди болот видно не было. Дамба, как определил для себя Джим Большую Гать, устремлялась на восток прямой, словно римские дороги, линией. Вероятно, она была кем-то построена, так как насыпь возвышалась на несколько футов над остальной поверхностью и на ней росли кусты и редкие деревья...

Джим катался по траве — он только что переплыл через озерное озерцо — и сейчас перевернулся животом вверх, намереваясь погреться на солнышке. Дерево, росшее неподалеку, защищало от солнца глаза, зато тепло поднимающегося светила ублажало окаменевшие мускулы, да и трава была фантастически мягка. Джим шел и плыл все утро, и полуденная передышка подействовала расслабляюще. Он пригрелся, опустил голову на передние лапы и задремал...

Разбудило его чье-то пение. Он поднял голову и осмотрелся. Кто-то приближался со стороны дамбы. Джим различил глухой стук копыт о твердую землю, звяканье металла, скрип кожи и сильный баритон, весело напевающий песню о себе самом. О чем всадник пел ранее, Джим не имел ни малейшего представления. Но сейчас он уже смог отчетливо различить слова:

...надежное копьё, и крепкая рука
Сжимает меч, и сталь огнем горит —
Явись, дракон воды, подставь свои бока,
Узнай на что способен Невилл-Смит!

Мелодию, как показалось Джиму, он где-то слышал раньше. Он пытался точно определить, знает ли мотив или нет, когда раздался треск веток. В двадцати футах от Джима заросли кустов раздвинулись, и из-за них появился человек при полных доспехах, с поднятым забралом; треугольный алый флаг, прикрепленный к поднятому копыю, развевался у рыцаря над головой. Он восседал на большом, но неуклюжем белом коне.

Джим заинтересовался и сел, чтобы получше разглядеть незнакомца.

Это оказалось не совсем верным решением. Всадник немедленно заметил его, забрало с лязгом опустилось, рука в стальной рукавице взяла длинное копьё наперевес, позолоченные стремена сверкнули, и белый конь, перейдя на тяжелый галоп, понесся прямо на Джима.

— Невилл-Смит! Невилл-Смит! — раздавался приглушенный забралом клич всадника.

У Джима сработал какой-то условный рефлекс. Позабыв об усталых мускулах, он взвился в воздух и готов был атаковать приближающуюся фигуру, когда холодная рука рассудка отрезвила сознание, и дракон приземлился на разлапистой верхушке дерева, которое совсем недавно заботливо укрывало от солнца его глаза.

Рыцарь, как определил всадника Джим, резко остановил коня под деревом и сквозь ветви посмотрел на Горбаша. Тот смотрел на рыцаря. Ветви дерева настораживающе потрескивали под тяжестью драконьего тела, а расстояние до шлема рыцаря едва ли приводило Джима в восторг.

Рыцарь поднял забрало и откинул голову, чтобы как следует рассмотреть дракона. Несмотря на отбрасываемую шлемом тень, Джим в свою очередь впился взглядом в рыцаря: широкоскулое лицо с яркими голубыми глазами, массивным крючковатым носом и выступающим мощным подбородком.

— Спускайся,— пригласил рыцарь.

— Нет, спасибо,— ответил Джим, крепче вцепившись когтями и хвостом в ствол дерева.

В разговоре возникла пауза — явное следствие легкого взаимонепонимания; соперники переваривали обстановку.

— Ах ты, чертов водяной дракон! — решительно выкрикнул рыцарь.

— Я не водяной дракон.

— Перестань нести ерунду!

— И не собирался.

— Я сказал, не заливай!

— Я говорю правду,— рассердился Джим, ощутив прилив драконьего гнева. Но, умирив запал, спокойно продолжил:— Держу пари, ты никогда не угадаешь мою истинную сущность.

Но истинная сущность противника меньше всего интересовала рыцаря. Он привстал на стременах и сквозь ветви потыкал копьем в направлении Джима. Острые останавливалось в четырех футах от дракона.

— Черт! — разочарованно выругался рыцарь. Он опустил копье и призадумался.— Сняв доспехи,— рассуждал он, очевидно, беседуя сам с собой,— я заберусь на это дерево. Но что, если он улетит, и тогда придется сражаться на чертовой земле?

— Рыцарь! — хмыкнул Джим.— Я готов спуститься.— Рыцарь радостно поднял голову,— при условии, что ты выслушаешь меня и постарайся понять все, о чем я тебе расскажу.

Рыцарь обдумал предложение.

— Договорились,— в итоге согласился он и угрожающе потряс копьем.— Но никаких просьб о пощаде!

— Безусловно.

— Пощады от меня не жди, черт побери! Это противоречит данной мною клятве. Вдовы и сироты, мужчины и женщины Святой Церкви и достойные враги могут просить о пощаде на поле битвы. Но не драконы!

— Полностью согласен с тобой,— поддакнул Джим.— Я только хотел убедить тебя, кто я на самом деле.

— Мне безразлично, кто ты.

— Сомневаюсь,— сказал Джим.— Я вовсе не дракон. На меня наложено заклятие... и я превратился в дракона.

— Затертая байка.

— А зря! — Джим так крепко впился когтями в дерево, что начала отваливаться кора. — Я такой же человек, как и ты. Ты слышал о волшебнике С. Каролинусе?

— Слыхивал, — проворчал рыцарь. — Известная личность. И что, ты хочешь меня уверить, что он заколдовал тебя?

— Нет. Наоборот. Он превратит меня обратно в человека, как только я разыщу леди, с которой я помолвлен и которую похитил настоящий дракон. Поэтому судьба и занесла меня так далеко от дома. Всмотрись! Разве я похож на обычного водяного дракона?

Рыцарь внимательно осмотрел Джима.

— Хм-м, — промычал он, задумчиво потирая крючковатый нос. — Да, ты раза в полтора крупнее, чем ранее попадавшие мне драконы.

— Каролинус разузнал, что моя леди заточена в Презренной Башне. Он послал меня подыскать Соратников, чтобы я смог спасти ее.

Рыцарь не сводил глаз с Джима.

— Презренная Башня? — переспросил он.

— Да.

— Никогда не слышал, чтобы дракон или кто-нибудь еще, будучи в здравом рассудке, хотел отправиться в Презренную Башню. Я и сам как-то не стремлюсь туда. Но, клянусь небесами, если ты дракон, то храбрости тебе не занимать.

— Я не дракон, — сказал Джим. — Отсюда и храбрость. Я джентльмен, такой же, как ты, и стремлюсь спасти свою возлюбленную.

— Любовь? — Рыцарь порылся в седельных сумках, вытащил белую тряпку и высморкался. — Очень трогательно. И ты любишь свою даму?

— Разве всякий рыцарь не любит даму своего сердца?

— Как сказать... — Он убрал платок. — Некоторые любят, некоторые нет. К сожалению, в наши дни все вертится вокруг политики. Но это чистое совпадение. Я тоже люблю свою даму сердца!

— Тогда тебе прямой резон не мешать мне в поисках дамы сердца!

Рыцарь в очередной раз задумался.

— Откуда мне знать, правду ты говоришь или нет? — сказал он. — Чертовы драконы могут наврать с три короба.

На Джима нашло вдохновение.

— Поступим так, — начал он. — Подними меч за острие, а я поклянусь на рукояти, как на кресте, что все сказанное мной — правда!

— Чего стоит клятва драконов? У драконов отсутствует душа, черт побери!

— Согласен, — возразил Джим. — Но у джентльмена и христианина душа присутствует. И как христианин, и как джентльмен, я не осмелюсь нарушить клятву.

Джим наблюдал, как рыцарь вел явно неравную битву с обратной логикой, и поражение наступило быстро.

— Хорошо,— сказал он. Подняв меч за клинок рукоятью вверх, он позволил Джиму произнести клятву.

Когда он вложил меч в ножны, Джим в полупрыжке-полуполете спланировал с дерева на землю.

— Возможно, я поступаю правильно...— задумчиво произнес рыцарь, наблюдая, как Джим, встав на задние лапы, принялся отряхивать кору и ветви с передних лап.— Как-то на Михайлов день в замок пришел предсказатель в серой монашеской рясе и перед уходом прочел вот такие стихи:

Задумайся, когда глаза, твердя одно,
запутывают мысль во взгляде.
В любви о чести чаще вспоминай,
иначе будешь с совестью в разладе.

Но смысла я не понял.

— Да? — Джим лихорадочно размышлял.— Смысл прост и очевиден. Я спасаю мою возлюбленную, ты же, убив меня, совершаешь непростительный поступок, противоречащий рыцарской этике и предсказанию.

— Клянусь Святым Иоанном! — восхищенно воскликнул рыцарь.— Безусловно! А я-то, глупец, считал, что сегодня выследил обыкновенного водяного дракона! Какая удача! Но ты уверен, что мотивы твоих поступков чисты и благородны?

— Да,— холодно подтвердил Джим.

— Удача не отвернулась от меня! Но прежде я вынужден испросить разрешение у дамы моего сердца — ведь дело деликатное, в него вовлечена другая женщина. Но вряд ли она станет возражать против такой предоставленной небесами возможности. Полагаю, нам следует представиться, ведь поблизости нет никого, кто бы познакомил нас. Вы, несомненно, узнаете мой герб?

Он развернул щит так, чтобы Джим сумел получше рассмотреть герб. На красном фоне выделялся серебряный крест, чуть развернутый боком к смотрящему. Снизу, в треугольной выемке, примостился диковинный черный зверь.

— Красный цвет и серебряный крест,— пояснил рыцарь,— непременные геральдические атрибуты рода Невилл из Рэби. Мой прадед, как младший из рода, внес изменение в фамильный герб: этого черного соболя. А я, Брайен Невилл-Смит, принял герб по праву прямого наследования.

— Невилл-Смит,— проговорил Джим, припоминая имя из песни и обрывочные познания в геральдике.— Я буду говорить от лица человека.

— Несомненно, сэр,— согласился Невилл-Смит.

— Мой герб: красный фон, серебряная пишущая машинка на соболином письменном столе. Сэр Джеймс Эккерт, рыцарь

Бакалавр, — Джим неожиданно припомнил некоторые разъяснения Каролинуса и не преминул воспользоваться ими для поднятия авторитета, — барон Ривероук. Это большая честь — познакомиться с вами, сэр Брайен.

Невилл-Смит снял шлем, повесил его на переднюю луку седла и озадаченно взъерошил шевелюру. У него были светло-каштановые волосы, свалывшиеся под тяжестью шлема, и когда солнце осветило лицо рыцаря, стало ясно, что он был примерно одного с Джимом возраста. Но темный загар и морщинки в уголках голубых глаз Невилла-Смита несколько сбили Джима, пытавшегося определить возраст всадника, пока тот был в шлеме. Несколько старил его и белый рубец шрама, рассекавшего правую щеку до низа челюсти, придавая внешности рыцаря вид ветерана военных битв.

— Пышущая машинка, — пробормотал сэр Брайен. — Пышущая машинка...

— Местный зверь, похожий на грифона, — поспешно разъяснил Джим. — В окрестностях Ривероука их в избытке. Это в Америке. Мои земли лежат на западе, за океаном. Вероятно, ты не слышал о них?

— Унеси меня черти! Конечно нет! — откровенно признался сэр Брайен. — Тебя заколдовали там?

— И да, и нет, — осторожно ответил Джим. — Магия перенесла меня и леди Анджелу в вашу страну. А когда я проснулся, то оказался в теле дракона.

— Любопытно, — невинные ярко-голубые глаза сэра Брайена контрастировали с загорелым лицом и шрамом. — Анджела? Красивое имя.

— И она красавица, — печально согласился Джим.

— Какое совпадение, сэр Джеймс! А не пропустить ли нам по глоточку за наших прекрасных дам, пока представляется такая возможность.

Джим сглотнул слюну.

— Ты рассказывал о своей даме сердца, — быстро сказал он. — Как ее зовут?

— Леди Геронда, — сэр Брайен принялся рыться в седельных сумках. — Куда же я засунул ее подарок? В предвкушении битвы я, разумеется, обвязываю им руку, но когда выезжаешь поохотиться на драконов... Момент. Он ведь должен быть под рукой...

— Не проще ли описать словами? — предложил Джим.

— Ты прав. — Сэр Брайен прекратил поиски. — Это платок с монограммой. Г.д'Ш. Леди Геронда Изабель де Шане, в настоящее время хозяйка Замка Малверн. Ее отец, сэр Оррин, без пяти дней три года как отправился на войну с восточными язычниками, и больше о нем ничего не слышали. И если бы не этот факт, и если бы мне не нравилось носиться по стране, завоевывая почет и уважение, то мы бы давно поженились.

— Но зачем? Почему ты разъезжаешь по стране? — с любопытством спросил Джим.

— Пресвятые небеса! По настоянию леди Геронды! Она хочет, чтобы я вернулся домой целым и невредимым ко дню нашей свадьбы.

Джим не совсем разобрался в мелькавших в разговоре аргументах, о чем и сообщил рыцарю.

— И как вы живете у себя за морем? — спросил сэр Брайен. — Когда я женюсь и вступлю во владение землями, то вынужден буду самолично набирать рекрутов, если моему сюзерену или королю потребуются мои услуги во время войны. Не заработав имени, я буду вынужден возглавлять отряд деревенских увальней и крестьян, которые при первой же встрече с солдатами бросятся врассыпную, и мне останется одно — умереть на поле битвы, чтобы не запятнать свою честь. Но, если я завоюю репутацию бойца, многие опытные воины придут служить под мое знамя, уверенные, что я позабочусь о них. И сами в знак благодарности позаботятся обо мне.

— А-а...— протянул Джим.

— Нельзя не учитывать и то,— задумчиво продолжал сэр Брайен,— что погони поддерживают физическую форму. Хотя обитающие в округе водяные драконы не более, чем легкая разминка для рыцаря. Вот почему я возлагал на тебя столь великие надежды. А тренироваться на соседях негоже. Чересчур велика вероятность ссор да войн.

— Понятно,— сказал Джим.

— Однако,— оживился сэр Брайен,— все хорошо, что хорошо кончается. А твой поход ради спасения дамы сердца куда весомей для моей репутации, чем дюжина заколотых водяных драконов. Но долг требует сперва получить разрешение леди Геронды. К счастью, замок Малверн всего в полтора днях пути. Но *длинных* дней — так что не лучше ли нам двигаться?

— Двигаться?

— Путешествовать, покрывать расстояние, сэр Джеймс! — Брайен посмотрел на солнце. — Солнце зайдет через полдня, а это означает, что лишь в полдень второго дня или в лучшем случае немного раньше мы увидим ворота замка Малверн. В путь.

— Обожди,— сказал Джим. — Почему мы едем в замок Малверн вдвоем?

— Причины уже объяснены, любезный сэр,— чуть раздраженно ответил сэр Брайен, разворачивая коня на восток. — Леди Геронда обязана дать разрешение. Как-никак я поклялся ей служить.

Джим посмотрел на рыцаря.

— Все равно не ясно,— сказал он. — Что она должна разрешить?

Но Брайен уже удалялся от океана. Джим поспешно догнал рыцаря.

— Что должна разрешить леди Геронда? — переспросил он.

— Сэр Джеймс, — строго ответил Брайен, повернув голову и посмотрев Джиму в глаза; сидя верхом на коне, он сравнялся ростом с Горбашом, идущим на четырех лапах. — Если эти продолжающиеся расспросы некая шутка, то она в дурном вкусе. Моя госпожа должна дать разрешение сопровождать тебя и стать Соратником в твоём походе.

ГЛАВА 8

Они двигались рядом, «лапа в лапу», но молча. Брайен уставился куда-то вперед; на каменном лице рыцаря лежала тень недовольства, но он хладнокровно ждал, когда Джим привыкнет к идее рыцаря-соратника.

Джим не обратил должного внимания на слова жука-глазастика — «подопечного» Каролинуса, — заявившего, что для спасения Энджи и борьбы с Темными Силами необходимо найти Соратников. Джим предполагал, что выбор спутников будет его монопольным правом, не предвидя, что они сами начнут навязывать свою помощь.

Несомненно, Брайен не станет слишком очевидной помехой. Храбрости рыцарю не занимать, а внешность и повадки бойца свидетельствовали об определенном опыте в схватках. Но что Джим знал об этом человеке? Ничего, кроме скудных сведений: имя, вид фамильного герба, местонахождение дамы сердца.

С другой стороны, смотрят ли дареному коню в зубы? Каролинус рассказал о расположении Зла и нарисовал предполагаемую картину, согласно которой жители этого мира скоро разделятся на два лагеря: приверженцев Темных Сил и тех, кто будет противостоять им, включая в число последних и Джима. В таком случае легко определить сторонников того или иного лагеря, просто наблюдая за ними.

Брайен присоединился к Джиму — следовательно, он по определению принадлежал к лагерю противников Темных Сил...

Джим очнулся от раздумий, осознав, что ехавший рядом рыцарь чем-то недоволен и даже рассержен. Очевидно, если принести извинения, отношения можно наладить...

— Сэр Брайен, — неловко начал Джим. — Прости за возникшее непонимание, когда ты предлагал себя в Соратники. Оправданием мне может служить лишь тот факт, что в нашей стране порядок вещей имеет иной...

— Несомненно, — без улыбки отрубил Брайен.

— Поверь, — воскликнул Джим, — в моих словах не было и доли шуток! Лишь отсутствие сообразительности помешало пониманию произнесенных тобою слов!

— Ага, — только и ответил Брайен.

— Естественно, я не могу желать лучшего Соратника, чем такой джентльмен, как ты.

— Согласен.

— И я рад иметь тебя рядом с собой.

— Очевидно.

Джим почувствовал, что стучится в дверь дома, хозяин которого упорно отказывается отвечать. Он испытал легкое раздражение, но вдруг его осенила идея, от которой он едва не рассмеял-

ся. Незнание обычаев других народов может сослужить и добрую службу.

— Несомненно, если бы я с самого начала узнал твой Номер Социального Страхования,— сказал он,— то все, конечно, сложилось бы по-другому...

Глаза Брайена засветились. «Соратники» с минуту шли молча, прежде чем рыцарь заговорил.

— Номер, сэръ Джеймс?

— Да,— ответил Джим и удивленно поднял брови.— Твой Номер Социального Страхования.

— И что он, черт подери, обозначает?

— Только не утверждай,— отмахнулся Джим,— что у вас нет Номеров Социального Страхования.

— Пусть я ослепну, если слышал о такой чертовщине.

Джим сочувствующе поцокал языком.

— Неудивительно, что тебе показалось странным, будто я не принял твоего предложения стать Соратником,— расстроено вздохнул он.— В моей стране *ничего* не может произойти, пока Номер Социального Страхования остается неизвестен собеседникам. Естественно, я посчитал, что ты по каким-либо причинам скрываешь свой номер. Поэтому мне даже в голову не пришло, что ты предлагал сотрудничество.

— Да нет у меня никакого номера! —И скрывать мне, черт подери, нечего! — запротестовал сэръ Брайен.

— Нет?!

— Клянусь святым Жилем!

— Джим опять пощелкал языком.

— Такова, будь она трижды неладна, обратная сторона провинциальной жизни! — сокрушался сэръ Брайен.— При дворе уже, наверное, месяцев двенадцать используют эти номера, а мы о них и не слыхивали!

«Соратники» в молчании прошли еще пару сотен ярдов.

— А у тебя есть номер? — заинтересованно спросил Брайен.

— Да,— ответил Джим и поспешно бросился вспоминать:— Четыре-шесть-девять, шесть-девять, девять-два-один.

— Чертовски симпатичный номер.

— Ну...— Джим решил воспользоваться возможностью развить преимущество.— Я ведь все же барон Ривероук.

— Разумеется.

Они проехали еще немного.

— Интересно,— задумчиво протянул рыцарь.

— Да, сэръ Брайен?

Брайен откашлялся.

— Если посчастливится заполнить номер, то не скажешь ли, каким он окажется?

— Понятия не имею.

— Что ж, мне не следовало задавать подобный вопрос. Он ставит меня в неловкое положение.— Брайен повернул к Джиму

обеспокоенное лицо. — Ты лихо произносишь свой номер, а я, видишь как, неспособен ответить тем же...

— Забудь об этих мелочах, — посоветовал Джим.

— Это не мелочи, это весьма существенно.

— Совсем нет, — настаивал Джим, чувствуя себя, как нашкодивший мальчуган. — Твой номер, если бы таковой существовал, оказался бы неплохим.

— Нет-нет. Вероятно, ordinaria, барсуком занюханная цифра. Ведь кто я такой? Обыкновенный рыцарь-холостяк. Даже менестрели не слагают и не поют обо мне песен...

— Ты недооцениваешь себя, — смущенно настаивал Джим. Прodelка явно не удалась. — Безусловно, я не знаю, какой официальный номер получишь ты, но в моей стране, полагаю, тебе присвоили бы номер, — и Джим быстро принялся считать количество цифр в своем Номере Социального Страхования: — Три-восемь-семь, два-два, семь-семь-семь!

Глаза сэра Брайена округлились до размера обеденных тарелок.

— Неужели? Ты так считаешь?

— Да.

— Повтори.

Джим несколько раз медленно повторял номер, пока рыцарь не заучил его наизусть.

И тогда они, весело болтая — и как старые друзья, и как Соратники, — двинулись дальше.

Освободившись от нарочито чопорных манер поведения, Брайен оказался неплохим собеседником и рассказчиком. Особенно по теме «леди Геронда» — о женщине, блещущей не только красотой, но и целым созвездием талантов и добродетелей. Позже, когда рыцарь отвлекся от своей Герондиады, он перекинулся на непристойные и жестокие местные сплетни — и оказался подлинным их кладезем. Джим не считал себя человеком пугливым и легко шокируемым, но все же — услышанное настораживало.

Познание быта нового мира протекало быстро. Сознание переводило язык и поступки сэра Брайена в смутный квази-викторианский сценический образ англичанина, носимый всеми американцами в уголке сознания, зарезервированном для стереотипных ролей. Но сейчас близкое знакомство с рыцарем основательно разрушало этот сложившийся образ.

Начать с того, что Брайен был одновременно и идеалистом, и материалистом, и прагматиком — но при этом имел типичные для людей слабости и недостатки. Почти «землянин», охарактеризовал его Джим, но вскоре Брайен коснулся табуизированных зон этого волшебного мира — а они охватывали и религию, и горстку непостижимых идеалов, и кучку неясных принципов. Любопытно, что Брайен мог безоговорочно возводить в абсолютный идеал любую абстрактную идею — и одновременно безжалостно рассматривать ее с позиций реальности, не сопоставляя

возникающего противоречия двух встречных подходов. Например, Джим узнал, что для Брайена его король был царственной фигурой, помазанником Божиим, владыкой Всего Сущего, ради которого Брайен в случае необходимости без промедления готов отдать жизнь, и одновременно — полуспятившим стариком, беспробудным пьяницей, которому нельзя доверять решать государственные дела. Леди Геронда — богиня на пьедестале, совершенно не доступная для мужланов, но и приземленная женщина во плоти, с которой — то бишь с плотью — руки Брайена были весьма хорошо знакомы.

Джим попытался найти двойной точке зрения рыцаря отдельную нишу в здешнем мироустройстве — наравне с разумными драконами, говорящими жуками-глазастиками и Темными Силами, уже познанными им в этом мире.

Начало смеркаться, и Брайен предложил подыскать место для ночлега. Оставив болота позади, они несколько часов подряд двигались на северо-восток через неприятный лес, над которым день назад пролетал Джим, довольный, что не пришлось пробираться через эти дебри пешком. К счастью, неприветливый и зловещий бурелом дубов и вязов они уже миновали. Продвигаться стало легче, большие деревья полностью забивали мелкий кустарник мощью ветвей.

Наконец Соратники вышли к небольшой прогалине, где журчал ручей, который в последних лучах полуденного солнца, просачивавшегося сквозь ветви высоких деревьев, напоминал акварель С. Каролинуса «Звенящая Вода».

— Здесь и расположился, — жизнерадостно определил Брайен

Он спешился, расседлал коня, старательно обтер его пучками сухой травы и длинной веревкой привязал к дереву. Конь принялся неторопливо пощипывать траву. Из седельных сумок Брайен извлек копченое мясо. Джим остался без еды. И хотя желудок с укоризной напомнил о себе, Джим не мог упрекнуть рыцаря, что тот не предложил спутнику присоединиться к трапезе. Но, увы... Что достаточно для человека, то дракону на один зуб. На следующий день, поклялся Джим, он подыщет удобный предлог оставить ненадолго Брайена и грохнуть корову... или какого-нибудь другого зверя.

Он наблюдал за тем, как Брайен разводил костер, но наблюдал равнодушно, с академическим интересом; перепады температур казались неощутимыми для драконьего тела. Солнце опускалось за деревья, обрызгивая ярко-красной кровью густые ветви; темные тени поползли меж стволов; пламя разгоревшегося костра, сложенного из сухих веток, собранных Брайеном, становилось единственным жизнерадостным светлым пятнышком в надвигающейся темноте.

— Холодает, — заметил Брайен, съежился и подсел к костру.

Он снял шлем, перчатки и большую часть «скорлупы», оставшись только в нагруднике. Волосы, освободившись от шлема,

растормошились в пышную копну и в блеске огня отливали красно-коричневым.

Джим пододвинулся к костру с противоположной стороны. Но не мысль о холоде ночи застучала в мозгу Джима, его мучила душевная депрессия, нахлынувшая одновременно с закатом. Лес, дружелюбный при дневном свете, преобразился. Наползающая со всех сторон ночь перекрасила его в зловещего, ежесекундно угрожающего недруга. Оглядываясь вокруг, Джим мог поклясться, что окружающая темнота являла собой страшное материальное тело или существо, готовое ринуться на них, стоит только исчезнуть неровному свету костра.

— Где мы? — спросил он Брайена.

— Линхемский лес, — отозвался рыцарь. Он тоже озирался, таращась на стену ночи, окружавшую кольцо света. — Обычно это здоровое место. Но сегодняшняя ночь — особенная. Что скажешь, сэр Джеймс? Возникает ощущение, что кто-то затаился в темноте, да?

— Да, — согласился Джим, и легкая непроизвольная дрожь пробежала по его телу.

Описание Брайена, судя по ощущениям дракона, было неприятно точным. Он в полной мере осязал присутствие в лесу неких существ — где-то совсем рядом, за обрезом света; существ, кружащих вокруг костра и выжидающих удобного момента для нападения.

— Звезды, — указывая наверх, произнес Брайен.

Джим посмотрел поверх верхушек деревьев.

Солнце полностью скрылось, но луны видно не было, только некоторые звезды. Однако и они стали бесследно исчезать одна за другой, словно невидимое покрывало затягивало небосвод.

— Тучи, — сообщил Брайен. — Хоть одно утешение. Раз уж облачность, то до утра не похолодает. А вот чистое небо несет холод; все лужи к рассвету приморозило бы. В это время года ночи уже изрядно холодные.

Пока рыцарь философствовал, тучи затянули все небо над макушками деревьев, и мутная, вязкая темнота безжалостно стянулась вокруг путешественников.

Брайен сел ближе к костру и принялся неторопливо нацеплять поножи и наколенники, снятые совсем недавно.

— В чем дело? — спросил Джим. — Зачем?

— Дурное предчувствие, — коротко ответил Брайен. — Зловещая ночь. По крайней мере, никто не застанет меня врасплох!

Он полностью облачился в доспехи и пошел за шлемом и копьем, оставленными около седла. Копье он воткнул древком в землю по правую руку, потом натянул шлем и откинул забрало.

— Останемся стоять лицом друг к другу, сэр Джеймс. Костер будет между нами, — сказал он. — Так мы будем иметь полный обзор, насколько позволяет свет.

— Правильно, — откликнулся Джим.

Они стояли друг напротив друга. И вскоре до них донесся то ли легкий скрежет, то ли слабый шорох.

— Ветер,— отметил Брайен.

Это действительно был звук ветра. Они слышали его шелестящий полет, словно он охотился среди ветвей, кустов и деревьев. Звук усилился, затем переместился в другой участок леса, по-прежнему оставаясь на значительном удалении. Потом ветер начал постепенно приближаться, нагулявшись по лесу и решив взяться за Брайена и Джима.

Но на прогалине пока еще стояло полное безветрие — за исключением восходящего потока теплого воздуха от костра. Брайен подбросил в пламя охапку сухих веток.

— Моя особая благодарность святому Жилю! Сегодня его день...— пробормотал рыцарь.— Это он заставил меня собрать побольше хвороста, чтобы хватило до рассвета.

Ветер придвинулся. Они уже отчетливо различали его громкую поступь. Дыхание ветра близилось с каждой минутой, оставляя после себя печально вздыхающие и стонущие ветви.

Шум усилился неимоверно. Чтобы услышать друг друга, Соратникам приходилось теперь кричать. И наконец ветер обрушился на них...

Он атаковал внезапно и мощно, угрожая повалить на землю. Из костра вылетел в темноту фейерверк искр, а прижатые к земле язычки пламени конвульсивно задрожали в предсмертной агонии. Поток мрака хлынул на Соратников, смешиваясь с колючим душем, состоявшим из смеси обломков валежника и листьев.

И вдруг ветер резко прекратился. Пламя костра вспыхнуло, а тьма отступила. Без предупреждения воцарилась тишина.

Ветер исчез. Полностью исчез.

Тихий вздох Брайена раздался из-под откинутого забрала шлема.

— Будь внимателен, сэр Джеймс,— тихо произнес он.— Они рядом.

Джим внимательно посмотрел на рыцаря.

— Кто рядом?! — то ли переспросил он, то ли прозвучало эхо...

И затем услышал...

...тихое и далекое...

...ление в ушах.

Звук усиливался: высокое, непрекращающееся завывание, напоминавшее пронесшийся и в то же время постепенно приближающийся к ним ветер. Джим отчетливо распознал в монотонном завывании нечто зловещее, вызывающее инстинктивную дрожь в спине.

Реакция тела взбудоражила Джима сильнее, чем сам звук. Кто может прятаться ночью в лесной чаще? Что за существо способно вогнать в дрожь дракона? Он попытался спросить Брайена о том, кто издает эти жуткие звуки, но слова застряли в гортани.

Суеверный страх остановил его. Стоит задать Брайену вопрос

и получить ответ — как нечто пока еще неизвестное, наползающее сейчас на них, тут же станет безоговорочно реальным. А незнание может в итоге свести все к иллюзии, кошмарному сну, с воспоминанием о котором он проснется — и увидит солнечное утро.

Соратники стояли, а завывание, как будто зная себе цену, медленно нарастало и подступало все ближе. Джим понял, что бегство от ночного кошмара в завтрашний безоблачный день уже не состоится.

— Сэр Брайен,— произнес он наконец.— Что это?

Глаза рыцаря, упрятанные вглубь шлема, странно блеснули и недоуменно посмотрели на Джима.

— Ты не знаешь? Сандмирки, сэр Джеймс.

И стоило Брайену произнести это слово, что-то из крови Горбаша выплеснуло знание в мозг Джима. И он вспомнил, и не требовалось больше расспросов, как они выглядят, эти охотники ночи, кружащие вокруг лагеря, подступая все ближе и ближе к огню, к Джиму и Брайену, ожидающим их появления.

В сознании Джима всплыл образ некоего гибрида крысы с хорьком, размером с небольшую собаку. Когда они подойдут ближе, их глаза засверкают красным, отражая огонь, но покрытые черной, жесткой шерстью тела останутся невидимыми в темноте, в то время как они примутся кружить вокруг поляны, оставаясь вне досягаемости отблесков костра. И из их пастей будет вырываться безумное подвывание, которое паучьими лапами страха перебирает по спине, вылезая из подсознания Джима.

— Как они здесь оказались? — воскликнул Брайен.— Мы вдалеке от моря, и только дьявол мог показать им путь сюда. Они обитают на холодных соленых пляжах. Маленькие береговые зверьки да несчастные люди, потерпевшие кораблекрушение, которым не повезло и которых океан вынес ночью на берег — вот их обычная добыча. Против этого врага мой меч и твои лапы, сэр Джеймс, бессильны.

— Если они приблизятся...

— Не посмеют до тех пор, пока сознание не покинет наши тела. Сандмирки — трусливые существа, их оружие — безумие.

— Безумие? — переспросил Джим. Слово ледяным ножом полоснуло по нервам.

— Что еще означают их завывания? — спросил Брайен и сам ответил:— Говорят, в них переселяются души животных, умерших в безумии или в великих мучениях; и сандмирки извергают этот ужас по ночам, чтобы заразить сознание путников — таких, как мы. Я не знаю, как обстоит дело с тобой, сэр Джеймс, но мне святой Жиль всегда был хорошим другом, и просто так он бы не посоветовал набрать большую вязанку хвороста. И мой совет: взывай к этому милосердному святому, и к Богу со свитой ангелов — ведь кто еще придет к нам на помощь?

Рыцарь обнажил меч, вонзил острие в землю перед собой и, обхватив обеими руками рукоять, молитвенно склонил голову.

Джим неподвижно стоял, наблюдая за рыцарем, огнем и окружающей темнотой, вслушиваясь в нагнетаемое зловещее подвывание.

Он не был религиозен; даже в этот момент что-то восстало в его душе при мысли искренне или хотя бы притворно обратиться за помощью к *силам небесным*. С другой стороны, он не мог не позавидовать Брайену, который в трудные моменты имел столь удобную отдушину.

Джим не знал, считать ли правдой рассказ о переселении душ животных, умерших в мучениях или безумии. Но нельзя было отрицать факта, что завывания просачивались сквозь разум и логику, сквозь новые, «верхние» структуры мозга Джима, накладываясь на «нижние», старые, примитивные уровни сознания Горбаша, выплескивая на поверхность аккорды атавистического страха, о существовании которого Джим даже не догадывался. Внутри Джима-Горбаша с первого момента, как он узнал источник завывания, зародился импульс, подталкивающий повернуться и спастись бегством. Бежать и бежать — до тех пор, пока не исчезнет звук или пока от безостановочного сумасшедшего бега не разорвется сердце.

Возможно, так и поступали все жертвы сандмиров. Они спасались бегством и бежали до полного изнеможения. А затем, когда добыча падала в беспомощном истощении, черные горбатые тени со светящимися глазами обступали, подвывая, готовые убивать и пиршествовать. Рациональное сознание подсказывало Джиму, что бегство закончится смертью. И, подобно Брайену, он должен оставаться на месте и сражаться со звуком, грызущим рассудок.

Он не мог забыться в молитве, как Брайен. Так какую же оборону, какой щит мог он противопоставить кровожадному зову сандмиров?

Таблицу умножения?

Джим рискнул попробовать. На какое-то время он сумел сконцентрироваться на цифрах. И вскоре поздравил себя с тем, что нашел средство противодействия. Он просчитал их, но когда принялся повторять, обнаружил, что цифры уже слабее блокируют звук. А на третий раз они не помогли вообще. Они стали ничего не значащими звуками, которые он еле слышно бормотал себе под нос и сам для себя.

Джим порылся в памяти, — под аккомпанемент завывания сандмиров, которые кружили в пятидесяти ярдах от лагеря, — придумывая более эффективное, чем таблицы умножения, средство. В отчаянии он начал произносить вступительную часть своей докторской диссертации по изменениям социальных обычаев, вызванных развитием и ростом городов Франции во времена Столетней войны. Бессонными ночами, после работы, он сидел при свете настольной лампы и зубрил текст. И если существовала защитная магия, он ее нашел.

— ...Исследования прямого воздействия английского военного

вторжения в западную Францию за два десятилетия после тысяча триста пятидесятого года, — бормотал он, — указывают на значительные перемены. Но они не были осознаны людьми того времени. Рассмотрим посылку на примере Бордо. Этот порт...

Внезапно, к собственной радости, он осознал, что желаемый эффект достигнут. Все полуночные усилия, вложенные в диссертацию, создали ментальный механизм с мощным защитным эффектом, наглухо закрывшим подсознание от завывания сандмиров. И как долго он сможет произносить текст, так же долго сумеет удерживать сандмиров на расстоянии. Он отгородился от завываний барьером, который пропускал лишь слабые, неопасные отголоски. Диссертация была напечатана на двухстах двадцати страницах, через два интервала. И Джим еще очень нескоро дочитает ее, как это произошло с таблицей умножения. Джим посмотрел на Брайена, стоявшего по другую сторону костра, и увидел, что тот продолжает молиться. Джим не отважился отвлечься от разговора, но глазами дал понять, что успешно держится, и ему показалось, Брайен понял и вернул аналогичное послание.

Сандмирки приблизились, подступив к границе между светом и тьмой. Их визги были настолько пронзительны и сильны, что Джим едва слышал собственный голос. Тем не менее, ни он, ни Брайен не сдавались, а хищники темноты не осмеливались атаковать, пока у их жертв оставались воля и силы защищать себя. Джим даже заметил, что Брайен нагнулся, и подкинул в костер несколько веток.

Пламя вспыхнуло, Джим напряг зрение, и ему показалось, будто темные силуэты отступили глубже в ночь. Они с Брайеном продолжали нести свою неусыпную вахту, не останавливая чтения «молитв».

Ночь медленно тянулась.

Огонь сверкал. Сандмирки кружили, ни на минуту не прекращая приглашать путников на оргию ужаса. И рыцарь, и Джим, глядя друг на друга, продолжали говорить — чуть осевшими, хриплыми голосами. Сэр Брайен покачивался от усталости; Джим ощутил, что изнеможение растекается и по его телу. Темнота по-прежнему окружала их. Но, хотя солнце взойдет не скоро, холодный, сырой запах рассвета уже витал в воздухе.

Впервые с того момента, как он начал читать диссертацию, Джим ощутил, что под давлением визгливых голосов сандмиров возведенный им барьер начал потихоньку рассыпаться. Уставшая память споткнулась, уронила зачитываемую страницу, но быстро нашла ее. Однако и за единственную секунду слабости эффект завываний дал о себе знать. Он проникал теперь сквозь слова, натужно произносимые Джимом, и сила его неуклонно возрастала.

Джим заметил, что и Брайен перестал молиться. Джим оста-

новился; они смотрели друг на друга через пламя костра; завывание усилилось и перешло в триумфальный рев.

Рыцарь обхватил рукоять меча обеими руками, выдернул из земли и направил острие в небо.

— Во имя Бога,— сказал Брайен надтреснутым, измученным голосом; Джим едва разбирал слова.— Сразимся с ними, пока у нас еще остались силы.

Джим кивнул. Смерть в битве была предпочтительней, чем трусливое бегство. Он обошел костер и встал рядом с Брайеном.

— Вперед! — хрипло воскликнул рыцарь и поднял над головой меч...

Но прежде, чем они бросились на невидимого противника, окружавшего их, темноту прорезал крик, еще более зловещий, чем завывание сандмиров. И уже миг спустя завывания, сводившие с ума, полностью прекратились, сменившись шумом разбегающихся в разные стороны маленьких тел.

Послышался еще один крик, прямо перед ними и намного ближе. Соратники выжидали; звуки бегства смолкли, а затем раздался третий крик, но уже в значительном удалении.

— Клянусь святым Жилем! — возбужденно прошептал рыцарь.— Кто-то убивает сандмиров...

Сразу после его слов раздался четвертый крик, а затем наступила полная тишина.

Брайен оцепенело принялся разжигать костер. Пламя затрещало, вспыхнуло и отогнало темноту. Джим посмотрел вверх.

— Брайен,— позвал он.— Я думаю...

Рыцарь посмотрел вверх. Край облака переместился, появились редкие звезды. Небо начинало бледнеть.

— Рассвет,— прохрипел он.

Они наблюдали, как небо насыщалось светом, стирая в небытие звезды.

— Но кто же пришел нам на помощь? — спросил рыцарь. Джим покачал головой.

— Не знаю,— столь же хриплым голосом ответил он.— И не могу предположить...

Он осекся...

Что-то зашевелилось — еще более черное, чем темные тени мрака, по-прежнему лежащие невдалеке от костра. Новое движение — и в круг света медленно вошло существо — о четырех лапах, размером с карликовую лошадку, с зелеными глазами и вытянутой узкой мордой. Пасть зверя была приоткрыта, а за блестящими зубами виднелся огненно-красный язык.

Это был волк. Только размером вдвое крупнее самого крупного волка, виденного когда-либо Джимом в кино или зоопарке. Зеленые горящие глаза скользнули мимо рыцаря и костра и остановились на Джиме.

— А, это ты,— резкий глубокий голос вырвался из пасти, напоминавшей кривую восточную саблю.— Мне в общем-то все равно. Просто я подумал, а не навесить ли мне вас.

Только окончательно измученное сознание может выкидывать эдакие фортели. Кажется, прежде всего, что узнал и испытал Джим в новом мире, его ничто уже не могло удивить или поразить. Особенно после ночного приключения, когда он каким-то чудом не стал добычей сандмирок. Но все произошло непредсказуемо иначе, и Джим был буквально сражен наповал, когда с ним заговорил волк.

Джим с грохотом осел на задние лапы. Находись он в теле человека, то наверняка потерял бы сознание и шлепнулся на землю. В обморок он не грохнулся, но эффект ошарашивания был примерно того же уровня. Пока огромный волк приближался к костру, Джим судорожно пытался что-то выговорить.

— Кы...то... кто ты? — заикаясь, спросил он.

— Что с тобой, Горбаш? — удивленно прорычал волк. — Быть может, сандмирки унесли с собой твою память? Ты единственный, с кем я знаком уже двадцать лет! Надо сказать, немногие оставались в живых, спутав Арагха с любым другим английским волком!

— Так Арагх — это ты? — сдавленно спросил Брайен.

Волк внимательно посмотрел на него.

— Да. А кто ты, человек?

— Сэр Брайен Невилл-Смит.

— Никогда не слышал, — проворчал волк.

— Мой род — младшая ветвь Невиллов, — чопорно заявил сэр Брайен. — А земли мои начинаются от Вайвенстока и тянутся к северу до реки Лин.

— Никто из наших там не живет, — проскрежетал Арагх. — Но что ты делаешь в моем лесу?

— Мы пересекаем его на пути в Малверн, сэр Волк!

— Когда обращаешься ко мне, называй меня Арагхом, человек.

— Тогда и ты обращай ко мне, как к сэру Брайену, сэр Волк!

Пасть Арагха начала приоткрываться, обнажая поблескивающие белые зубы.

— Постой, — поспешно сказал Джим.

Арагх обернулся, пасть слегка прикрылась.

— Горбаш, сэр Брайен путешествует с тобой?

— Мы Соратники. И я не совсем Горбаш. Видишь ли... — и Джим сбивчиво, усталым голосом, описал и ситуацию, и то, как они с Брайеном очутились в лесу.

— Хм-мм! — проворчал Арагх, когда Джим завершил рассказ. — Полнейшая несуразица. Вечно ты, задумав что-нибудь, умудряешься в семь раз усложнить дело. Однако, если сэр Брайен вызвался сражаться рядом с тобой, то мне, значит, придется терпеть его присутствие... — Он повернулся к Брайену и посоветовал: — Хорошенько присматривай за Горбашом. С мозгами у него туговато, но он долгие годы был моим другом...

В сознании Джима вспыхнул лучик света. Арагх был тем самым приятелем Горбаша, о котором так неодобрительно отзывался Смргол, и с которым Горбаш познакомился еще в юношеские годы.

— ...я не хочу чтобы его сожрали сандмирки или кто-нибудь еще. Понял?

— Заверяю тебя...— гордо начал Брайен.

— Не надо заверений! Выполняй! — рявкнул Арагх.

— Насчет этих сандмирков,— поспешно вклинился в разговор Джим, сделав вторичную попытку увести разговор между Брайеном и Арагхом от возможных разногласий.— Они чуть не прикончили нас. А на тебя их завывания не действуют?

— С какой стати? — удивился Арагх.— Я — английский волк. И я не думаю одновременно о двух разных вещах. Сандмиркам место на побережье. В следующий раз они будут знать, что уговорено им в моем лесу.

И он тихо зарычал.

— Ты хочешь сказать...— Брайен снял шлем и с изумлением оглядел волка,— что слышишь завывание, но оно не оказывает на тебя никакого воздействия?

— Сколько еще раз мне придется повторять? — проворчал Арагх.— Я английский волк. Полагаю, усевшись под деревом, как некоторые люди, и прислушиваясь к лесу, я возможно, и замечу издаваемый ими шум. Но, стоит мне слышать их возню, и я говорю себе: «Этой падали здесь не место!» Это — единственная мысль в моем сознании, покуда сандмирки не изгнаны из леса воясь!

Он облизнул губы длинным языком.

— Четверо осталось,— уточнил он.— Но они непригодны для еды. Зато все они так славно попискивали, когда я сворачивал им шею. Не сомневайтесь, *эти* их звуки я слышу превосходно!

Он уселся на задние лапы, обнюхал костер.

— Мир вырождается,— пробормотал волк.— Так мало осталось здравомыслящих голов. Волшебники, Темные Силы и сопутствующий бред. Свернуть несколько шей, разодрать, в старых добрых традициях, с десяток глоток и поглядеть, как поведут себя сандмирки и прочая гадость! Посмотрим, как после нескольких поражений своих тварей Темные Силы смогут учинить смуту!

— А как давно ты знаком с сэром Джеймсом? — поинтересовался Брайен.

— Сэр Джеймс? Сэр Джеймс? Он — Горбаш. Для меня он — Горбаш,— проворчал Арагх.— Горбашом был, Горбашом и останется, несмотря на всю чушь с заклятиями и порчами. Не верю, что сегодня человек таков, как он есть, а завтра он уже совсем другой. Делай все, что тебе заблагорассудится, но для меня он — Горбаш. Двадцать лет, отвечу я тебе. Но почему ты так интересуешься?

— Мой любезный друг...

— Я не твой друг. Я ничей друг. Я — английский волк, и советую не забывать об этом.

— Непременно, сэр Волк.

— Так-то лучше.

— Услышав о столь незначительной симпатии к походу, принимаемому сэром Джеймсом и мной, и заметив первые лучи рассвета, остается только поблагодарить вас на неоценимую помощь, так щедро...

— Помощь?! .

— Называйте, как хотите. Как я уже говорил, — Сэр Брайен надел шлем, взял седло и подошел к коню, — осталось только поблагодарить вас и, распроставшись, продолжить путь к замку Малверн. Пойдем, сэр Джеймс.

— Обождите! — взревел Арагх. — Горбаш, а как ты собираешься бороться с Темными Силами?

— Ну... любыми способами, — ответил Джим.

— Достоинно, — проворчал волк. — А если они опять нашьют сандмиров?

— Тогда...

— Так я и думал, — с горьким удовлетворением прорычал Арагх. — Как принято, все будет зависеть от меня. Плюнь на все, Горбаш! Очнись от безумия! Перестань фантазировать о человеческом сознании и становись-ка обычным, нормальным драконом.

— Исключено, — отказался Джим. — Я обязан спасти Энджи...

— Кого?

— Даму его сердца, — сухо произнес Брайен. — Он ведь объяснил, как другой дракон, Брайгх, укрылся с ней в Презренной Башне.

— Дама его сердца? *Дама* его сердца? Куда мы катимся? Дракон втюрился в человеческую самку и называет ее «дамой своего сердца»! Горбаш, перестань заниматься ерундой и быстро порхай домой!

— Прости, — процедил сквозь зубы Джим. — Нет.

Арагх зарычал.

— Чертов идиот! — Он поднялся на четыре лапы. — Ладно. Пойду с тобой, пригляжу, чтобы сандмирки не садировали тебя. Но только сандмирки! Запомни! Я не намерен принимать участие в твоих дурацких затеях.

— Тебя, кажется, никто не приглашал, — заметил Брайен.

— Мне не требуется приглашения. — Арагх повернул к рыцарю пасть в легком оскале. — Я хожу, где хочу, сэр рыцарь. И хотел бы я видеть того, кто осмелится остановить меня. Я английский...

— Безусловно! — вмешался Джим. — И мы мечтали бы видеть в наших рядах Английского волка. Как ты считаешь, Брайен?

— Свидетельствуй от своего имени, сэр Джеймс.

— Я бы мечтал, чтобы ты был рядом с сэром Джеймсом, сказал Джим. — Сэр Брайен, ты должен признать, что мы бы вдвоем не справились с сандмирками.

— Хм-м! — У Брайена был вид человека, которому вырвали зуб, не предложив предварительно выпить анестезии. — Согласен.

Неожиданно рыцарь покачнулся, и седло, выскользнув из рук, упало на землю. Пошатываясь, он подошел к дереву и с металлическим лязгом сел, прислонившись спиной к стволу.

— Сэр Джеймс, — хрипло произнес он. — Мне необходим отдых. — Брайен откинул голову и закрыл глаза. Через секунду он тяжело задышал, глубоко вдыхая воздух и уже приближаясь к храпу.

— Да, — сказал Джим, глядя на рыцаря. — Ночь мы провели без отдыха. Пожалуй, я тоже посплю.

— Чтоб я тебе возражал, — хмыкнул Арагх. — Но я не сплю по десять раз на дню. Я прослежу пока, чтобы сандмирки не вздумали возвратиться в лес.

Волк глянул на восходящее солнце.

— Вернусь к полудню.

Он повернулся и в мгновение ока исчез. Джим разглядел, как он скользнул между деревьями, а затем беззвучно и бесследно растворился в лесу. Джим прилег на траву, засунул голову под крыло и закрыл глаза.

Но, в отличие от Брайена, заснуть не смог.

Двадцать минут он упорно лежал с закрытыми глазами, спрятав голову под крыло, но потом обреченно сел и осмотрелся вокруг. К собственному удивлению, чувствовал он себя прекрасно.

Он вспомнил, как во время разговора с Арагхом исчезла хрипотца в голосе. Очевидно, тогда же ушла и усталость. Это пора-жало, но, по-видимому, способность восстанавливать силы у дра-кона была на более высоком уровне, чем у человека. Он поглядел на Брайена, который выводил храпом рулады, повествующие о полном изнеможении. Тело его расслабленно съехало, и рыцарь уже почти лежал на траве. Он явно не сдвинется до полудня; у Джима возникла проблема, как убить время. Он подумал о еде.

Джим приподнялся на задних лапах. Самое время позаботиться о завтраке. Он совсем собрался было уходить, но сомнения остановили его. Что если, заплутав в лесу, он не сможет найти обратного пути? Стоит ли пометать по дороге деревья...

Он прервал рассуждения, мысленно обозвав себя идиотом.

Несомненно, отправившись пешком, он заблудится в лесу. Но стоит ли напрягать лапы? Он расправил крылья. Усталость и ломота исчезли. Резкий хлопок — и он уже поднимался над поляной, набирая высоту. Внизу Брайен окончательно сполз в траву и храпел пуще прежнего.

Но через несколько секунд Джим позабыл о рыцаре. Как здо-рово вновь оказаться в воздухе! Считанные взмахи крыльев под-няли его над макушками деревьев. Он облетел поляну, запоминая, как она выглядит с высоты, а затем, поднявшись выше, привязал ее расположение к окружающей местности. Оказавшись на высоте, он радостно отметил, что и поляна, и ручей были хорошо разли-чимы со значительного расстояния.

Оставив Брайена и поляну позади, он сделал вираж и принялся изучать лес.

С воздуха лес походил на парк больше, чем с земли. Крупные деревья росли равномерно, и Джим достаточно хорошо различал землю. К неудовольствию желудка, ничто не напоминало потенциальной еды. Он поискал глазами Арагха, но и того нигде не было видно.

Бессмысленно парить над лесом только ради удовольствия от полета и для приятного времяпровождения. В сознании всколыхнулось чувство вины. С того момента, как он повстречал рыцаря, он почти не вспоминал об Энджи. В добром ли она здравии? Не следовало ли ему лично полететь и удостовериться в этом?

С такими мыслями он поймал термал, и тут же воспоминание о завываниях сандмиров вызвало дрожь. Единственный способ изгнать тревогу, твердил он себе, — это полететь и убедиться, что Энджи цела и невредима. Рекомендации Каролинуса держаться подальше от Презренной Башни до тех пор, пока он не соберет Соратников, которые помогут низвергнуть Темные Силы, казались Джиму бессмысленными. Он сам решит, как поступать.

Внезапно он обнаружил, что летит на высоте нескольких тысяч футов и все продолжает подниматься на попутном ветре, задувшем в направлении болот и берега. Медленно спланировав на потоке, Джим окажется в месте, где выходит к океану Великий Тракт. И в этот момент он услышал в сознании эхо завывающих сандмиров и наслаивающийся на него кинжальный шепот, маявший в Презренную Башню.

«Сейчас... — призывал шепот. — Лети сейчас... не медли... один... сейчас...»

Холодок страха отрезвил Джима. Резко накренившись, он повернул в сторону леса и начал затяжной вираж к прогалине, где оставил спящего Брайена. И стоило ему развернуться, эхо и шепот исчезли — так же быстро и незаметно, как скрывшийся в лесу Арагх.

Слышал ли он зов? Или голос ему померещился?

Усилием воли Джим перестал терзать себя этими вопросами. Не померещилось одно: он действительно набрал высоту, и ветер донес бы его до Презренной Башни. Но та уязвимость, с которой он поддался зову, вызывала тревогу. Вчера, когда Джим двинулся к башне пешком, ничего подобного с ним не происходило. Каким-то образом завывания сандмиров приоткрыли лазейку, через которую Темные Силы могли взывать к его подсознанию. И несмотря на изгнание тех мелких, уродливых существ, Темные Силы провели результативную атаку.

Но... все ли так просто? Появление Арагха было как нельзя более кстати. А можно ли считать совпадением появление сандмиров? Что если Темные Силы послали сандмиров не с целью уничтожить их? Возможно, главная их цель — не убить Джима Эккерта, а заманить его в Башню?

Леденящая душу мысль!

Джим сокрушался, что рядом не было Каролинуса, который смог бы ответить на все вопросы. Чутье подсказывало Джиму, что развернувшись и долетев до Звенящей Воды — если он доберется до места и разыщет волшебника, — он успеет до полудня вернуться к Брайену. Но будет ли волшебник рад его появлению? Каролинус несколько раз подчеркнул, что прежде, чем предпринимать решительные действия, Джим должен набрать Соратников.

Что ж, размышлял Джим, летя над Линхенским лесом по направлению к поляне, где спал рыцарь, двух Соратников он подыскал: Брайена и Арагха. Но теперь, когда он так решительно развернулся от Презренной Башни, в душу закралось подозрение, что Арагх испарился. Однако Арагх долгие годы был другом Горбаша. Волк оказался мрачной личностью, но за этим не скрывалось ничего тайного, подлого, недосказанного. То, кем он был, лежало на поверхности, открытое для всеобщего обозрения.

Джим заметил валявшийся на земле предмет, развернулся, пошел на сужение и приземлился рядом с мертвым сандмиром — одним из четырех, убитых Арагхом прошлой ночью.

Джим осматривал его: в некотором роде пища, но желудок Горбаша воспротивился уже самой этой мысли. Причины были непонятны, но реакция однозначна. Джим склонился над трупом, приоткрыл челюсти, но желудок моментально отреагировал приступом тошноты. Очевидно, Арагх обоснованно утверждал, что сандмиры непригодны для еды.

Джим оставил труп на съедение жукам и мухам, уже кружившимся над сандмиром, взмыл в воздух, принялся искать поляну и увидел ее достаточно быстро.

Приступ тошноты избавил его от аппетита. А Джим чувствовал именно аппетит, но не голод: они с Сенохом съели вчера корову на двоих. Но все же — хотя Джим признал, что ему досталась львиная доля мяса — ужин не набил до отказа желудок Горбаша. Но несмотря на это он не страдал от отсутствия пищи. Разумеется, при первой же возможности он поест, но сейчас Джим не испытывал внутренней пустоты и дискомфорта настоящего голода. Очевидно, драконы какое-то время могли обходиться без еды и набивали брюхо до отказа, когда это было возможно. Обычно, как предположил Джим, драконы ели приблизительно раз в неделю, но сытно и до отвала. И если его предположение было верным, то он вполне обойдется без еды несколько дней. Однако, когда он доберется до пищи, то придется наесться по самое горлышко.

Он подлетел к поляне, снизился и легко приземлился на траву. Брайен все еще лежал у дерева, похрапывая во сне.

Джим посмотрел на солнце и прикинул, что до полудня оставалось около трех часов. Он подошел к ручью, жадно напился и растянулся на траве. Утренняя прогулка расслабила его. Он почувствовал вялость и умиротворенность. Машинально он запрягал голову под крыло и мгновенно заснул.

Его разбудил голос Брайена, который жизнерадостно повторял музыкальное обещание того, что следует ожидать водяным драконам от Невилла-Смита.

Джим сел и увидел обнаженного рыцаря, стоящего в ручье. Тот окатывал себя холодной водой, непрерывно распевая. Доспехи лежали на траве, а расправленная на земле или висящая на вбитых кольях одежда просушивалась на солнце. Джим поднялся и, подойдя к одежде, принялся изучать ее. Он предположил, что Брайен выстирал ее и развесил на просушку. Но все уже высохло.

— Блохи, сэр Джеймс,— весело крикнул Брайен.— Блохи! Черт подери! Они обожают размножаться в гамбесоне под доспехами больше, нежели в каком-либо другом предмете гардероба джентльмена. А горячее солнце или жаркий костер быстро изгоняют их из швов.

— Что?.. Да, безусловно,— сказал Джим.— Проверенный способ.

Джиму не пришло в голову, что проблема паразитов окажется универсальной — как в этом средневековом мире, так и в средневековье его собственного мира. Он возблагодарил творца, что шкура дракона была слишком толстой и жесткой для этих настырных созданий. Он поглядел на солнце. Оно стояло в зените.

— Арагх вернулся? — спросил он.

— Нет,— сказал Брайен.

— Кто сказал: «нет»? — проревел голос Арагха. Он появился из-за дерева, которое вряд ли могло служить ему укрытием.— Я вернулся некоторое время назад. Кто сказал, что меня нет!

— Никто, сэр Волк,— весело ответил Брайен, выходя из ручья. Руками он отряхнул с тела и ног последние капли воды и стал одеваться, не утруждаясь вытереться насухо.

— Через мгновение мы тронемся в путь.

Мгновение растянулось в несколько минут, прежде чем Брайен оделся, облачился в доспехи и оседлал коня. Затем он забрался в седло.

— В путь? — спросил он.

— Да,— отозвался Джим.

Арагх метнулся вперед и растворился в лесу. Джим и Брайен последовали за волком.

Они повстречали его через две поляны. Тот со скучающим видом ожидал их.

— Ясно,— проворчал он.— Гонки черепах. Так? Ладно, придется мне плестись рядом.

И, соразмерив темп, он пошел вровень с ними.

— Я не намерен пускать коня рысью по жаре только ради того, чтобы ублажать тебя,— сообщил Брайен.

— А почему бы и нет? Это единственно нормальный способ передвижения,— пробормотал Арагх.— Впрочем, поступай как знаешь. Нет, не сюда, сэр Рыцарь.

— Я знаю дорогу к замку Малверн,— высокомерно отчеканил Брайен.

— Дорогу — несомненно,— заметил Арагх.— А я — кратчайший путь. По дороге вы доберетесь до замка через полтора дня. А я до захода солнца выведу вас к Малверну. Ступайте за мной. Впрочем, как пожелаете, мне это безразлично.

И он, низко помахивая хвостом, свернул вправо. Джим и Брайен остановились и переглянулись.

— Но так мы спустимся к низовьям реки Лин,— запротестовал Брайен.— А ближайший брод в пятнадцать милях вверх по течению.

— Это его владения,— возразил Джим.— Вероятно, следует доверять словам Английского волка.

— Сэр Джеймс...— начал было Брайен,— но тут же смолк.— Согласен.

Он развернул коня, Соратники последовали в направлении, выбранном Арагхом, и скоро нагнали его.

Они путешествовали сквозь прятные теплые полуденные часы. Лес стал реже. Разговор не клеился. Арагх и Брайен перекидывались недовольными «сэр Рыцарь» и «сэр Волк» всякий раз, когда Джим пытался завести беседу. Но постепенно холодок во взаимоотношениях растаял, когда они нашли общую тему: презрение к человеку по имени Сэр Хьюго де Буа де Маленконтри.

— ...послал загонщиков в мой лес! — негодуя рывкнул Арагх.— В мой лес! Как в свои охотничьи угодья. Но охоту я ему сорвал, задрал с полдюжины лошадей...

— Лошадей?!

— А почему бы и нет? — сказал Арагх.— Люди в доспехах заботятся о своей шкуре, разъезжая на чужих четырех лапах. Английский волк не позволит сесть себе на спину!

— Джентльмену не обойтись без хорошего коня. Не обязательно для охоты. Я всегда спешиваюсь и иду на кабана с копьем.

— А? В компании двадцати или тридцати — для верности.

— Ничего подобного. Неоднократно я в одиночку отправлялся на охоту в заросли.

— Смелый малый,— неохотно признал Арагх.— Кабан — это дело серьезное. Тварь хоть и безмозглая, но шутки с ним плохи. Бросается на всех. Единственный способ справиться — отступить в сторону, атаковать сбоку и переломать ногу-другую, если сумеешь.

— Благодарю за совет, но я предпочитаю копье. Я принимаю атаку и рогатиной удерживаю кабана на расстоянии. Потом, уловив момент, вытаскиваю изогнутый легкий фальчион и пронзаю кабана глотку.

— Дело вкуса,— проворчал Арагх.— Но прислужники де Буа не любители передвигать ногами. Я убил двоих, искалечил восьмерых, ну а потом подоспел главный отряд, вооруженный арбалетами.

— Отлично потрудились!

— Ага, и все за один день. Но де Буа ускользнул. Выбил солдата из седла, забрал коня и умчался прежде, чем я успел броситься в погоню. Неважно,— зарычал Арагх.— Я успею отловить мерзавца.

— Если я не убью его первым,— заметил Брайен.— Клянусь святым Жилем! Он имел дерзость ухаживать за мадемуазель Герондой!

— Де Шане?

— Да! За дамой моего сердца! Девять месяцев от сего дня, на рождественском пиру у моего повелителя герцога, я отвел его в сторону. «Лорд барон,— сказал я.— Пусть не осквернит лица дамы моего сердца твоё ублюдочное дыхание. Или я буду вынужден, вспоров живот, вздернуть тебя на твоих же кишках».

— Что он ответил? — поинтересовался Арагх.

— Понес чушь, что его наемники освежают меня заживо, если поймают на своих землях. Я рассмеялся в ответ.

— А он? — заворуженно спросил Джим.

— Тоже засмеялся, тварь. Рождественский пир у герцога. Мир на земле, добрая воля и все такое... Никто из нас не хотел затевать публичной ссоры. На такой ноте мы и расстались. Потом я отвлекся на водяных драконов, а сейчас подвернулся поход с сэром Джеймсом. Но день еще придет, и мы встретимся.

И так до бесконечности... и на ту же тему.

В середине дня, пробравшись через плотный кустарник, они вышли на берег реки Лин. Не медля, Арагх зашел в воду, продолжая двигаться поперек течения к противоположному берегу. Вода доходила ему до спины. Джим и Брайен остановились.

— Но здесь же нет брода, черт подери! — воскликнул Брайен.

— С такой погодой, стоявшей последний месяц, да в это время года,— бросил через плечо Арагх,— брод есть... и будет еще и эту, и следующую неделю. Но поступайте, как знаете.

Волк дошел до середины, а шея и голова по-прежнему виднелись над поверхностью воды. Брайен недовольно хмыкнул, пришипил лошадь, спустился к реке и начал переход.

— А я воздухом,— заявил Джим, с отвращением поглядывая на реку.

Он не позабыл о плаваньи по болотам, поэтому поднялся в воздух. В несколько взмахов крыльями он перелетел реку, приземлился на противоположном берегу и стал наблюдать за выходящим из воды Арагхом. Потом они вместе дождались Брайена.

— Должен заметить, ты оказался прав,— неохотно признался Брайен, выходя на берег.— Если это действительно Малвернский лес...

— Он самый,— хмыкнул Арагх в то время, как они входили в лес.

— ...то перед наступлением ночи мы увидим стены замка,— заключил Брайен.— Вступить на земли моей возлюбленной —

это подобно возвращению домой. Заметьте, сэр Джеймс, как миролюбиво и приятно встречает...

Трехфутовая стрела с глухим стуком вонзилась в землю в трех шагах от троицы.

— Ни с места! — приказал звонкий голос женщины или юноши.

— Какого черта? — возмутился Брайен, останавливая коня; изучив угол наклона стрелы, он обернулся по направлению выстрела. — Я собственноручно оторву лучнику уши...

Вторая стрела вонзилась в дерево, стоящее позади в футе от Брайена и в двух дюймах справа от его шлема.

— Я займусь стрелком, — тихо выговорил Арагх и исчез.

— Ни с места, сэр рыцарь! — снова закричал голос. — Или мне придется пустить стрелу через забрало... или в твой глаз, дракон! Не смейте пошевелить и мускулом. Ждите моего разрешения.

Джим застыл на месте. Брайен, как он заметил, тоже благо-разумно не двигался.

Они терпеливо ждали...

ГЛАВА 10

День выдался по-настоящему золотистым. В Малвернском лесу пели птицы, а легкий ветерок проносился мимо Джима и Брайена. Время шло, но ничего существенного не происходило.

На поляну, не дальше двадцати футов от них, вышел из-за деревьев олень, остановился, с любопытством уставился на две застывшие фигуры, постоял чуток и скрылся из виду. Не обращая на Соратников ни малейшего внимания, что свойственно этой породе, мимо вальяжно прошустрил барсук.

Ноги Джима стали затекать, как вдруг он услышал монотонное дребезжание. Шмель с жужжанием дважды облетел их и нырнул под открытое забрало. Позабыв о затекших ногах, Джим с интересом выжидал, предвкушая взрыв эмоций. Но он недооценил самообладание сэра Брайена. Тот не издал ни звука, не сделал ни малейшего движения, хотя острым драконьим слухом Джим слышал исходящее из-под шлема жужжание, которое прерывалось многочисленными паузами, означавшими, что шмель производил посадки на губы, нос или ухо рыцаря.

В итоге жужжатики все же вылетел обратно на свежий воздух.

— Сэр Брайен, — на всякий случай обратился Джим, буруеваемый смутным подозрением, что внутри доспехов на момент отлета шмеля могло покониться бессознательное тело.

— Да, сэр Джеймс? — без признака эмоций переспросил рыцарь.

— Творится что-то неладное. Лучник, стрелявший в нас, должно быть, либо сразу сбежал, либо встретился с Арагхом. Мы стоим целых двадцать минут. Предлагаю пойти и разведать обстановку.

— Возможно, ты прав.

Рыцарь поднял руку, опустил вниз и объехал дерево, из которого торчала стрела. Новых выстрелов не последовало. Джим двинулся следом за Брайеном, держась за деревьями — хоть каким-то укрытием от стрел. Они направились в обход, чтобы сбоку подобраться к месту, откуда были выпущены стрелы.

В лесу было тихо и безлюдно, как они вскоре убедились сами, — по крайней мере, безлюдно на расстоянии ста ярдов. Но, пройдя чуть дальше, они увидели стройную фигуру в камзоле и коричневых чулках: остроконечная шляпа частично прикрывала лежавшие на плечах длинные рыжие волосы. Она — несомненно она — стояла на коленях, отложив в сторону лук и колчан со стрелами, и поглаживала лохматую шею огромного черного животного.

Огромным черным зверем был Арагх. Он лежал на брюхе, его довольная морда покоилась на вытянутых передних лапах, глаза были полузакрыты, и он тихо рычал в такт движениям точных рук девушки, которая поглаживала его шею и почесывала за ушами.

— Что за дьявольское наваждение? — взревел Брайен, оставившая лошадь.

— Следите за своим языком, сэр рыцарь! — отчеканила стоящая на коленях девушка, оглядываясь на Брайена. — Разве меня можно спутать с дьяволом?

Девушка в камзоле и чулках несомненно никоим образом не походила ни на юношу, ни на дьявола. И если бы не стальной взгляд серых глаз, не темный загар лица и рук, то слово «ангел» наиболее точно соответствовало бы описанию ее внешности. И, когда он отбросил эти два несущественных аспекта ее облика, у Джима сложилось впечатление о необыкновенной, незаурядной личности.

Хотя она стояла на коленях, не вызывало сомнения, что она такого же роста, как Джим или Брайен. Ноги ее были длинными, талия узкой, плечи широкими, но хрупкими, а изгибы тела соответствовали идеалам художника из мира Джима, создающего рекламу «коммерческой мечты». Волосы девушки, чуть светлее, чем у Брайена, тщательно переплетались золотыми брызгами солнца. Джим отметил правильный овал лица, идеальной формы рот, прямой нос и, несмотря на сталь серых глаз, признал совершенство линий и форм девушки.

— С кем угодно, кроме дьявола, — признался Брайен. — Но почему рычит волк?

— Разве сложно отличить рычание волка от довольного урчания? — заметила девушка, ласково поглаживая шею Арагха.

Арагх приоткрыл левый глаз и покосился в сторону Брайена и Джима.

— Не лезь не в свои дела, рыцарь, — лениво проскрежетал он. — Еще раз под ушами, Даниэль...

Довольное урчание возобновилось.

— Кажется, ты обещал заняться делом, сэр Волк! — недовольно заметил Брайен. — Известно ли тебе, что мы стояли...

— Рыцаря зовут Невилл-Смит, — разъяснил Арагх девушке. — Дракон — Горбаш, мой старинный друг, — в настоящее время тоже считает себя рыцарем. Сэр Джеймс чего-то там... А христианское имя Невилл-Смита я опять позабыл.

— Сэр Брайен, — отрекомендовался рыцарь, снимая шлем. — А доблестный рыцарь рядом со мной, превращенный колдовскими чарами в дракона, — сэр Джеймс, барон Ривероукский из заморской страны.

В лице девушки зажегся интерес. Она встала.

— Заколдован в дракона? — переспросила она, приближаясь к Джиму и пристально вгляделась в него. — Ты не ошибся? В звериных глазах не видно разума человеческого, а я верю старинным преданиям... Так расскажи, сэр Джеймс, кем ты был? Как тебя превращали? Болезненно?

— Нет, — сказал Джим. — Я неожиданно превратился в дракона, вот и все.

— Из барона и в дракона, так?

— Ну...— замялся Джим.

— Так я и думала! — торжествующе произнесла девушка. — Чары волшебные заставляют тебя молчать. Несомненно, ты был бароном Ривероукским, но это часть истины. Вероятно, ты прославился и как герой.

— Нет,— сказал Джим.

— Откуда ты знаешь? Поразительно! Я — Даниель, дочь Жиль Волдского. Но сейчас я сама по себе.

— Жиль Волдский? — переспросил Брайен. — Известный разбойник?

— Не по воле своей! — гневно ответила она, оборачиваясь к Брайену. — Когда-то отец был титулованным джентльменом. Но настоящее имя его я никому не произнесу вслух.

Арагх зарычал.

— Не сердись,— с необыкновенной мягкостью сказал Брайен. — Я считал, что Жиль Волдский скрывается в Королевском лесу, за Брантлейской Пустошью.

— Да,— ответила девушка. — Он обитает там со своими людьми. Но, как я говорила, живем мы врозь.

— А-а,— протянул Брайен.

— Акай, сколько влезет! — рассердилась она. — Зачем мне воландаться с мужиками, годными разве что в отцы! И со старухами или с малолетними дурочками, которые краснеют и заикаются каждый раз, со мной заговаривая. Дочь такого отца заслуживает лучшей участи!

— Да, да, да,— закивал Брайен.

— Четырежды «да»! — Она перевела взгляд на Джима, и голос ее моментально смягчился. — Нет нужды испрашивать прощения, сэр Джеймс, но скажу честно и открыто — я не стала бы стрелять, знай, что вы и этот рыцарь друзья Арагху.

— Все нормально,— заверил Джим.

— Абсолютно нормально,— вторил Брайен. — Однако, если ты вдоволь нагладила волка, миледи Волдская, то, возможно, мы втроем продолжим путь. До наступления ночи и до закрытия ворот мы хотели бы попасть в замок Малверн.

Он тронул лошадь и поехал. После некоторого замешательства Джим двинулся за Брайеном. А секундой позже к ним присоединились Арагх с Даниель, которая перекинула за спину лук и колчан.

— Вы держите путь в замок Малверн? — спросила она. — Но зачем?

— Я должен испросить разрешение у леди Геронды де Шане стать Соратником сэра Джеймса, отправившегося спасти Даму своего сердца.

— Его Даму? — Она обернулась к Джиму. — У тебя есть дама? Кто она?

— Анджела... э-э... де Фаррел, из Трейлеркорта.

— Мудреные титулы имеют хождение за морем,— откомментировал Брайен.

— Как она выглядит? — не унималась Даниель.

Джим задумался.

— Она красавица,— рыцарь опередил Джима с ответом,— так утверждал сэр Джеймс.

— И я недурна собой,— уточнила Даниель.— Она красива так же, как я?

— Ээ...— запнулся Джим.— И да, и нет. Вы разные типы.

— Разные типы? Как это понимать?

— Это не так легко объяснить,— сказал Джим.— Надо подумать. Впрочем, не лучше ли вернуться к разъяснениям после тщательных раздумий?

— Ладно. Думай, и тщательно,— скорее потребовала, чем попросила Даниель.— Ответ интересует меня. А пока я прогуляюсь с вами до замка Малверн.

Брайен приоткрыл рот. Казалось, он вот-вот что-то скажет. Но, не проронив ни слова, рыцарь сомкнул губы.

Они передвигались группой. Даниель отказалась от предложения Брайена сесть в седло позади него. По ее словам, она могла обогнать белого боевого скакуна в любое время дня и ночи, а идти наравне ей просто не составит труда.

Даниель совершенно озадачила Джима. Он был готов взять в Соратники любого, кто мог оказаться для него полезным. Когда он встретил Брайена, то в голове у Джима свербила мысль, что рыцарь навязался ему в компаньоны. Но, отказавшись от подобной идеи и приняв Брайена как Соратника, он посчитал появление Арагха, и то, что волк примкнул к ним, уже почти естественным. Однако эта девушка — тоже его Соратник? Чтобы она дошла до Презренной Башни и сражалась с Темными Силами ради спасения Энджи? Вряд ли она может оказаться полезной в походе. Несомненно, она безупречно владеет луком, но...

Джим полностью погрузился в складывание всех невероятных элементов мозаики нового мира, куда забросила их с Энджи судьба. Драконы, волшебники, сандмирки (посмотри он про них фильм — долго издевался бы над режиссером), Арагх, и наконец — рыжеволосая богиня с луком и стрелами, которая говорила как... он не сумел подыскать подобающего сравнения. Сама мысль о беседе с красивой, но едва знакомой девушкой настораживала Джима. Откровенность и прямота Даниель пугала его буквально до полусмерти. Почему она запросто задавала любой интересующий ее вопрос?

Безусловно, он мог уйти от ответа, но уклончивость, как правило, вызывает ненужные кривотолки. Проблема заключалась в том, что Джима воспитали в строгих традициях не задавать вопросов, которые могут поставить собеседника в неудобное положение. Но Даниель явно не страдала от комплексов и предрассудков и не боялась задать каверзный вопрос.

«В следующий раз я просто поставлю ее на место»,— решил Джим.

— Глупо! — раздался голос Брайена.— Поверь мне, Арагх. Свернув под этим углом, мы выйдем к ручью Маленький Лин, что течет позади замка. Стена находится на скале, и вдобавок в ней нет прохода.

— Мы выйдем к воротам! — прорычал Арагх.

— Нет!

— К воротам...

— Прекратите,— поспешно вмешался Джим, в очередной раз играя роль миротворца.— Спросим у местных жителей. Договорились?

Мир достигается любой ценой!

Он отделился от отряда, продвигающегося по нескончаемому лесу, и принялся искать того, кто подсказал бы дорогу. Маловероятно повстречать человека, но в этом мире даром речи обладало все: драконы, жучки-глазастики, волки... Исключение являла собой флора. До сих пор он не встречал говорящих деревьев, цветов или кустов. Но, стоит только встретить зверя или насекомое...

Но как назло, в самый нужный момент все словно в воду канули. Джим побрел дальше в надежде повстречать хотя бы мышь или птицу... Неожиданно он едва не споткнулся о барсука, как две капли воды похожего на виденного им ранее на поляне, когда они с Брайеном, замерев застывшими истуканами, безропотно подчинились приказу Даниель.

— Барсук, обожди! — крикнул Джим.

Но тот не был расположен к беседе. Джим взмахнул крыльями, взлетел и приземлился прямо напротив барсука.

Прижатый к кусту, барсук зашипел, показав острые зубки. На одной факультетской вечеринке, после изрядного возлияния, преподаватель зоологии совсем не к месту — по крайней мере тогда — заметил, что барсуки вступают в драку со всеми. И сейчас пыхтящее создание не собиралось разрушать сложившуюся репутацию, незвизрая на колоссальную разницу в весовых категориях с Джимом-Горбашом.

— Перестань фырчать,— рассердился Джим.— Я хочу получить информацию. Мы направляемся к замку Малверн. Следуя этим путем, мы выйдем к воротам или окажемся с обратной стороны замка?

Барсук насупился, сжался в комок и зашипел пуще прежнего.

— Не кипятись,— терпеливо продолжал Джим.— Я ведь просто спросил.

Барсук зарычал и бросился на левую переднюю лапу дракона. Джим поспешно убрал лапу, а барсук развернулся с необыкновенной скоростью, юркнул за куст и исчез. Джим стоял и недоуменно смотрел в пустоту.

Он обернулся и обнаружил Брайена, Даниель и Арагха, с любопытством наблюдавших за ним.

— Я пробовал разузнать, как добраться до замка, но...— начал он, однако под их взглядами слова застряли в горле. Соратники дружно смотрели на Джима как на умалишенного.

— Горбаш,— после затянувшегося молчания констатировал Арагх,— ты пытался говорить с барсуком.

— Да,— ответил Джим.— Я хотел поговорить с тем, кто знаком с окрестностями, и выяснить, как нам выйти к воротам замка Малверн.

— Но ты говорил с *барсуком*! — повторила волчьей реплику Даниель.

Брайен откашлялся, прежде чем сказать от себя:

— Сэр Джеймс,— осторожно поинтересовался он,— ты, вероятно, распознал, что этот барсук заколдован? Или в вашей стране барсуки умеют говорить?

— Нет... этот барсук не был заколдован, а в моей стране барсуки не разговаривают,— сказал Джим.— Но я подумал...

Он замолчал. Джим хотел было в качестве доказательства привести тот факт, что драконы, жуки-глазастики и волки могут разговаривать, но, наткнувшись на взгляды Соратников, догадался, что выставляет себя идиотом. А вскоре он понял, что не выставляет, а уже как следует *выставил*.

— Совсем все в голове перемешалось! — заключил Арагх.— Но не по его вине!

— Впрочем,— оправдывался Джим,— я-то ведь говорю! Но я дракон!

— Сэр Джеймс, а в твоей стране драконы не говорят? — спросила Даниель.

— Драконы у нас просто не водятся.

— Так с чего ты решил, что они не говорят? — резонно спросил Арагх.— Слишком много думать, Горбаш, вредно для здоровья. Попробуй хоть недолго не шевелить извилинами.

— А вот волки в наших краях водятся,— Джим обернулся к Арагху,— но они не разговаривают.

— Волки не разговаривают? Горбаш, ты спятил. И со многими волками ты знаком?

— Лично я? Ни с одним! Но я видел их в... то есть, по...

Джим мгновенно осознал, что такие слова, как «зоопарк» или «кинофильм» для выстроившейся перед ним тройцы будут означать то же, чем стал для рыцаря «Номер Социального Страхования». На каком бы языке он сейчас ни говорил, эти слова окажутся пустым звуком.

— А жуки-глазастики? — в отчаянии спросил он.— Когда я был у Каролинуса, он вылил на землю воду, жук-глазастик вылез на поверхность и заговорил.

— Не горячись, сэр Джеймс,— сказал Брайен.— Магия и вол-

шебство — это безусловно. Но ничего иного, кроме магии. Жуки-глазастики, как и барсуки, не умеют разговаривать.

— Да,— устало согласился Джим и перестал спорить.— Не обращайтесь внимания. Как сказал Арагх, я слишком много думал. Забудем об этом и двинемся в путь.

Отряд двинулся, и внезапно пошел ливень. Хлесткие, упругие струи оплели путников мокрой паутиной. В поисках укрытия Джим огляделся вокруг, но заметил, что трое его спутников не обращают на дождь никакого внимания. Чуть позже он понял, что его толстая пластинчатая шкура тоже практически не реагирует на влагу, и решил не обращать на дождь внимания. Немного погодя тучи разлетелись, и выглянуло солнце.

Светило клонилось к западу, и Джим прикинул, что сейчас около пяти вечера — час, который Брайен и Даниель, вероятней всего, назвали бы серединой меж ноной и повечерьем — пользуясь средневековой терминологией католической церкви. И Джим сразу же принялся рыться в памяти, вспоминая название часов. Заутрене соответствовала полночь. Ранний рассвет — около пяти утра, в зависимости от времени года — назывался славие. Прима — восход солнца, около шести утра. Терция — девять утра; секста — полдень; но́на — три часа пополудни. Вечерня наступала на закате — около пяти вечера или позже?.. И, наконец, повечерье — время отхода ко сну, наступающее не позже, чем спустя час после захода солнца, особенно если ты был монахом и вставать приходилось еще затемно.

Его размышления прервал Арагх, который поднял голову и сообщил:

— Я чую запах дыма.

Джим поноухал ветер, дувший им в спины. Обоняние дракона не слишком уступало волчьему, и он тоже различил слабый запах дыма. При очередном порыве стало ясно, что источник дыма находится совсем неподалеку от них.

Арагх ринулся вперед, а Брайен прищепил лошадь. Джим ускорил шаг, а Даниель непринужденно бежала рядом. Преодолев незначительное расстояние, они вышли из лесу и остановились на расчищенном от деревьев участке, на самом краю деревушки, состоявшей из двух рядов хижин с соломенными крышами и стенами из глины и сплетенных веток. Некоторые хижины все еще дымились. Короткий дождь не обошел и деревню. Обнаженная земля вокруг хижин потемнела, а в канавках собрались лужи. С деревьев и крыш стекала вода, а воздух был мягким и влажным. Запах дыма усилился и завис над деревьями после того, как стих ветер.

В деревне стояла тишина, людей видно не было. За исключением нескольких дымящихся хижин, погашенных дождем, здесь уже ничего не происходило. Четверо или пятеро людей спало на улице или у дверей хижин. Джим вышел вперед Брайена и Арагха и заметил в дюжине футов от себя девочку-подростка в робе

из грубого коричневого сукна, которая лежала на боку спиной к ним. Ее черные волосы были распластаны в грязи.

Джим был поражен. Что за празднество отмечали в деревне? Да так, что люди напились до состояния, что не могли пошевелиться и затушить возникший по пьяной лавочке пожар? Он сделал шаг вперед, намереваясь разбудить девочку и расспросить... В это время на противоположном краю деревни появился отряд всадников из двенадцати-пятнадцати человек, облаченных в полудоспехи и стальные шлемы; они держали мечи наголо. Всадники развернулись и поскакали навстречу Джиму.

Последующие сцены напомнили Джиму резкие скачки кадров старого фильма со склеенной пленкой, которые мелькали в сбивчивой последовательности. Он понял, что произошло в деревеньке. Люди не спали, а были мертвы... убиты... а их убийцы маячили в конце улицы. Он сделал третий шаг вперед, и с нового ракурса увидел раскинутые руки с отрезанными кистями.

Запах дыма окутал сознание Джима. Он взмыл в воздух и бросился на всадников. В момент атаки он увидел поднятые вверх мечи, тускло отражающие солнце, но не ощутил их уколов. При ударе трое лошадей упало, и Джим когтитыми лапами отшвырнул в стороны двоих падающих всадников, а третьего, который находился перед ним, перекусил пополам одним движением челюстей.

Происходящие вокруг события слились в расплывчатое пятно. Он видел, как в грудь всадника, пробив латы, вонзилась стрела, а где-то справа, в ожесточенно вспыхнувшем бою замелькал блестящий клинок. Острие копья Брайена выкинуло из седла сначала одного, а затем второго всадника. Затем копьё отлетело в сторону, зато меч Невилл-Смита с новой силой рубил направо и налево. Неуклюжий на первый взгляд боевой конь рыцаря преобразился. Он вставал на дыбы, ржал, бил передними копытами и рвал зубами лошадей противника.

Слева от Джима Арагх, запрыгнув на лошадь, выбил из седла всадника, его пасть открылась в восторженном зверином оскале, а затем со спины лошади он бросился на следующего всадника.

Бой прекратился внезапно. Двое или трое всадников и столько же лошадей — но без наездников — пустились в бегство. Арагх, уже на земле, раздирал горло раненому противнику. Джим остановился и, пофыркивая, осмотрел поле боя и Соратников.

Арагх и Брайен ранены не были. Даниель, к радости Джима, неторопливо шла по улице ему навстречу, держа наготове лук и стрелу, хотя тетива и не была натянута. Во время рукопашной схватки она благоразумно держалась поодаль и с расстояния отстреливала всадников.

Джим осмотрел передние лапы и тело. Их покрывала кровь — может быть, частично и своя, но боли он не чувствовал. В сознании его одновременно боролись два противоречивых чувства: дракон пребывал в яростном разочаровании, что нет больше врагов, которых надо уничтожать, а вот человека сильно тошнило.

— Стой спокойно! — прикрикнула Даниель. — Как мне прикажешь мыть тебя, если ты вертишься, словно угорелый?

Он хотел сказать, что адреналин в крови дракона, продолжая бурлить, не давал телу передышки. Но как объяснить это доступными Даниель словами? Цепную биохимическую реакцию вызвал чисто человеческий ужас, нахлынувший при виде мертвой девочки с отрубленными кистями рук, после чего Джим полностью превратился в дракона. Но вот полностью ли?

Джиму от всей души хотелось верить в это. Вероятнее всего, он может не сомневаться, что в некоторых эпизодах он был столь же безжалостен, как Арагх или Брайен; или как убитые им всадники.

— Все в порядке, — сказала Даниель после того, как обмыла тело Джима. Она оказалась квалифицированной медсестрой, но не из тех, кто проявляет сострадание. — Тебе порезали кожу, но глубоких ран нет. На три-четыре пореза желательно было бы наложить мазь и повязки. Но если сохранить их в чистоте, они затянутся и без лекарств. Только не валяйся в грязи, сэр Джеймс!

— В грязи? Да зачем мне валяться... — начал Джим, но Брайен, который снимал шлем и перчатки после того, как поднял и тщательно осмотрел копьё, перебил:

— Ясно как божий день. Малвернский замок атакован. Эти свинячьи выкидыши не посмели бы открыто мародерничать!.. Думаю, что гарнизон Малверна, в лучшем случае, находится внутри стен замка и неспособен на вылазку! Необходимо незаметно и осторожно подобраться к замку и разнюхать обстановку прежде, чем вся округа будет знать нашу численность и намерения.

— Иначе, чем незаметно, я к замкам и не подхожу. — Арагх стоял рядом. И хотя высказывание было типичным для волка, он произнес его неожиданно мягким тоном. — А если замок уже не под контролем твоей дамы? Мы повернем назад?

— Нет, — жестко ответил Брайен. Желваки на скулах застыли буграми, лицо стало решительным. — Если замок захвачен, мне придется или спасти даму сердца, или мстить за нее, что отодвигает на второй план желание помочь сэру Джеймсу. Если враги удерживают замок, то мы заночуем на постоялом дворе, неподалеку отсюда. Но сперва выясним, что творится в замке.

— Я сгоняю в замок, и никто меня не заметит, — вызвался волк. — Ждите здесь.

— Но всадники, вызвав подмогу, могут вернуться в деревню, — предположил Джим.

— Только не с наступлением ночи, — возразил Брайен. — А темнота наступит очень скоро. Вероятно, будет благоразумно отправить вас на разведку одного, сэр Волк. Я и остальные напра-

вися на постоянный двор и выясним, можно там остановиться или его постигла участь деревни. Но обожди... ты ведь не знаешь, где находится постоянный двор.

— Объясни, как добраться,— рыкнул Арагх.— Хотя при наличии времени я разыщу и сам.

— К западу от замка ты увидишь небольшой холм, поросший буками. С вершины холма, на расстоянии двух полетов стрелы, если смотреть на юг, лес уходит в ложбину. Постояльный двор и ручей находятся там, хотя с холма, за деревьями, их совсем не видно.

— До встречи,— сказал Арагх и исчез.

Ведомые Брайеном, Джим и Даниель двинулись в путь.

— Эти земли мне знакомы,— объяснил он.— Ребенком я три года служил пажом у сэра Оррина, учась хорошим манерам. А в последние годы моя госпожа и я объездили и исходили каждую пядь здешних мест.

Солнце заходило, и длинные тени деревьев напозлали на траву. Но они ничем не напоминали злое тени Линхенского леса. Вечерняя тишина пронизала все вокруг, полнеба окрасилось в розовый цвет, и мир казался иным, отличным от атмосферы разграбленной деревни.

Момент умиротворенности прошел. Свет неумолимо таял, и когда они дошли до места, Брайен резко осадил коня и поднял правую руку, жестом приказав Джиму и Даниель остановиться.

— Постояльный двор за деревьями,— сказал он.— Идите и разговаривайте тихо. Звуки хорошо разносятся в этой низине, особенно в безветрие.

Они медленно продвинулись вперед и, остановившись в тени дерева, всмотрелись в направлении, указанном рыцарем. Они увидели открытую поляну, которая даже в самом узком месте тянулась на добрых чотыреста ярдов. Ручеек, о котором Брайен рассказывал Арагху, полностью огибал длинный, массивный бревенчатый дом, построенный в центре поляны на заросшем травой возвышении, казавшемся искусственной насыпью, окруженной рвом. В дальнем конце дома, скорее — в пристройке, находилась полуоткрытая конюшня. Две привязанные лошади склонили головы к стеной кормушке.

— Дверь открыта, а ставни распахнуты,— пробормотал Брайен.— Значит, они не оборонялись. С другой стороны, вряд ли это ловушка с поджидаящими внутри воинами, ведь на конюшне всего две лошади. Они не стали бы преспокойно пиршествовать, уведя в лес остальных лошадей только для того, чтобы заманить нас. Находишь поблизости лошади, и эти две постарались бы во что бы то ни стало вырваться из конюшни и присоединиться к своим. Тем не менее, благоразумней дожидаться Арагха. Бегаёт он быстро, так что в любой момент может оказаться здесь.

Они прождали всего несколько минут — и сзади, в кустах, раздался шорох, и появился Арагх.

— Твои опасения подтвердились, сэр рыцарь,--- сообщил он.— Ворота замка закрыты и охраняются. Возле главных ворот я учуял запах пролитой крови, а вооруженные часовые на стенах хвалят своего повелителя, сэра Хьюго.

— Де Буа! — всклокотал Брайен.

— Другого сэра Хьюго мне не упомнить,— красная пасть Английского волка раскрылась в зловещей улыбке.— Возрадуйся, сэр рыцарь! Скоро нам представится возможность использовать шанс.

— Возрадоваться? Когда моя дама, несомненно, в его руках, как, впрочем, и ее замок?

— Она могла спастись,— возразил Джим.

— Она из рода де Шане и правит замком в отсутствие отца, который уже, быть может, встретил смерть в языческих землях. Она защищала замок, и ее либо убили, либо взяли в плен.— Брайен проскрежетал зубами.— А я без веских доказательств не сочту ее мертвой. Следовательно, она в плену.

— Воля ваша, сэр Рыцарь,--- поддакнул Арагх.

— Безусловно, сэр Волк. Но все же стоит разведать, не поджидает ли нас на постоялом дворе западня.

Пасть Арагха заулыбалась.

— Неужто я первым делом не заглянул в этот сарай? Я подкрался сзади и немного послушал. На постоялом дворе сейчас хозяин со своей семьей, двое слуг и один постоялец. Все!

— Ага,— сказал Брайен.— Тогда вперед.

Он пошел, остальные последовали за рыцарем. Они открыто шли через поляну в последних отсветах дня, но, приблизившись ко рву, Невилл-Смит слегка нахмурился.

— Что-то не похоже на хозяина Дика. Он давно вышел бы поглядеть, кто мы такие и с какими намерениями пришли.

Тем не менее, он продолжал двигаться вперед. Шаги облаченных в латы ног гулко зазвучали, когда Брайен ступил на плохо отесанные доски моста, перекинутого через ров и ведущего к двери постоянного двора. Он взошел на искусственный остров, где был выстроен дом, поднялся по пологому склону и шагнул в темноту дверного проема, за которым горел единственный факел. Остальные последовали за Брайеном и увидели, что он замер в шаге от порога.

Рыцарь смотрел на долговязую фигуру, сидящую на грубо сколоченном стуле, закинув ноги в чулках на стоящий перед ним стол. В одной руке незнакомец держал лук, такой длинный, каких Джим никогда не видел, а во второй — стрелу, наложенную на тетиву.

— А теперь несколько слов о себе,— тихим, музыкальным тенором попросила фигура.— Предупреждаю, если кто-либо сделает шаг вперед, то каждому достанется по стреле. Такой странный состав путешественников я встречаю впервые. И если вам есть что сказать мне, я готов выслушать.

— Я сэр Брайен Невилл-Смит! — гордо заявил рыцарь. — Так что обдумай вторично свое любезное предложение проткнуть нас стрелами. Думаю, любой из нас справится с тобой быстрее, чем ты поднимешь руку. Что касается лично меня...

— О, нет, сэр рыцарь, — прервал его человек с луком. — Что касается лично тебя? Не надейся на свои доспехи. С такого расстояния я продырявлю твой металлический камзол так же легко, как и камзол девушки. В огромного дракона не промахнется и слепой. А волк... — он резко замолк и с минуту беззвучно смеялся, — ...а волк умнее всех вас! — закончил он. — И, вдобавок, хитрее. Я даже не заметил, как он смылся.

— Мистер Лучник, — раздался откуда-то из темноты голос Арагха. — Ты не сможешь просидеть внутри этого дома всю жизнь. Настанет день, когда ты покинешь его и поскачешь через лес. И вот тогда, в самый неподходящий момент, твои пальцы вряд ли успеют дотянуться до тетивы, потому что ты будешь валяться на земле с разорванным горлом. Все именно так и произойдет, если ты осмелишься причинить даже минимальный вред Горбашу или Даниель Волдской.

— Даниель Волдская? — лучник буквально впился глазами в девушку. — Стало быть, леди, чье лицо мне никак не разглядеть в отблесках заката, зовут Даниель? Ты случайно не состоишь в родстве с Жилем Волдским?

— Он мой отец, — гордо заявила Даниель.

— Действительно?! Он настоящий мужчина и, если слухи не преувеличены, отменный лучник. Мне просто не терпится встретиться с ним! — Расслабься, сэр Волк, — громко крикнул Лучник. — Даже волосок не упадет с головы этой леди — ни сейчас, ни в будущем.

— Зачем ты ищешь встречи с моим отцом? — настойчиво спросила Даниель.

— Хочу побеседовать об искусстве владения луком. Я Дэффид ап Хайвел — мастер длинного лука, который изобрели и используют жители Уэльса и который по сей день ошибочно называют английским оружием. Я путешествую с единственной целью — доказать английским лучникам, что никто не может сравниться с валлийцами в стрельбе по мишеням, по движущимся и летящим целям. Я хочу доказать, что всосал это умение с молоком матери и, значит, я — валлиец — прирожденный лучник, а они — англичане — нет!

— Жиль Волдский даже ночью разобьет тебя наголову! — с жаром воскликнула Даниель.

— Я очень сильно сомневаюсь, — Дэффид покачал головой, не сводя с девушки глаз. — У меня безумное желание увидеть

твое лицо, леди. Хозяин! — воззвал он. — Неси огня, живо! К нам пожаловали новые постояльцы!

В глубине дома слышались голоса, потом последовал топот приближающихся ног. Вскоре дверной проем за спиной Дэффиды осветился факелом, который держал впереди себя в правой руке грузный человек среднего роста. На вид ему было лет сорок. Несколькими зажженными факелами он нес под мышкой.

— Сэр рыцарь... леди... дракон... — задыхаясь, поздоровался он, расставив факелы по настенным жирндолям и принялся их зажигать.

Когда факелы разгорелись, Джим повернулся к рыцарю и отметил каменное выражение на лице Брайена.

— Как это понимать, хозяин Дик? — восприсил он. — Разве так встречают старых друзей — прячась на задворках, пока другой постоялец не посылает за тобой?

— Сэр Брайен, я... Прости меня... — Хозяин Дик явно не имел привычки извиняться, поэтому каждое слово давалось ему с огромным трудом. — Крыша над головой целая, а семья жива только благодаря этому постояльцу. Мессир, вероятно, ты не в курсе, что Малвернский замок захвачен сэром Хьюго де Буа де Мален-контри...

— В курсе, — перебил Брайен. — Но тебя по непонятной причине пошадил.

— Да, нас не тронули, — согласился хозяин постоялого двора. Он зажег последний факел и обернулся. Теперь свет отчетливо очерчивал лицо каждого из присутствующих. — Я могу благодарить только Бога за то, что мастер Лучник остановился у меня два дня назад. Вчера утром, услышав конский топот, мы подбежали к открытой двери и увидели, что из леса появился вооруженный отряд из пятнадцати-двадцати всадников. «Не нравится мне все это», — сказал я Лучнику. «Тебе действительно все это не по душе?» — переспросил он, сделал несколько шагов вперед и приказал всадникам остановиться.

— Только не говори, будто я сделал что-то особенное, — попросил Дэффид. — Он по-прежнему сидел, скрестив ноги на столе, но лук и стрелы были отодвинуты в сторону. — Всадники проехали примерно четверть расстояния от леса, и среди них не было ни лучника, ни арбалетчика.

— И все же, — настаивал Брайен, с интересом поглядывая на Дэффиду. — Дик упомянул об отряде из пятнадцати-двадцати вооруженных всадников. Сомневаюсь, чтобы твое устное предупреждение остановило их.

— Конечно, не остановило, — объяснил хозяин. — Но когда он убил пятерых так быстро, что я не успел и глазом моргнуть, остальные еще быстрее обратились в бегство. Когда я отправился убирать трупы, то обнаружил — все стрелы вонзились в одно и то же место на груди убитых...

Брайен присвистнул.

— Миледи Даниель,— сказал он,— твоему отцу придется изрядно попотеть, чтобы победить в состязании этого человека, мастера валлийского лука. Дик, полагаю, войны сэра Хьюго больше не навевывались?

— Да пусть приходят, если возникнет желание,— тихо произнес Дэффид.— Я не силен в словесных перепалках, но уверен, что они не вернутся. Так оно и будет.

— Вероятно,— согласился Брайен.— Сэр Хьюго не настолько глуп, чтобы впустую терять всадников — пусть даже для того, чтобы захватить столь богатый постоянный двор.

Совершенно не к месту — хотя и произвольно — при упоминании «богатства» в Джиме вновь затлела искорка алчности. Повторилась та же ситуация, что и в драконьих пещерах, когда вслух было произнесено слово «золото». Увы, алчность являлась врожденным пороком драконов. Джим по капле выдавил из сознания это чувство...

Когда Джим немного очнулся, хозяин постоянного двора уже спрашивал:

— Какую еду и вино подать, сэр Брайен? Свежее мясо или солонину, хлеб и свежие фрукты... эль, пиво и даже французские вина...

Сознание Джима мгновенно отреагировало новой вспышкой интереса.

— И что предложить дракону? — Хозяин Дик обернулся к Джиму.— Я не держу скота, свиней или коз. Но если благородный зверь...

— Дик,— строго начал Брайен.— Этот дракон — джентльмен, сэр Джеймс Эккерт, барон Ривероукский, и живет он за морем. Злые чары превратили сэра Джеймса в дракона.

— О! Простите, сэр Джеймс! — Хозяин Дик принялся театрально заламывать руки. Джим с любопытством поглядывал на необычный спектакль.— Но чем искупить слова, навороченные моей глупостью? Двадцать три года я содержу постоянный двор, но никогда прежде не ошибался, когда порог этого дома переступал джентльмен. Я...

— Все в порядке,— немного растерялся Джим.— Это естественная ошибка.

— Нет, нет, сэр Джеймс! — мотая головой, воскликнул Дик,— Вы — сама любезность, а для хозяина постоянного двора любая ошибка непростительна, иначе он прогорит. Позвольте спросить, какую еду подать вам, сэр Джеймс? Вы разделите трапезу со своими спутниками? Я в неведении, что за яства предпочитают в землях заморских, но погреба мои полны...

— Если можно взглянуть, я выберу сам,— предложил Джим.— Ты упоминал... о вине?

— Да. Вина из Бордо, Оверни...

— Немного вина я бы выпил...

Что было сказано более чем скромно. В ту же секунду, когда

хозяин произнес вслух слово «вино», в груди Джима разлился жар, сравнимый разве что с приливом горячей алчности при упоминании золота. Кроме слабости к сокровищам, драконы грезили по ночам винными складами.

— Еда и вино в подвале? — с невинностью ягненка осведомился Джим. — Тогда не тревожься на мой счет.

— Прошу следовать за мной, сэр Джеймс, — предложил Дик. — Полагаю, вы сможете протиснуться сквозь эту дверь. А вход в подвал достаточно широк, правда идти придется мимо бочек, но лестница достаточно прочна, чтобы выдержать вас...

Не умолкая ни на минуту, он провел Джима через дверь и узкий коридор в большую комнату, очевидно, кухню. Справа имелась открытая настежь дверь, за которой начинались ступени вниз. Джим спустился в погреб вслед за хозяином...

И быстро убедился, что у мастера Дика были все основания для гордости.

Погреб простирался под всем зданием и являл собой склад всякой всячины: от хлама средневековых чердаков до хранилищ и подвалов средневековых замков. Одежда, мебель, мешки с зерном, бутылки — полные и пустые, бочки с...

— Ага, — произнес Джим.

Вдоль дальней стены, на вбитых в массивные деревянные балки крючьях, свисали всевозможные копчености, включая необозримое множество солидных ветчинных окороков.

— Да, — выдохнул Джим, останавливаясь у ветчинного ряда. — Сие утолит мой голод. А где обещанное вино?

— Здесь, у противоположной стены, сэр Джеймс, — сообщил Дик, как-то вдруг засуетившись. В бутылках... но, возможно, вы захотите отведать вино из бочек? У меня большой выбор...

Дик наощупь пошуршал на полке — подвал освещался лишь факелом в руке хозяина. Дик протянул Джиму большой черпак из темной кожи; деревянная ручка была прикреплена металлическими скобами. На вид он вмещал три четверти галлона.

— Отведайте разных вин — они в этом ряду. Пиво и эль в следующем. А я пока отнесу сэру Брайену и остальной компании еду и вино. Потом я вернусь и отнесу наверх то, что выберете вы.

— Не утруждай себя, — слухавил Джим. — Мебель наверху не подходит для дракона. Мне неловко чавкать рядом с людьми, находящимися в своих естественных телах. Я выпью и закушу прямо в подвале.

— Как пожелаете, сэр Джеймс.

Дик ушел, предусмотрительно оставив у бочек с вином факел.

Потирая передние лапы, Джим огляделся...

Джим проснулся со смутным ощущением, что где-то поблизости идет разговор. Двое мужчин приглушенно, но с явным оттенком взаимной нервозности о чем-то договаривались. Время от времени эмоции брали верх и то один, то другой голос произносил фразу чуть громче, чем того желал его обладатель.

Сон уходил; не пытаясь подняться и не открывая глаз, Джим определил, что один голос принадлежал Брайену, а второй — хозяину постоянного двора.

Джим слушал лениво, почти не вникая в смысл разговора. Ему было настолько удобно, что все остальное не имело смысла. Впервые с тех пор, как он внедрил в драконову плоть, желудок оказался столь плотно и приятно набит. И не было у Джима-Горбаша ни малейшего желания добавить к содержимому желудка даже крошки съестного — вне зависимости от лакомоти кусочка или близости его к пасти. А вино превзошло все ожидания и не напоминало о себе головной болью утреннего похмелья. Вероятно, драконы тем и отличаются от людей, что могут пить много и...

Последние обрывки сна плавно рассеялись. В глаза ударил свет факела — Джим вспомнил, как зашипел и погас факел, который оставил Дик. Но и в темноте Джим-Горбаш продолжал есть и пить; он уверенно чувствовал себя в бессветье подвала и уверенно ориентировался, используя обоняние...

Он лучше различил голоса и непроизвольно ухватил ниточку разговора, хотя собеседники явно старались не потревожить его сна...

— ...Но, сэр Брайен,— печально шептал хозяин,— гостеприимство — одно, но...

— Лучник спас твою шкуру от шайки негодяев, изгнав сэра Хьюго,— с укором осадил Брайен.— Ты и твоя семья, вы снова заживете в мире и покое. Сэр Джеймс и я, мы дадим тебе этот желанный мир. Как оправдаешься ты перед дамой моего сердца, когда она вновь вступит во владение замком и прослышит, что ты покусился на жалкие крохи еды одному из ее спасителей?

— Жалкие крохи! — Джим явственно представил в отчаянии заламывающего руки хозяина Дика.— Сорок шесть лучших ветчинных окороков! Четверть бочки бордо и две дюжины бутылок других вин! Три трапезы сэра Джеймса, и я вылечу в трубу!

— Говори тише! — отрезал Брайен.— Захотел своими жадными стопами и причитаниями разбудить благородного рыцаря? Стыдись, хозяин! За те два дня, что я провел в компании сэра Джеймса, он не съел ни крошки. И до взятия замка он, возможно, вновь не проголодается. Но, как я тебе и обещал, все расходы будут оплачены мной.

— Знаю, сэр Брайен. Но хозяин постоянного двора не сможет

накормить голодных гостей, клятвенно уверяя, что погреба пусты. Пополнение запасов провианта, хранившегося в подвалах, дело долгое. И теперь до самой Пасхи мне придется подавать на стол ветчину только как деликатес.

— Замолчи! Поди прочь! — сурово зашипел рыцарь.

Факел исчез вместе со звуком шагов.

Джим открыл глаза в полной темноте. Его начали покусывать угрызения совести. Станный мир с магией и Темными Силами, да еще населенный говорящими существами, усыпил в Джиме часть человеческого. Но сейчас оно пробудилось с удвоенной энергией — ведь при всей сказочной атрибутике это был обычный мир, где люди рождались, любили, страдали, умирали. В этом мире людей спасали и убивали, как ту девочку-подростка...

Джим вспомнил, как часто мечтал он сменить современный мир на средневековое, где проблемы были весомыми и реальными. Но, оказавшись окруженным этими весомыми и реальными проблемами в мире с иными правилами игры, Джим позабыл о своих мечтах и вел себя как во сне, где можно делать, что вздумается, и не отвечать за собственные поступки.

Хозяин был прав. Более, чем прав. У Дика имелись серьезные претензии к результатам пиршества Джима, который, подчиняясь лишь разыгравшемуся аппетиту, подкрепился без стеснения и церемоний. По масштабам нанесенный ущерб был сопоставим с кражей из супермаркета ста двадцати шести окороков и двадцати ящиков вина.

То, что Брайен добровольно вызвался оплатить счет гаргантюанского пиршества Джима, настроения не улучшало. Начать с того, что Джим не считал рыцаря своим близким другом, — по крайней мере, не настолько близким, чтобы записывать на свой счет чужие долги. Джим виновато признал, что, сложись обратная ситуация, — и, рассматривая ее с позиции человека двадцатого века, он не стал бы платить за Брайена, с которым познакомился всего несколько дней назад; то есть, если бы рыцарь попал в подобное положение, то сам бы и отдувался за содеянное, вернее, за съеденное.

Вдохновение всколыхнулось в сознании Джима светом внезапного факела в крошечной тьме. В теле, занимаемом ныне Джимом, прятались потаенные воспоминания Горбаша. Где-то там должны лежать и сведения о месте, где Горбаш хранит свои сокровища. Надо выудить эти воспоминания, найти клад, расплатиться с хозяином и избавиться от неловкости обязательств, которые взял на себя рыцарь.

Принятое решение подняло настроение Джима; он встал на задние лапы, пользуясь врожденным драконьим чутьем, без труда пересек темноту подвала и поднялся в кухню. Наверху он столкнулся с полной женщиной, одних с хозяином лет, которая при появлении Джима сделала реверанс.

— Ух... здравствуйте, — только и сказал Джим.

— Доброе утро, сэр Джеймс,— легко кивнула женщина.

Джим протопал по коридору и вышел в таверну. При мысли о встрече с хозяином или сэром Брайеном он ощущал неловкость, но комната оказалась пуста. Входная дверь была распахнута для проветривания, догадался Джим; ведь узкие щелочки, пробитые в оборонительных целях, а не для вентиляции или освещения, даже при открытых ставнях не заслуживали названия окон. Он вышел из дома и услышал голоса Брайена и хозяина, которые на конюшне осматривали белого боевого коня Невилл-Смита, раненного во время стычки в деревне.

Разговор о лечении коня напомнил Джиму о собственных ранах. Сегодня он ощущал их, но лишь как дюжину порезов после неудачного бритья.

Неожиданный импульс тела Горбаша подсказаллизать их, и Джим обнаружил, что хорошо гнущаяся шея и длинный язык превосходно дотягиваются до ран.

Когда он завершил процедуру, то вызванный ранами дискомфорт практически исчез. Джим сел, огляделся — и тут увидел в десяти футах от себя сидящего Арагха.

— Доброе утро,— сказал Джим.

— Прав, утро неплохое,— подтвердил Арагх.— Провел ночь внутри?

— Да,— ответил Джим,— совсем внутри.

— Каждому свое,— хмуро заметил Английский волк.— Но меня никто не заставит переночевать в сарае, даже просто в него войти.

— Ты не участвовал в застолье вместе с остальными?

— Конечно, нет,— проворчал волк.— Это развлечение для людей. Мягки они, люди. Да, Горбаш, это касается и рыцаря, и лучника. Мягки не телом, мягки духом. Десять лет жизни они кладут на то, чтобы научиться о себе заботиться, чем и занимаются потом на протяжении всей оставшейся жизни. Им не шагнуть дальше этого, ведь они помнят, как их ласкали, кормили и заботились о них; позже, когда жизнь предоставляет им шанс, они все равно пытаются наладить свой быт так, чтобы за ними снова ухаживали и ласкали их. А когда они становятся старыми и дряхлыми, то окончательно сходят с ума и мечтают лишь об одном — еще больше ласк и ухода. Такая жизнь не для меня, Горбаш! Первым предупреждением, что я одряхлел, станет горло, которое мне перегрызут!

Джима слегка передернуло. Оценка человеческой натуры, наслоившаяся поверх вчерашнего обжорства, затронула место, более чувствительное, чем он предполагал. Но затем ему на память пришла другая мысль.

— Вчера Даниэль чесала тебе за ушами,— напомнил Джим.— И тебе это нравилось.

— Она сама делала это. Я ее не просил,— недовольно ответил Арагх.— Ха! Вот подожди, она и до тебя доберется!

— Доберется до меня?

Челюсти Арагха раздвинулись в беззвучной волчьей усмешке.

— Я-то знаю ее. Ты и твоя чушь барсучья о «даме сердца», Горбаш! Теперь их у тебя две!

— Две? — удивился Джим. — Ты придумываешь байки похлеще моих!

— Я?! Иди и убедись сам. Она и лучник сейчас вон за теми деревьями.

Джим посмотрел в направлении, указанном мордой Арагха.

— Возможно, я так и сделаю, — он демонстративно развернулся.

— Удачи! — Английский волк зевнул и лег греться на солнце; он положил морду на лапы и закрыл глаза.

Джим побрел в лес в указанном направлении. Он вошел в тень первых больших деревьев, но никого не увидел. Вскоре драконьи уши уловили шепот голосов, неуловимых с такого расстояния для человеческого слуха. Он тихо приблизился, ощущая себя любителем подслушивать у замочной скважины, и остановился, когда увидел собеседников.

Они стояли на небольшой лесной поляне. Зеленая трава, высокие вязы вокруг, солнце, осветившее их — пейзаж, который невозможно нарисовать и в который невозможно поверить. Даниель, в камзоле и чулках, словно сошла из книги легенд; а стоящий рядом Дэффид был ей под стать. Идеальная иллюстрация из книги сказок или легенд.

Лук и колчан со стрелами висели за плечами лучника. Джим понял, что с этими двумя предметами тот не расставался даже во сне. Даниель, однако, оставила где-то и лук, и стрелы; исключение составил нож, заткнутый за пояс. Шестидюймовые ножны прятали от постороннего взгляда лезвие той же длины, которое трудно было бы проигнорировать в рукопашной схватке.

— ...И вообще, — говорила она, — ты самый обычный лучник.

— Определение «самый обычный» не подходит, леди, — мягко отвечал Дэффид. — Даже ты должна это признать.

Он стоял в шаге от Даниель. Девушка была высока ростом, но Дэффид оказался гораздо выше. Джим недооценил физических данных валлийца, которого видел только сидящим. Ростом Генслер мог бы сравниться с ним, но на этом и заканчивалось сходство между двумя мужчинами. Дэффид был строен и гибок, как его лук, хотя плечи, видимо, заняли бы всю ширину дверного проема. Лицо лучника точно подпадало под описание: «высечено из камня» — прямой нос, квадратная челюсть, широко посаженные глаза, но без тяжеловесности костистого лица Брайена. Голос его звучал мягко и музыкально; Дэффид был абсолютно прав, утверждая, что является собой неординарную личность.

Джим наблюдал, удивляясь пренебрежительной манере поведения Даниель. Как она могла отдавать предпочтение ему — если, разумеется, Арагх говорил правду! — а не этому средне-

вековому супермену? На мгновение Джим полностью позабыл, что находится в теле дракона, а не в своей обычной человеческой плоти.

— Ты знаешь, о чем я говорю! — настойчиво произнесла Даниель. — Таких лучников мне с избытком хватит на всю жизнь. Почему мне должно отдать предпочтение именно тебе, лучник?

— Потому что я нахожу тебя прекрасной, леди, — ответил Дэффид. — Всю жизнь меня притягивала красота. И я всегда отчаянно боролся за красоту, которую выбирал для себя. А борюсь я до последнего, пока не овладею ею.

— Неужели? Но я не побрякушка, болтающаяся на перевязи меча, сэр лучник! Я сама назову своего избранника. Помни, что я добиваюсь своей цели с еще большим упорством, чем ты!

— Несомненно! Но я признался тебе в любви, и пока жив, не потерплю конкурентов.

— Хм-м! Я выйду замуж за принца! — гордо заявила Даниель. — Что ты противопоставишь принцу?

— С принцем, королем, императором, Богом или Дьяволом я поступлю так же, как с любым человеком или зверем, кто встанет между мною и той, кого я себе выбрал, леди. Один из нас непременно будет убит. Но человеком этим окажусь не я.

— Безусловно, — съязвила Даниель.

Она повернулась и зашагала от Дэффиды. Внезапно Джим понял, что она направляется прямо к нему и через мгновение тайна его присутствия будет раскрыта. Придется сделать вид, будто он только что подошел. Он шагнул из-за деревьев.

— Ага, вот и сэр Джеймс! — обрадованно воскликнула Даниель. — Хорошо отдохнул? Как твои раны?

— Раны? — удивленно переспросил Джим. Вчера, омывая порезы, Даниель не возвеличивала их до ран. — Прекрасно! Спал без задних лап!

— Дорогой сэр Джеймс, — торжественно произнесла она, подойдя к нему. — Я с нетерпением ждала твоего пробуждения. Мне не терпится порасспросить тебя. Не против, если мы прогуляемся вдвоем?

— Да... разумеется, — согласился Джим. Он направлялся в лес с твердым намерением дать отпор глупым притязаниям Даниель. Но, оказавшись с девушкой наедине, почувствовал, что вся решительность куда-то исчезла. — Доброе утро, Дэффид.

— Доброе утро, сэр Джеймс, — любезно поздоровался лучник.

Даниель вцепилась в переднюю лапу Джима и потащила его вглубь леса.

— Побеседуем позже, Дэффид, — бросил через плечо Джим.

— Несомненно, сэр Джеймс.

Они быстро пересекли поляну. Пройдя немного по лесной чаще, Даниель чуть сбавила шаг.

— Ты что-нибудь вспомнил? — спросила она с легкой дрожью в голосе.

— Что именно? — удивился Джим.

— Кто ты, помимо того, что носишь титул барона Ривероукского.

— А... кем я могу быть? — заинтересовался Джим. — Кроме как бароном?

— Сэр Джеймс, — укоризненно протянула Даниель. — Не стоит скромничать. У джентльмена много разных титулов. Лорд герцог носит титул графа Пирского, Стюарта Восточных Болот и... не стану перечислять остальные. А разве король Англии не является одновременно еще и королем Аквитании, герцогом Бретанским, герцогом Карабальским, принцем Туринским, принцем Церкви, принцем Большой и Малой Сицилии, графом таким, графом сяким, полчаса можно перечислять все его титулы. Барон Ривероукский, надо полагать, самый незначительный твой титул?

— Что заставляет тебя так думать? — неуверенно спросил Джим.

— Ты заколдован! — отрезала Даниель. — Кому взбредет в голову заколдовать обычного барона?

Движения ее смягчились. Она нежно похлопала Джима по морде. К удивлению Джима прикосновение ее руки оказалось удивительно приятным. Он жаждал повторения ласки и ощутил просыпающуюся ревность к Арагху.

— Несущественно, — произнесла она. — Колдовские чары лишили тебя памяти. Но боли ты тогда не почувствовал?

— Ни капли, — ответил Джим.

Она явно не поверила его словам.

— Зимой, еще в отряде отца, мы много рассуждали о магии. С декабря по март, когда выпадает снег, разговоры — единственное развлечение. Никто из нас не испытал воздействия магии, но все единодушно считают, что смена тела сопровождается внезапной и кошмарной вспышкой боли. Как, скажем, у человека, которому отрубают голову. Она катится по земле, а тело сотрясается в мучительных пароксизмах.

— Такого со мной не было, — сознался Джим.

— Вероятно, ты позабыл обо всем... как позабыл о титуле принца.

— Я не принц.

— Возможно, возможно, — задумчиво проговорила Даниель. — Вполне вероятно, что ты — король или император, хотя титул принца больше тебе подходит. Как ты выглядел раньше?

— Ну... — Джим закашлялся. — Ростом с Брайена и приблизительно одинакового с ним веса. Черные волосы, зеленые глаза. Двадцать шесть лет, когда...

— Да, — решительно перебила Даниель. — Это подходящий возраст для принца. Я была права.

— Даниель... — отчаянно взмолился Джим. — Да не был я принцем! Это-то я помню отчетливо. Почему помню, не знаю. Но поверь на слово. Я не принц.

— Не кипятись,— ласково произнесла Даниель.— Это составная часть колдовского заклѣтия.

— Что?

— Убѣжденность в том, что ты не принц. В намерения мага, наложившаго заклѣтия, как раз и входило, чтобы ты позабыл о своем происхожденіи. Но дабы не раздражать тебя, сменим тему. Знаешь ли ты, как снимается заклѣтие?

— Да,— пылко воскликнул Джим.— Вызволив миледи Анджелу из заточенія, я ни секунды не медля покину тело дракона...

— Задача на редкость простая. Собрав Соратников, вы отправляетесь в Презренную Башню, спасаете эту Анджелу и препровождаете ее на родину.

— Но как...

— Сэр Брайен,— кратко объяснила Даниель.— А сколько Соратников потребуется для спасенія?

— Не знаю,— ответил Джим.— Но, как только Анджела будет свободна, я уеду с ней.

— Зачем?

— Я люблю ее.

— Нет, нет, нет,— запротестовала Даниель.— Это тоже часть заклѣтия. Как только чары спадут и ты увидишь, кто она на самом деле, то мгновенно разлюбишь ее.

— Кто она на самом деле? — обалдело переспросил Джим.— Даниель, я прекрасно знаю Анджелу... Она... Я... Мы полтора года очень близко знакомы.

— Подобные мысли навевает заклѣтием. Вчера вечером, после долгих раздумій, мне многое стало ясно. Я просила ответить, красива ли она? Заколдованный разум обязан твердить противоположное тому, что видели глаза твои. Нет никого,— настаивала Даниель,— красивей меня. Преступно винить человека, ослепленного магіей.

— Но...

— Очнись, сэр Джеймс. Факты упрямая штука. Куда ты скроешься от них? Посмотри мне в глаза и скажи, искренне ли ты веришь, что красота Анджелы сопоставима с красотой Даниель?

Джим остановился, чтобы не врезаться в Даниель, которая зашла спереди и с близкаго расстоянія заглянула ему в глаза.

В горле у Джима пересохло. Чертовски неприятно, но Даниель права. Как он ни любит Энджи, но эта загорелая, идеальных пропорцій девушка выиграет любой конкурс красоты в момент его объявленія. Но отвлекаться на посторонних женщин негоже. Он жаждал исключительно Энджи, а не эти пять футов одиннадцать дюймов изящества и ловкости.

— Оставим спор, Даниель,— дѣлая над собой усилие, произнес Джим.— Я люблю леди Анджелу, а она, в свою очередь, любит меня. Пусть ты даже убедишь в обратном меня, но ее — никогда.

— О? Хм-м,— задумчиво протянула Даниель, поигрывая пальцами на рукояті ножа.— Когда время придет, она и я... мы уладим

этот незначительный вопрос. Не лучше ли нам вернуться, сэр Джеймс. Не станем вызывать пересуды у остальных нашим долгим отсутствием.

— Ты права,— согласился Джим и зашагал в сторону постоянного двора.

Через полдюжины шагов он догадался, что его вновь обвели вокруг пальца. Кого, собственно говоря, волнует, как долго он гуляет с Даниель, находясь в теле дракона?

Вернувшись обратно, они увидели неподалеку от входной двери накрытый на свежем воздухе стол. Брайен и Дэффид сидели на скамьях и пили из кожаных кружек. Бутылка с вином стояла между ними. Арагх сидел в футе от них; голова его возвышалась над столом.

— Сэр Джеймс! — закричал сэр Брайен, увидев выходящих из леса Джима и Даниель. — Присоединяйтесь! Мы обсуждаем план захвата замка.

В желудке у Джима пробежал холодок. Он знал о серьезности намерений Невилл-Смита изгнать сэра Хьюго де Буа де Мален-контри и освободить леди Геронду, но до сих пор не размышлял над тем, какой план предложит рыцарь.

Наступило время решительных действий. Дисбаланс между численностью их отряда и отряда захватчиков замка был внушительным. Несоответствие беспокоило Джима, тем более, что Брайен относился к числу тех немногих настырных смельчаков, кто, приняв решение, выполняет его во что бы то ни стало и любой ценой.

Джим подошел к столу и уселся возле пустующего края прямо напротив Арагха.

— Выпьешь вина, сэр Джеймс? — осведомился рыцарь.

— Да... Нет,— отказался Джим, вспоминая сумму долга хозяину.

— Тогда перейдем к печальным известиям,— продолжал Брайен.— Лучник посчитал излишним сражаться против сэра Хьюго. Его принципы...

— Извольте, я объяснюсь сам,— перебил Дэффид.— Не стоит выставлять меня в дурном свете. Желая вам доброго здоровья, замечу, что никогда не вмешиваюсь в чужие ссоры.

— Более того,— развивал мысль Брайен,— сэр Волк считает вопросы, связанные с леди Герондой и мною, не совпадающими с его интересами. Он еще раз напомнил, что его присутствие в отряде вызвано исключительно охраной нас от сандмиров.

— О...

— Следовательно,— весело подытожил Брайен,— все ясно, как божий день. Нам вдвоем выпадает честь сразиться против сэра Хьюго и его людей. Объединим ум, смекалку и хитрость, сэр Джеймс, и разработаем план действий.

— Попался, Горбаш,— зазлорадствовал Арагх.— Воздалось по заслугам! Человеком себя возомнил! Только люди вдвоем

могут полезть на замок, удерживаемый многочисленной сворой врагов. Не говоря о том, что замок выстроен с расчетом на длительную осаду целой армии.

— Это неразумно, сэр Брайен! — встала Даниель, почесывая Арагха за ушами. — Признай ошибку!

— Разумно или нет, — продолжал Невилл-Смит, и желваки заиграли на его скулах, — но моя дама захвачена в плен, и я намерен сражаться даже в одиночку. Но я рассчитываю на поддержку сэра Джеймса.

— Сэр Джеймс не обязан освобождать леди Геронду, — заявила Даниель. — Он должен вызволить из Презренной Башни леди Анджелу, чтобы снять с себя заклятие. Он не имеет права бездумно рисковать жизнью. Атаковать же Малвернский замок вдвоем — чистое безумие!

— Я никого не принуждаю, — подтвердил Брайен. Его горящие голубые глаза впились в Джима. — Скажи свое слово, сэр Джеймс. — Со мной ли ты, или я один?

Джим приготовился произнести уклончивые и вежливые извинения. Атака на замок при поддержке Арагха и Дэффида давала хоть призрачные шансы на успех. Но без них штурм превращался в откровенное самоубийство. Правильнее и честнее напрямик отказаться сейчас, чем потом.

Но, по странному велению судьбы, слова застревают на языке, отказываясь вырываться наружу.

Джим не мог считать себя самым храбрым из присутствующих...

В драконе жила все та же человеческая душа — не храбрая и не трусливая; обычная душа.

Но Энджи...

Каролинус уверял, что для спасения потребуются Соратники. Отказав сейчас Брайену, Джим не вправе будет рассчитывать на его помощь в походе на Презренную Башню. К тому же в целеустремленности рыцаря таилось некое... некое отражение этого шального безумного мира, которое наложило отпечаток и на Джима; не на дракона, а на человека! И человек без колебаний хотел идти на штурм Малвернского замка — вне зависимости от численности отряда.

— Сэр Джеймс... — спросил Брайен.

— Рассчитывай на меня, — прозвучал уверенный ответ.

Невилл-Смит кивнул. Дэффид наполнил кружку вином, молча поднял ее в честь Джима и осушил до дна.

— Ах, так! — вспыхнула Даниель. — И ты хвастался, что выйдешь живым в борьбе с принцем, королем или императором!

Дэффид удивленно посмотрел на девушку.

— Не мое дело, как я уже объяснил, — ответил он. — Почему ты сравниваешь помощь рыцарю и то, что я сделал бы ради тебя?

— Сэр Брайен нуждается в помощи! Разве сэр Джеймс открестился от него ничего не значащими отговорками? Нет! В который раз чутье не подвело меня. Храбрые мужчины не произносят сладких красивых речей!

Дэффид нахмурился.

— Негоже запальчиво судить, не убедившись! — рассердился он. — И храбрости мне не занимать.

— Пел однажды соловей.

Он раскусил женскую уловку и восхищенно посмотрел на Даниель.

— Подстрекаешь, чтобы согласился? — прищурившись, спросил лучник. — Ловко ты крутишь.

Он повернулся к Брайену.

— Все сказанное ранее — истинная правда, — сказал он рыцарю. — На сэра Хьюго мне наплевать с высокой колокольни. Я никогда не был странствующим рыцарем — спасителем юных дев. Занятие сие неблагодарно, по моему разумению; скажем так — на любителя. Но ради этой девушки — и только ради нее! — вы можете рассчитывать на мою помощь.

— Благодарный ответ настоящего... — но Арагх перебил Брайена:

— Гости пожаловали, сэр рыцарь. Обернись и посмотри.

Брайен повернулся. Повернулась вся пятерка у стола.

Из леса прямо напротив постоянного двора выбирались на открытое пространство люди. Все они были одеты в стальные полушлемы, коричневые, зеленые и темно-бордовые чулки, кожаные куртки, с нашитыми металлическими пластинками. На поясе каждого висел меч, а за плечо был закинут лук и колчан со стрелами.

— В ножны, сэр Брайен, — посоветовала Даниель. — Это Жиль Волдский, мой отец.

— Твой отец? — переспросил Невилл-Смит и подозрительно посмотрел на девушку.

— Да! — объяснила Даниель. — Я не сомневалась, что потребуются подмога. Я переговорила с сыновьями Дика. И один из них, взяв отцовскую лошадь, тайком отправился в путь. Я просила передать, что ты с радостью разделишь с ними золото сэра Хьюго де Буа и его людей. Конечно, после захвата замка.

Через несколько мгновений Брайен перевел взгляд на отряд, который находился уже на полпути между лесом и постоянным двором. Он медленно поднялся на ноги. Дэффид тоже встал, рука небрежно покоилась на колчане. Джим последовал их примеру. Хозяин Дик появился в дверном проеме, а затем присоединился к группе встречающих. Только Арагх, посмеиваясь, остался сидеть, где сидел.

Отряд возглавлял худой человек лет пятидесяти. Концы волос, выбивавшиеся из-под краев стального полушлема, отливали проседью — как и короткая курчавая борода. За исключением власти и командирской внешности, он мало чем отличался от своих спутников. К поясу его был прикреплен длинный двуручный меч, как у сэра Брайена, в то время как вооружение остальных составляли короткие мечи.

Он подошел ко рву, окружавшему постоянный двор, пересек мост и приблизился к рыцарю.

— Жиль Волдский, — представился он. — А со мной — свободные лесные братья и компаньоны. А ты, стало быть, сэр Брайен Невилл-Смит.

— Да, предводитель разбойников, — сухо ответил рыцарь, — но я тебя не приглашал.

— Знаю, — сказал Жиль. Выдубленную ветрами и непогодой темную кожу лица прорезала сеть мелких, лукавых морщинок. — Это моя дочь... — Он бросил быстрый взгляд в ее сторону. — Побеседуем позже, моя девочка, — обратился он к Даниелю и затем продолжил, вновь адресуясь к сэру Брайену: — Так ли важно, кто послал за мной? Я и мои люди за разумную плату окажут необходимое содействие — если, разумеется, ты нуждаешься в помощи. Обсудим ли мы детали как здравомыслящие люди? Или мы с парнями разворачиваемся и уходим восвояси?

Брайен колебался, но недолго.

— Дик! — обратился он к хозяину. — Кружку Жилу Волдскому! И не забудь обслужить его компаньонов.

— Эль, — мрачно отозвался Дик, — это единственное, чего осталось в избытке.

— Тогда подавай эль, — недовольно произнес рыцарь.

Он сел за стол. Жиль занял место напротив, где прежде сидел Дэффид. Предводитель разбойников с любопытством посмотрел на Арагха, а затем перевел взгляд на Джима.

— О репутации волка слышан... — сказал он. — Дракон... Дочь передавала, что ты рыцарь, околдованный злыми чарами?

— Это благородный сэр Джеймс, — разъяснил Брайен. — Лучника, что сидит рядом, зовут Дэффид... Как твое полное имя, мастер лучник?

— Дэффид ап Хайвел, — скороговоркой выпалил тот. — Я добрался до Англии, чтобы доказать превосходство валлийцев в умении владеть луком. И собираюсь жениться на твоей дочери, Жиль.

— Нет! — вскричала Даниель.

Жиль расплылся в улыбке.

— Если уломаешь девчонку, — он подмигнул Дэффиду, — приходи, потолкуем. Запомни: благословения отца будет недостаточно для венчания, лучник. На руку дочери претендуют с два десятка юношей из моего отряда.

— Ты набожен, как монах, в речах своих, предводитель, — заметил Брайен. Дик принес бутылки и кружку для Жилия. Двое слуг выкатили во двор бочонок с элем.

— Пейте из шлемов, — обратился к разбойникам хозяин. — Где мне на такую орду набрать кружек?

— Была в моей жизни и набожность, — небрежно уронил Жиль. Он снял стальной полушлем, швырнул его на стол, налил из бутылки вина и залпом осушил кружку. Задул легкий ветерок и растревожил его волосы. — Милорды рыцари, мой друг валлиец и сэр Волк, перейдем к делу. Я краем уха слышал о вас...

Его взгляд остановился на луке Дэффиды и отметил его необычную длину.

— ...Но время дорого. Так пусть каждый из вас расскажет вкратце о себе и предстоящем деле.

Так они и поступили. Джим начал первым. Сэр Брайен продолжил повествование с того момента, как он встретил Джима. Арагх рассказал об их странствиях после поражения сандмиров. Даниель, Дэффид и хозяин Дик поочередно доложили об известных им событиях. Жиль попивал вино и слушал.

— Господа, — произнес он в заключение, — вероятно, я зря привел парней. Из сообщения, переданного дочерью, я заключил, что, залучив несколько храбрых воинов, вы обретае шанс захватить замок. Но я никак не ожидал встретить столь разношерстную компанию — бога ради, не обижайтесь на это определение. Малвернский замок — не сарай для скота. Наскоком его не взять. Мои парни — отличные лучники, да и мечом владеют неплохо, но они не профессиональные солдаты. Приношу извинения, но как, черт подери, вы отобьете неприступный замок у пятидесяти воинов, одетых в полудоспехи?

Брайен нахмурился.

— Я знаю Малвернский замок, как свои пять пальцев, — сообщил он. — Пятьдесят воинов рассредоточены по стенам и башням. Так что на каждом отдельном участке мы столкнемся не более, чем с двумя солдатами. Нас трое; если присоединится волк — четверо, что при неожиданном прорыве создает преимущество в нашу пользу.

— Не стану отрицать, — кивнул Жиль. — Но прежде всего, вам

надо проникнуть в замок. Какая волшебная сила или магия перенесет вас внутрь?

— В Малверне на случай осады есть запас провианта, — продолжал Брайен. — Но еда эта однообразна и пресна. Сэр Хьюго, прослышав о винных погребах Дика и его знаменитых окороках, пытался захватить постоянный двор. Я выдам себя за Дика и в знак примирения отвезу новому коменданту Малверна телегу отборной провизии. Волк сыграет роль хозяйской собаки и конвоира, рьяно охраняющего деликатесы от непрошенных посягательств со стороны. Оказавшись в замке, я надеюсь предстать перед сэром Хьюго. Тогда мы с волком убьем барона и постараемся пробиться в апартаменты леди Геронды, где ее содержат как пленницу...

— Почему?

— Не понял, предводитель?

— Почему ты уверен, что леди Геронда заперта в своих апартаментах?

— Очевидно, — немного удивился вопросу Брайен и с завидным терпением продолжил: — Сэр Хьюго, несомненно, занял апартаменты лорда. А где, как не в ее собственных комнатах, можно содержать леди в безопасности и полном здравии? Даже сильный, здоровый мужчина и двух дней не проживет в любой из двух темниц Малверна. В других местах полная изоляция невозможна. Подданные госпожи ценой невероятных усилий попытаются подготовить побег. Если попытка окажется неудачной и госпожа погибнет — тем самым она окажется вне власти тюремщиков. Да и как уберечь ее от посягательств солдат сэра Хьюго? Предводитель, ты перевидал на своем веку достаточно солдат! И тебе не в новость, что вытворяют эти мерзавцы, напиваясь до скотского состояния.

— Согласен, — признал Жиль. — Продолжай, сэр Брайен. Итак, ты убил сэра Хьюго и охрану и ворвался в апартаменты леди. Дальше?

— Теперь подошел черед сэра Джеймса. Он кружит вокруг замка и, заметив условный сигнал с балкона спальни госпожи, снижается, улетает с леди в безопасное место и тогда подымает отряд на штурм замка. После чего мы с волком пытаемся спастись, если на то будет воля Божья.

— Бог? — прорывал Арагх. — Твой Бог, рыцарь! Арагх спасется, рассчитывая только на свои силы. Когда в юности здоровенная медведица сломала мне переднюю лапу — да так, что я не мог бежать, — разве Бог людей спас меня? Нет! Арагх спас себя сам! Я оборонялся! Я стоял насмерть! И мертвой хваткой вцепился ей в горло и перекусил артерии. Она умерла, а я выжил. Так ведет себя Английский волк, так оно будет и в дальнейшем. Взывай к Богу, сэр Рыцарь, но только от своего имени!

Волк замолчал, облизнул красным языком пасть и зевнул.

— Но я ведь забыл... — скучно произнес он. — Замок и твоя леди, как я говорил, не моя забота...

— А как же план, сэр Брайен? — спросил Жиль.

Невилл-Смит нахмурился.

— Напоминаю, не я приглашаю тебя, предводитель. Военный совет определит не численность отряда, а как распорядиться имеющимися в наличии силами. Если нельзя рассчитывать на сэра Волка, что ж, обойдемся без него.

— Как?.. — начал Жиль. — Нет, несмотря на все уважение к тебе, сэр Брайен, я попусту проделал путь.

— Обожди, отец! — сказала Даниель. — За тобой посылала я!

Она обернулась и посмотрела на смеющегося Арагха.

— Я — Арагх, — прорычал волк, — а не по уши втюрившийся лучник.

— Да... — согласилась Даниель. — Я считала Арагха верным другом. Друзья никогда не предают. Посылая за отцом, я и не предполагала, что Арагх покинет своих друзей — таких, как сэр Джеймс и Даниель. Но, увы...

Не договорив, она обернулась к столу.

— С двумя солдатами я справлюсь на расстоянии, стреляя из лука. В ближнем бою преимущество на их стороне, — сказала она. — Но главное — отвлечь внимание от сэра Брайена я смогу эффективнее, чем волк. А когда в стане врага начнется переполох, я помогу убить сэра Хьюго и освободить Геронду. Маловероятно, что из боя с солдатами я выйду живой. Но перед Арагхом у меня есть преимущество. Как и сэр Брайен, я взываю о спасении к Богу!

— Девчонка ты...

— Помолчи, отец. Я взрослая женщина. Итак. Сэр Джеймс... сэр Брайен... рассчитывайте на меня.

Она обернулась к Арагху.

— А ты валяйся на солнышке! — резко сказала она.

Арагх открыл пасть, облизнулся и снова закрыл ее. А затем, к полнейшему изумлению Джима, заскулил.

— Перестань! — жестко выговорила Даниель. — Ты упустил свой шанс. Я иду на приступ замка. Скули где угодно, но не на моих глазах.

Арагх сник. Опустив голову до земли, он подполз к Даниель и уткнулся мордой в ее колени.

Некоторое время она смотрела на волка. Затем села на землю, обняла Арагха за косматую шею и прижала к груди.

— Все в порядке... Все в порядке... — приговаривала она.

— Не дам... Горбаша в обиду, — раздавался приглушенный камзолом сбивчивый голос Арагха. — Тянул... Выжидал... пока друзья... уговаривать не надо...

— Довольно. — Даниель почесала за ухом Арагха. — Все тебя поняли.

— А после я провожу рыцаря...

— Знаю... знаю... — сказала Даниель. — Но, вероятно, и не придется.

Она посмотрела на отца.

— У Жилия Волдского внутри замка окажется три сильных союзника. Так не соизволит ли он со своими людьми захватить замок?

— Дочь, — сказал Жиль, — не влезай в заваруху.

— Да, он прав, — поддакнул Арагх, освобождаясь из объятий. — *В замок пойду я!*

— Ладно, — неохотно согласилась Даниель. — В замок я не пойду. Но из-за его пределов я подсоблю, как смогу.

Жиль наполнил кружку и задумчиво выпил вино.

— Вне замка мои парни бесполезны, — признался он. — Имеется ли способ открыть ворота?

— Если наша цель — захват замка, — начал Брайен, — то я забаррикадируюсь с Герондой в ее комнатах. Сэр Джеймс вместо перелета с госпожой приземлится внутри замка и отвлечет внимание. В это время волк спустится вниз, перебьет стражу и откроет ворота...

Он повернулся к Арагху.

— Справа от ворот висит веревка подъемника, — объяснил Брайен. — Вцепившись зубами и потянув, ты поднимешь запер. Затем всем весом ты налегаешь на правую створку ворот. Не перепутай, сэр Волк. Правая створка, а не левая. Даже небольшой щели окажется достаточно, чтобы лучники смогли проникнуть внутрь замка.

— На словах — ой, как гладко, — заметил Жиль. — Ворота приоткроются на несколько минут. За это время дюжина солдат убьет волка. Но отряд и бегом не успеет пересечь открытое пространство перед Малвернским замком. Потому что мы начнем марш-бросок из-за ближайшего укрытия, а на стенах выставлены дозорные.

— Тогда для начала мы снимем дозор, — предложил Дэффид. Валлиец не принимал участия в обсуждении, и Джим позабыл о его присутствии. Все взоры были направлены на лучника.

— Как, мастер Дэффид? — с иронией спросил Жиль. — Расстояние не меньше полумили. А из-за стен виднеются только головы да плечи. Очевидно, ты не видел Малвернского замка и прилегающих земель.

— Я сниму дозор, — заявил Дэффид.

Жиль всмотрелся в невозмутимое лицо валлийца.

— Клянусь апостолами, — тихо произнес предводитель разбойников. — Он верит в собственные возможности!

— Я правильно оцениваю собственные силы, — уточнил Дэффид. — И никогда не обещаю того, чего не могу выполнить.

— Да... — начал было Жиль, но так и не закончил фразы. — Исполнив обещание, ты наглядно докажешь мне превосходство валлийского искусства стрельбы из лука. На памяти моей не было еще ни одного лучника, способного на такой выстрел. На главной стене должно быть выставлено трое-четверо дозорных, если сэр Хьюго обладает хоть мало-мальскими воинскими познаниями. За

считанные секунды тебе придется положить всех, иначе оставшиеся в живых поднимут тревогу.

— Я убью дозорных, — сухо сказал Дэффид. — Переменим тему.

Жиль кивнул.

— Вполне вероятно, — согласился он и повернулся к Брайену. — Обсуждение мелких деталей займет весь день и большую часть вечера. Рассвет и сумерки — лучшее время застать Хьюго врасплох. Рассвет даже предпочтительней. Сражаться при свете удобнее... Отвлечемся от рассмотрения плана и обсудим причитающуюся нам с парнями плату. Оружие и доспехи солдат сэра Хьюго переходят к нам. Помимо этого, Малвернский замок заплатит выкуп в сто серебряных марок.

— Если моя госпожа пожелает вознаградить вас после освобождения, это ее право, — сказал Брайен. — Я не наделен полномочиями или правом распоряжаться имуществом рода де Шане.

— Род Шане прекратит существование, если сэр Оррин действительно погиб в языческих землях, а леди Геронда не будет спасена. И только мы можем спасти ее.

— Прости, — извинился Брайен.

— Ладно... — Морщины возле краешков глаз Жиль стали чуть глубже. — Получим выкуп за сэра Хьюго. Семья или друзья заплатят за его свободу.

— Нет, — Брайен покачал головой. — Я поклялся, что он умрет. И не один я дал клятву. Волк тоже. Арагх полноправный участник кампании, как ты и твои люди.

— Не смей вырывать Хьюго, когда я вцеплюсь зубами в его глотку! — прорывал Арагх.

— Но доспехи и оружие — незначительная плата за жизни, которые мы поставили на кон, — сказал Жиль. — Мы — отряд вольных людей. И братья не последуют за мной, если вознаграждение будет незначительным.

Жиль с Брайеном еще немного поспорили, но так и не пришли к соглашению.

— Мастер Жиль, — признался в итоге Невилл-Смит. — Лично у меня нет ста серебряных марок. Но ты безусловно наслышан, что я всегда платил долги. Даю слово рыцаря, я поговорю со своей госпожой. Она не из тех людей, кто не вознаграждает за услуги. Если по каким-либо причинам она не расплатится с вами, то я соберу всю эту сумму или недостающую ее часть. Это все, что я могу обещать!

Жиль Вольский повел плечами.

— Посоветуюсь с ребятами!

Он встал из-за стола, собрал людей и отвел их в сторону.

— Не волнуйся, сэр Брайен, — вполголоса произнесла Даниель. — Они согласятся.

Минут через пятнадцать Жиль вернулся и объявил о согласии. Даниель улыбнулась, стоя за спиной отца.

— Перейдем к деталям, — продолжал Жиль, усаживаясь за стол. — Вряд ли, перегоняя телеги с провиантом в замок, ты, сэр Брайен, сможешь надеть латы и взять меч. А без оружия ты окажешься бессилён перед солдатами и сэром Хьюго. Как доставить вооружение в замок? Сэр Джеймс может сбросить их с воздуха, но потребуется время, чтобы облачиться в доспехи. И еще — завидев, что дракон сбрасывает оружие, люди сэра Хьюго забудут тревогу.

— Конвоировать нас к сэру Хьюго будет пара охранников, — сказал Невилл-Смит. — Мы с Волком бесшумно расправимся с охраной, а нескольких минут мне будет достаточно, чтобы облачиться в доспехи. Оружие и доспехи я перевезу на повозке под провизией, волк будет охранять их.

— И никто не посмеет рыться в повозке, — прорычал Арагх. — Клянусь.

Жиль неторопливо кивнул.

— И тем не менее, — продолжал настаивать он. — Даже если ты сумеешь выдать себя за хозяина постоянного двора, сэр Хьюго и его люди должны настроиться, ожидая попытки освобождения из плена леди Геронды.

— Ха! — воскликнул стоящий в дверях Дик.

— Что нашло на хозяина? — спросил Жиль, повернув голову, но увидел лишь пустой проем двери.

— Я предполагал, что сэр Хьюго заподозрит меня, — добавил Брайен. — И, по зрелом размышлении, придумал хитрость. Днем я приближусь к замку и проеду под стенами — в полном боевом снаряжении, но на безопасном расстоянии. Я опасаюсь арбалетов. Если Хьюго и не взял их с собой, то в Малвернском замке арбалетов всегда было предостаточно. Я вызову Хьюго на поединок, и все решится в нашем бою.

— Чистой воды глупость! — перебил его предводитель разбойников. — Судя по шраму на твоём лице, сэр Брайен, ты должен быть умнее. Зачем сэру Хьюго сражаться с тобой, если он может преспокойно отсидеться за стенами замка и сохранить добычу?

— Вот именно! — воскликнул рыцарь. — На это я и рассчитываю!

— Проехавшись перед Малвернским замком, ты публично заявишь о своем присутствии...

— Да! Затем он увидит повозку, которую преследует рыцарь на белом коне. Он откроет ворота и впустит повозку в замок, нисколько не усомнившись в личности пригнавшего ее человека.

— Невыполнимая задача. Если только у тебя нет второго комплекта доспехов и двойника. Не говоря о... — Жиль осекся. — Сэр Брайен, а сэр Хьюго знает тебя в лицо?

— Да, — мрачно ответил Невилл-Смит.

— А если он будет стоять на стене? Считаешь ли ты, что он не разглядит тебя под крестьянской одеждой?

— Бродячие актеры как-то расплатились с Диком реквизи-

том, — сказал Брайен. — Фальшивая борода скроет большую часть лица. Так что появляется хороший шанс остаться неузнанным. Но я все равно обязан рисковать.

— Борода? — задумчиво произнес Жиль. — Об этом я не подумал. Запасливый мужик наш хозяин. Возможно, твой план и сработает.

— Видел бы ты хозяйские погреба! — рассмеялся Брайен. Он замолчал, и чуть наклонив голову в сторону двери вслушался. — А вот и ответ на многочисленные возражения.

Из внутренностей дома послышался громкий топот. Все взоры обратились на фигуру, появившуюся в дверном проеме. Перед ними стоял рыцарь в полном комплекте блестящих доспехов. Забрало остроконечного шлема было опущено, а в кулаке с надежной металлической перчаткой он держал палицу.

— Боже! — воскликнул Жиль, усаживаясь на скамью. Он схватил кружку и жадно, большими глотками выпил вино. Исключая Брайена, все присутствующие при виде фигуры в доспехах привстали от удивления. — Неожданность порой приводит к неприятным последствиям, дражайший хозяин, если это действительно ты. Быть пронзенным стрелой — участь того, кто подкрадывается незаметно.

— Ты висел на волоске от смерти, — сказал Дэффид.

— Покорнейше прошу прощения, сэр Джеймс, леди, и почтенные гости, — глухо забубнил из-под шлема Дик. — Сэр Брайен правильно заметил. Я человек запасливый, а подвалы мои обширны. За столетие приобретается множество полезных вещей. Покойный отец благоразумно скупал утварь, оружие и даже мебель у останавливавшихся на постоял путников. Ну так как? Сойду я за рыцаря? На расстоянии и верхом на лошади?

— Хм-м-м... — промычал Жиль. — В настоящем сражении не советую появляться в этом железном сюртуке, хозяин Дик. Твои латы составлены из частей от разных доспехов. Попробуй поднять руку выше головы.

Дик попытался. Последовал душераздирающий скрип, и руку заклинило на уровне плеча.

— Так я и думал, — заявил Жиль. — Соединения в плече не совпадают. Но на расстоянии... на расстоянии и верхом на лошади ты сыграешь роль рыцаря.

— Превосходно, — отрывисто бросил Брайен. — Подавай еду, Дик, а затем я отправлюсь к замку и вызову на поединок сэра Хьюго.

— Пойдем вместе, — объявил Джим. — Покажешь место приземления.

— А я возьму шесть взводных, — добавил Жиль, — чтобы осмотреть Малверн. Каждое подразделение должно четко ориентироваться в замке.

— А я прикину, как рассредоточены дозорные, — улыбнулся Дэффид.

— Неплохой назревает пикник, — проворчал Брайен. — Есть еще желающие? Вы, сэр Волк?

— Зачем? — ответил Арагх. — Я же буду держаться рядом с тобой и Горбашом. Мое дело — убивать. Наука, которая мною давно изучена.

Подали еду. А часом позже все уже стояли под защитой буковой рощи, через открытое пространство разглядывая Малвернский замок.

Брайен в боевых доспехах и с копьем в руке подъехал к воротам замка. За восемьдесят ярдов он остановил коня и закричал укрывшимся за стенами воинам.

— Отчаянный малый, — заметил один из разбойников.

— Таковы рыцарские обычаи, Джек, — сухо ответил Жиль.

— Ты не ошибся, мастер Жиль, — валлийский лучник, прикрывая глаза ладонью, всматривался в головы солдат, стоявших на стенах. — Ровно пол английской мили будет. К утру ветер стихнет, а без сильного бокового я без труда расправлюсь с шестью солдатами. Я убью дозорного у ближайшей амбразуры и выжду, пока к нему не сбегутся товарищи. Они непременно так и поступят, увидев внезапную смерть и то, что перед замком нет ни души. Я воткну в землю перед собой пять стрел и за считанные мгновения положу всех остальных... Тихо, рыцарь что-то говорит!

Брайен начал ритуальную речь вызова. Над стеной показался блеск ярче, чем у остальных солдат, шлем, и послышался неразборчивый ответный выкрик. Судя по эмоциональности выражений, Брайен прокричал какое-то проклятие. Рыцарь стоял спиной к лесу, что даже для острого драконьего слуха делало неразличимыми добрую половину его слов. Но то, что Джим все же услышал, действительно составляли в основном непристойные ругательства. Он и не подозревал, что Невилл-Смит так виртуозно владеет даром красноречия.

— А теперь очередь сэра Хьюго, — прокомментировал Жиль. Брайен молчал, а его соперник неразборчиво прокричал что-то. — Сэр Хьюго, собственной персоной. На шлеме выгравирован родовой герб, да и форму забрала ни с чем не спутаешь.

— Мастер Жиль, — обратился Дэффид. — Такие тонкости известны лишь тому, кто сам носил шлем и латы.

Жиль в упор посмотрел на валлийца.

— Если ты станешь членом семьи, — сказал он, — тогда сможешь расспрашивать. А до тех пор я просто игнорирую подобные вопросы.

— Запели арбалеты! — воскликнул разбойник Джек. — Пора разворачиваться и возвращаться.

Словно услышав его слова, сэр Брайен развернул коня и галопом поскакал в противоположную от стен замка сторону.

— Могут ли арбалеты с такого расстояния пробить доспехи? — спросил Джим.

— Нет, — покачал головой Жиль. — Но сильно покалечить — запросто. А этот боевой скакун стоит дороже двадцати скотных ферм. Нет, слава Богу, промазали...

Рой арбалетных болтов, которые на фоне неба напоминали тонкие черные иглы, догонял Брайена. Джим ломал голову над словами Жили. Откуда такая уверенность, ведь стрелы еще рассекают воздух? Но, оценив траекторию зорким, тренированным глазом, Жиль не ошибся. Болты легли позади и чуть в стороне от скачущего Невилл-Смита.

— Вот и все! — воскликнул Джек и сплюнул. — Сэр Брайен доскачет до леса раньше, чем они успеют перезарядить арбалеты. Двое моих ребят за считанные секунды успели бы положить и

лошадь, и рыцаря. Тем более — со стены! Он бы и десяти шагов не проскакал!

Дэффид стоял, опершись на лук, и хитро поглядывал на Джека. Казалось, он вот-вот не выдержит и разразится ехидным замечанием. Но валлиец промолчал, отвернулся и смотрел теперь на приближающегося сэра Брайена.

— Воздаю тебе должное, валлиец, — тихо произнес Жиль, внимательно следивший за лучником. — Молчаливость — достойное качество и показатель ума.

Дэффид не ответил.

Сэр Брайен на полном скаку врезался в лесные заросли, оставил зафыркавшего коня, развернул его и поднял забрало.

— Они-таки не осмелились выслать погоню.

Невилл-Смит спешился — с удивительным проворством и легкостью, учитывая вес боевых доспехов.

— Так близко я не искушал бы арбалеты, — покачал головой Жиль.

— Бланшар де Тур, — и Брайен ласково похлопал потного скакуна, — резвее, чем полагают многие.

Рыцарь огляделся.

— Как вы оцениваете обстановку? — спросил он.

— Судя по охране на главной стене, — ответил Жиль, — у сэра Хьюго около пятидесяти солдат. Лучников среди них нет, иначе они обстреляли бы тебя. А меткость арбалетчиков оставляет желать лучшего. Но нам это на руку. Нарисуй план замка, пока мы не отъехали от него. И я продумаю, как лучше действовать моим парням.

Брайен вытащил из-за пояса кинжал, нагнулся и принялся царапать острием по земле.

— Длина Малверна намного превосходит ширину, — пояснил рыцарь. — Главная башня отсюда почти не видна. Она укрепляет левый угол задней стены и возвышается над остальными тремя угловыми башнями, в которых располагаются зернохранилища и кордегардии. Прежде башня была одной высоты с тремя остальными и апартаменты лорда Малвернского находились на верхнем ее этаже. Дед моей госпожи надстроил два этажа — для сэра Оррина и его молодой невесты — и новую зубчатую стену. На верхней площадке хранится запас камней и котлы, в которых кипятят масло, выливаемое на головы тех, кто попытается взобраться на стены.

Кинжал чертил все новые детали.

— К нижней части башни во времена сэра Оррина, — объяснял Брайен, — был пристроен деревянный холл. Но все стены замка и башни выложены из камня. Холл занимает значительное пространство внутреннего двора и по высоте доходит до первого этажа башни. Сначала он использовался как трапезная, а потом — вместо казармы, когда сэр Оррин набирал воинов, перед тем как отправиться на войну. К наружным стенам холла пристроены

деревянные конюшни и флигеля. Оказавшись в замке, следите внимательно за солдатами сэра Хьюго. Увидев, что сражение проиграно, они, дабы прикрыть бегство, способны поджечь внутренние строения. Предводитель, направь по одному отряду для захвата каждой из башен и укомплектованный отряд для вторжения в главную башню через холл. Вероятно, мы с сэром Джеймсом окажемся на верхних уровнях башни, когда отряды ворвутся через главные ворота; в таком случае, шанс остаться в живых у нас есть. Теперь задавайте вопросы...

Дэффид, Жиль и кое-кто из разбойников принялись расспрашивать Брайена. В основном их интересовали расстояния и ориентиры внутри замка.

Джим перестал следить за разговором. Он хотел самолично взглянуть на внутреннее устройство замка и не находил причин, препятствующих исполнению своего желания. Круто взлетев ввысь, он заложит вираж в стороне от замка; обладая драконьим телескопическим зрением, он разглядит планировку замка со значительного удаления и останется не замеченным людьми сэра Хьюго; в крайнем случае, его примут за огромную птицу. Даже если они распознают в нем дракона, то вряд ли он станет причиной для беспокойства или тревоги. Но сумерки — наиболее безопасное время для полета. В конце дня, ближе к ужину дозорные на стенах не станут пристально изучать того, кто пролетает в небе.

Он обождал, пока Брайен ответит на вопросы, а когда все вернулись на постоянный двор, отвел его в сторону и сообщил о своем плане.

— Главная задача, — сказал Джим, — определить точное место посадки.

— На этаже, где находятся покои леди Геронды, есть небольшой балкон, — подсказал рыцарь. — Или ты сможешь залететь в большое окно верхнего этажа?

Сомнения зашевелились в душе Джима.

— Не уверен. Летного опыта у меня маловато.

— Тогда, — продолжил Брайен, — остается верхняя открытая площадка башни. Возможно, это наилучшее место для посадки. Ее охраняет один дозорный, и, вероятно, этажом ниже, в апартаментах сэра Хьюго, будет находиться еще один человек охраны. Если ты прикончишь их и пробьешься на этаж леди Геронды, то верх башни будет полностью контролироваться тобой. В случае, если нас начнут теснить, ты вместе с Герондой улетишь в безопасное место.

В глубине души Джим сомневался в возможности перелета вместе с человеком. Действительно, крылья его на короткое время могли развивать колоссальную подъемную силу. Но парить в воздухе с человеком? В этом он не был уверен. Далеко ли он сможет улететь, даже изо всех сил работая крыльями? В безопасности они окажутся лишь в лесу. Опушка же находится в полумиле от замка. Однако Джим не стал обременять сомнениями рыцаря,

у которого и своих забот хватало. Хотя — Джим был вынужден признать — держался Брайен превосходно.

— Поговорим, когда вернусь, — сказал Джим.

Но разговор не состоялся. Полчаса спустя он медленно пролетел мимо замка на высоте тысячи двухсот футов, и ни один из дозорных не только не поднял головы к небу, но даже не удосужился просто посмотреть в его направлении. Ничего нового о замке Джим не узнал. Он обратил пристальное внимание на открытую площадку главной башни и убедился в точности догадки Брайена: одинокий часовой, скучая, расхаживал взад и вперед, лишь изредка останавливаясь у зубчатой стены. События разворачивались предсказуемо — и неинтересно.

Джим развернулся и перед самым наступлением темноты приземлился возле постоянного двора. К его удивлению, большинство разбойников — кроме Жили и взводных — спали; эль прекрасно способствует сну. Брайен, также воздав должное винным погребам Дика, похрапывал на скамье. Даниель дремала. Арагх улизнул в лес и не вернется до утра. Хозяин Дик с семьей и слугами удалились на покой. Не спала лишь одна старая служанка, подносившая вино Жилю и эль взводным.

Почувствовав непонятное раздражение, Джим расположился в трапезной, засунул голову под крыло и приготовился к бессонной ночи...

Казалось, глаза его были закрыты лишь одно мгновение. Он поднял голову и увидел вокруг себя кипучую деятельность.

Дик, его семья и слуги сновали взад и вперед. Даниель перевязывала шею Арагха: ночью волк умудрился пораниться. Жиль сидел за столом и на кусках кожи чертил планы замка для взводных. Дэффрид сосредоточенно взвешивал стрелы на модельных весах, а затем тщательно выправлял древки и оперения. Брайен в огромных количествах уплетал бекон, хлеб и холодную говядину, опорожнив при этом несколько бутылок вина.

Было темно. Рассвет еще не забрезжил. Джим предположил, что сейчас около четырех утра.

Он с завистью посмотрел на Брайена. Иметь такой аппетит до рассвета, накануне дня, который может принести смерть...

— Приветствую, сэр Джеймс, — весело размахивая кружкой, подмигнул Брайен. — Вина?

Джим решил, что несмотря на долг хозяину, он сейчас заслужил небольшую выпивку.

— Да, — согласился он.

Брайен откупорил бутылку и передал Джиму. Зажав бутылку в лапе, тот поднес ее к пасти и опустошил за один глоток.

— Спасибо, — сказал он.

— Дик! — закричал Брайен. — Вина для сэра Джеймса!

Появился Дик и принялся заламывать руки.

— Умоляю, сэр рыцарь, — завел свою песню хозяин, — сэр Джеймс опять выпьет четверть бочки бордо!

— Нонсенс! — возразил Брайен. — Несколько дюжин бутылок будет достаточно, чтобы благородный рыцарь промочил горло.

— Ну, тогда... бегу.

И Дик поспешил выбежать из комнаты. Джим услышал, как он криком подозвал одного из слуг.

Через несколько минут на стол подали не пару дюжин лучшего вина, а маленький бочонок — галлонов на десять — добротного, но второсортного. И хотя бочонок был наполнен до краев, Джим с грустью вспомнил о превосходных сортах, продегустированных в подвале; философски размышляя, он, тем не менее, принялся поглощать вино. Даже драконам иногда приходится довольствоваться тем, что оказывается под лапой.

Он пил вместе с Брайеном и постепенно впитывал смысл творящейся вокруг суеты. Все кругом были сосредоточенны и заняты. Джим наблюдал, как затачивалось оружие, чинилось и подгонялось снаряжение, сверялись карты и уточнялись приказы. Он отметил полное отсутствие веселых или злых шуток, оскорблений и богохульств, что всего лишь днем раньше являлось непременным атрибутом разговоров разбойников. Все было предельно серьезно. Факелы на стенах чадили. Люди расхаживали взад и вперед, каждый был погружен в свою индивидуально поставленную задачу, не терпящую постороннего вмешательства. Жиль с головой ушел в совещание со взводными и был недоступен для общения. Перевязанный Арагх вскоре исчез; Даниель тоже не было видно. Дик с прислугой напоминали капитана и экипаж корабля, сражающегося с ураганом.

В конце концов Брайен отодвинул пустые бутылки в сторону и дружеским тоном посоветовал Джиму идти ко всем чертям или, на худой конец, прогуляться: самое время подготовить к бою Бланшара и проверить оружие.

Джим последовал совету и вышел на освежающий холодок предутренней темноты. Он ощущал одиночество и неловкость — как незнакомец, случайно оказавшийся на чужом семейном торжестве. Некоторый привкус меланхолии, усиливавшей остроту восприятия, был вызван выпитым вином. Джим не был одинок в этом мире — несмотря на жестокость средневековья, ему здесь нравилось — но подобно кораблю-страннику, он искал бухту, где можно бросить якорь. Он жаждал общества Энджи; но — в случае провала всей операции — кто даст ему чувство принадлежности к этой земле? Мысль о вечно странствующей меж двух миров душе претила Джиму.

Он огляделся, ища глазами Арагха, но вспомнил, что волк сразу после перевязки слинял с постоянного двора.

Джим еще сильнее напряг и зрение и чуткое обоняние дракона, но поблизости Арагха не было. Джим достаточно изучил повадки волка, чтобы сделать вывод — если Арагха нет в прямой видимости, значит, искать его бесполезно.

Джим-Горбаш опустился в темноте на землю. Из-за спины

доносился шум, тянулись запахи, падал свет постоянного двора. Впереди громоздилась густая темень деревьев, а над головой сомкнулось затянутое тучами небо, сквозь которое изредка пробивался мутно-молочный всплеск луны, спрятанной внизу, на западе. Луна скоро зайдет, свет погаснет окончательно...

А к исходу только что зарождающегося дня Джим уже может... лежать мертвым в какой-нибудь грязной канаве... Мысль не вызвала страха, но усилила меланхолию. Джима порезали во время скоротечной стычки в деревне, и вполне вероятно, что в длительном бою его серьезно ранят или убьют... Он погибнет на неизвестной, далекой от дома земле, и никто не узнает о смерти его... Даже Энджи, если принять как аксиому, что она улизнет из Преренной Башни и освободится от Темных Сил, которыми страшал его Каролинус... Никто не узнает, что произошло с ним. Никто не обратит внимания на исчезновение Джима... Никто не найдет его могилки...

Он медленно погружался в бездну сладостного самосожаления, как вдруг осознал, что лежит на земле. Джим импульсивно захотел перевернуться на спину, расправить крылья и поелозить по грубой песчаной почве. Эхом в сознании прозвучали слова Даниель: «Не валяйся в грязи, сэр Джеймс!»

Тогда совет Даниель вызвал недоуменное изумление. И только сейчас он понял их глубокий смысл. Раздумья Джима о ранах всколыхнули инстинкты Горбаша. Незначительные порезы уже на следующий день покрылись коркой, и он перестал обращать на них внимание. Процесс заживления продолжался, раны малопомалу затягивались и вот теперь почему-то начали чесаться.

Хорошее долгое валяние на твердой земле излечит Джима-Горбаша от зудящей чесотки. Безусловно, порезы быстро откроются вновь и грязь инфицирует их...

Джим резко сел. Даниель оказалась права. Но — самое мерзкое в чесотке! — стоило Джиму вычислить источник зуда, как тот моментально и многократно усилился, будто намереваясь сей дьявольской пыткой свести его с ума.

Усилием воли Джим заставил себя подняться на лапы. Он вспомнил, как неподвижно стоял Брайен, словно не обращая внимания на залетевшего под шлем шмеля. Так почему он, Джим, не в состоянии проигнорировать легкую чесотку?

Ноздри дракона вдохнули запах приближающегося дня: некая разновидность коктейля из смеси тумана и ночного ветра. На миг задержав дыхание, Джим услышал слабый звук — поступь мягких подушечек — и через секунду перед ним застыл Арагх.

— Все проснулись? — прохрипел волк. — Время действий!

— Сейчас передам, — Джим повернулся к постоялому двору, но одновременно дверь распахнулась и высунулась голова Жилия.

— Сэр Джеймс? — тихо спросил предводитель разбойников. — Ты не видел волка?

— Видел, — отрубил Арагх. — Он только что прибыл. К чему этот шепот, сэра Разбойник?

Жиль убрал голову и захлопнул дверь. Но он не шептал, а спросил вполголоса, как и Арагх несколько секунд назад. Дверь снова отворилась: в сопровождении взводных вышел Жиль, а следом за ними — Даниель.

— ...Хозяин Дик запрягает лошадей, а потом облачится в доспехи, — говорила она отцу. — Слуги уже нагрузили повозку. Сэр Брайен на конюшне.

— Превосходно. Джек, передай рыцарю, что мы готовы выступать, — подытожил Жиль. — Взводные, поднимайте парней.

Джек двинулся к конюшне, а лейтенанты нырнули в темноту лагеря, разбитого разбойниками неподалеку от дома.

Через пятнадцать минут отряд выступил. Брайен — верхом на Бланшаре, Жиль — на одной из хозяйских лошадей бледно-серобелой масти; Джим возглавлял отряд. Позади шествовали Дэффид, Даниель и Дик, управлявший повозкой, а за Соратниками следовал основной отряд. Как только они вышли на марш, Арагх исчез в темноте, проворчав, что встретится с ними на краю леса.

Они вышли затемно, однако необъятная темнота постепенно отступала, контуры деревьев становились все четче, а небосвод насыщался светом. Легкий ночной ветерок стих, как и предсказывал Дэффид, а прилипший к корням деревьев туман медленно растворялся, оголяя пейзаж белых, черных и серых тонов — подходящее пристанище для духов и ночных демонов. Полумрак насыщался светом. Отряд продвигался по темной земле, покрытой одеялом тумана, который с головой окунал в себя и ослеплял людей и окутывал деревья белесой пеленой. А небо, все набиравшее свет, наполнялось плотными, пузатыми и холодными тучами.

Разговаривало мало. Туман, тучи и темнота в зародыше душили всякое желание поболтать. Повозка поскрипывала. Звякали оружие и доспехи. Глухо стучали о землю копыта лошадей. В сыром, холодном воздухе дыхание превращалось в белые клубы. Внезапно отряд вышел к опушке леса. Перед ними лежала равнина, на которой стоял Малвернский замок.

Змейки тумана скользили по траве и, извиваясь, убегали на равнину. С трудом различались только башни и зубцы стен, полузатопленные туманом. Внезапно восходящее солнце пробилось сквозь верхушки деревьев и веером впилось в туман.

Джим взглянул на небо. Стремительные поднебесные ветры в клочья рвали тяжелые облака, хотя воздух над землей был бездвижен. И все же тучи висели низко; Джим впервые засомневался, сможет ли он с большой высоты опуститься точно на площадку башни. Если этот маневр нужно выполнить ровно через полчаса, значит, придется лететь на высоте не больше ста футов. Интересно, что подумают дозорные на стенах и башнях? Не возникнут ли у них сомнения относительно того, куда летит дракон?

— Превосходно! — громко и жизнерадостно воскликнул Брайен. — Все в сборе? Где сэр Волк?

— Беспокойся о себе, сэр Рыцарь, — откликнулся Арагх. — За то время, что я прождал вас, можно было зарезать двадцать овец.

— Превосходно, — повторил Невилл-Смит. — Время последних приготовлений? Мастер Жиль, задачи отряда и группы лучников тебе известны. Ты командуешь лучниками и валлийцем. Сэр Джеймс, Дик и сэр Волк — ко мне!

Отряд разделился на две группы.

Дэффид, стоя чуть в стороне, бережно разматывал упакованные в тряпку стрелы. Шесть стрел он воткнул перед собой в землю, а две положил в колчан. Дик спешился. В свете пробуждающегося дня Джим заметил, как Дик обсыпал мукой гнедую лошадь, чтобы та походила мастью на Бланшара.

Брайен спрыгнул с седла и, снимая с Бланшара конские доспехи, начал одевать ими лошадь трактирщика.

— Каков наездник, таков и жеребец, — проворчал он. — Что одному жмет, другому велико. Ну да ладно, я подтяну упряжь так, что все примут его за Бланшара.

— Доспехи сидят, как тряпье на огородном пугале, — заметила Даниель. — Не говоря уже об оригинальном окрасе. Пусть Дик сядет на твоего коня...

Брайен нахмурился.

— Не обрекай меня на неудачу, госпожа, — раздался из-под шлема веселый голос Дика. — Много лошадей перебивало в моих конюшнях, и на многих я ездил. Но на Бланшара не сяду и за сто фунтов серебра. Он не потерпит иного седока, кроме своего хозяина. А выбросив из седла, он, если мне не удастся убежать, искушает и забьет копытами до смерти.

— Как и подобает скакуну рыцаря, — отметил Жиль. — Сэр Брайен знает, что делает. И прекрати командовать, Даниель. Бланшар стоит целого состояния, его не найдешь на первой попавшейся ферме. Держу пари, сэру Брайену пришлось изрядно раскошелиться.

— Отдал за него все свое наследство, — проворчал Брайен, закрепляя второе стремя. — Доспехи достались мне от отца, а все остальное ушло на покупку Бланшара. Лучшей сделки и не придумать. Не боится копыта, секиры, палицы и меча, а в случае моего падения защитит от человека и любого зверя. Команды отдаю коленями, поэтому руки свободны для щита и копья. Многие боевые скакуны сравнятся с ним в силе и резвости.

Он посмотрел на Дика.

— Не обижайся, дружище Дик, — сказал он. — Но даже если

Бланшар и не скинет тебя, я не позволю на него сесть. Я — единственный хозяин, которого он должен признавать и беспрекословно слушаться.

— Не тревожься, сэр Брайен. На Бесс мне куда спокойней, — Дик запнулся и подсказал: — Поддень хоть кольчугу.

— Если сэр Хьюго будет в полных доспехах, кольчуга послужит слабым утешением, — ответил Брайен. — Он редкий мерзавец, но сражаться умеет. Если солдаты обыщут меня возле ворот и нащупают кольчугу, муравейник всполошится раньше времени. Будьте покойны! Нет, я рискну, а латы надену позже.

— Ты не похож на трактирщика, — заметила Даниель.

Что правда, то правда, подумал Джим. Сэр Брайен был одет в облегающие кожаные бриджи, подвязанные поясом, позаимствованным у сына Дика, а поверх свободной серой рубахи был выкинут темный, толстый плащ.

Одежда больше подошла бы для маскарада. На Дике она бы еще хоть как-то смотрелась — правда, при условии, что бриджи сойдутся на расплывшейся талии. Но Брайена отличала не только манера носить одежду. Самыми первыми и самыми запоминающимися впечатлениями от рыцаря — как отложилось в памяти Джима — были: твердый взгляд голубых глаз, агрессивно выступающий подбородок, прямая осанка, выработанная долгим сидением в седле. Так что более чем скромное одеяние не скрывало этого.

— А вот и борода, — обрадованно заявил Дик, вытаскивая ее из повозки. — Несколько не подходит к вашим волосам, сэр Брайен, но, как известно, у шатенов борода имеет порой рыжеватый оттенок. Завяжи тесемки на затылке и начеши волосы на бороду... Да, так и учил меня актер... Сейчас помогу, сэр Брайен.

Совместными усилиями они подвязали бороду. Она значительно изменила облик рыцаря, придав ему неухоженный, вульгарный вид, а голубые глаза наполнились устрашающе-зловещим блеском.

— Немного ссутулься, — посоветовала Даниель.

— Так? — спросил Брайен.

Но попытка оказалась безуспешной.

— Черт подери! Я не кривляка из балагана! — кипятился Невилл-Смит. — Поеду так. Либо я обману сэра Хьюго, либо нет! На все воля Божья!

Он уселся на повозку, взял вожжи.

— Готов?

— Да, сэр Брайен, — отозвался Дик, сидевший верхом на Бесс.

— Дашь мне отъехать подальше, чтобы, когда начнешь преследование, не пришлось придерживать Бесс.

— Да, сэр Брайен.

— Жиль, не забудь оставить на воротах отряд. Когда сэр Хьюго заметит сражение внутри замка, он наденет доспехи и

вооружится. А когда мерзавец появится у ворот, не подпускайте его к лошади, куда я...

— Или я, — перебил Арагх.

Брайен косо посмотрел на волка.

— Сэр Волк, — язвительно начал он, — что ты противопоставишь воину в полных доспехах?

Арагх тихо зарычал и запрыгнул на повозку.

— Сэр рыцарь, — сказал он, — когда-нибудь ты увидишь.

— В любом случае, — продолжал Брайен, повернувшись к Жилью, — удерживайте ворота и не подпускайте сэра Хьюго к лошади!

— Не тревожься, сэр Брайен, — заверил его предводитель разбойников. — Кой-какой опыт у меня есть.

— Несомненно. Но повторение лишним не бывает. — Невилл-Смит отпустил вожжи, и лошади повлекли телегу вперед. — За Бога и мою госпожу!

Повозка выехала из леса.

Небольшая равнина перед замком очистилась от тумана, и серые каменные стены начал отогревать ясный желтый свет раннего утра. Брайен взмахнул кнутом и пустил лошадей рысью, а затем и неуклюжим галопом по колее, ведущей к замку.

— Рано, Дик! Еще нет! Теперь вперед! — скомандовал Жиль.

Дик прищипорил Бесс, и лошадь галопом вынесла всадника в поле.

Предводитель разбойников посмотрел на Джима.

— Да, — понятиливо отозвался тот. — Я полетел.

Джим хотел задержаться, чтобы увидеть, откроются ли ворота, впустят ли в замок Брайена и Арагха и сумеет ли Дик развернуться и доскакать до леса. Ведь взлетать ему в другом направлении — чтобы оставаться незамеченным и с тыла приблизиться к замку. Но приказ есть приказ.

Джим развернулся, пробежал несколько ярдов вглубь леса, расправил крылья и поднялся над верхушками деревьев. Оглянувшись, он отметил, что деревья полностью загородили его от дозорных на стенах, и продолжал полет по дуге, заходя к Малверну с тыла.

Вскоре он поймал первый термал, поднялся до плотных туч и заметил прорехи на севере и на западе. Импульсивно он решил попытаться подняться над облаками.

Своего он добился, хотя и пришлось набрать высоту в тысячу двести футов. Оказавшись над облаками, он направился к замку, выскивая в облаках просветы, сквозь которые можно сориентироваться. Найдя такое окно, он снизился, осмотрел и равнину, и замок. Повозки и всадника верхом на лошади видно не было, но полоса солнечного света к западу от замка означала новую брешь в облаках.

Он поднял голову и вскоре обнаружил ее неподалеку. Подобравшись туда, он рассмотрел замок под более острым углом и

заметил крышу главной башни. Он находился в трех четвертях мили и в тысяче футов над нею. Джим вошел в пике — но не через прореху, а через облака, прямым курсом на замок.

Какое-то время туман окутывал и ослеплял его. Затем он вырвался на открытое пространство, и замок встал прямо под ним. Джим Горбаш наполовину сложил крылья, и камнем, посланным катапультой, по дуге опускался на цель. В последний помент, расправив крылья, он затормозил и опустился на верхушку башни.

Джим столкнулся с единственным дозорным. Солдат поблел, развернулся и пустился в бегство вниз по лестнице. Джим ринулся за ним, спустился на нижний этаж и увернулся от брошенного копья. Инстинктивно он расправил крыло, поднял солдата в воздух и со всей силы швырнул того спиной об пол. Солдат упал и больше не двигался.

Невозможно было определить, чья кровь кипела в пылу начавшегося сражения — Джима или дракона?

Он услышал звук скрестившихся в поединке клинков и бросился вниз по лестнице. Джим увидел стоящую в дверях высокую, стройную девушку, одетую в белое; в руках у нее было короткое копье. Она что-то неразборчиво прокричала и попыталась вонзить в него копье, когда он стремглав пронесся мимо. Джим преодолел короткий коридор и наткнулся на Брайена, оборонявшегося от троих солдат. Рыцарь успел надеть шлем, остальные доспехи все еще лежали у ног.

Джим с разбега налетел на солдата и повалил всех троих на пол.

— Спасибо, — задыхаясь произнес Брайен. — Надо расчистить нижнюю лестницу, сэр Джеймс! Подсоби волку, если есть надобность. Он или открыл ворота, или уже убит. Разведай и сообщи... если сумеешь.

Фыркая, облизывая длинным красным языком пасть, Джим с полурасправленными крыльями бросился по ступеням вниз. Там, справа от себя, он обнаружил огромный темный холл, разделенный занавесями, за которыми слышались крики и лязг оружия.

Бросив взгляд вдоль изгибающейся бревенчатой стены, он увидел справа внутренний двор замка и ворота. Одна створка была распахнута. Во дворе одновременно шли две стычки. Первая — у открытых конюшен: пятеро из отряда Жили дрались на мечах против пятерых воинов сэра Хьюго. Вторая разгорелась у ворот: дюжина воинов полукругом прижала к стене Арагха. Солдаты кричали, но никто не осмеливался первым ринуться на зверя. Они пытались финтами отвлечь внимание волка, чтобы кто-нибудь один зашел сбоку и нанес удар.

— *Арагх!* — во всю мощь драконьего голоса прогремел Джим.

Он бросился на полукруг, который в момент соприкосновения распался. Джим покончил с четырьмя воинами. Английский волк расправлялся с тремя, остальные бросились в бегство.

— Где Жиль? — крикнул Джим.

— В зале, — прохрипел Арагх. — В последний раз я видел его там.

— Сэр Хьюго?

— Его я не видел вовсе!

— В башне его нет! — пояснил Джим. — Я только что спустился оттуда. Брайен облачается в доспехи. Я осмотрю замок.

Одним взмахом крыльев он очутился на стене. Справа и слева валялись безжизненные тела, из груди каждого торчала стрела.

Где Дэффид? В лесу? Или он присоединился к отряду Жилия, сражавшемуся в зале?

В этот момент двери башни распахнулись, и оттуда высыпали воины, вооруженные короткими копьями. Они спешили на подмогу своим товарищам, сражавшимся у конюшен.

Джимом овладела драконья ярость. Он соскочил со стены и напал на врагов.

Никто из солдат не смотрел наверх. И потому, обрушившись с тыла, Джим оказался в самой гуще сражения. Он шипел, ревел, кусал зубами, царапал когтями, заваливал крыльями, балансируя на задних ногах.

Ряды нападавших таяли. Он бился против соломенных солдат, вооруженных копьями из тростника. Пики разламывались при легком прикосновении, а солдаты, как тряпичные куклы, разлетались по сторонам. Чувство необузданной дикой мощи пробудилось в Джиме-Горбаше. Краем глаза он заметил, что Английского волка окружил свежий резервный отряд сэра Хьюго. Решение пришло незамедлительно: разделаться с солдатами и прийти на помощь Арагху. Волк просил Горбаша не рисковать. Но кто устоит перед драконом? Никто! Он непобедим! После боя он напомним об этом всем: волку, разбойникам, рыцарю... Внезапно нападавшие закричали — победно, триумфально.

— Горбаш! — взвыл волк. — Горбаш!

Волк звал на помощь? Джим обернулся и увидел прижатого к стене Арагха, тот не был ранен, и ситуация была далека от критической.

— Зал! — взвыл Арагх.

Джим посмотрел вверх сверкавших с новым усердием пик. Главные двери зала медленно раскрылись. На пороге появилась тяжеловесная фигура в зеркальных доспехах, верхом на коне; в металлической перчатке было зажато копьё.

Медленно, не спеша, рыцарь выехал в центр двора, посмотрел на волка, затем на Джима и размеренным шагом направил лошадь к воротам.

Упреки и негодование сменили ликующие возгласы. Воины перестали сражаться, некоторые, побросав оружие, пытались спастись бегством. Арагх немедленно воспользовался переменной в ходе сражения, бросился вдогонку и заваливал солдат со спины. Но трусливые наемники не интересовали Джима.

— Наводи порядок, Арагх! — крикнул он волку. Пламя всемо-

гушества свирепо пылало в его груди. Джим жаждал поединка с рыцарем. — Он не уйдет!

— Нет! Остановись! Сэр Джеймс! — донеслось до Джима.

От двери башни отделилась фигура. Это был Брайен, полностью одетый в латы и во всеоружии. Он тяжело побежал к конюшням, где ржали, стремясь освободиться от привязи, лошади.

— Слишком поздно! — радостно прогремел Джим. — Я вызвал его первым!

Он перелетел через стену замка. До леса всаднику оставалось не более четверти пути.

— Сдавайся, сэр Хьюго, — во весь голос вскричал Джим. — Я все равно настигну тебя!

Он ожидал, что рыцарь, позорно покинувший на произвол судьбы солдат, прищипорит лошадь — в панике пустит ее галопом, заслышав голос дракона и увидев снижающуюся махину мышц. К удивлению Джима, сэр Хьюго остановил коня, развернулся и изготовил к атаке копье. Затем он прищипорил лошадь и поскакал на Джима.

Джим едва не рассмеялся. Рыцарь потерял голову. Или, смирившись с фактом, что поражение и смерть неизбежны, он решил погибнуть в бою? В то же время, он внезапно вспомнил слова, сказанные Смерголом в логове драконов. Многие ли из вас отважатся встретиться с джорджем в панцире, с направленным на вас рогом?

Затем он и сэр Хьюго сошлись в схватке. Невероятной силы удар и ослепляющая боль стерла зрение, мысли, память — все...

ГЛАВА 17

— Мой мальчик... — приговаривал горестно дрожащим голосом Смергол. — Мальчик мой...

Долгое время сознание Джима различало лишьдвигающиеся тени, перемежающиеся периоды расплывчатого света и полной тьмы; неясные чужие звуки и скрежеты то приближались, то растворялись вдали... Чуть позже появились голоса — знакомые и незнакомые. Но бескрайнее море боли то засасывало в темные глубины забытья, то выталкивало на поверхность опаленной реальности, всецело подчиняя сознание собственной прихоти. Джим существовал в мире боли. Боль вгрызалась в тело, в мозг, в нервные волокна, в кости...

Чудовищное страдание стало основой бытия. Оно длилось... длилось... вечность... бесконечность...

Но, вычленив из внешнего мира голос Смергола, волны океана боли стихали, мало-помалу переходя в рябь. Отступление вселенского дискомфорта вызвало блаженство. Остаточная боль являлась старым закадычным приятелем, и ее исчезновение было сопоставимо с утратой друга детства. Джим попытался сосредоточиться на громадном пятне, находившемся совсем рядом.

— Смергол?.. — спросил Джим-Горбаш.

Продравшийся сквозь сухость горла хрип напоминал лишь призрак, бестелесный дух того привычного, громоподобного голоса, которым в момент первого пробуждения в драконьем теле наделил Джима этот странный мир.

— Он заговорил! — Это был Смергол. — Хвала всемогущему Пламени! Он будет жить! Волк, зови остальных! Передай, он будет жить! Пусть приходят все!

— Иду, — раздался ворчливый голос Арагха. — Я разве сомневался, что он выживет? Ты забыл мои слова?

— О, нет, нет... — сдавленно произнес Смергол. — Я старый дракон и видел много своих соплеменников, павших от рогов джорджей... Горбаш, как ты себя чувствуешь? Говорить можешь?

— Самую малость... — прошептал Джим. — Что произошло?

— Идиоты вечно попадают в передряги! — Суровый тон явно не давался ворчливому Смерголу. — Что надоумило твою беспутную башку броситься на панцирного джорджа? Джорджа с рогом и верхом на лошади?!

— Что со мной произошло? — прохрипел Джим.

— Рог, или копые, как они его обзывают, проткнул тебя! Вот что произошло! Любой, кроме дракона, умер бы на месте, едва коснувшись земли. Любой дракон, кроме драконов нашей ветви, умер бы в течение часа. Ты восемь дней качался над пропастью. Но раз уж ты заговорил, то теперь будешь жить. Дракон, не убитый на месте, выживает. Такова уж наша природа, малыш!

— Выживает... — повторил Джим. Как странно и непривычно звучало для него это слово!

— Безусловно! Такими уж мы созданы. Три дня — и ты подымешься на ноги. А еще через два — будешь как новенький.

— Нет, — заспорил Джим. — Уже нет.

— О чем ты говоришь! Ерунда! Как я сказал, так оно и будет. И перестань пререкайся!

Старый дракон продолжал говорить, но темные мутные воды вновь затопили сознание Джима. Он не станет вести бессмысленный спор со Смерголом и не позволит себе поддаться доводам старика. Изменение состоялось, и он никогда не станет таким, как прежде.

Ощущение перемены не покинуло Джима и в последующие дни. Как и предрекал Смергол, Джим быстро поправлялся, разговаривая в часы бодрствования с теми, кто его навещал. Со слов гостей он постепенно восстановил картину того, что произошло с ним у стен замка после схватки с сэром Хьюго.

Теперь Джим понял, почему драконы, несмотря на физическую силу и мощь, опасались рыцаря в доспехах, сидящего на коне и вооруженного копьем. Всадник и конь, закованные в металл, имели массу никак не меньше тонны. Эдакая машина, несущаяся со скоростью десяти миль в час и сосредоточившая весь вес на острие шестнадцатифутового копья, имела практически стопроцентные шансы проткнуть плоть дракона насквозь.

Копье не задело сердца и легких Джима — иначе Горбаша не спасла бы даже его драконья конституция. Острие вошло в грудь, где мышечная масса левого крыла была тонка, и, пронзив тело, на восемь дюймов вышло из левого плеча. Что хуже всего, копье переломилось, оставив короткий обломок торчать из груди.

Все, кто видел падение Джима, посчитали его стопроцентно мертвым. Даже Хьюго де Буа не удосужился удостовериться, а посему взобрался на коня — после столкновения он вылетел из седла — и спешно ретировался, не дожидаясь, пока Брайен бросится в погоню.

Все обступили неподвижное тело Джима. Первым заметил слабое дыхание Арагх. Соратники побоялись переносить Джима, который находился на зыбкой грани смерти, поэтому построили над ним хижину из стволов и ветвей, укрыли теплыми одеялами, развели в сложенном из камней очаге огонь и послали волка за С. Каролинусом.

Каролинус явился не один, а в сопровождении Смергола, которого каким-то образом разыскал. Под надзором и руководством волшебника старый дракон поднатужился и осторожно вытащил обломок копья из тела Джима.

Рану очистили и промыли, и она снова закровоточила. Но когда кровь все же перестала идти, Каролинус заявил, что если Джим дожил до сих пор, то помощи ему уже не потребуется, и начал поспешно собираться в дорогу.

— Но что нам делать дальше? — не унималась Даниель.

— Ждать и надеяться, — отрезал Каролинус.

Потом он быстро собрался и ушел.

Они укрепили и достроили хижину. Смргол и Арагх по очереди сидели с Джимом; изредка к ним присоединялась Даниель, Брайен или кто-нибудь еще из людей. Все ждали. И вот настал день, когда Джим ответил Смрголу.

К Джиму приходили поговорить и выразить радость, что он сумел выжить. Но каждый делал это по-своему. Смргол выговаривал; Арагх недовольно ворчал; Даниель настаивала, что Джим поступил глупо, но в то же время благородно, отчаянно ринувшись почти на верную смерть. Ее кратковременные вспышки недовольства сменились нежностью. Она заботливо меняла повязки, запретив остальным даже прикасаться к ним. Жия заинтересовала техника боя сэра Джеймса, и он неоднократно намекал, что Джиму был известен некий секретный финт, хранимый им в тайне; иначе верхом безрассудства казалось идти в лобовую атаку на сэра Хьюго. Приходил и Дэффид. Валлиец сидел и молчал, выстругивая оперения стрел.

Геронда де Шане (девушка в белом; та, что стояла в башне с копьем) поклялась отомстить за Джима. Ее правую щеку скрывала повязка.

Она рассказала о том, как попала в плен. Сэр Хьюго с тремя всадниками приблизились к воротам замка и передали с часовым, что привезли весть о смерти отца Геронды. Их пустили внутрь. Они разоружили часовых, открыли ворота, и остальной отряд въехал в замок. Захватив Малверн, Хьюго сознался, что ему ничего неизвестно о судьбе отца Геронды. Возвращать замок хозяйке Хьюго не собиравшись и потому предложил Геронде немедленно выйти за него замуж, а после ее отказа прибег к угрозам. Хьюго пообещал обезобразить девушку до неузнаваемости. Сперва правую щеку, через три дня — левую, еще через три дня он обещал отрезать ей нос, потом поочередно выколоть глаза — и так до тех пор, пока она не согласится стать его женой. Шрам на щеке останется напоминанием на всю жизнь, но гордость победила подлость. Геронда оказалась хрупким, почти эфемерным созданием с красивыми пепельными волосами. Однако она подробнейшим образом описала пытки, уготованные сэру Хьюго, когда тот окажется у нее в плену.

Брайен принес вина, угостил Джима и принялся рассказывать похабные шутки и бесконечные истории, некоторые из которых были правдивыми, как подтверждали Арагх и Смргол, но все без исключения казались невероятными.

Хозяин Дик прислал больному остатки ветчинных окороков.

Впервые Джим мог пожаловаться на полное отсутствие аппетита. Вино ласкало небо, но даже и оно не соблазняло драконьей натуры. Он попивал его в малых — по драконовым меркам — дозах.

Как бы то ни было, Джим поправлялся. Вскоре он начал по хорошей погоде выходить на улицу — усаживался на траву и грелся под лучами солнца. Нельзя было сказать, что утренний холодок ранней осени тревожил массивное тело дракона; скорее его тревожило прикосновение смерти, воплощенное в копье сэра Хьюго. Обломок удалили, и боль мало-помалу утихла, но воспоминание застряло в подсознании навсегда, окрасив восприятие мира в блеклые холодные тона. Свербящая боль воспоминания о реальной близости смерти иссушила радостное многоцветие мира, обезличила неповторимость людей и уникальность бытия; даже мысль об Энджи потеряла былую значимость. В сознании доминировал единственный постулат: он никогда больше не ринется в лобовую атаку на рыцаря в доспехах. Отныне он будет атаковать самым простым и эффективным способом. Выживание — это главное, и неважно, каким способом оно будет достигнуто.

Вероятно, остальные отметили в нем перемены, заключил Джим и начал подумывать о том, как изменить сложившееся у Соратников впечатление. Но уже вскоре его втянули в дискуссию о дальнейших планах.

— ...но решение, — твердо заключил Брайен, — остается за сэром Джеймсом. Геронда, он помог освободить тебя, и я перед сэром Джеймсом в долгу. Если он пожелает отправиться к Презренной Башне и, устроив осаду, попытается спасти даму своего сердца — то, клянусь Господом, не встретит возражений с моей стороны. Мой долг сопровождать сэра Джеймса к его благородной цели.

— Безусловно, — незамедлительно согласилась Геронда.

Все сидели за массивным дубовым столом в трапезной; с ними не было только Смргола. Он улетел по неотложным делам в пещеры драконов. Ужин подходил к концу, и Джим, здоровье и аппетит которого улучшились, активно утолял жажду вином из погребов замка. Геронда повернулась и посмотрела дракону в глаза.

— Как и сэр Брайен, я принимаю на себя точно такие же обязательства, — заверила она. — И я неукоснительно подчинюсь любому решению. Но, сэр Джеймс, прошу учесть целесообразность и преимущество безотлагательного похода против Хьюго де Буа.

— Это преимущество тебе на руку, — прорычал Арагх. Волк чувствовал себя неуютно в трапезной — как, впрочем, и в любом здании, и это усиливало его раздражительность. — Нечего мне делать в замке. Да и тебе, Горбаш!

— Но ты же хочешь покончить с сэром Хьюго, — обратилась к волку Геронда. — Ведь это твоя давнишняя мечта!

— Убью при встрече, но охотиться специально — не стану. Я охочусь за едой. А вы, люди — за чем попало, по поводу или без

повода, лишь бы прихоть удовлетворить, — проворчал Арагх. — Горбаш похож скорее на меня, чем на людей

— Горбаш — да, но не сэр Джеймс, — возразила Геронда. — И со дня на день сэр Джеймс перестанет быть драконом. А когда этот день наступит, ему потребуется замок. По закону я не могу приобрести замок и земли сэра Хьюго, пока существуют сомнения в смерти моего отца; а Малвернский замок после моего замужества переходит к сэру Брайену. Ну а после того, как с сэром Хьюго будет покончено, надежное соседство излишним не покажется. Буа де Маленконтри не такое уж плохое владение, — тут она бросила быстрый взгляд на Даниель, — для человека богатого и знатного...

— Замки и земли — пустые звуки, — проворчал Арагх. — Какой прок от холодного камня и сухой земли? Пошевели мозгами, Горбаш. Жаль, что Смргол улетел. Он бы вразумил тебя. Я присоединился к отряду, чтобы сражаться против Темных Сил, а не гоняться за человеческими игрушками. Наши пути разойдутся, Горбаш, если замки затмят твой разум!

Он поднялся на лапы, повернулся и вышел из зала. Прислуга расступилась, освобождая ему проход.

— В словах волка заключена истина, — заметил Дэффид, когда Арагх ушел. — Защищать свою жизнь и охотиться на человека — два разных понятия; и это не зависит от мотивов.

— Не слушай их, сэр Джеймс, — заспорила Даниель. — Ты сумеешь обойтись и без них. Если не ты захватишь замок, то его захватит кто-нибудь другой. Да, отец?

— Рассчитывай на нас, — намекнул Жиль леди Геронде. — Нас интересуют деньги. Только ради них мы согласны пойти на замок Маленконтри.

— Я обещаю половину богатств замка Маленконтри, — объявила Геронда. — И слово свое сдержу. Как известно, сэр Хьюго долгие годы обирал соседей и накопил огромное состояние.

— Я дал свое согласие, — заявил Жиль. — Теперь последнее слово за сэром Джеймсом.

Джим намеревался пожать плечами, забыв, что тело дракона не может выполнить столь простого и красноречивого для человека движения. Каролинус уверял, что Энджи, находясь в плену и ожидая спасения, не подвергается никакой опасности. Несколько дней, подумал он с новых позиций отчуждения и отрешенности, или даже неделя-другая не имеют решающего значения. И если Каролинус не сумеет отослать их с Энджи в исходную точку, то владение замком и землями окажется нелишним. Потребность в пище и крове — в хорошей еде и удобном жилище — была такой же реальностью нового мира, как и сама боль. А игнорировать подобную реальность невозможно.

— Почему бы и нет, — сказал он. — Согласен. Мы выступаем против Хьюго де Буа де Маленконтри и захватим его владения.

Как только он произнес эти слова, атмосфера в зале измени-

лась невидимым приливом и отливом волны тепла. Душа исчезла, оставив внутри тела Горбаша пустоту. Джим заморгал, склоняясь к тому, что вино и свечной дым повлияли на его зрение и воображение. Ощущение быстро исчезло, и он не был уверен, возникало ли оно вообще.

Он оглядел остальных, но никто, похоже, ничего не заметил — кроме Дэффиды, который пристально смотрел на Джима.

— Превосходно, — обрадовалась Геронда. — Все решено.

— Это неверное решение, — вмешался Дэффид. — В моей семье от отца к сыну и от матери к дочери на протяжении многих поколений передавался дар предчувствия и интерпретации предостережений. Только что пламя свечей нагнулось, хотя в зале было безветренно. Это дурное предзнаменование. Я против похода на сэра Хьюго.

— Арагх вселил в тебя страх, — заметила Даниель.

— Я не напуган. Но, как и волк, я не рыцарь, чтобы идти на приступ и захватывать замки.

— Я сделаю из тебя рыцаря, — пообещала Даниель. — А когда получишь шпоры, твои девичьи страхи и предрассудки как рукой снимет.

— Постыдись, Даниель! — перебил Жиль. Лицо его потемнело. — Не смей злословить о благородном рыцарском звании!

Дэффид резко поднялся на ноги:

— Ты насмехаешься надо мной! — воскликнул он. — Я люблю тебя и лишь потому присоединяюсь к отряду. Но сейчас я прогуляюсь по лесу. Мне необходимо побыть наедине с самим собой, — и он вышел из зала.

— Господа! — жизнерадостно обратился к оставшимся Брайен. — Изгоним прочь мысли о злом роке! Наполним кубки! Соглашение достигнуто. За пленение сэра Хьюго и захват его замка!

— И за долгие, мучительные пытки! — добавила Геронда. Они дружно выпили.

Ранним утром следующего дня они выступили в путь. Арагх так и не появился, но отряд разбойников Жили пополнился сорока воинами, набранными из Малвернского замка и других владений де Шане. Геронда страстно хотела присоединиться, но чувство долга перед владениями отца победило жажду мщения. Она осталась, чтобы управлять замком. Уходя, они видели стоявшую на стене замка Геронду, а потом деревья сокрыли ее силуэт.

Утро выдалось облачным, как в тот день, когда они шли на приступ замка Малверн. Но сегодня, однако, облака не рассеялись, а наоборот, сгустились, и вскоре заморосил мелкий дождь.

Начало пути пролегало через редкий подлесок, перемежавшийся полянами, но потом тропа пошла под уклон и вывела в район мелких озер и болотеч. Набухшая влагой колючая стала вязкой и скользкой. Отряд разбился на группы и растянулся на добрые полмили.

Серая унылость дня повлияла не только на темп марша: опостылевшая пелена дождя вызывала раздражительность и злость. Те, кто шел пешком — разбойники и сорок воинов из Малверна — медленно передвигались по липкой грязи, укрывая лица от ветра и дождя; мечи были в ножнах, луки зачехлены. Грубые шутки, издевки, ругательства, которыми обычно перекидывались разбойники, прекратились. Редкие недовольные замечания адресовались погоде или дороге. Они прикидывали вероятную цену победы — числом убитых и раненых. Приводились старые, давно всем известные аргументы, а отношения откровенно накалялись.

Даже предводители похода поддались резкой смене обстановки. Жиль нахмурился, Даниель язвила направо и налево, а Дэффид замкнулся в себе. Создавалось впечатление, что весь отряд отреагировал на некое зловещее предчувствие.

Джим переместился в авангард. Он оказался одним из многих, кого не поразила повальная хандра. Брайен, восседавший верхом на Бланшаре, тоже оставался жизнерадостным, по-спартански невозмутимым и стойким. Казалось, в его мире все вопросы и дилеммы были решены давным-давно. Испепеляющее солнце или ураганный снегопад, реки вина или крови — поверхностные атрибуты, которые он неизменно будет игнорировать. Брайен производил впечатление человека, который будет шутить даже со своим инквизитором, находясь на дыбе.

Джим рассказал ему о настроении отряда, сделав акцент на поведении предводителей.

— Нечего беспокоиться, — ответил Брайен.

— Но крайне важно сохранить единство отряда. Представь, что Жиль неожиданно решит уехать и уведет за собой разбойников. Мы останемся с сорока воинами Малверна. И, подозреваю, добрая их половина ничего не смыслит в искусстве боя.

— Жиль так не поступит, — не согласился рыцарь. — Он знает, какое богатство достанется ему и его парням в цитадели сэра Хьюго. И он дал слово! А джентльмен всегда держит слово!

— Даже если мы можем рассчитывать на Жилья, — добавил Джим, — то возможны трения между Даниель и Дэффидом, в которые, слава Богу, еще не вовлечен отец. Дэффид с каждой милей говорит все меньше, а Даниель острит над ним все злее. Не следовало брать ее с собой, хотя ни у кого не хватило бы мужества открыто отказать Даниель.

— Без нее валлиец бы не пошел.

— Да, — признался Джим. — Но, согласись, воин из девушки никудышный.

— Откуда подобная уверенность? — спросил Брайен. — Ты видел, как она стреляет?

— В тот день, когда ее стрелы едва не убили нас. И еще в разграбленной деревне. Согласен, с луком она умеет обращаться.

— Позволь уточнить, — не сдавался рыцарь. — Даниель стре-

ляет из стофунтового лука не хуже доброй половины лучников из отряда Жиля.

Джим заморгал от изумления. Много лет назад, еще в колледже, им ненадолго овладело увлечение стрельбой из лука. Он начинал с сорокафунтового, а остановился на шестидесятифунтовом, ощутив свой предел, хотя и не считал себя слабым.

— Откуда ты знаешь? — поинтересовался он.

— Видел, как она стреляла, — после того, как тебя пронзили копьем, а бой за Малвернский замок еще продолжался.

— Она сражалась в замке? — настороженно спросил Джим. — Я считал, что она оставалась в лесу. Но как ты сумел на глаз оценить ее мастерство?

Рыцарь с любопытством оглянулся на Джима.

— Что и говорить, сэр Джеймс, диковинны заморские края, откуда ты родом, — заключил он. — Разумеется, я наблюдал за стрелой.

— Наблюдал за стрелой?

— Следил за моментом выстрела, — разъяснил Брайен. — Когда я оглянулся на Даниель, она прицеливалась ярдов с пятидесяти. Я стреляю из восьмидесятифунтового лука. Разумеется, я не лучник. Но все же Даниель никак не назовешь слабой.

Джим молча ковылял рядом с Бланшаром. Слова рыцаря заставили его глубоко задуматься.

— Если Даниель стреляет из стофунтового лука, то каким же луком пользуется Дэффид?

— Одному Богу ведомо. В сто пятьдесят? Двести? Или больше? Валлиец — человек из другого теста. Он не только великий стрелок, но и мастер — золотые руки. Ты же видел, как долго он возится с каждой стрелой! И он достиг совершенства в обоих ремеслах. Бьюсь об заклад, что любой лучник из отряда Жиля, которому под силу натянуть тетиву Дэффиды, отдал бы десятилетний заработок за оружие, изготовленное им собственноручно. Секрет валлийского лука кроется в креплении тетивы к излучинам. Даже обладая громадной силой вроде твоей недостаточно смастерить лук потяжелее, чтобы стрелять далеко и метко. Искусство стрельбы, как и тайна изготовления, кроющаяся в луке Дэффиды, неподвластна обычному лучнику. Ты слышал, что сказал Жиль, когда валлиец вызвался от опушки леса снять со стен замка часовых. Справедливо это и для его стрел. Любой разбойник отдаст половину зубов за колчан стрел работы Дэффиды.

— Понятно, — согласился Джим.

Информация осела, оставив неприятный осадок. До встречи с сэром Хьюго Джим воспринял бы все это как любопытный факт. Теперь же он ощутил некоторое раздражение мастерством Дэффиды и снисходительностью тона Брайена, терпеливо и подробно разъясняющего — словно ребенку — жизненные нюансы на столь элементарном уровне.

Джим замолчал, а Брайен, после нескольких реплик, направ-

ленных на поддержание разговора, оставил Джима в покое, развернул Бланшара и поскакал в конец колонны проверить отряд. Оставшись один, Джим, не замечая перед собой дороги, шел вперед. Он пребывал в скверном расположении духа и не стремился к компании средневековых персонажей, будь то люди или животные.

Но, оглянувшись, он не увидел ни людей, ни лошадей, ни колеи, которая, очевидно, сделала одну из необъяснимых поворотов, как петляющая лесная тропа, проложенная по маршруту удобного и наилегчайшего следования. Дорогу не строили целенаправленно, и потому она часто сворачивала, огибая кустарник. Очевидно, дорога сделала поворот, тогда как погруженный в размышления Джим продолжал двигаться по прямой. Он был уверен, что через некоторое время вновь повстречает отряд.

Джим наслаждался одиночеством. Ему изрядно поднадоел этот странный мир с говорящими существами, кровью, битвами, суперменами и сверхъестественными силами — и все это в контексте примитивной технологии и элементарного общественного устройства.

Внимательно разобравшись в себе, Джим сделал вывод, что существует предел жизни бок о бок с животными. Смергол и Арагх, как, впрочем, и остальные драконы, оставались-таки животными — даже невзирая на умение говорить. Но и люди, с которыми он встречался, казались ему сейчас ничем не лучше. Люди-животные, живущие обычаями, инстинктами, эмоциями, но никогда — разумом. Прекрасная Даниэль была не более, чем одетой в шкуры женщиной каменного века. Дэффид, несмотря на искусство владения луком, оставался кроманьонским охотником, а Жиль — обычным, пусть даже умным и ловким разбойником. Брайен — машина смерти, безразличная к боли и со сгустком мышц под черепной коробкой. Ну а Геронда? Чистый дикарь в счастливом предвкушении пыток, которые учинит заклятому врагу, когда тот будет пойман.

С позиций комфорта и чистоты двадцатого века, к которому Джим принадлежал, вряд ли когда-нибудь ему покажется привлекательным, а тем более — приятным жить рядом с такими людьми. Шансы на улучшение их моральных качеств замерли на нулевой отметке. А любые обязательства или расположения, возникающие по отношению к ним, являлись глупым продуктом лже-романтизма.

Он отвлекся от раздумий и отметил, что, пройдя значительное расстояние, так и не вышел на дорогу. Вероятно, она повернула в другую сторону или вовсе закончилась. Возможно, отряд решил двинуться в другом направлении или остановиться на привал — дождь все усиливался. Самое главное — они позаботятся о себе, а завтра Джим к ним присоединится. Он не ощущал потребности в их компании; а благоприобретенная драконья невосприимчи-

вость к температуре и погоде делала безразличными холод и сырость.

Положа лапу на сердце, его настроение даже гармонировало с преждевременными мглистыми сумерками, дождем, хлеставшим по деревьям и скользкой, влажной земле.

Но тем не менее он осмотрелся вокруг, заметил заросли деревьев и направился к ним. Джим выдернул несколько молодых деревьев и сплел макушки, соорудив шалаш. Переплетенные ветки и густая листва превосходно защищали от дождя.

Джим удовлетворенно свернулся калачиком внутри шалаша. Сумерки сгущались. Он не имел представления, где расположился отряд, и он не смог бы разыскать их, даже если б очень захотел. Но до рассвета никто не отыщет и его самого...

Он собрался засунуть голову под крыло, но отметил, что звук, услышанный некоторое время назад, усилился. Сознание несколько секунд отказывалось идентифицировать его. Но затем пришло воспоминание — отчетливое и безошибочное.

Это был посвист приближающихся сандмиров.

Теряя над собой контроль, Джим выскочил из шалаша и едва не бросился куда глаза глядят. К счастью, сработал тот же инстинкт, который спас во время первого знакомства с сандмирками: безоглядное бегство будет означать верную гибель. Предостережение всплыло из сознания Горбаша и остановило Джима.

Тьма сгушалась. Джим-Горбаш стоял возле шалаша, пасть была открыта, дыхание незаметно сменилось угрожающим рычанием, а раздвоенный язык так и мелькал взад-вперед. Знай Джим, в какой стороне разбили лагерь Брайен и Жиль, бегство имело бы какой-то смысл. Сумей он добраться до лагеря — и безопасность гарантирована самой численностью отряда.

Почему? Он не мог сказать, но был уверен, что против отряда сандмирки бессильны, ведь они предпочитали атаковать беззащитную жертву многократно превосходящими силами. Вероятно, большая группа людей или животных могла противостоять волне страха, который пробуждали сандмирки в сознании тех, кого сначала старались свести с ума, а потом растерзать. Если жертвы выставляли эффективный психический щит, то, устояв перед натиском, могли в свою очередь перейти в атаку. Сандмирки — Джим сам тому был свидетель — пасовали перед теми, кто их не боялся. Он вспомнил, в каком страхе и с какой скоростью разбегались ночные убийцы, когда на них набросился Арагх.

Итак, в какой стороне сейчас находится отряд, вступивший на тропу войны против сэра Хьюго? Джим предположил, что еще до наступления темноты они могли свернуть с дороги, если Брайен или Жиль выбрали удобное место для ночлега.

Главное — не паниковать и не пускаться в бегство, иначе он попадет в пасть сандмиркам.

И еще одно Джим знал наверняка: поблизости нет Арагха, готового в любой ситуации прийти на помощь. Волк расстался с Джимом у стен Малвернского замка, убежденный, что тот ушел вместе с отрядом. Утвердившись в своих худших подозрениях, Арагх, несомненно, развернулся и отправился обратно в свой лес. Так что сейчас он находится в десятках миль от Джима и не может слышать вой сандмиров, окружающих свою ночную жертву.

Страх и ярость вспыхнули в Горбаше бритвенно-живыми языками пламени. Хриплое дыхание еще раз перешло в душе-раздирающий крик. Бесполезно... Как затравленный зверь, услышавший рожки окруживших со всех сторон загонщиков, Джим опасливо и судорожно вертел головой из стороны в сторону.

Путь к отступлению... Нет! Путь к спасению! Этот путь должен существовать. Должен! И Джим-Горбаш обязан его найти!

Но он никак не мог его разглядеть.

Начинала кружиться голова. Ярость утихала. Теперь у Джима остался только страх; поднимаясь от земли, как туман, страх заполнял его дрожащее тело. Джим понимал, что имеет право бояться. Но осознание этого факта было странно-неправильным, ненормальным, потому что за ним следовало принятие факта смерти — его смерти!

Джим стоял в дождливой темноте, вслушиваясь в подвывание приближающихся сандмирков. Через несколько минут кольцо окружения замкнется. Бежать некуда, да и поздно: сандмирки поблизости и повсюду. Разум достиг предела отчаяния и смешался с бесцветной бесконечностью.

Неожиданно Джим отчетливо увидел себя со стороны. Сознание вновь и вновь прокручивало недостатки «Брайена и К^о» — прокручивало до тех пор, пока аргументы со знаком «минус», занесенные в графу «Недостатки Соратников», не оказались заслонены его собственными недостатками. Он ни в чем не превосходил Брайена, Смргола, Арагха и остальных. Наоборот — каждый из них превосходил его! Все дело в слепом случае, перемешанном испуганное человеческое сознание в могучую плоть дракона. Оставаясь в теле человека, он мог бы считать себя заурядным ничтожеством. Смог бы волейболист класса АА справиться с самым хилым разбойником из отряда Жиля? Смог бы ассистент Джим Эккерт натянуть тетиву стофунтового лука — не говоря уже о том, чтобы поразить стрелой цель? Смог бы водитель Оглоеда, облачившись в лучшие доспехи этого мира и сев на лучшего из боевых коней, выстоять хоть пару минут против сэра Брайена или сэра Хьюго?

Джим прозрел, причем совершенно неожиданно. Как он похвалялся, гордась тем, что на скорости врзался и повалил наземь солдат, которые всем скопом весили в пять раз меньше дракона! Было удобно и выгодно намекать этим людям, живущим в закрытом обществе, будто он барон, при этом позволяя им думать, что на самом-то деле носит титул принца! Но что произошло, когда его пронзило копьё? Радость от игры стремительно улетучилась, и Джим был бы счастлив закрыть глаза — и оказаться дома.

Окруженный сандмирками, Джим запоздало понял, что мир, в который он провалился вместе с Энджи, не столь уж удобен и приятен. Это жестокий мир. И все, с кем он повстречался, — Смргол, Брайен, Арагх, Жиль, Дэффид, Даниель и даже хозяин Джек и Секох — воины, выжившие после и за счет сражений. Они выжили только потому, что обладали требуемым для выживания уровнем храбрости. Джим презирал эту храбрость, когда бросился на копьё Хьюго де Буа. Но потом вдруг обнаружил, что смертен, как все остальные! Это открытие привнесло в жизнь нестерпимую горечь: в двадцатом веке он мог в любой момент увильнуть и не проявлять отваги, присущей жителям средневекового мира.

Но речь об удали или храбрости уже не шла. Его смерть была неминуемой — вне зависимости от мужества или отваги. Сандмирки затаились за ближайшими деревьями, а паника, рожденная их подвываниями, начала уже разъедать мозг. И не было поблизости костра, пламя которого удержит их на расстоянии. На сей раз, выбрав тактически беспроигрышный момент, они явились в дождливую ночь, когда облака плотно затянули небо; когда дракон не мог взлететь, опасаясь столкновения с деревьями или утесом; когда дракон, как обычное прикованное к земле животное, мог спастись только бегством на своих четырех. Единственное, что выделяло эту ночь из ряда всех предыдущих — Джим наконец-то разобрался в себе: ничтожный триумф, единственное, что отличало «просветленного» Джима-Горбаша от обычного обреченного на смерть дракона.

И тут у него перехватило дыхание. На мгновение были забыты голоса сандмиров: Джим увидел путь к спасению. Или к смерти? Но смерть в бездействии презренна, когда можно воспользоваться последним шансом к спасению. Что он говорил Каролинусу в их первую встречу?.. «Но я же не дракон?»

Он и не был драконом: у Горбаша, несомненно, в подобной ситуации не осталось бы выбора, но у Джима Эккерта выбор был! Он готов погибнуть во время штурма Презренной Башни ради спасения Энджи — если это потребуется — но не беспомощно и покорно; он не станет лакомством для сандмиров.

Вероятно, смерть поджидала его и в воздухе, но он предпочитал умереть, пав с небес, чем остаться здесь и быть съеденным. Горбаш раскрыл пасть и взревел на сандмиров, а Джим пригнулся и ринулся вверх, навстречу темноте и дождю; завывания начали быстро стихать, а тишина поглотила и окружила дракона.

Он взмахивал крыльями, набирая высоту, и в нем теплилась надежда, что слой облаков опустился низко и, пробив его, он вылетит под свод чистого звездного неба. Но где внутри слоеного пирога из всех этих дождевых облаков ему отыскать восходящий поток? Хороший ветер спас бы Джима, но дождливая погода исключала сильные, устойчивые воздушные потоки внутри нагромождения дождевых туч. Стоит ему перейти на парящий полет — и рано или поздно крылья нальются усталостью, и он начнет терять высоту, после чего падение на землю станет неминуемым.

Но пока силы не покинули Горбаша, Джим вновь и вновь настойчиво продирался вверх сквозь стену дождя. Темнота окружала и сжимала дракона: спереди и сзади, снизу и сверху. Он ощущал, что несмотря на все усилия, неподвижно висит в мокрой и крошечной пустоте. Дождь шел безостановочно, и не было прорехи в плотном покрове темноты.

Сравнивая быстроту набора высоты с предыдущими взлетами, Джим прикинул, что уже достиг рубежа пяти тысяч футов. Он попытался вспомнить некогда заученные, но потом позабытые сведения о дождевых облаках. Как смутно вспоминалось Джиму,

слой «невлажных» облаков находится на высоте двадцати тысяч футов. Очевидно, так высоко дракону не взлететь. Его легкие, как ни крути, оставались легкими животного, приспособленного к жизни на поверхности земли. На таких высотах дракон или задохнется от недостатка кислорода, или замерзнет.

На этой высоте слабый, но непрерывный ветер разгонял дождь, и Джим инстинктивно поймал его для подъема. Он рискнул: расправил крылья и перевел дыхание, не ощущая быстрой потери высоты. Он почувствовал давление воздуха на нижнюю плоскость крыльев, а мозг дракона зарегистрировал, что полет перешел в плавное снижение. И все же Джим опасался: ведь он мог терять высоту быстрее, чем предполагал.

Он интенсивно заработал крыльями, и рецепторы просигналили, что он опять, пусть медленно, но поднимается вверх. Его мозг, раскаленный до белого каления с момента, как он решил покинуть сандмиров, сыграл непредсказуемую, но удачную шутку, выдав из закоулков памяти целый отрывок из старинной книги. В нем говорилось о «заблудившемся» под водой: несчастный ныряльщик не знал, как всплыть на поверхность. Поразмыслив, Джим заключил, что в той ситуации ныряльщику был необходим внутренний сонар. Мысль вызвала целый поток воспоминаний и выводов — драконы должны обладать не только необычно громким голосом, но и сверхчувствительным зрением и слухом! Летучие мыши летают ночью вслепую, и, как обнаружили ученые, когда животных в рамках эксперимента лишали возможности пользоваться зрением, те для передвижения превосходно обходились внутренним сонаром. Так почему бы и Горбашу не попробовать? По крайней мере — не рискнуть?

Джим открыл пасть, набрал полные легкие воздуха и испустил привычный вопль в окружающие его дождь и темноту.

Он вслушался...

Он не был уверен, что услышал отраженное эхо...

Он крикнул снова. И слушал... слушал... напрягая уши...

На сей раз ему показалось, что он услышал слабое эхо.

Он издал повторный крик и вновь вслушался в темноту. На этот раз эхо оказалось четким. Что-то находилось внизу, чуть правее летящего дракона.

Наклонив голову к земле, он прокричал еще раз.

Слух дракона, очевидно, быстро самообучался. На сей раз Джим различил не только общее эхо, но и некоторые оттенки звуков, отраженных от различных поверхностей. Издалека и справа эхо пришло приглушенным, центральное звучало отчетливо и резко, но когда Джим взял влево, ответ опять приглушался. Логично было предположить, что прямо под Джимом должна находиться твердая поверхность.

Но тут Джим засомневался. Высота тональности эха вряд ли соответствовала физической характеристике поверхности. Вероят-

нее всего, прямо под ним лежала открытая местность, а справа и слева тянулись приглушавшие эхо леса.

Он прекратил эксперименты и продолжил полет, не переставая размышлять. Наиболее существенной проблемой, решил он, станет определение расстояний между ним и источником эха. Дрожь ликования пробежала по его телу. И она заключалась отнюдь не в стопроцентной вере в свои возможности. Не в том, что он может спасти себя, одержав полную победу над сандмирками. Он уверовал в способность находить практический выход из безвыходных ситуаций.

Джим продолжал полет, намеренно пытаясь набрать высоту, чтобы сопоставить разницу в силе и высоте звука-эха. Он опять расправил крылья, перешел на парящий полет и направил пульсирующий крик в затопленную дождем темноту.

Эхо вернулось, а Джим ощутил проблеск надежды. В прежнем направлении он услышал привычное распределение сильного и слабого эха — показатель смыкания поверхностей с высоким и низким коэффициентом отражения. Но сила звука заметно ослабла, что могло стать полезным для определения высоты полета.

Исследование полностью поглотило Джима. Лихорадка оптимизма зажгла кровь в венах. Конечно, все еще сохранялась весьма значительная вероятность, что он не успеет набрать достаточно информации для безопасной посадки; но совсем недавно еще более очевидным казалось, будто он не выживет вовсе.

Он чередовал подъемы и спуски, экспериментируя с перепадами высоты. На волоске от смерти его способности к восприятию и обучению явно обострялись и возрастали в геометрической прогрессии. Слух стал не только чутким, но и — несомненно — избирательным. Джим различал уже не два типа поверхностей, а минимум с полдюжины — включая узкую полосу металлического эха, возможно, означающего реку или ручей.

Мало-помалу умение пользоваться информацией возрастало. Используя эхо, он постепенно воспроизвел в сознании нечто вроде негативного изображения рельефа местности. Главное, что он научился игнорировать два звука, которые едва не помешали ему в самом начале эксперимента: шипящий шум дождя и мерный звук ударяющих о землю капель. Слух дракона, очевидно, подчинившись командам, обрел-таки избирательность.

На какое-то мгновение Джиму подумалось, что драконы и летучие мыши, в отличие от общепринятого мнения, имеют много общего. Крылья драконов, несомненно, напоминали увеличенные крылья летучих мышей. И, если он оказался способен делать то, чему научился сейчас, — значит, на это способны все драконы. Казалось удивительным, но большинство драконов искренне верило, будто ночное время, за исключением полнолуния, непригодно для полетов.

Разумеется, Джим вспомнил, что драконы ориентировались в

темноте совершенно отличным от людей способом. Он вспомнил также свои впечатления от пребывания в пещерах; приступа клаустрофобии с ним не случилось. Как дракону ему было безразлично, где находится: под землей или в окружении крошечной тьмы. И когда в подвале Дика-трактирщика во время героического уничтожения запасов провианта потух факел, — это несколько не смутило Джима. Темнота, невозможность видеть не таили в себе ни страха, ни опасности. Истинная причина, почему драконы боялись ночных полетов, заключалась в другом.

Считалось опасным и рискованным летать, когда не видно местности, и отсутствие света было хорошей отговоркой не летать вообще. Джим припомнил, что длительные полеты Горбаша воспринимались как ненормальное для дракона поведение. Зато сейчас опыт «ненормального» дракона Горбаша, дополненный опытом «нормального» человека Джима, в два голоса твердил: нами сказано новое слово в технике ночных полетов...

Тем не менее, хотя Джим все полнее контролировал ситуацию, он по-прежнему не мог точно определять высоту полета. Было страшно лететь навстречу земле, не зная, когда полет сменится резким приземлением.

Джиму показалось, что у него есть лишь один вариант решения: он полетит в направлении сильного эха и как можно ближе приблизится к источнику звука, рассчитывая, что несмотря на крошечную мглу ночи, проблеснет слабый свет и мягкое приземление станет реальным. Возможно, что первая попытка напоминает русскую рулетку, но существует ли иной выбор?

Джим расправил крылья и начал медленное снижение, но тут его во второй раз озарило вдохновение. Он вспомнил узкую полосу резкого эха, согласно его догадкам соответствовавшую реке или ручью — поверхности с большим коэффициентом отражения звука. Он изменил направление спуска в сторону этого эха. Если судьбой предначертана неудачная посадка, то лучше искупаться в воде, чем разбиться о землю или израниться о ветви деревьев.

Он опускался, периодически издавая крики. Эхо возвращалось все звонче, резче и быстрее. Джим напрягал зрение, но видел перед собой только мрак. Земля приближалась, но он не мог разглядеть внизу ничего конкретного.

Он резко изменил положение крыльев — «на взлет»; наклон тела стал совсем иным и... секундой позже Джим ощутил, как хвост чиркнул по воде. Через секунду он вновь набирал высоту, проклиная собственную тупость.

Конечно! Черт подери! Голос, уши — но он полностью позабыл про нос! Внезапно он *почувал* воду. Конечно, драконий нюх мерк перед совершенным даром Арагха, но и он был на несколько порядков выше, чем обоняние человека. Джим инстинктивно приостановил подъем, выровнял корпус и зашел на снижение — снова

в направлении воды. Но на сей раз он обращал тщательное внимание на запахи, шекотавшие ноздри.

Осознание способности определять присутствие предметов на поверхности земли слишком потрясло его. Необходимость идентификации запахов должна была стать очевидной еще во время предыдущего спуска. Но он совершенно забыл про обоняние и не обращал внимания на запахи. Теперь, принохиваясь, Джим различал не только запах воды, но и травы, хвои, листьев и сырой земли.

Опускаясь к воде, он и справа, и слева учуял запах земли. И оказался прав. Под ним бежала небольшая речушка, ярдов пятьдесят шириной. Он опускался, пока хвост вновь не дотронулся до воды, затем чуть приподнялся в воздух и медленно полетел к правому берегу. Он медленно под небольшим углом скользил вниз...

О-о-о! Джим вовремя взмыл в воздух, учуяв запах возвышающихся на добрых тридцать футов вязов, которые находились прямо по курсу. Он развернулся над деревьями и заново пошел на снижение...

...и с неимоверным плеском шлепнулся в воду.

У берега было неглубоко, вода доходила ему до лопаток. Он недолго постоял в реке; холодная жидкость лениво обтекала тело. Джим наслаждался элементарным чувством: как прекрасно вновь оказаться в безопасности на поверхности земли!

Через несколько мгновений сердце перестало бешено колотиться, и Джим выбрался на берег. Успех опьянил дракона.

На какое-то мгновение Джиму показалось, что он сумел бы приземлиться и на берег. Но он отогнал эту мысль прочь. Ночная посадка на твердую поверхность явилась бы чересчур рискованной затеей. Будет благоразумней первоначально набраться опыта ночных полетов...

Наступало отрезвление. Чудесно остаться живым, чудесно спастись от сандмиров, но у Джима не было сейчас ни Соратников, ни плана действий.

А ведь Энджи могла возлагать надежды только на него, с запоздалым чувством вины подумал Джим, ведь в этом мире оба они по-своему уникальны. Он решил дожидаться утра, а затем с воздуха разыскать Брайена с отрядом, но тут же вспомнил, что дал обещание помочь захватить замок сэра Хьюго де Буа. Так что его исчезновение могло быть расценено отрядом, как освобождение от ответных обязательств спасения Энджи. Только сейчас он осознал, как мало понимал новых друзей. Все они, даже люди, думали и действовали по стандартам, совершенно отличным от его собственных. Отрезвляющий пример: даже общаясь на одном языке, можно находиться в ментальной противофазе.

Значит, он обязан изменить мнение о чувствах и мыслях друзей, прежде чем совершит новые ошибки по отношению к ним и к незнакомому миру в целом.

А единственный, кто может помочь ему,— Каролинус.

Джим приподнял голову. Дождь почти прекратился, тучи понемногу расползались. Джиму почудилось, что в прорехе между облаками он увидел молочное мерцание лунного света.

Если взойдет луна — и даже если она не появится,— в любом случае, взлетев в воздух, он сумеет разыскать Звонящую Воду. Мышцы крыльев, уставшие во время экспериментов Джима с эхолокацией, достаточно отдохнули, что явилось еще одним примером удивительной силы и выносливости драконов. Остается только сожалеть, что драконов не могут тщательнейшим образом изучить компетентные физиологи, зоологи и ветеринары, чтобы понять щедрые дары, которыми наделила эти существа природа.

Дождь оборвался. Джим поднялся в небо и вскоре уже летел по направлению к дому Каролинуса.

Вышла луна, и свет ее превратил местность в серебряно-черный пейзаж. Пять минут спустя небо расчистилось полностью, и Джим пошел на затяжное снижение в лесу. Звонящая Вода находилась в двух милях от него, а в выборе направления он ошибся всего на пять градусов.

Джим шумно приземлился на гравийную дорожку, ведущую к дому Каролинуса. Где-то в глубине леса, в чернильной мгле, раздробленной нитями и пятнами лунного света, ворчливо прокричала разбуженная птица. Она быстро смолкла. Лес, поляна и кусты вернулись к сладкой и вязкой дремоте.

Свет не просачивался сквозь ставни. Джим колебался. Нетерпение сменилось сомнением. Он не хотел будить волшебника.

Он стоял в нерешительности. В сознание закрадывалось убеждение, что дом не просто заперт на ночь, а покинут. Над поляной витал дух заброшенности и пустоты.

— А, вот ты где! — прохрипел голос.

Джим резко обернулся.

— Арагх! — воскликнул он.

Из тени, отбрасываемой деревьями, навстречу Джиму шел волк. Радости Джима не было предела. Он хотел броситься и обнять Арагха, но за волком разглядел очертания знакомого дракона.

— Смергол! — воскликнул Джим.

До сего мгновения Джим не давал себе отчета в собственных чувствах к волку, Смерголу, Брайену, да и ко всем остальным. В этом мире контрасты проявлялись отчетливей, а полутона выглядели почти незаметно. Жизнь и смерть находились по соседству, точно так же, как любовь и ненависть. И если за короткий промежуток ты *не возненавидел*, то это означало, что ты *научился любить*.

— Что вы здесь делаете? — спросил Джим.

— Да вот тебя ждем, — проворчал Арагх.

— Меня?! Но почему именно здесь? Как вы догадались?

— Маг сказал, — ответил Смергол. — Вчера в логово прилетела ласточка и передала приглашение от мага. Я отложил все дела и поспешно прилетел к Звенящей Воде. «Дракон, — сказал маг. — Джеймсу Эккерт, который известен тебе под именем Горбаша, и мне лично предстоит поодиночке проделать длинный путь. Если я преодолею его успешно, то мы встретимся позже. Если Джеймсу Эккерт будет сопутствовать удача в его путешествии, то он придет сюда, чтобы разыскать меня. Дождитесь его и перескажите все, что говорил я. Также передашь, что решающий час близится, а размах битвы значительней, чем я предполагал. В катаклизм вовлечена более, чем одна плоскость мироздания. Запомни и повтори последнюю фразу, дракон». Я повторил и задал вопрос: «Что это означает, маг?» — «Долго объяснять. Передай Джиму, он поймет. В борьбу включены несколько плоскостей мироздания, и если мы сплотимся, то у нас будет больше шансов победить захлестывающую мир болезнь. Сражаться придется всем, но

победа противника возможна только из-за нашей разобщенности. А поражение означает крах. Погибнет все сущее... Запомнил ли ты, дракон?» — «Я могу пересказать все легенды из Первой Книги Драконов», — начал было говорить я, но он оборвал меня на полуслове. — «Забудь сейчас о легендах, Смергол, — сказал он. — Передашь волку...» — «Арагху? — спросил я. — Он появится здесь?» — «Безусловно. Ему интересно, кто вселился в Горбаша. И перестань перебивать! — воскликнул он. — Пусть волк разыщет рыцаря, лучника, разбойника и его дочь и скажет им, что они нужны для последнего сражения. Штурмовать замок Маленконтри бессмысленно. Сэр Хьюго и его воины повиновались зову Темных Сил и, став их слугами, ушли из замка в Презренную Башню. Сэру Брайену нет смысла захватывать замок. В случае победы Темных Сил сэр Хьюго вернет его одним ударом меча, одной стрелой, выпущенной из арбалета. Передай, что они встретят меня перед Презренной Башней, если я вернусь из своего путешествия. Точно так же, как увидят Джеймса, если он вернется невредимым из своего путешествия. Итак, прощай!»

— Итак, прощай! — повторил Джим. — Это было частью послания?

— Не знаю. Но это были его последние слова, — подтвердил Смергол. — Затем он исчез — так, как обычно исчезают волшебники.

— Как прошло твоё путешествие, Горбаш? — поинтересовался Арагх.

Джим открыл было рот, но тут же молча закрыл. Было нелегко — да и не ко времени — объяснять перепетии внутренних страстей, нюансы самоанализа и подробности открытий, которые предугадал своим даром волшебника Каролинус.

— Как-нибудь я попытаюсь рассказать обо всем, — пообещал Джим.

— А, одно из тех путешествий... — протянул Арагх, оставив Джима теряться в сомнениях, действительно ли волк все понимал и догадывался о происшедшем. — Хорошо, сюда ты добрался. Так отправимся же в Презренную Башню и расставим все по своим местам! — Его зубы лязгнули на последнем слове.

— Пойдем мы с Горбашом, — вмешался Смергол. — Не забывай, волк, тебе надо передать послание рыцарю и его отряду. Тебе надлежало отправиться незамедлительно, сразу после того, как я передал слова мага.

— Я не подчиняюсь приказам, — ответил Арагх. — Я дождался, когда вернется из своего путешествия Горбаш.

— Отправляйся в путь, — настаивал Смергол.

— Ха! — рявкнул Арагх. — Ладно. Но, Горбаш, оставь для меня парочку Темных Сил, когда я догоню вас позже.

Тени сомкнулись над волком, и он исчез.

— Да он... неплох — для волка, разумеется, — заключил Смергол, уставившись в темноту. — Капризен и непредсказуем.

Но волки все такие. Горбаш, на рассвете мы отправляемся к Презренной Башне. А пока отдохни после долгого путешествия, как посоветовал тебе маг.

— Отдых?! — воскликнул Джим. — Я не нуждаюсь в отдыхе!

Как только слова слетели с языка, Джим понял, что не кривил душой. Он чувствовал себя прекрасно.

— Вероятно, ты не осознаешь потребности в отдыхе, мой мальчик, — назидательно произнес Смергол. — Любой опытный дракон знает, что набрать боевую форму и дух можно лишь после хорошего сна и плотного обеда.

— Поесть? — встревоженно переспросил Джим. — Ты захватил с собой еду?

— Увы, нет, — ответил Смергол. — Но пять-шесть часов здорового сна окажутся явно не лишними.

— Не заснуть, — заспорил Джим.

— Не заснуть? Где же это видано, чтобы дракон не мог заснуть? Довольно выдумок, Горбаш. Любой дракон, а особенно по линии нашей семьи — может всегда есть, пить или спать.

— Не станем медлить. Полетим сейчас, — предложил Джим.

— Ночь? В темноте?

— Нет, при свете яркой луны, — возразил Джим. — Ты видел, как я прилетел к дому?

— Чистое безумие. Юнцы вроде тебя вечно рискуют. Девятьсот девяносто девять раз из тысячи это им сходит с лап. Но затем наступает день, когда судьба отворачивается, и они начинают сожалеть. Но уже поздно, время вышло. А что произойдет, когда облака затянут луну и ты не сумеешь разглядеть землю с воздуха?

Джим открыл пасть, чтобы рассказать старику-дракону об экспериментальном полете в кромешной тьме под дождем и своих поразительных открытиях. Но потом решил промолчать.

— Угомонись, мой мальчик, — добродушно проворчал Смергол. — И перестань нести ерунду. Нам нужно выспаться.

Настойчивость Смергола затронула недавно открытые подуровни эмоционального восприятия. Джим внимательно, но ненавязчиво, изучающе всмотрелся в старого дракона. Какие-то незаметные изменения произошли в Смерголе с тех пор, как он последний раз видел... дядю.

Левое веко полузакрывало длинный узкий глаз. Левое крыло Смергола опустилось — слегка, но тем не менее достаточно заметно. Он стоял на четырех лапах, но явно смещая центр тяжести на правую сторону. Подобные проявления физического недомогания Джим видел и ранее, правда, не у драконов: после первого инфаркта, три года назад, у деда Джима были заметны похожие симптомы.

Но у драконов ведь не было... Джим прервал рассуждения. Очевидно, и в этом мире вместе со старостью приходили ее неизменные спутники — недуги, беспомощность и дряхлость.

И Смргол — вне зависимости от того, понимал ли он суть происходящего с ним — был явно не в форме для полета.

— Хорошо, — согласился Джим. — Подождем до рассвета.

Вряд ли Смргол оправится до утра, но за несколько часов Джим попробует найти выход из сложившейся ситуации. Он засунул голову под крыло и притворился спящим. До его ушей донесся вздох — возможно, облегчения; а когда несколько минут спустя он украдкой взглянул на Смргола, тот тихо похрапывал, спрятав голову под крыло.

Джим заснул, размышляя над тем, как поступить, а когда проснулся, ответ исподволь сформировался в сознании.

— Смргол, — сказал он, когда они оба проснулись на рассвете. — Я тут поразмышлял...

— Это делает тебе честь!

— Э... да, — промямлил Джим. — И вот что я надумал. Вероятно, мне стоит как можно быстрее долететь до Презренной Башни. Если Каролинус не ошибся и сэр Хьюго с воинами направляются туда, то это означает, что Темные Силы собирают всех своих слуг. Кто предугадает их количество? Тысячи сандмиров или подобной им нечисти. Тайно возвращайся пешком в пещеры. Пусть ни одна тварь не пронюхает, что мы собираемся сколотить отряд драконов.

Смргол неловко закашлялся.

— Мой мальчик, — начал он, — давно вот хотел сказать, да не было удобного случая. В общем... так получилось, что остальные не пойдут.

— Не пойдут?

— Проголосовали против. Я сделал все, что в моих силах, но...

Смргол замолчал, так и не закончив фразы.

Джим не расспрашивал о подробностях. Он четко представлял, почему остальные драконы проголосовали против. Они увидели состояние Смргола, когда тот попытался убеждать их на сходке. Престарелый, немощный лидер не заражал соплеменников пылом и страстью к сражению. Джим к этому моменту достаточно знал о драконах — через тело и мозг Горбаша и из общения со Смрголом: по своей природе они были крайне консервативными созданиями. *Сидим и не высовываемся, пока все не утихнет* — вот главный постулат философии драконов.

— Это и к лучшему! — быстро произнес Джим. — Значит, ты свободен, чтобы пойти к болотам пешком, пока я добираюсь туда по воздуху. Ты станешь связным между разрозненными группировками, которые повстречаешь на своем пути.

— Связным? — подозрительно сказал Смргол. — Это словечко ты подцепил от Каролинуса или от джорджа... рыцаря?

— Нет... Хотя, вероятно. Оно означает...

— Я знаю, что это означает, — грустно произнес Смргол. — Что ты оджорджился до предела, мой мальчик. Так ты действительно хочешь, чтобы я пешком шел на болота?

— Это тактически грамотней, — ответил Джим. — Я лечу прямо к Башне, а ты занимаешься... организационными вопросами.

— Да, — Смргол бросил быстрый взгляд на свой левый бок, — вероятно, ты прав.

— Прекрасно! — воскликнул Джим. — Все решено! Я немедленно улетаю.

— Удачи, Горбаш!

— Удачи, дядюшка!

При последнем слове глаза Смргола заискрились счастьем.

— Ладно, племянник... Нечего слоняться и тянуть время. Кажется, ты собрался улетать. Проваливай!

— Согласен! — ответил Джим и взмыл в воздух.

Новый день рассеивал неясные тени предрассветной мглы, изгоняя следы вчерашней непогоды, отряхиваясь от ночного, беспокойного сна, вбирая в мускулы свежие силы. Поднявшись на шестьсот футов в безоблачное небо, Джим поймал сильный попутный ветер, дувший в сторону болот, расправил крылья и подобно орлу начал скольжение по воздуху. Не прошло и пяти минут, как направление ветра необъяснимо изменилось на сто восемьдесят градусов. Джим поднимался и опускался, нащупывая границу встречного потока, но безуспешно. Некоторое время он сражался с ветром, заметно замедлившим его продвижение вперед. Он начал даже подумывать, что если ветер не стихнет, то, спустившись на землю и найдя Смргола, дойти до болот пешком окажется гораздо быстрее.

Ветер резко оборвался, и наступило затишье. Пойманный врасплох, Джим потерял пятьсот футов высоты, прежде чем приспособился к новым условиям и отыскал восходящий термал. — «Что дальше?» — спрашивал он себя и не находил ответа. В затаившемся безветрии он настойчиво переходил из одного термала в другой, медленно и скачкообразно набирая высоту. Это было лучше, чем идти пешком, но отнюдь не являлось самым быстрым способом передвижения.

К середине утра он все же добрался до болот, заметил Великий Тракт и полетел над ним на высоте нескольких сот футов.

Насыпное полотно Великого Тракта густо поросло деревьями и кустарником и напоминало лес, оставшийся далеко позади болот. Трава, листья, ветки застыли в свежем осеннем воздухе. Джим поднимался и опускался, но так и не сумел уловить ни малейших признаков движения на земле. Он не заметил ни людей, ни зверья, ни единой птицы или роя насекомых. Пустынность простирающегося пейзажа и настораживала, и успокаивала. Размеренное однообразие убаюкивало, и Джим почти позабыл о причинах и целях полета. В памяти всплыл написанный в школе отрывок стихотворения, сочинением которых он баловался, но потом благоразумно избрал профессию преподавателя.

К часу — час... уходит время...

Но не открывает двери. В стенах,

где к безликим лицам
Зов из вечности стремится...

— *Джим Эккерт! Джим Эккерт!*

Слабый, тонюсенький голос, донесшийся издалека, вывел его из раздумий. Он огляделся, но никого не увидел.

— *Джим Эккерт! Джим Эккерт!*

Дрожь пробежала по спине. Зов зазвучал громче и неприятным холодом передернул тело. И только сейчас Джим определил, что раздавался он с Тракта, но где-то далеко впереди.

— *Джим Эккерт! Джим Эккерт!*

Голос зазвучал в полную силу. Это был, несомненно, дракон, однако сильно уступавший зычностью Смерголу или Брайгху.

Зоркие глаза Джима скользнули по дороге... В зарослях высокой травы, окруженной деревьями и кустарником, он заметил серое шевелящееся пятно... Джим заложил вираж и пошел на снижение.

По мере приближения Джим уже знал, кто звал его. Секох. Он лежал ничком на траве, с распластанными в разные стороны крыльями, как некая пойманная и жестоко выставленная напоказ птица. Время от времени водяной дракон беспомощно подымал голову и кричал.

Джим был почти над Секохом. Но водяной дракон не замечал его приближения — и неудивительно: он лежал головой в противоположном направлении. Джим лихорадочно размышлял. Было жутковато, что Секох выкрикивал его настоящее имя, да и поза распятого тела казалась неестественной. И сама мысль ответить дракону представлялась жутковатой.

Джим медлил. Еще момент, и движение вынесло его в зону видимости Секоха. Водяной дракон заметил Джима.

— *Джим Эккерт! Джим Эккерт!* — закричал Секох. — Не улетай! Вернись и выслушай меня! У меня есть, что сказать тебе! Прошу, вернись! Помоги! Помоги мне, ваше святейшество! Я ничтожный водяной дракон...

Джим продолжал полет, невзирая на крики; душу раздирали сомнения. Каким образом Секох узнал его настоящее имя? Это означало, что водяной дракон что-то обнаружил или Темные Силы использовали его как посредника. Неужели Темные Силы готовы обсуждать условия освобождения Энджи?

Он крепко ухватился за слабую ниточку надежды, рожденную последней мыслью. Переговоры исключались... но, с другой стороны, если Секох раздобыл полезную информацию, то глупо не воспользоваться ею. Джим жестко подавлял эмоции, которые могли повлиять на принимаемое решение, но его тронули нотки отчаяния в голосе Секоха и умоляющие призывы о помощи.

Джим мрачно развернулся, взмахнул крыльями, набирая высоту, и начал снижаться.

Секох лежал на том же месте, в той же позе. Увидев Джима, он зашелся каскадом радостных возгласов.

— О, благодарю вас, ваше высочество! Благодарю, благодарю... — подобострастно залепетал Секох, завидя, как приземляется Джим.

— Перестань причитать! — отрезал Джим. — Что ты хотел мне ска...

Он замолчал, поняв причину неестественной позы Секоха. В высокой траве были хитро спрятаны вбитые в землю колья, к которым тянулись длинные ремни от лап и концов крыльев дракона.

— Стой смирно, дракон! — скомандовал голос.

Джим обернулся. Из леса вышла фигура в блестящих доспехах, которую в последний раз он видел сидящей на коне и держащей в руке копье. Плотное кольцо воинов окружило Джима; взведенные арбалеты были зловеще нацелены ему в грудь.

Секох закричал.

— Прости меня, ваше сиятельство! — вопил он. — Прости никудышного! Меня вынудили! Я никчемный водяной дракон, а они поймали меня. Темные Силы подсказали им, что если заставить меня выкрикивать твое имя, ты придешь, и они смогут тебя поймать. Они обещали мне свободу, если ты прилетишь. Я никчемный водяной дракон. Но как мне иначе спасти свою поганую шкуру? Ведь никто не придет мне на помощь! Я вынужденно дал согласие!

Рыцарь в доспехах неспешно шел навстречу, остановился в трех футах от пасти Джима и поднял забрало. Джим увидел свирепое лицо с мясистым крупным носом и бледными, холодными серыми глазами.

— Я сэр Хьюго де Буа де Маленконтри, дракон.

— Знаю, — ответил Джим.

— Черт меня подери, но не понимаю, чем ты так отличаешься от остальных драконов? — сказал сэр Хьюго. — Ладно, чего там спорить. Пусть они успокоятся. Связать его, ребята. Лошадям его не свезти, но мы сделаем волокушу, и на ней дотащим дракона до Башни.

— Сэр Рыцарь! Ваше лордство! Не развяжете ли вы меня? — взмолился Секох. — Дракона вы поймали. Обрежьте поскорей эти тугие ремни и освободите меня.

Сэр Хьюго посмотрел на Секоха и рассмеялся, затем отвернулся и пристально всмотрелся в Джима.

— Сэр Рыцарь! Сэр Рыцарь! — тело Секоха задрожало. — Вы обещали! Вы обещали отпустить на свободу, как только я заманю дракона. Неужели ваше высочество нарушит честное и благородное рыцарское слово?

Сэр Хьюго оглядел водяного дракона и засмеялся громким, раскатистым голосом.

— Эй! Вы только послушайте этого дракона! Он имеет наглость вкаты о рыцарской чести и рыцарском слове! Слыхано ли, чтобы рыцарь давал слово *дракону*?

Он резко прекратил смеяться.

— Дракон, — жестко сказал он, — твоя голова украсит стену моего охотничьего кабинета! Только безмозглый идиот отпустит такую добычу.

Он отвернулся, и в тот же момент с ясного неба обрушился дождь, ливень, град со свистом рассекавших воздух стрел. Полдюжины арбалетчиков рухнули на землю, остальные враспынную бросились искать спасения в зарослях. Четыре стрелы упали рядом с сэром Хьюго, а одна, с длинным древком, со звоном вошла в наплечник, но застряла, не пробив нагрудника.

Сэр Хьюго выругался, резко опустил забрало и с трудом побежал к деревьям. Второй залп полукругом лег вблизи опушки, но Джим был не в состоянии оценить потери врага. Он услышал звуки бегущих ног садящегося в седло человека в доспехах и поспешный галоп коня. Тишина. Они с Секохом остались невредимы, зато вокруг них лежали мертвые и умирающие арбалетчики.

Вяканье и писк водяного дракона привлекли внимание Джима. Он запустил лапу в траву, подцепил когтями колышки и без усилия вытащил их. Секох уселся и принялся перегрызать стягивавшие его лапы ремни.

— Почему ты не выдернул колья сам? — спросил у Секоха Джим. — Это нелегко, лежа как цыпленок на сковородке, но любой дракон...

— Они были вооружены луками, мечами, копьями, — сказал Секох. — Я не так храбр, как ваша щедрость. Как тут не испугаться *бедному дракону!* Вот я и подумал: соглашусь на их требования, авось пронесет, и они отпустят несчастного водяного дракона.

Он перестал грызть ремни и подобострастно закланялся.

— Как понятны чувства вашего благосклонного великодушия. Я проклиная слабость, что заставила меня выкрикивать имя дракона, столь щедрого и милосердного...

— Забудь обо всем, — отмахнулся Джим.

Секох, восприняв слова Джима буквально, вернулся к перекусыванию ремней.

Джим внимательно осмотрел арбалетчиков. Почти все уже лежали бездыханно, но и тем, кто находился при смерти, оставалось недолго. Ни в одном из них не теплилось крупницы сознания: они даже не видели и не понимали, кто стоит рядом. Джим обернулся очень кстати, успев заметить, что Секох приготовился взлетать.

— Сидеть! — рявкнул он.

— Сидеть? О, да, конечно... ждать! Слушаюсь, ваше высокоблагородие! — тявкнул Секох. — Ты думал, я собрался улететь? Ничуть. Я расправлял затекшие крылья.

— Ты никуда не улетишь, — сказал Джим. — Усаживайся и отвечай на вопросы. Кто сказал, чтобы ты называл меня Джимом Эккертом?

— Я уже сказал! — запротестовал Секох. — Джордж... Рыцарь... сказал мне, а Темные Силы сказали ему...

— Хм-м. А как тебя заломили?

На Секоха было страшно смотреть.

— Они... они приманили куском мяса, — заплакал он. — Половиной громадного кабана... жирной тушей... с кровью...

Крупная слеза медленно покатилась по морде Секоха.

— Жирный кабан, с кровью, — повторил он. — Но мерзавцы не дали ни куска. Ни одного куска! Они направили на меня арбалеты и связали, как младенца.

— Они объяснили, почему? — спросил Джим. — Обмолвились ли ни полусловом или намеком, что я полечу через болота, и ты сумеешь заманить меня в западню?

— О да, ваше благородие. Говорили они, не переставая. Рыцарь сказал, что ты окажешься над дорогой именно в это время; а после твоей поимки шестеро воинов должны были без промедления доставить ваше святейшество в Башню, а рыцарь нагонит их после.

— Почему? — хмуро спросил Джим.

— Ну, ваша честь... — укоризненно протянул Секох, и впервые в глазах водяного дракона Джим заметил искорки интеллекта. —

Рыцарь намеревался заманить в ловушку другого джорджа... вашего приятеля. Это была его личная инициатива. Темные Силы послали рыцаря поймать тебя. Но гнев сэра Хьюго так велик, не говоря уже о природной злобе, что он решил свести счеты с твоим другом, который так любит охотиться на несчастных водяных драконов. И, послушавшись приказа Темных Сил, рыцарь решил повременить с возвращением в Башню. — Секох перестал дрожать. — Беда с этими джорджами. Они непредсказуемы... дракон запнулся, подыскивая сравнение, — ...непредсказуемы, как джорджи. Они себе на уме, и Темные Силы им не указ. А вот взгромоздиться на коня, надев панцирь и прихватив копье, и поехать поохотиться на водяных драконов — это за милую душу, и этим забита голова и мозги, если таковые у джорджей имеются. Нет, посуди сам, есть ли мозги у джорджа, если Темные Силы отдают ему приказ, а он отправляется по своим делам? Ну, нет! Век болота не выдать! Глупо ведь, да?

— Любопытно, а куда они скрылись? — поинтересовался Джим.

— Рыцарь с арбалетчиками? — Секох мотнул головой в сторону полосы леса. — Слева непролазные топи. А если не умеешь летать, ваша значимость, там верная гибель: засосет, глазом не успеешь моргнуть. Но Темные Силы указали тайный проход. Рыцарь с воинами, спорю на рубин, описав дугу, вышли на Тракт и заходят в тыл твоим друзьям, которые проявили незаурядное мужество и спасли нас. Худо бы нам пришлось, если бы не их стрелы. Я слышал, как рыцарь бахвалился перед арбалетчиками, что сделает с твоими друзьями, после того как тебя отволокут в Башню.

— Значит, нас отрезали от большой земли, — начал Джим и слышал вдали приглушенный топот конских копыт, а несколько секунд спустя на поляну выехал Брайен.

— Джеймс! — радостно воскликнул рыцарь. — Вот ты где! Я сложил на себя все проклятия за то, что подговорил тебя на штурм Маленконтри. После твоего исчезновения я поразмышлял, и как гром среди ясного неба меня сразила мысль. Да мы же побуждали тебя поступиться долгом и рыцарской честью! Но ты, не поддавшись на уговоры, полетел спасать даму своего сердца. Я так без обиняков и сказал Жилию, Дэффиду и Даниель. И пусть я ослепну, если они не пришли сами к такому же мнению. Волк исчезает, затем ты. Дурное предзнаменование для отряда Соратников. Согласен? Мы заночевали в лесу и на рассвете вышли на Тракт, а там нас нагнал Арагх... Эй, кого я вижу! Водяной дракон. Из местных?

— Секох, ваше рыцарство! — поспешно всхлипнул водяной дракон. — Называйте меня запросто: Секох. А я вот хорошо знаю ваше торжество. Сколько раз я с восхищением наблюдал за вами, но, разумеется, с расстояния. И я был потрясен вашей скоростью, напором.

— Неужели?

— А что говорить о вашей доброте, о вашем сострадании...

— Ты заговоришь зубы даже сандмирку!

— И я убедился, что такой великодушный рыцарь не причинит зла ничтожному водяному дракону.

— Встретился бы ты на моем пути ранее, — гаркнул Брайен, — все твои убеждения слетели бы в трясину вместе с отрубленной головой. Разговор с драконами у меня короткий. Замах, удар — и трофей на стене. Но времена, увы, меняются, люди не те; мельчают, вырождаются. А о драконах я молчу. Где это видано, чтобы человек сражался рядом с драконом? Ну а твое появление стоит расценивать так, что ты на нашей стороне.

— Вашей?... Да, да, да, сэр! На вашей!

— Определил тебя сразу! Настоящего бойца за версту видать! Поджарый, мускулистый, нацеленный на битву. Не то что остальные твои сородичи. Водяные жабы. Тьфу! Смотреть на них противно.

— Да, да, да, сэр рыцарь!

Секох, расправив было крылья, застыл и, оставив мысли о бегстве, ошалело уставился на рыцаря. Брайен, однако, уже отвернулся к Джиму.

— Остальные подойдут с минуты на минуту... — начал он.

— Ошибаешься, — недовольно прохрипел голос. — Они тащатся, как сонные мухи. Нет ничего тоскливее, чем плестись нога за ногу! Увидев, что они, вдобавок, влезли в болото, я решил вернуться и узнать, как дела у Горбаша. Как ты, старина?

— Отлично, Арагх, — сказал Джим.

Волк вышел на поляну, осмотрел Секоха и злорадно осклабился.

— Мускулистый и нацеленный на битву, значит?

— Не время выяснять отношения, сэр Волк, — сказал Брайен. — Самое главное, что мы вместе. И нам сообща придется разработать план дальнейших действий. Обождем прихода остальных, и тогда... А вот и они!

Дэффид, Жиль и Даниель вместе с отрядом разбойников выехали на поляну. Разбойники принялись вытаскивать из убитых стрелы, а Дэффид, остановившись в центре, огляделся вокруг.

— Он смылся с моей стрелой, — сказал лучник Джиму. — Он был ранен?

— Так это твоя стрела попала в сэра Хьюго де Буа? Как я сразу не догадался! — сказал Джим. — Наконечник пробил щиток, но застрял в кольчуге.

— Я стрелял почти наугад, — сказал Дэффид. — Деревья помешали точно прицелиться. Но это досадно, что, попав в мерзавца, стрела даже не ранила его.

— Не сокрушайся, — утешала Даниель. — Даже при поддержке святого Себастьяна на таком расстоянии уложить чело-

века невозможно. Откажись от самонадеянности, не считай, что тебе по силам невозможно!

— Это не самонадеянность. Невозможного для человека нет. Приобретая знания и опыт, человек превращает невозможное в реальное, обычное, доступное.

— Оставьте философию для долгих зимних вечеров, — прервал рассуждения Дэффида Брайен. — Поговорим о делах насущных. Мы воссоединились с сэром Джеймсом. Сэр Хьюго с отрядом арбалетчиков скрывается на болотах. Встает вопрос. Преследовать ли их? Выставить посты, чтобы не дать им выбраться из топи? Или продолжать марш на Башню, оставив их позади? Мое мнение таково: оставить врага в тылу если не самоубийственно, так крайне неблагоприятно.

— В болоте их нет, — неожиданно громко сказал Секох. — Сэр Хьюго с отрядом должны уже выбраться на дорогу.

Все обернулись и молча посмотрели на водяного дракона. Секох задрожал, неловко переступая с лапы на лапу, поеживаясь от всеобщего внимания, стараясь сжаться в комочек прежнего подобострастия. Но этого не произошло. Спина распрямилась. Он поднял голову и стойко выдержал взгляды окружающих.

— Откуда взялся этот болотный пророк? — съязвил Жиль.

— Хьюго де Буа и его воины повинуются приказаниям Темных Сил, — разъяснил Джим. — Секох говорит, что Темные Силы указали Хьюго проход через болото. А это означает, что сейчас отряд уже выбрался на дорогу где-то между нами и большой землей.

— Тогда и спорить не о чем, — заявил Брайен. — Башня впереди, а арбалетчики позади. Положение — как между молотом и наковальней. Разворачиваемся и уничтожим сэра Хьюго.

— Не знаю... — сказал Джим, у которого внезапно и противно засосало под ложечкой. — Если вы считаете, что так лучше, то поступайте именно так. Я буду пробираться к Презренной Башне. У меня предчувствие, что время на исходе.

— Да? — спросил Брайен и задумался. — После твоего исчезновения подобное предчувствие возникло и у меня. И оно не ушло, как я предполагал. Сэр Джеймс, мы вместе отправимся к Башне, навстречу нашей судьбе. Остальные останутся здесь и задержат сэра Хьюго.

— Я пойду с Горбашом, — заявил Арагх.

— И я тоже, — неожиданно сказал Дэффид. Он поймал взгляд Даниель. — И не смотри так на меня. Штурмовать замки — это не моя работа. От своих слов я не отказываюсь. Но когда в Малвернском замке при полном безветрии пламя свечей склонилось вбок, холод вошел в мою душу. Он остается в душе и поныне. И, по моему разумению, он останется навечно, если я не найду и не уничтожу источник этого холода.

— Слова, достойные рыцаря, — одобрила Даниель.

— Не насмехайся, — хмуро возразил валлиец.

— Ни доли насмешки в моих словах. Кстати, нам по пути.

— Нет! — Дэффид метнул взгляд на Жиля. — Заставь ее остаться.

Жиль выругался.

— Попробуй. Желаю удачи, — сказал он.

Рука Даниель опустилась и сжала рукоять ножа.

— Никто не смеет распоряжаться и командовать мной! — воскликнула она. — Я поеду с сэром Джеймсом.

— Жиль, — не обращая внимания на Даниель, говорил Брайен, — сумеешь ли ты один сдержать продвижение отряда сэра Хьюго?

— Я не один, — сухо поправил Жиль. — Не забывай о моих парнях! Они достойно сражались за Малвернский замок! Сэр Хьюго скорее отправится в преисподнюю, чем пройдет мимо нас!

— Тогда, во имя Бога, в путь!

Брайен залез в седло и пустил Бланшара вскачь. Джим рванулся догонять белого скакуна.

— Есть возражения? — вызывающе спросила у Дэффиды Даниель.

— Нет, — грустно отвечал лучник. — Твое участие в решающем сражении — это часть холода. Тени удлиняются и день скоро закончится. В путь.

Они поехали за Джимом и Брайеном, и вскоре их голоса слились в шепот. А Джим, чей слух был остр, отвлекся, не обращая внимания на разговор, который стал понятен и интересен только для них. Арагх нагнал рыцаря и, подобрав темп, бежал рядом с Бланшаром.

— Почему, сэр Рыцарь, и ты, Горбаш, так мрачны? — спросил он. — Сегодня прекрасный день для кровавой жатвы.

— В битве с Властелинами Башни льется не кровь тела, а кровь души, — кратко ответил Брайен.

— Запекшаяся кровь душевных терзаний — удел глупцов, — изрек Арагх.

— Сэр Волк, — мрачно ответил рыцарь, — ваши познания в понятиях нематериальных ничтожны. Но сейчас я не в настроении разъяснять их вам.

Они продолжали свой путь молча. День был безветренным и застывшим. Через некоторое время впереди показался горизонт, серо-голубой полоской отделявший море от земли. Джим озадаченно осмотрел небо.

— Который час? — спросил он у рыцаря.

— Близится к полудню. А что?

— Посмотри, как быстро темнеет.

Брайен бросил взгляд на небо, затем осмотрелся вокруг и обернулся к Джиму. На западе солнце плыло по безоблачному небу, но воздух тягуче наливался темнотою, от которой потускнели яркие краски небосвода и пейзажа. Рыцарь резко повернулся и посмотрел вперед.

— Джим!

Брайен привстал на стременах, указывая рукой вперед.

Лес, которым поросла дорога, выродился в приземистый кустарник и чахлые, редкие деревья, оплетенные болотной травой. Резкая и неровная линия горизонта шрамом рассекала змейку дороги, тяжелой серо-холодной тенью зимы, сгустившейся на небосводе, вдавливая в темень жухлую растительность.

— Надвигается, — произнес Арагх.

Джим всматривался в горизонт, в изгибы контуров, в бугорки и кочки, соизмеряя расстояния между одиноко разбросанными тонкими стволами сухостоя, и поймал медленное и крадущееся движение линии. Невидимая рука пролила вязкую тягучую жидкость, и та ринулась потоком по дороге, стекала через края, расползалась вширь, слепо пожирая болотные островки и протоки. От шабаша тьмы пахло мертвечиной, а холодок страха выстукивал кровь.

Инстинктивно Джим и рыцарь остановились, загипнотизированные плавной поступью смерти. Арагх невозмутимо сел на задние лапы и насмешливо оскалился.

— Залетают с востока, — лаконично заметил он.

Они устремили взоры в небо. Драконы! На высоте четырехсот футов над дорогой Джим различил очертания летящих драконов. Наконец! Надежда вспыхнула... и угасла. Темный неясный силуэт вырвался из сумрака и обрел форму громадной птицы, размером с дракона и с орлиным размахом крыльев. Джим всматривался в небо, но пропитавшая воздух мгла мешала разглядеть это странное существо, походившее на исполинскую хищную птицу.

Птицы снизились и перешли на бреющий полет. Они приближались, и Джим различил сперва очертания, а потом и детали облика странной тяжеловесной головы. Сознание поплыло, отказываясь принимать увиденное: громадная хищная птица, за исключением головы — человеческой головы. Бледное лицо женщины вливалось взглядом в Брайена и Джима, рот полуоткрылся, обнажая белые острые зубы.

— Гарпия! — на медленном вдохе произнес рыцарь.

Она приближалась.

Джим не сомневался, что гарпия свернет в самой нижней точке траектории, но она продолжала лететь прямо, атакуя в лоб. Джим понял причину, по которой глаза отказывались смотреть на это белое лицо, застывшее в маске всеобъемлющего безумия. Оно высасывало волю, довлело, доминировало, подчиняло себе.

Внезапно она оказалась уже рядом и бросилась на Джима, выставленные когтистые лапы нацелились на его горло. Развязка наступила быстро.

Темная тень стремительно взвилась в воздух. Длинные челюсти сомкнулись, запоздав на долю секунды. Гарпия визгливо вскрикнула, свернула в сторону, потеряла равновесие, задела Брайена, едва не выбив рыцаря из седла, но длинные крылья расправились

и снова наполнились воздухом. Она отчаянно замахала ими, медленно и натужно набрала высоту.

Резкое, рваное рычание Арагха, возбужденного запахом сражения, стихло. Брайен выпрямился, поудобней устроившись в седле. Гарпия развернулась после неудачной атаки и полетела к Башне.

— Тебе повезло, что волк отвлек гарпию, — мрачно заметил Невилл-Смит. — Ее укус ядовит. Сознаюсь, дьявольское лицо совершенно выбило меня из седла.

— Пусть повторит атаку, — злобно оскалился Арагх. — Дважды я не промахиваюсь.

Слева от небольшого болотного затона до них донесся слабый, жалобный голосок.

— Нет! Нет! Возвращайтесь назад, ваше кусачество! Назад! Бороться бесполезно! Впереди вас ожидает смерть!

Они обернулись.

— Черт меня подери! — воскликнул Брайен. — Никак твой дружок, водяной дракон, проснулся.

— Нет, — фыркнул Арагх, жадно втягивая воздух, — Дракон, да не тот. Запах другой.

Водяной дракон, как две капли воды похожий на Секоха, восседал на полузатопленной мшистой кочке футах в сорока от дороги.

— Умоляю вас! — заклинал он, расправляя крылья, чтобы удержать равновесие. — Ваши усилия тщетны, а мы все будем впоследствии расплачиваться и страдать. Вы разбудили спящих в Башне! И вы разгневаете их, если пойдете туда!

— Их? — вопрошал Джим. — Темные Силы?

— Их-их! — отчаянно причитал водяной дракон. — Тех, кто построил и живет в Презренной Башне. Тех, кто проклял нас пятьсот лет назад. Разве вы не чувствуете, что они поджидают вас? Они ненавидят нас! Они бессмертны! Они притягивают к себе все зло мира и...

— Подойди, — позвал Джим. — Выйди на дорогу. Я хочу поговорить с тобой.

— Нет... нет! — взвизгнул водяной дракон. Он испуганно взглянул на накатывающуюся черную линию. — Я улетаю! Он забил крыльями, медленно поднимаясь в воздух. — Они вырвались на свободу. Мы погибли!... Погибли!

Из-за фронта ледяного мрака вырвался ветер, наполнил крылья дракона и стремительно швырнул его в поднебесье. Он летел по направлению к большой земле — тяжело, слабо перебирая крыльями, не переставая пронзительно и отчаянно кричать.

— Погибли!... Погибли!... Погибли!

— Ну, что я вам говорил о водяных драконах? — вздохнул Брайен. — Как джентльмен может добиться почестей и уважения, убивая подобных тварей и...

Но Невилл-Смит так и не закончил фразы. Пока они говорили

с водяным драконом и за время последней реплики сэра Брайена, линия приблизилась и миновала их. Скупые зимние краски поглощали Соратников, а цвет лиц стал пепельно-серым.

— *In manus tuas, Domine*¹, — тихо произнес рыцарь и перекрестился.

Серая зимняя пелена опустилась вокруг. Болотная вода отсвечивала спокойным маслянистым блеском, проглядывая сквозь тусклую зелень травы. Легкий, холодный ветерок промчался по зарослям камыша, с треском пригибая коричневые головки, а затем, забавляясь, разметал их по сторонам, словно кости, истлевшие на заброшенном кладбище. Деревья беспомощно поникли. Листва высохла, как иссыхают порой преждевременно люди; незримая завеса невыразимой тяжести, сравнимой разве со смертью последней надежды, опустилась на сознание живущих.

— Сэр Джеймс, — неожиданно сказал рыцарь вежливым и формальным тоном, которого Джим доселе не слышал. — В этот час мы посвятили себя служению Великому Делу. И если ты вернешься назад один, то заклинаю Господом, расскажи даме моего сердца и родственникам ее о гибели моей.

— Это будет для меня честью, — неловко ответил Джим и ощутил неприятную сухость во рту.

— Я нижайше благодарю за столь щедрую любезность, — искренне произнес Брайен. — И даю обет поступить так же, как только найду корабль, отправляющийся через западные моря.

— Расскажешь Энджи. Леди Анджеле, — уточнил Джим. — Об остальных не беспокойся.

В сознании возник образ, как этот странный мужественный и честный человек, стоящий рядом с ним, оставляет дом, семью и отправляется за три тысячи миль по неизвестному океану, повинаясь обещанию, данному незнакомцу. Джим внутренне содрогнулся, сопоставив образ Брайена со своими размышлениями о мышцах в голове рыцаря.

— Я дал слово, — отчеканил Невилл-Смит. Он спрыгнул на землю и уже обычным голосом произнес. — Бланшар не сдвинется ни на дюйм, черт бы его побрал. Придется вести его под уздцы... — Он осекся и посмотрел за спину Джима. — А где лучник и Даниель? — спросил он.

Джим обернулся. Брайен был прав.

— Где они, Арагх? — спросил Джим.

— Отстали по дороге, — объяснил волк. — Или передумали и решили вернуться обратно. Если бы не кусты и деревья, мы бы заметили их.

Наступило минутное молчание.

— Тогда пойдем без них, — сказал рыцарь.

Он потянул за поводья Бланшара. Белый конь неохотно сделал шаг, затем другой. Джим и Арагх двинулись следом.

¹ *In manus tuas, Domine* (лат.) — В руки твои, Госпожа.

Мрачная жутковатая атмосфера, сгушавшаяся с каждым шагом, свела разговор на нет.

Каждый вдох и выдох, каждое движение требовали огромного усилия воли; руки и ноги налились свинцом, и каждый шаг становился пыткой. Но самым страшным явилось молчание, которое изолировало сознание и нагнетало мрачные мысли. Соратники шли, словно в нереальном бесцветном сне, лишь изредка перекидываясь несколькими фразами и замолкая опять.

Дорога сузилась с сорока ярдов до нескольких футов. Деревья стали ниже; их стволы были искривлены и изогнуты, а под редкой травой виднелась земля, отличная от торфяника, что был вблизи леса, — твердая, каменистая, песчаная почва. Песок похрустывал под ногами людей и копытами Бланшара и был одновременно и неожиданно неподатливым, и предательским.

Большой конь остановился, захрапел, замотал белой гривой и попятился назад.

— Какого черта! — взорвался Брайен и потянул за поводья. — Что на него нашло...

— Слушай! — призвал Джим, тоже останавливаясь.

Какое-то мгновение Джим был уверен, что это слуховая галлюцинация. Но звук повторился и начал нарастать. Он доносился откуда-то спереди и приближался. В нем нельзя было не узнать завывания сандмиров.

Завывания перешли в мощный вой. Сандмирки, очевидно, бежали не только впереди, но и по сторонам. Их голоса слились в единый мощный унисон. И вновь этот звук прорвался через все преграды сознания и затронул темные, примитивные закоулки. Джим посмотрел на Брайена. Забрало шлема было открыто, и он увидел мертвенно бледное лицо, кожа обтянула кости черепа. Это было лицо человека, мертвого уже добрых десять дней. Завывание достигло крещендо, и Джим ощутил, как тает его способность размышлять.

Арагх оскалился -- вызывающе и насмешливо. Английский волк задрал голову, раскрыл пасть — и его протяжный вой бритвой полоснул по сандмиркам. Это был не привычный вой, который слышен лунными ночами. Он начинался на низкой ноте, затем менял тональность и, вибрируя, набирал гортанную силу, заглушая сандмиров, а затем постепенно стихал... стихал... в ничто. Это был охотничий клич.

Когда он стих, осталось только молчание — и ничего, кроме молчания. Арагх насмешливо оскалился.

— Продолжим путь, — предложил он.

Брайен внезапно очнулся и потянул за поводья. Бланшар пошел вперед. Джим за ним. Соратники продолжили путь.

Сандмирки больше не завывали. Но за шагами рыцаря, дракона и волка раздавались бесчисленные всплески воды, шорохи за деревьями, треск кустарника, шелест камыша. Эти шумы окружали их и двигались вместе с ними, как будто их сопровождал

эскорт огромных крыс. Он старался не замечать этого шума. Один только звук бесчисленных лап и тел пробуждал инстинктивный ужас. Но какие еще опасности подстерегают их впереди? Следить за дорогой становилось все трудней.

— Смеркается, — подметил Джим. — И заволакивает туман.

С момента пересечения линии они прошли мили полторы. Небо чернело. Но это не были естественные сумерки: небо быстро чернело, наступала ночь. Низкие тучи зависли над головой, стена тумана двигалась от болот к дороге.

Бланшар резко встал. Соратники замерли. Издаваемый сандми́рками шум усилился и превратился в неистовство бешеной активности, в которой ощущалось дьявольское торжество. Неожиданно впереди, справа от дороги, раздался громкий всплеск, как будто нечто вышло из воды на землю. Арагх задрал нос и гортанно-зловеще зарычал.

— Вот оно, — сообщил волк.

— Что? Не понял? — переспросил Брайен.

— Мое мясо, — прорычал Арагх. — Держитесь в стороне!

Он сделал несколько шагов навстречу и остановился — хвост изогнут, голова наклонена, пасть полуоткрыта. Он застыл в ожидании, а глаза горели в полумраке красным огнем.

Теперь и Джим различил знакомый запах; поначалу ему показалось, что это запах сандми́рков, которые следовали за ними. Но вскоре запах стал резче и сильнее. Джим услышал, как навстречу по дороге приближается некое крупное животное, которое скорее пойдет напролом через кусты, чем обойдет их.

Брайен обняжил меч. Арагх не обернулся, но уши его настороженно шевельнулись, заслышав лязг металла.

— Моя добыча! — повторил он. — Назад! В сторону.

Тело Джима напряглось, глаза ломило от усилия разглядеть существо в темноте. Внезапно оно вышло из мрака: громадное, черное, с короткой шерстью, поблескивающей от еще не стекшей воды. Оно приближалось открыто, не таясь, и остановилось в трех корпусах от Арагха. Затем встало на задние лапы и издало хриплый глубокий вой, напоминавший вой сандми́рков.

— Храни нас, апостолы! — пробормотал Брайен. — Гигантский сандми́рк?

Это действительно был сандми́рк, но во много раз превосходивший размерами тех, которые трижды пробуждали в Джиме инстинктивный животный страх. Сандми́рк был ростом со взрослого гризли. Арагх, пошедший на сандми́рка, казалось, уменьшился в размерах: от пони — до комнатной собачки.

Но английский волк не намеревался отступать. Из его пасти вырывался медленный клокочущий рык: непрекращающийся, грозный, однотонный. Чудовищный сандми́рк стоял, покачиваясь на задних лапах, и продолжал басистые завывания. Затем он прыгнул на Арагха, и бой начался.

Последовал настоящий вихрь движений, неразличимых для

глаз дракона и человека. Исполинские размеры ничуть не мешали сандмирку двигаться с головокружительной быстротой. И все же Арагх оказался быстрее и проворнее. Он находился повсюду: то сзади, то спереди, то справа, то слева, атакуя черного монстра стремительно и неустанно, так что Джим не мог уследить за перипетиями сражения.

Схватка закончилась так же внезапно, как и началась. Арагх отступил, все еще грозно порывкая, держа голову низко опущенной. Громадный сандмирк тяжело дышал, покачиваясь на массивных задних лапах; черная шкура была испещрена красными линиями.

Рык Арагха прекратился, но он не сводил глаз с противника.

— Уходите! — не поворачивая головы, приказал он. — Остальные сандмирки не последуют за вами, пока я играю с их матерью. Они не набросятся толпой, чтобы помочь ей. Они знают, что первые пять умрут на месте, и никто не хочет оказаться в их числе.

Джим колебался. Брайен ответил за двоих.

— Сэр Волк, — отчеканил он, — мы не оставим тебя. Твои шансы...

Но не успел он договорить, как схватка возобновилась. И опять глаз не мог уследить за движением, однако теперь схватка длилась много дольше. Внезапно раздался зловещий хруст, и Арагх отпрыгнул назад. Он стоял на трех лапах, а левая передняя болталась в воздухе.

— Уходите, — яростно прорычал он. — Я же сказал!... Уходите!

— Но лапа... — начал было Джим.

— Я просил помощи? — голос Арагха кипел от ярости. — Просил ли я помощи? Когда медведица поймала меня хромым волчонком, я на трех лапах убил ее. Один и на трех лапах я убью этого сандмирка! Уходите!

Монстр был весь исполосован. Из ран сочилась кровь. Но, несмотря на хриплое отрывистое дыхание, движения матери сандмирков не стали ни слабее, ни медлительнее. Тем не менее, переубедить Арагха было невозможно, как невозможно было и намеренно принести волка в жертву. Несомненно, покончив с ним, сандмирки через некоторое время нагонят и прикончат остальных Соратников.

Брайен посмотрел на Джима.

— Пойдем, — позвал Джим.

Рыцарь кивнул. Он взял поводья и повел Бланшара за собой. Они уходили, а схватка между волком и гигантским сандмирком возобновилась.

Звуки смертельного боя с каждым шагом делались тише. Темнота и туман поглотили дракона и рыцаря. Но Арагх оказался прав в одном: никто из сандмирков их не преследовал. Соратники продолжали путь и долгое время молчали. Затем Брайен обернулся к Джиму.

— Весьма достойный волк, — медленно произнес он.

— Если сандмирк убьет его... — начал было Джим, но слова застряли в горле.

Он собирался поклясться отомстить за волка, но затем сообразил, что клятва невыполнима. Если громадное черное существо убьет Арагха, то он никогда не отыщет сандмирка. А если бы это и удалось, то самка с легионом детей легко расправилась бы с Джимом. Он не родился Английским волком и не мог игнорировать завываний.

Горько было Джиму осознавать собственное бессилие. Не горько — невыносимо. Он вырос с убеждением, что справедливость должна торжествовать, и что в конечном итоге все достигает положительного баланса. И вот теперь он не мог не принять самопожертвования Арагха, заранее зная, что долг этот ему никогда не вернуть. Джим брел в жутковатой тишине сверхъестественной темноты, которая взяла в заложники болота, и на мгновение позабыл о том, где находится, о собственной судьбе; он изнывал во внутренней борьбе, примеряясь к этому долгу.

Так тяжело прощаться с иллюзиями, но разве оставался выбор? Постепенно Джим смирился с фактом; слепая вера в жизненную справедливость угасала, и еще один осколок его духа откололся, упав в воды забвения.

— Темнеет? — голос Брайена вырвал Джима из раздумий.

Джим огляделся. С того момента, как расстались с Арагхом, они прошли мили полторы. Воздух стал еще тяжелее, а непроницаемый туман опустился по обе стороны дороги и стал стеной.

Еще немного, и мы не сможем продолжать путь, — заметил Джим.

Видимость предельно ухудшилась, сократившись ярдов до десяти. Отчетливо можно было различить лишь кромку воды по обеим сторонам. Соратники вдыхали холодный злобный воздух, и он, застывая в легких, душил их. Каждый шаг, каждое движение становилось пыткой; депрессия сжимала их сознание железными тисками. Но и это было еще не все. С приближением темноты звуки заглушились. Шум шагов и цоканье копыт о песчаную почву стали не слышны, и даже их собственные голоса звучали тихо и как бы издалека.

— Брайен? — позвал Джим, продираясь через мрак.

— Здесь, Джеймс... — смутные очертания одетого в доспехи рыцаря передвинулись ближе к Джиму. Оба остановились.

— Ничего не вижу, — сообщил Джим.

— Я тоже, — признался Невилл-Смит. — Полагаю, мы остаемся здесь?

— Да...

Они стояли вплотную друг к другу, но даже на таком близком расстоянии не различались черты лица рыцаря, терявшиеся в темноте. И темнота эта все сгущалась — пока последний проблеск света не оказался закрашен черной тушью и мгла не стала воистину кромешной. Джим ощутил, как холодные, сильные,

железные пальцы как тиски сжали его левое плечо...

Будем держаться вместе, — заверил Брайен. — А затем мы вместе будем драться против того, что пошлют на нас Темные Силы.

— Да, — согласился Джим.

Они стояли молча, ожидая неизвестного; скоро тьма изолировала их, начала терзать сознание. Из окружающей чернильной пустоты не материализовывалось ничего; но из сознания Джима слепыми белыми червями вылезали, как из бездонного колодца, все внутренние страхи и слабости, все, чего Джим стыдился, что всячески старался позабыть...

Он попытался заговорить с Брайеном, безуспешно стараясь сказать хоть что-нибудь, пусть даже самой банальной фразой изгнать темное проклятие. Но яд уже разлился в крови. Джим не доверял рыцарю. Он знал, что зло должно быть в Невилл-Смите, поскольку обнаружил зло и в самом себе. Медленно, украдкой Джим попытался избавиться от прикосновения рыцаря.

— Джим! — внезапно раздался голос Брайена. Но это был странный и далекий голос незнакомого человека. — Оглянись назад на дорогу!

Джим обернулся. Как он определил нужное направление, осталось загадкой. Он обернулся и увидел вдалеке мерцание звезды — крохотную, слабую точку света, удаленную на бесчисленные световые годы.

— Что это? — изумленно воскликнул он.

— Не знаю, — ответил искаженный пространством, игрушечный голос рыцаря. — Но оно приближается. Смотри, точка растет.

Медленно, очень, очень медленно приближалась эта искра. Некоторое время спустя она уже казалась замочной скважиной в дневной свет. Минуты шли, отсчитываемые ежесекундными ударами сердца Джима. Наконец точка вытянулась в линию — словно разрез, сделанный ножом в ткани мрака.

— Что это? — снова спросил Джим.

— Не знаю... — повторил рыцарь.

Но оба они ощутили в этом свете добро. В нем были жизнь и храбрость, сила мужества, противостоящие темной беспомощности, которая пыталась покорить их. Соратники почувствовали, как возвращаются силы и возрождается дух. Бланшар ожил, забил копытами по твердой песчаной земле и заржал.

— Сюда! — позвал Джим.

— Сюда! — закричал Брайен.

Линия света росла, разделяя тьму небосвода, — казалось, будто она оживилась благодаря их выкрикам. Огромной, расширяющейся стрелой-молнией она мчалась им навстречу. Темнота откатывалась назад. Мрак отступал, превращаясь в серые сумерки. А сумерки рассеивались с каждой минутой.

Соратники услышали звуки приближающихся шагов, медленного, размеренного дыхания, и внезапно...

Наступил день.

Перед ними стоял Каролинус, облаченный в плащ и с неизменной остроконечной шляпой на голове; в руках, словно щит, меч и копье вместе, он держал перед собой длинный жезл из резного дерева.

— Клянусь Силами! — воскликнул он, окинув их взглядом.--- Я добрался до вас вовремя!

Джим с рыцарем переглянулись, как будто их спасли от падения с края пропасти. Бланшар закинул голову и забил копытом, доказывая себе, что он снова стоит на твердой земле знакомого мира.

— Мои благодарности, Маг! --- кивнул Брайен.

— Ткань Случая и Истории на сей раз была разостлана в вашу пользу, — покачал головой Каролинус. — Иначе я не успел бы вовремя добраться до вас. Смотрите!

Он поднял жезл и воткнул в песок около себя. Тот вошел в землю и стал похож на ствол дерева с обрубленными ветвями. Маг указал на горизонт, и Соратники посмотрели в том же направлении.

Темнота исчезла. Перед ними лежали болота — открытые, необозримые; примерно в полумиле они смыкались с темной линией моря. Дорога в этом месте поднималась, и сейчас они стояли на тридцать футов выше окружающей местности. Далеко на западе небо полыхало огнем заката. Пламя перекинулось на болота, и вода, дорога, земля, деревья и трава впитали раскаленный жар солнца. Красный цвет накалил даже низкий холм, на сто футов вознесшийся на побережье, где лучи безуспешно пытались окрасить огромные перевернутые камни и разрушенную, изветренную, изъеденную трещинами черную Башню.

Ничего больше они не успели увидеть за краткое мгновение света. Солнце заколебалось на краю горизонта и скатилось за него. Ночь — настоящая ночь, на сей раз — быстро шагнула на них с востока.

Каролинус наклонился рядом с жезлом. Из его рук выпорхнул огонек. Маг удержал его на ладони и прижал к земле. Каролинус отошел в сторону и насобирав на обочине сухих ветвей. Он бросил их на огонек, и вспыхнул яркий и жаркий костер.

— Мы находимся внутри кольца действия сил Презренной Башни, — сказал маг. — Если вам дорога безопасность, не отходите дальше десяти шагов от железа!

Он укутался в плащ и присел возле костра.

— Приляг, сэр рыцарь, — сказал он, — и ты, мой заколдованный друг. Когда взойдет солнце, ты поймешь необходимость отдыха.

Брайен покорно подчинился, но Джим неохотно присел рядом с волшебником.

— А как же Энджи? — спросил он. — Мы не видели Брайгха. Как ты считаешь?..

— Девушка в Башне, — прервал его Каролинус.

— Там? — спросил Джим. — Я немедленно...

— Сядь! Она в полной безопасности. Поверь моему слову, — раздраженно произнес Каролинус. — Силы, вовлеченные в битву, не окружают ее; по крайней мере, не сейчас.

Он содрогнулся, пошарил в складках плаща и вытащил фляжку и чашку, сделанные из матового стекла. Он налил из фляжки белую жидкость и отхлебнул глоток.

— Какого черта?! — воскликнул Брайен.

— Но как ты узнал?! — настойчиво спрашивал у волшебника Джим. — Каким образом?..

— Великие Силы наделили меня даром! — отрезал Каролинус. — Великим даром предвидения.

— Извините, — вмешался Брайен. Его голубые глаза не отрывались от чашки. — Маг, ты пьешь молоко?

— Маленькое средство белой магии против язвенного демона, который в последнее время досаждаёт мне.

— Ответь на вопрос! — потребовал Джим.

— Небезопасный напиток — молоко. Сколько детей переболело дизентерией, — нахмурившись, сказал Невилл-Смит. — Мой совет...

— Я не отвечаю на вопрос! — взорвался Каролинус. — Я потратил шестьдесят лет, шлифуя мастерство, не ради того, чтобы меня расспрашивали о моих методах. Это профессиональная тайна! Если я говорю, что Сатурн восходит, значит Сатурн восхо-

дит! А когда я говорю, что девушка в безопасности, значит, она действительно в безопасности! Клянусь Всемогущими Силами!

И волшебник возмущенно фыркнул.

— Мой юный друг,— обратился он к Джиму после того, как до дна осушил чашку и вместе с фляжкой убрал ее в карман плаща,— возможно, у тебя есть поверхностные познания в Искусстве и Науке. Но пусть эти разрозненные обрывки не порождают иллюзии понимания. Роль, которую уготовила тебе судьба, ты сыграешь завтра после рассвета. Это касается и рыцаря.

— Да? — переспросил Брайен.

— Неужели случайно ты познакомился с нашим общим другом? — спросил Каролинус. — Обыватели всегда считают Шанс случайным фактором! Нонсенс! Действие Случая подчиняется наиболее жестким правилам во Вселенной! Шанс неизменно определяется наибольшим смещением акцента других Первичных Оперативных факторов, в особенности Истории и Природы. Любому глупцу известно, что их взаимодействие и борьба приводят к ежечасному изменению картины мира. Иначе от вселенского порядка мы перемерли бы от скуки. Послушай меня...

И он длинным, костлявым указательным пальцем ткнул в Джима.

— Природа старается установить баланс факторов, который постоянно и неизменно нарушает История. И хитрость или каверзность в том, что равновесие часто устанавливается в нескольких точках, а Шанс, как компенсационный элемент, входит в уравнение. Это Истина, на которой основывается вся магия как продукт Искусства и Науки. Понимаешь ли ты теперь создавшуюся ситуацию?

— Нет,— ответил Джим.

— Тогда спи! — закричал Каролинус, раздраженно всплеснув руками.

Джим моргнул...

И было уже утро.

Он удивленно сел и зазевал. По другую сторону посоха — или жезла, как называл его Каролинус,— он увидел не менее удивленного Брайена. Каролинус уже стоял на ногах.

— Что произошло? — спросил Джим.

— Успил, вот что произошло,— не моргнув глазом ответил Каролинус. Он вынул фляжку, наполнил чашку молоком, выпил его и скривился. — Я начинаю ненавидеть это пойло,— проворчал он, убирая посуду. — Но помогает, ничего не могу сказать.

Он обернулся к Джиму и рыцарю.

— Поднимайтесь! — скомандовал маг. — Солнце взошло полтора часа назад. Мы сильные, только когда восходит солнце! И наши шансы предпочтительней до полудня.

— Почему ты не разбудил нас раньше? — спросил Джим, вслед за Брайеном поднимаясь на ноги.

- Надо было дожждаться, пока нас догонят.
- Кто? — спросил Джим. — Кто должен догнать нас?

— Если бы я знал точно, — покусывая бороду, отозвался Каролинус, — то обязательно сказал бы, кто именно. Но мне известно только, что четверо присоединятся к нам утром... А вот и они!

Он смотрел через плечо Джима, и тот, обернувшись, увидел приближающихся Дэффиды и Даниель, за которыми шли два дракона.

— А вот и лучник! — С искренней радостью воскликнул Брайен, как только валлиец подошел к нему. — И Даниель! Доброе утро!

— Утро, оно и есть утро. Но не знаю, доброе оно или нет, — сказал Дэффид, оглядываясь вокруг. — А где же волк, сэр Рыцарь? Лицо Невилл-Смита омрачилось.

— Ты не видел его? — спросил Джим. — Вы должны были проходить мимо. Нас окружила стая сандмирков во главе с исполинской самкой. И Арагх остался сражаться с чудовищем.

— Вы оставили его одного? — вскричала Даниель.

— Волк настоял, — хмуро ответил Брайен. — Мы бы его не бросили!

— Мы не видели ни волка, ни сандмирков, ни следов сражения, — сказал Дэффид.

Джим стоял молча. Слова лучника прозвучали как удар ниже пояса, хотя вчера он смирился с фактом, что никогда, возможно, не увидит волка в живых.

— Несмотря на все его просьбы и требования, вы не должны были оставлять волка наедине... — начала Даниель, но Каролинус перебил ее.

— Даниель!

Она повернулась к Каролинусу.

— Маг! — воскликнула она. — Ты здесь? Тебе было сто лет, когда я была девчонкой! Ты напрасно ввязался!

— Я там, где должен быть, — заявил Каролинус. — Как был на своем месте волк, так сейчас на своем месте сэр Джеймс и сэр Брайен. Не обвиняй их. Задача Арагха состояла в том, чтобы остаться и сражаться в одиночку, дав возможность дракону и рыцарю прийти сюда в определенное время. Это все, что я намерен сказать!

Старик не спускал глаз с Даниель. Взгляд девушки стал печальным, и она отвернулась.

— Я разыщу волка, — сказал Джим, наполовину себе. — Как только все закончится, я непременно разыщу Арагха.

— Вероятно, — сухо сказал Каролинус. Он еще раз взглянул мимо Джима. — Доброе утро, драконы!

— Секох! — воскликнул Брайен. — И... кто это?

— Смргол, джордж! — гневно рявкнул старый дракон.

Он шел, хромая, опираясь левым крылом на спину водяного

дракона. Левое веко было почти полностью закрыто.— Обожди, дай отдышусь! Годы не те, одышка замучила. Но через минуту я приду в себя. Смотрите, кого я привел!

— Не слишком я и рвался...— заикаясь оправдывался Секох.— Но у его превосход... У вашего дядюшки врожденный талант к убеждению.

— Правильно! — прогремел Смргол, успевший, очевидно, немного прийти в себя за то время, пока говорил водяной дракон.— И не смей ни к кому обращаться «ваше превосходительство». Это придурь да блажь! — Затем, повернувшись к Джиму, он пробормотал: — Паренек, сказал я ему, перестань нести чушь, будто ты обыкновенный водяной дракон! Не равняйся на трусов, ты — другой. В каком мире мы жили бы, если бы все заговорили только так? — Смргол попытался изобразить высокий голос Секоха, но все что ему удалось, это поднять свой голос на пол-октавы: — Я никчемный травяной дракон, которого боятся одни лягушки. Простите великодушно, но маленькому тщедушному дракону не до великих битв... «Парень! — закричал я.— Ты — дракон! Запомни раз и навсегда! Дракон ведет себя, как дракон, или он становится червяком!»

— Золотые слова,— провозгласил Брайен.

— Слышал, паренек? — спросил у Секоха старый дракон.— Даже джорджи понимают жизненные ценности.

Он повернулся к рыцарю.

— Мы незнакомы, джордж.

— Брайен Невилл-Смит,— представился тот.— Рыцарь-одиночка.

— Смргол. Дракон,— отпартовал дядюшка Горбаша.— Он одобрительно осмотрел доспехи и оружие Невилл-Смита.— Отличное снаряжение! Бьюсь об заклад, что в пешем бою ты пользуешься щитом несколько выше обычного.

— Да. Но как ты узнал?

— По блестящей полосе. Удерживая щит, твоя рука трется о доспехи. Высоко поднятый щит — прекрасный тактический маневр против джорджа, но не советую испробовать его на мне. Я просовываю хвост между твоих ног, и через секунду ты будешь опрокинут на землю.

— Да? — речь Смргола явно произвела впечатление на Брайена.— Я ценю и запоминаю мудрые советы. Благодарю! Но не придется ли тугο прежде всего самому дракону, с кем мне выпадет сразиться?

— Вот что я скажу,— Смргол прокашлялся и продолжал.— Извини, некоторое время назад я пришел к убеждению, что драконам и джорджам пора прекратить распри. Мы во многом похожи...

— Если ты не возражаешь, Смргол,— язвительно вмешался Каролинус,— прекратим дискуссию. Времени на болтовню у нас нет, а полдень наступит через...

Крик Даниель в свою очередь прервал волшебника. Все обернулись и увидели, как она помчалась по дороге. Навстречу им, хромая, медленно шел на трех лапах Арагх.

Добежав до волка, Даниель села на колени и обняла его. Арагх раскрыл пасть и длинным языком лизнул левое ухо девушки. Через мгновение он высвободился из ее объятий и пошел к Соратникам, отвергнув все попытки Даниель уложить его на землю и обследовать сломанную лапу. И только присоединившись к отряду, он позволил осмотреть себя.

— Зачем ты пришел? — увещевала девушка.

— Пытаешься не влезать в передряги, так ничего не выходит, — сказал Арагх и злобно оскалился.

— Ты прекрасно знаешь, о чем я говорила! — вспыхнула Даниель. — Нельзя передвигаться со сломанной лапой.

— А что оставалось делать? — прорычал волк. — Я убил самку, но ее детеныши окружили нас. Они жаждут добраться до мяса — после того, как Башня разделается с вами. Им надо много мяса, чтобы откормить новую самку. Никто не справится с сандмирками лучше, чем я. Пока я с вами, они побоятся приблизиться.

— Мы посчитали тебя мертвым, — мрачно сообщил Брайен.

— Мертвым, сэр рыцарь? — Арагх посмотрел на рыцаря. — Английский волк считается мертвым, только когда его кости побелеют на солнце!

— Довольно болтать! — приказал Каролинус. — Время идет, а с его ходом изменяются Случай и История. Полдень наступит через... Когда наступит полдень?

— Четыре часа, тридцать семь минут, двенадцать секунд, на втором ударе гонга, — ответил невидимый голос, который Джим уже слышал у Звонящей Воды. Наступила пауза и раздался мягкий перезвон. — На втором перезвоне, — поправился голос.

Каролинус что-то неразборчиво пробормотал. А затем обратился ко всем.

— В путь! — приказал он. — Держаться группой! Двигаться за мной!

Он вытащил жезл из земли, и они направились к Башне. Брайен ехал верхом на Бланшаре. Конь не выражал протеста против продвижения вперед.

С первых шагов день, который выдался ярким и чистым, начал меняться. Темные тучи заволокли небо, а воздух уплотнился. Все напоминало вчерашние события. С моря напал туман, и мутная серая пелена накрыла болота. Облака слились в единый купол и опустились над Башней, повиснув над отрядом на высоте ста футов. Промозглый, унылый холодок предыдущего дня окружил отряд, изрядно ухудшив настроение Джима.

Он огляделся вокруг.

К удивлению, никто из этих странно подобранных индивидуумов, которые были его Соратниками, не подвергся новому

проявлению власти обитателей Презренной Башни. Арагх ковылял на трех лапах, прихрамывая и ворчливо убеждая Даниель, что скоро ляжет и она сможет наложить шину. Каролинус, возглавлявший отряд, двигался свободно и непринужденно, как будто вышел на легкую утреннюю прогулку, а жезл был не более чем обыкновенным посохом. Дэффид сосредоточенно развязывал веревки чехла, укрывавшего от ночной сырости тетиву лука. Приглядевшись, Джим решил, что чехлом служила свиная или овечья кишка, тщательно выскобленная и высушенная.

Смргол шел мужественно, опираясь левым крылом о спину Секоха. Рядом со старым драконом ехал Брайен, и они были заняты каким-то очень личным разговором.

— ...Возвращаясь к драконам и людям, — дискутировал рыцарь. — Предложение интересное, но трудновыполнимое. Как ты считаешь? Нам предстоит бороться с многовековыми предрассудками и, замечу, с обеих сторон.

— Кому-то придется начинать, джордж, — отвечал Смргол. — Порой оправданно работать вместе и сотрудничать, как, например, сейчас. Но твоё замечание абсолютно верное. Как ты заметил, я не сумел вытянуть драконов из пещер.

— Да, — понимающе произнес Брайен, кивая головой.

— Не то чтобы они были трусливы, джордж. В их храбрости я не сомневаюсь. Но, прожив лет двести — если повезет, разумеется — десять раз подумает, прежде чем пойти на риск. Я не оправдываю драконов. Я объясняю нашу природу. Странствующие рыцари — это нормально для джорджей. Но странствующие драконы — абсурдно для драконов.

— Так в чем надежда?

— Она в нас — в тебе и во мне, джордж. И, разумеется, в Горбаше, в Маге, в этом мальчике Секохе, в этом лучнике, в женщине-джордже, в волке. Если мы провернем задуманное и Темные Силы потерпят поражение, то о нашей победе будут слагать легенды пятьсот лет подряд. Не знаю, как у вас, джорджей, но мы, драконы, обожаем легенды и рассказы. Засев в пещерах, мы можем месяцами лежать и молоть всякую всячину.

— Месяцами? Неужели? — изумился Брайен. — Невероятно!

— Месяцами, джордж! Дай дракону несколько золотых монет и драгоценных камней, бочонок крепкого вина, да побольше, и захватывающую историю — вот он и будет счастлив. Я бесчисленное количество раз пересказывал, как убил огра из Башни Гормли. Разумеется, молодежь принимается недовольно стонать и вздыхать, когда я начинаю рассказ. Но затем они сворачиваются калачиком, наполняют кубки вином и слушают, как миленькие.

— Хм-м-м, — протянул Невилл-Смит. — Как мы похожи! Люди частенько собираются — особенно зимними вечерами, когда нечем заняться, — и принимаются вспоминать былые подвиги. Клянусь святым Иоанном, как меня воротило от этих бабушкиных рассказов! Они были одной из причин, почему я стал рыцарем.

— Невероятно! — воскликнул Смергол. — Как джорджи похожи на драконов! Когда каждый дракон услышит предание о том, как мы победили Темные Силы, он захочет выбраться из логова, подыскать джорджей и волка и отправиться на поиски приключений. После этого останется сделать всего один шаг к полному сотрудничеству.

— Скажи мне, Маг, — обратился Джим к Каролинусу, нагнав волшебника, — какую цену придется заплатить за волшебство, которое разогнало вчера тьму?

— За все заплачено, — ответил Каролинус. — Первый, кто пользуется магией, тот платит вперед. А контрмагия уравнивает баланс в грессбухе вселенского учета. Но это другое дело...

Он поднял жезл и потряс им перед глазами Джима.

— Я проделал долгий путь и заполучил жезл, — разъяснил Каролинус. — Я заложил в Департаменте Аудиторства весь жизненный кредит. Если мы проиграем, то я уничтожен, как маг. Впрочем, если мы проиграем, то будем уничтожены все.

— Понятно, — произнес Джим и задумался. — А кто живет в Презренной Башне?

— Кто *живет* там, не знаю ни я, ни ты. Обитатели Презренной Башни не живые и не мертвые существа. Это присутствие и проявление Сил Зла в данной точке временно-пространственного континуума. Ни мы, ни кто-либо другой не сможет избавиться от этого. Нельзя уничтожить Зло, точно так же, как прислужники Зла бессильны уничтожить Добро. Все, что можно сделать, — удержать одно или другое. Если ты достаточно силен, то, возможно, баланс сместится на твою сторону.

— Как же тогда нам победить Темные Силы?

— Это невозможно, как я уже говорил. Мы можем уничтожить слуг Зла, которые повинуются их приказам, но и эти существа попытаются уничтожить нас.

У Джима перехватило горло. Он судорожно сглотнул.

— Но ты должен догадываться, — сказал он, — какие существа вступят с нами в борьбу.

— Некоторые слуги известны, — ответил Каролинус. — Сэр Хьюго и его воины, например. Сандмирки и...

Он внезапно замолчал и замер, подняв согнутую в колене ногу, — как робот, которому отключили питание. Джим тоже остановился и посмотрел на Башню. Из окон в ее полуразрушенных стенах вылетело с полдюжины громадных фигур. Тяжело взмахивая крыльями, они закружили над Башней — несуразные громадные головы поворачивались в разные стороны, издавая пронзительные крики. Они чем-то напоминали рой гигантских комаров. Затем от стаи отделилась одна из фигур и стала пикировать на Соратников...

И рухнула ничком, проткнутая тонким древком стрелы, — словно тело, сброшенное с обрыва. Тяжело и неуклюже гарпия замертво упала к ногам Джима. Женское лицо навечно застыло в молчаливом, маниакальном крике.

— Если все они таких размеров и так же медлительны, то проблем у нас не будет, — сказал валлиец, подойдя к телу убитой гарпии, чтобы вытащить стрелу. — С такой дистанции и ребенок не промахнется!

— Оставь излишнюю самоуверенность, лучник, — через плечо осадил Дэффид Каролинус и зашагал вперед. — Вспомни поговорку: легкое начало — тяжелый конец, воткнутая лопата сама зерна не переворачивает. Советую...

Он говорил, поглядывая на запад, но вдруг осекся и резко остановился. Он вглядывался в заросли высокой травы, где, очевидно, было что-то спрятано. Лицо волшебника посуровело и осунулось. Джим сделал несколько шагов и разглядел причину столь разительной перемены в облике мага.

К горлу подкатила тошнота, и Джим отвернулся, в то время как подошли остальные. В траве перед ними лежали останки рыцаря в доспехах.

Джим услышал резкий вздох Брайена, привставшего на стременах.

— Жуткая смерть, — тихо произнес рыцарь, — какая жуткая смерть...

Он слез с Бланшара, встал на колени, сложил одетые в стальные перчатки руки и начал молиться. Драконы молчали. Дэффид и Даниель стояли рядом с волком. Никто из них не вымолвил ни слова.

Только Каролинус, невзирая на кошмарность ситуации, горящими глазами осмотрел тело, а затем жезлом провел по склизкому следу, ведущему от тела к башне. Он напоминал след, оставляемый улиткой, проползающей по листьям; но чтобы оставить след такой ширины, она должна была быть двух футов в ширину.

— Червь... — пробормотал Каролинус. — Но не червь убил человека. Черви не обладают сознанием. Кто-то, обладающий огромной силой и терпением, медленно бил человеком о землю...

Он внезапно взглянул на Смргола, и Смргол повел себя странно. Он застенчиво опустил массивную голову.

— Я молчу, Маг, — протестовал старый дракон.

— И пусть молчат все, пока не будет полной ясности, — ответил волшебник. — Вперед.

Брайен поднялся, постоял над телом, сделал беспомощный жест, словно желая распрямить изуродованное тело, но отказался от бесполезных усилий, отошел и взобрался на Бланшара. Группа двинулась по дороге. Ярдах в ста от башни Каролинус остановился и воткнул в землю жезл.

Арагх упал, как подкошенный, и лежал на земле, жадно вдыхая воздух. Подбежала Даниель, опустилась на колени и принялась накладывать шину из сухих веток, подобранных под растущим поблизости деревом, и повязку из разрезанного на полоски рукава камзола.

— Сейчас, — сказал Каролинус, и слово набатом отозвалось в сознании Джима.

Туман сгустился. Соратники стояли в громадной пещере, стенами и сводом которой служила мутно-молочная завеса тумана. Они видели крошечный участок равнины и холм со стоящей на нем Башней. Щупальца тумана извивались по камням, раскиданным у стен, и поднимались к облакам. Рассеянный свет, проникающий через тучи, неестественно подсвечивал Башню, нагнетая зловещую обстановку.

— Покуда стоит мой жезл, — сказал Каролинус, — они бесцельны полностью лишить нас света, дыхания и силы воли. Не выходите из зоны действия жезла, иначе я не смогу защитить вас. Пусть наши враги придут сюда сами.

— Где они? — спросил Джим, оглядываясь вокруг.

— Терпение, — сардонически произнес Каролинус. — Они скоро появятся, и несколько в ином обличье, чем ты ожидаешь.

Джим посмотрел в конец дороги: камни и Башня. Было безветренно, а воздух тяжел и бездвижен. Нет, легкое движение ощущалось. Он слабо дрожал в колеблющейся неестественности, словно тепловые потоки в атмосфере. Только сейчас все поблекло и было по-зимнему прохладно. Сразу же, едва Джим заметил дрожь воздуха, до него донеслось пение. Голос был высоким и выводил бессвязную мелодию, какая сопровождает порой горячку или бред.

Когда Джим снова посмотрел на Башню, ему показалось, что внешний вид сооружения под воздействием происходящего исказился. Теперь он видел старинную полуразрушенную постройку. Но и она менялась с каждым биением сердца Джима.

Башня менялась, и на какое-то мгновение Джиму почудилось, будто он увидел ее целой и обитаемой. Сердце забилося сильнее; дорога и Башня, казалось, сотрясались с каждым движением груди, входили и выходили из фокуса зрения.

Затем он увидел Энджи.

Он понимал, что стоит слишком далеко и не может видеть ее так отчетливо, как сейчас. На этом расстоянии, в этом свете, лицо ее было бы трудно различимо. Но он увидел Энджи так, словно она находилась рядом: резко и отчетливо. Девушка стояла на балконе, чуть в тени полуразрушенной арки дверного проема. Ее блузка двигалась в такт дыханию, губы были приоткрыты.

— Энджи! — закричал Джим.

Он и представить себе не мог, насколько соскучился по ней.

Он и представить себе не мог, насколько жаждал ее.

Джим сделал шаг вперед, но был остановлен чем-то внушительным, солидным, неподдающимся — как железные прутья, вмурованные в цемент. Он посмотрел вниз: жезл, который Каролинус держал в руке, служил непреодолимым для Джима барьером.

-- Куда? -- спросил маг.

— Туда! На балкон Башни! Смотрите! — Джим показал,

и остальные подняли головы, взглядываясь в указанном направлении. — Дверь! Неужели вы не видите? Сбоку Башни, в дверном проеме!

— Ничего там нет, — раздраженно заметил Брайен, опуская руку, которой прикрывал глаза.

— Возможно, — сказал водяной дракон с сомнением в голосе. — Возможно... совсем в тени. Но я не уверен...

— Джим! — звала Энджи.

— Там! — крикнул Джим. — Слышали?

Он попытался убрать в сторону жезл, но безрезультатно.

— Я слышу тебя, Энджи, — закричал он.

— Не надо кричать, — тихо отвечала она. — Я слышу тебя, Джим. Просто остальные здесь лишние. Если ты придешь за мной один, мы отправимся домой, и все будет в порядке.

— Я не могу! — закричал Джим, почти всхлипывая.

Жезл Каролинуса блокировал дорогу.

— Они не пускают меня!

— Они не имеют права удерживать тебя, Джим. Спроси Каролинуса, вправе ли он удерживать тебя, и маг сразу же тебя отпустит. Но — настойчиво! Спроси, а затем приходи за мной. Один.

Джим в ярости повернулся к Каролинусу.

— По какому праву... — начал он.

— Прекрати!

Голос Каролинуса пушечным выстрелом прозвучал в ушах. Сразу же закружилась голова, Джим почувствовал себя оглохшим и полуслепшим. Зрение и слух оказались заблокированы толстыми мягкими барьерами. Неестественно отчетливое видение Энджи исчезло, но он по-прежнему считал, будто продолжает видеть ее на балконе, в тени дверного проема.

— Почему? — гневно спросил Джим.

Маг стоял, не двигаясь, его темные глаза сверкали.

— Клянусь Всемогущими Силами! — закричал он, и эти слова донеслись до Джима совершенно отчетливо. — Неужели ты, как слепой котенок, попадешься в первую же ловушку, которую они поставили на тебя?

— Ловушку? — переспросил Джим. — Я разговаривал с Энджи! И она...

Он не договорил. Каролинус жезлом указал на Башню. Внизу, за камнями, раскиданными по склону, Джим разглядел громадную голову дракона.

Раздался громогласный крик Смргола, прорезавший вязкую тишину.

— Брайгх! Предатель! Вор! Червяк! Иди сюда!

Брайгх открыл пасть и прорычал в ответ:

— Расскажи о Башне Гормли, старый мешок с костями! Припугни нас словами, жирная дряхлая ящерица!

— Как ты... — Смргол наклонился вперед.

— Прекрати! — скомандовал Каролинус.

Смргол уже приподнялся на задних лапах, но после окрика мага шумно опустился на песчаную землю.

— Твоя правда... — проворчал он, яростно сверкая глазами.

— Старая игуана! Подремли на солнышке!

Но Смргол повернулся к магу, так ничего и не ответив.

— Кто еще появится, Маг? — спросил он.

— Посмотрим.

Голос Каролинуса был напряжен. Маг приподнял жезл и трижды стукнул им о землю. Казалось, дорога содрогалась от каждого удара.

Один из камней на склоне закачался и откатился в сторону. У Джима перехватило дыхание, и он услышал, как Брайен выругался, а Секох испуганно взвизгнул.

Из выемки, где только что лежал камень, показалась громадная голова слизняка. Она поднималась все выше и выше, желто-коричневая, с двумя рогами, которые раскачивались во все стороны. Извиваясь, слизняк выползал из норы, и Соратники увидели, что его тело покрыто легким панцирем, напоминавшим спиральную раковину улитки. Рога-отростки шевелились, а глаза безразлично нацелились на стоящий внизу отряд. Он медленно пополз по склону навстречу им, оставляя на песке и камнях блестящий слизистый след.

— Червь, — тихо сказал Каролинус.

— ...которого можно убить, — задумчиво прорычал Смргол. — Хотя и нелегко. Разрази меня молния, жаль, что Брайгх не один!

— Но это не все! — Каролинус трижды ударил жезлом о землю

— Выходи! — закричал он высоким голосом, прозывая дрожащий воздух. — Заклинаю Всемогущими Силами! Выходи!

И они увидели существо. Из-за громадных скал, кольцом окруживших Башню, медленно появился купол головы, обтянутой серой, поблескивающей, без единой волосинки, кожей. На жуткой башке, которая, наконец, появилась полностью, виднелись два круглых голубых глаза, вместо носа — две прорези, а весь огромный череп был равномерно покрыт толстой кожей. Существо медленно поднимало неестественно огромную голову. Они увидели широкий, безгубый рот, искаженный идиотской улыбкой, и два ряда остроконечных зубов.

Неуклюжим, заунывным движением существо поднялось на ноги. Отдельно взятыми очертаниями фигура напоминала человеческую, но в то же время не имела с родом людским ничего общего: чуть выше двенадцати футов ростом, тело — из грубой невыделанной кожи, украшенное костями, металлическими побрякушками и цветными точками, которые могли быть драгоценными камнями; то ли повязка, то ли юбка обтянула толстую талию.

Но не только это отличало его от человека. У существа отсутствовала шея. Неестественная, безволосая, безликая голова, как яблоко, балансировала на квадратных плечах, обтянутых серой

грубой кожей. Торс шел прямо. Руки и ноги, с их диспропорциональной толщиной и округлостью, ответвлялись от тела, точно трубы от водопроводного стояка. Колени были укрыты кильтом, а ноги — скалами. Руки поражали своей несуразностью, особенно — невероятно большими локтевыми суставами; громадные кисти заканчивались толстыми обрубками пальцев — уродливыми пародиями на человеческие. Их было всего три, причем большой палец имел только один сустав.

В правой руке существо держало палицу, сделанную из покрытого ржавчиной металла, которую даже такой монстр, казалось, был не в состоянии поднять. Но толстая рука с кривыми пальцами ловко подняла дубинку — так же легко, как нес Каролинус свой жезл.

Монстр открыл рот.

— Хе! — раздался чудовищный гогот. — Хе! Хе!

Резкое отрывистое хеканье нагоняло холод. Это было невероятно: басистое хихиканье. И хотя звук напоминал низкий рев трехклапанной трубы, он вылетал из горла существа. И в нем не ощущалось даже оттенка шуточных нот. Проверив голос, монстр замолчал, круглыми светло-голубыми глазами наблюдая за продвижением слизняка.

Челюсти Джима непроизвольно раздвинулись, и он задышал тяжело, как собака после длительного бега. Он услышал, как зашевелился за спиной Смргол.

— Да, — грустно проговорил дракон. — Огра я и боялся...

В наступившей тишине сэр Брайен слез с Бланшара, проверил подпругу и подтянул стремяна.

— Успокойся, Бланшар, — ласково говорил рыцарь, но белый скакун дрожал так сильно, что не мог спокойно стоять. Брайен покачал головой и погладил коня по спине. — Похоже, мне придется сражаться пешим.

Остальные наблюдали за Каролинусом. Маг стоял, опершись на жезл. Лицо его постарело, а морщины превратились в глубокие борозды. Он наблюдал за огром, но затем повернулся к Джиму и дракону.

— Я лелеял надежду, — сказал он, — что до этого не дойдет. Однако... — и он показал рукой на приближающегося червя, замолкшего Брайгха и непонятно куда глядящего огра, — как видите, мир сам никогда не поворачивается туда, куда мы хотим. Им необходимо управлять, чтобы добиться желаемого.

Он болезненно поморщился, извлек фляжку и выпил чашку молока. Затем, убрав посуду, повернулся к Дэффиду.

— Мистер Лучник, — сказал он почти официальным тоном. — Гарпии спрятались в Башне. Но когда остальные твари пойдут в атаку, они снова появятся. Обрати внимание, как опускаются от Башни тучи.

Маг показал на небо. Плотный слой облаков свисал книзу

провалившимся пузатым потолком, примерно на высоте тридцати футов над головами Соратников.

— Гарпии вылетят из-под прикрытия облаков,— сказал волшебник.— Расстояние ничтожно. Сумеешь ли ты поразить их? Дэффид посмотрел вверх.

— Если облака не опустятся...— начал он.

— Нет,— сказал Каролинус.— Сила жезла удерживает их.

— Тогда,— сказал валлиец,— если они полетят с такой же скоростью, как та гарпия, которую я подстрелил, у меня есть шанс на успех. Полных гарантий не даю, я все же человек, которому свойственно ошибаться, и ни в коем случае не стреляющий без промаха автомат, как считают некоторые. Но шансы на моей стороне; надеюсь, ни одна гарпия живой до земли не долетит.

— Превосходно! — воскликнул Каролинус.— О большем мы и мечтать не можем. Не забывай, укус гарпии смертелен — даже мертвой гарпии!

Он повернулся к Невилл-Смиту.

— Сэр Брайен, если ты намерен сражаться пешим, предлагаю заняться червем. Это будет самым полезным. Я знаю, ты предпочитаешь разделаться с драконом-ренегатом, но червь — это наибольшая опасность для остальных, кто не защищен доспехами.

— Полагаю, убить его будет нелегко? — поинтересовался рыцарь. Он пристегнул ремень к внутренней стороне щита и покосился на слизняка, ползущего по склону.

— Все жизненные органы запрятаны глубоко в теле,— разъяснял Каролинус,— и, не обладая сознанием, он станет сражаться, даже будучи смертельно раненным. Если сумеешь, постарайся первым делом его ослепить.

— Что...— начал Джим и замолчал. Горло невыносимо пересохло. Он сглотнул и продолжил.— Что делать мне?

— Сражаться с огром, мой мальчик! Сражаться с огром! — взревел Смргол.— Услышав слова дракона, огр перевел взгляд с червя на Смргола.— Я прикончу паршивца Брайгха. Джордж разрубит на куски червя, лучник уничтожит гарпий, Маг оградит от остальных проявлений зла, а волк не подпустит сандмиров!

Джим открыл было рот, чтобы пресечь припадок дядюшкиного ложного оптимизма, но затем понял, что руководило старым драконом. Смргол намеренно говорил о предстоящем сражении как о незначительном пустяке, чтобы приободрить внучатого племянника. Хотя и сам Смргол, наполовину калека, не мог на равных сражаться с молодым и сильным Брайгхом.

Внезапно у Джима сжалось сердце. Он поглядел на остальных. Если старый и дряхлый Смргол не мог на равных драться с Брайгхом, то в силах ли Брайен справиться с мерзким червем, который был уже в тридцати ярдах от них? Будет ли это равный бой? Сумеет ли Арагх с переломанной лапой, несмотря на невосприимчивость к завываниям, противостоять полчищу оставшихся в живых сандмиров?

А Дэффид? Невзирая на все его искусство, как мог он надеяться перестрелять гарпий, которые без предупреждения появятся прямо над ним? И мог ли старый волшебник удержать во время битвы все Злые Силы, живущие в Башне?

Цель Джима была ясна — Энджи. Но остальные оказались здесь только из-за него. И шансы на победу окажутся не на их стороне. Джим ощутил угрызения совести. Он повернулся к рыцарю.

— Тебе и остальным не обязательно сражаться, Брайен.

— Обязательно! — отвечал рыцарь, занятый подгонкой снаряжения. — Черви, огры... Когда встречаешься с подобной мерзостью, то бой неминуем. — Он осмотрел копье и отложил его в сторону. — Нет, пешему копье не подойдет, — пробормотал он.

— Смргол, — сказал Джим, оборачиваясь к дракону. — Брайгх намного моложе. Ну а ты в последнее время...

— Хм-мм, — поспешно замычал Секох, разрядив неловкое молчание.

— Говори, мальчонка! — прохрипел Смргол.

— Ну... — запинаясь, начал водяной дракон. — Я... я не настолько храбр, чтобы сразиться с огром или червем. У меня подгибаются колени и мутится разум при мысли, что они будут рядом. Но я вполне могу сразиться с драконом. Это будет не так ужасно... Ну, свернет он мне шею... Так рано или поздно... — И Секох забормотал что-то — быстро и неразборчиво. Через некоторое время он собрался с духом: — Я знаю, что наговорил глупостей...

— Ерунда! Славный парень! — взревел от восторга Смргол. — Рад, что ты с нами! Я не уверен, что смогу взлететь. Крылья ломит ужасно. Но если ты полетишь и заманишь эту ящерицу поближе, то мы вдвоем раздерем его на куски.

Он по-дружески заехал водяному дракону хвостом по спине, едва не сбив того с ног.

Джим повернулся к Каролинусу.

— Обратной дороги нет, — сказал тот, прежде чем Джим успел заговорить. — Сие напоминает кульминацию шахматной партии. Убери всего одну фигуру — и потерпишь поражение. Если вы выстоите против существ, то я выстою против Сил Зла. Но если существа убьют вас, то они убьют и меня. И наоборот, разумеется.

— Эй, Горбаш! — крикнул в самое ухо Джима Смргол. — Этот червь уже почти здесь. Я поделюсь собственным опытом, как сражаться с ограми. Ты слушаешь, малыш?

— Да, — покорно отозвался Джим.

— Ты слышал, как драконы называли меня старой волянкой и хвостами отмахивались от рассказов. Но я победил огра. Я — единственный дракон, кому за последние восемьсот лет удалось убить огра. Так что слушай внимательно, если хочешь, чтобы успех был на твоей стороне.

Джим кивнул.

— Хорошо.

— Первое, что надо уяснить,— Смергол посмотрел на ползущего червя и перешел на доверительный шепот,— это строение костей огра.

— Не вдавайся в детали,— отмахнулся Джим.— Что мне делать?

— Терпение! Терпение! — отвечал Смергол.— Не распаляйся, малыш. Возбужденный перед битвой дракон — это мертвый после битвы дракон. Запомни: у огра громадные кости, особенно руки и ноги. Бесполезно пытаться перекусить их. Твоя задача — добраться до мускулов и разорвать их вместе с сухожилиями. Это первое.

Он замолчал и важно поглядел на Джима. Усилием воли Джим удержал язык за зубами и продолжал терпеливо слушать.

— Теперь второе,— наставлял Смергол.— Оно тоже связано с костями. Обрати внимание на локти огра. Они не похожи на локти джорджей. У огра двойной сустав. Почему? Элементарно, Горбаш. Таким громадным костям необходимы громадные мускулы. Имей огр такой сустав, как у джорджей, ему ни в жизнь было бы не поднять руку. К чему я клоню? Когда огр замахивается дубиной, он делает это единственно возможным образом. Он использует для замаха локтевой сустав. Движение идет только по вертикали. Когда огр замахивается сбоку, он использует плечевой сустав. И ты получаешь преимущество, подловив огра, когда его рука с дубинкой опустилась вниз. Чтобы сделать боковой замах, ему потребуется два движения вместо одного, как у джорджей.

— Да, да,— сказал Джим, наблюдая за приближением червя. — Наберись терпения, малыш! Остынь! Коленный сустав у огра обычный и, сбив его с ног, ты получаешь весомое преимущество. Но действуй только наверняка, потому что, если он обхватит тебя руками, то можешь попрощаться с жизнью. Единственный способ борьбы с огром — это переменная атака и оборона. Выждешь замах, увертываешься и атакуешь, пока его рука внизу, раздираешь мускулы, а затем отступаешь. Понял?

— Понял,— послушно произнес Джим.

— Превосходно! Запомни главное: какую бы тактику нападения ты ни избрал, избегай захвата. И даже краешком глаза не обращай внимания на окружающих — что бы ты ни заметил! Сконцентрируй все внимание на противнике. И еще...

— Да? — ответил Джим.

— Не теряй голову,— почти умоляюще воскликнул дракон.— Что бы ты ни делал, не слушай подсказок своего драконьего инстинкта, иначе через две минуты сбежишь. Кстати, именно поэтому джорджи из года в год постоянно побеждали нас. Помни, ты двигаешься быстрее огра, и твой мозг приведет тебя к победе, если только не начнешь суетиться, торопиться и не завязнешь в ближнем бою. Поверь, мой мальчик!

Смергола прервал внезапный радостный крик Брайена, который разбирал седельные сумки.

— Невероятно! — воскликнул рыцарь и с изумительной легкостью и проворностью, учитывая вес доспехов, подбежал к Джиму. — Какая удача! Посмотри, что я нашел!

И он принялся размахивать перед носом Джима какой-то белой тряпкой.

— Что это? — настороженно поинтересовался Джим.

— Платок Геронды! И как своевременно! Не откажи в любезности, Каролину, — продолжил Невилл-Смит, поворачиваясь к волшебнику, — объяви его мне вокруг левой руки... Спасибо, маг.

Каролину насупился, но убрал жезл под мышку и завязал платок у локтя Брайена.

Повернувшись, рыцарь вонзил копьё в землю и привязал к нему Бланшара. Затем взял в левую руку щит, а правой вытащил из ножен меч. Клинок засверкал даже при тусклом свете. Брайен наклонился вперед, чтобы вес доспехов придавал дополнительный момент инерции, и ринулся на червя, который был уже в дюжине футов от него.

— Невилл-Смит! Невилл-Смит! Геронда! — успел выкрикнуть он, и схватка началась.

Джим услышал, но не увидел, как столкнулись их тела, ибо в этот момент началось общее сражение. На холме Брайгх яростно взревел, поднялся в воздух и, расправив крылья, на бреющем полете стал опускаться к ним. За спиной Джима раздалось хлопанье крыльев, и Секох взмыл навстречу Брайгху. Но все эти звуки были заглушены внезапным, зычным и хриплым криком огра. Тот поднял над головой дубину, вышел из-за камней и тяжелой размашистой походкой направился к Соратникам.

— Удачи, мой мальчик! — шепнул на ухо Джиму Смргол. — И, Горбаш...

Что-то в голосе старого дракона заставило Джима обернуться. Вид Смргола устрасал. Огромная пасть была открыта, обнажая большие изогнутые клыки. Но в темных дядюшкиных глазах Джим прочел необыкновенную любовь и заботу.

— Помни, — нежно сказал Смргол. — Ты потомок и Ортоша, и Аргтвала, и Глинтула, который убил водяную змею на отмели Серых Песков. Будь доблестным, как и они. Но помни: ты мой единственный родственник, и последний в нашей семье. Будь осторожен!

Голос старика запнулся.

— И... удачи тебе... Джеймс!

Голова Смргола повернулась. Затем, увидев, что Секох и Брайгх с грохотом приземлились, сцепившись в клубок, старик ринулся на подмогу. Джим обернулся к Башне — и вовремя, чтобы успеть подняться в воздух и увернуться от подоспевшего огра.

Он взлетел, повинувшись инстинкту дракона, обороняющегося при нападении. Джим увидел, как огр остановился: его громадные серые ноги по шиколотку ушли в землю. Ржавая палица мелькнула перед глазами Джима, и он ощутил сильный удар в грудь, отшвыр-

нувший его назад. Он заработал крыльями, чтобы удержать равновесие. Бесформенное идиотское лицо улыбалось всего в нескольких ярдах от него. Дубинка поднялась для нового удара. В панике Джим набрал высоту, отступая, и увидел, что огр сделал еще шаг вперед. Толстенный конец палицы снова мелькнул в воздухе. Как столь неповоротливая громадина может так ловко и быстро орудовать руками? Джим опустился на землю, и яркая боль копьем пронзила предплечье. На секунду безобразная, похожая на обрубок ручища нависла над ним, и Джим, не задумываясь, вцепился зубами в мерзкую плоть.

Его отбросили в сторону — так же, как отшвыривает крысу терьер. Джим забил крыльями и укрылся от нападения на высоте шестнадцати футов. Посмотрев вниз, он увидел, как огр, проворчав что-то, изготовился нанести удар сверху. Джим сделал заднее сальто и сумел избежать удара. Палица просвистела в воздухе, Джим тут же ринулся вниз и в промежутке между ударами разодрал зубами плечо огра. К нему повернулось улыбающееся лицо, но из глубокой раны уже струилась первая кровь.

Внезапно Джим понял, что не чувствует больше паники.

Он уже не боялся монстра. Он висел в воздухе, вне пределов досягаемости огра, готовый атаковать, как только завидит брешь в обороне огра. Энергия и острота восприятия наполняли тело и сознание.

Джим обнаружил, что в битвах — как, впрочем, и во многих подобных ситуациях — худшим было вступление. Как только сражение началось, выработавшийся за миллионы лет инстинкт взял руководство всеми действиями на себя, не оставляя времени на раздумья и концентрируя внимание исключительно на противнике.

Огр пошел в новую атаку, и после этого сражение слилось в вереницу эпизодов, где перемежалось все: финты, выпады, невероятные усилия, чтобы избежать смерти или нанести решающий удар.

Джим потерял счет времени. Оно растянулось, расплылось, и в памяти не отложилось отчетливых картин происходящего. Солнце описало длинную дугу, миновало зенит и начало опускаться. На изрытой песчаной земле дракон и огр продолжали сражение. Джим то поднимался в воздух, то опускался на землю. Однажды, после удачно проведенной атаки дракона, монстр опустился на колено, но Джим так и не сумел воспользоваться преимуществом. Потом на склоне монстр загнал Джима в щель меж двух камней, изготовился было нанести палицей решающий удар, который бы размозил череп Джима, но тот увернулся, сумев пролезть между широко расставленных ног огра. И битва продолжилась...

Изредка глаза выхватывали калейдоскопические картины поединков. Жирное, белесое тело слизняка, с выколотыми уже глазами, обвилось вокруг Брайена; рыцарь молча пытался высвободить руку с мечом, прижатую к земле телом червя. Джим видел

ревуший клубок сплетенных змеиных тел; вихрь хлопающих крыльев, оскаленные пасти, горящие глаза Смргола, Брайгха и водяного дракона. Раз или два он мельком видел Каролинуса, стоящего прямо и держащего в руках жезл; его длинная белая борода упала на плащ. Он походил на жреца, присутствующего при Армагеддоне... Но огромное тело огра заслоняло остальные картины сражения, и Джим тут же снова забывал обо всем, кроме своего врага.

День катился к концу; с моря опускался туман, и узкие его щупальца потянулись через поле сражения. Тело Джима ломило, крылья налились свинцом. Но вечно смеющийся огр все так же неутомимо и так же быстро продолжал размахивать палицей. Джим отлетел в сторону, чтобы перевести дыхание, и услышал надтреснутый голос:

— Время на исходе! Наше время на исходе! День заканчивается!

Это кричал Каролинус.

Джим впервые услышал в его голосе невыносимое отчаяние. Слова Каролинуса прозвучали отчетливо, и Джим осознал, что вокруг, за исключением шума от его поединка с огром, стояла тишина.

Они сражались внизу холма — там же, где начинали. В стороне он заметил воткнутое в землю копьё и оборванные поводья, которыми был привязан Бланшар. Неподалеку от копья стоял, опираясь на жезл, Каролинус. Лицо его осунулось, пожелтело и стало похожим на лицо мумин.

Джим обернулся и увидел приближающегося огра. Тяжелая палица пошла вверх, на замах. В теле, в крыльях Джим ощутил неимоверную усталость. Он понял, что не сможет вовремя вернуться. Джим собрал остатки сил и вместо прыжка вверх ринулся под дубину — прямо на монстра.

Палица скользнула по спине, и Джим ощутил, как руки огра сомкнулись вокруг его тела, а трехпалые кисти подбираются к шее. Он был пойман, однако натиск сбил огра с ног.

Они покатались по твердой песчаной земле. Зубы огра впились в грудь Джима, а руки пытались нащупать и сломать драконью шею.

Их сплетенные тела надвое переломили воткнутое в землю копьё. Пальцы огра захватили шею Джима и медленно начали скручивать голову — словно беспомощному цыпленку.

Джима охватило отчаяние. Ведь Смргол советовал ему остерегаться захвата огровых рук. Он пренебрег предостережением — и проиграл сражение. Не ввязываясь в ближний бой, предупреждал Смргол, а шевели мозгами...

И тут надежда все-таки вспыхнула. Джим *увидел* свой последний и единственный шанс. Голова его была повернута в сторону, и он видел сгущающийся туман. Он перестал сопротивляться и зашарил передними лапами по земле. Какое-то длившееся

вечность мгновение он ничего не мог нащупать. Затем правая лапа наткнулась на что-то твердое, а глаза уловили блеск металла. Неуклюжими лапами Джим ухватил обломок копья, выдернул из земли и, собрав последние силы, вонзил его монстру в грудь.

Исполинское тело изогнулось и задрожало. Из идиотского рта выплеснулся дикий крик. Огр выпустил Джима, отпрянул назад и поднялся на ноги. Огр вновь завопил и зашатался, как пьяный; руки его накрыли обломок копья. Монстр попытался его выдернуть и закричал снова, а потом опустил уродливую голову и, как раненое животное, принялся грызть зубами древко. Затем он издал последний крик и рухнул на колени. Медленно, как плохой актер в старом фильме, он перекатился на бок и выпрямил ноги, словно их сводила судорога. Крик застрял в горле, черная кровь потекла из уголка рта. Наконец он замер.

Пошатываясь, Джим поднялся на ноги и осмотрелся вокруг.

Туман рассеивался. В сумеречном скупом свете рассвета были видны и каменистый склон, и Башня. В рыжеватом отблеске заката Джим увидел мертвого, перерубленного надвое червя. Арагх лежал, скалясь в улыбке. Брайен, в окровавленных, измятых доспехах, устало стоял в нескольких футах от Каролинуса, опершись на искривленный меч. Дэффид лежал на земле, рубашка его была разодрана, а на груди распласталась безжизненная голова гарпии. Даниель стояла над валлийцем, не выпуская из рук лука, с наложенной на тетиву стрелой. Затем она медленно опустила оружие, отбросила в сторону и опустилась на колени рядом с поверженным лучником.

Чуть поодаль Секох приподнял окровавленную голову над лежащими без движения телами Смргола и Брайгха. Водяной дракон обалдело и отрешенно уставился на Джима. Тот подошел к ним.

Он посмотрел на двух громадных драконов и увидел, что челюсти Смргола мертвой хваткой сомкнулись на горле Брайгха. Шея молодого дракона была сломана.

— Смргол,— хрипло позвал Джим.

— Нет,— задыхаясь, отвечал Секох.— Бесполезно! Он умер... Я выманил другого. Смргол вцепился ему в горло и не выпускал до самой смерти...— водяной дракон разрыдался и опустил голову.

— Все они сражались достойно,— произнес странный и резкий голос.

Джим обернулся и увидел рыцаря. Брайен снял шлем; на фоне растрепанных каштановых волос лицо его казалось белым, словно морская пена. Невилл-Смит выглядел стариком; щеки его впали, он покачивался от усталости.

— Мы победили,— сказал Каролинус.— Но дорого заплатили за это!

Маг повернулся к Даниель. Джим и рыцарь гоже обернулись. Девушка сидела рядом с Дэффидом, оттащив в сторону гарпию и сняв с лучника разодранную в клочья рубашку. Наполненный

водой шлем Брайена лежал рядом, и Даниель осторожно промыла кровоточащую царапину, протянувшуюся от левого плеча до живота валлийца.

Джим, волшебник и рыцарь подошли к ним. Телосложению Дэффида мог позавидовать любой мужчина. Валлиец являл собой идеал для скульптора. Но из мощной мускулатуры груди, живота и рук была высосана жизнь. Тело обмякло и лежало неподвижно.

— Ты желаешь невозможного, — слабо произнес Дэффид. И если бы не полная тишина, то трое Соратников не смогли бы расслышать слов. — Маг говорил, их укусы смертельны. И я чувствую, что смерть пришла.

— Нет, — взмолилась Даниель, омывая рану, оставленную зубами гарпии.

— Это правда, — настаивал Дэффид. — Хотя так хотелось бы ошибиться — ведь я люблю тебя. Но к каждому лучнику в конце концов приходит смерть. Я всегда знал это. И доволен.

— Теперь ты не лучник, — ровным и собранным голосом отвечала Даниель. — Я произвела тебя в рыцари. Ты — рыцарь, а рыцарю не полагается покидать даму без ее разрешения. И я не хочу, чтобы ты покинул меня. Я не позволю, чтобы ты ушел!

Сила девушки поразила Джима, несмотря на слова Брайена о том, что Даниель стреляет из стофунтового лука. Она легко приподняла Дэффида и прижала к груди.

— У меня есть ты, — сказала Даниель. И хотя глаза ее оставались совершенно сухими, а голос звучал спокойно, он заставил Джима содрогнуться. — Я не отдам тебя никому... даже смерти. Если только ты не захочешь сам уйти от меня. Скажи, хочешь ли ты уйти от меня? В любом случае, я запрещаю тебе умирать!

Дэффид слабо улыбнулся.

— Понятно... — сказал он и замолчал.

Джим готов был поверить, что это слово — последнее, произнесенное лучником. Но валлиец заговорил снова.

— Значит, ты вправду хочешь, чтобы я жил. Значит, смерть попытается забрать меня против воли. Но я сомневаюсь, что это ей удастся. Никому еще не удавалось навязывать мне свою волю.

Он закрыл глаза, прислонил голову к груди девушки и замолчал. Лишь грудь его медленно поднималась и опускалась при каждом вдохе и выдохе.

— Он будет жить, — пообещал Каролинус. — Он не просил наград, чтобы прийти сюда, и даже Департамент Аудиторства не может запросить за него цену, хотя он и внес свой вклад в победу.

Девушка не ответила волшебнику, а только еще сильнее обняла Дэффида. Казалось, так она может сидеть вечно. Джим, Брайен и маг обернулись к Арагху и Секоху, который поборол вспышку горя и теперь тихо сидел с телом Смергола.

— Мы победили, — объявил Каролинус. — И на нашем веку это место не заполнится Силами Зла; им не вырваться на свободу. —

Он повернулся к Джиму. — А теперь, Джеймс, — сказал он. — Ты хотел вернуться домой. Путь открыт.

— Отлично, — сказал Джим.

— Домой? — спросил Брайен. — Прямо сейчас?

— Сейчас, — сказал Каролинус. — С самого начала он желал возвращения домой, сэр рыцарь. Не опасайся — дракон, настоящий владделец этого тела, запомнит все происшедшее и будет твоим другом.

— Опасаться? — Брайен отыскал-таки искорку энергии и вновь заговорил высокомерно. — Я не боюсь драконов, черт подери! Просто... Мне будет не хватать тебя, сэр Джеймс!

Джим посмотрел на Брайена и заметил, что в глазах рыцаря заблестели слезинки. Зарывшись в свои изыскания о средневековье, он как-то позабыл, что люди тогда плакали так же естественно, как и смеялись. Но — с позиций человека двадцатого столетия — он ощутил некоторую неловкость.

— Ну, ты знаешь... — пробормотал он.

— Джеймс! — Брайен вытер слезы платком, подаренным Герондой де Шане. — Надо, так надо! В любом случае, из уважения к старику, — он кивнул на мертвого Смргола, — я сделаю все, что в моих силах, чтобы осуществился союз людей с драконами. Я буду часто встречаться с владельцем тела, в котором ты находишься...

— Он был великим драконом! — воскликнул Секох, глядя на тело Смргола. — Впервые в жизни он заставил меня поверить в свои силы. Я свято выполняю все его заветы!

— Ты поедешь со мной и будешь вести переговоры от имени драконов, — предложил Невилл-Смит. — Ну что ж, Джеймс. Пришло время проститься.

— Энджи! — закричал Джим, внезапно вспомнив о девушке. — Прости, Брайен! Но я должен забрать из Башни Энджи.

Он побежал.

— Обожди! — приказал Каролинус.

Джим остановился. Маг повернулся к Башне и поднял жезл:

— Отдайте! — закричал он. — Вы побеждены! Отдавайте! Соратники ждали.

Ничего не произошло.

Каролинус еще раз ударил жезлом по песку.

— Отдавайте! — прокричал он.

Они ждали. Медленные секунды растянулись в минуты.

— Клянусь Всемогущими Силами! — В голос Каролинуса внезапно вернулась прежняя мощь.— Расценивать ли это как оскорбление? Департамент Аудиторства!

И тогда произошло то, что Джим запомнил на всю жизнь. Без предупреждения заговорила вся земля, заговорило море, заговорили небеса! И заговорили тем басистым голосом, который Джиму уже пришлось слышать в присутствии Каролинуса. На сей раз в нем не слышались ни нотки юмора, ни оттенки извинения.

— *Отдавайте!* — скомандовал голос.

В ту же секунду что-то темное отделилось от мрака сводчатого входа в Башню. Паря в воздухе, предмет плавно, но быстро приблизился к Соратникам. Это была циновка, сплетенная из еловых ветвей; иголки оказались зелеными и свежими. И на ней, закрыв глаза, лежала Энджи.

Циновка подлетела и опустилась на землю возле ног Джима.

— Энджи! — воскликнул он и склонился над девушкой.

На мгновение глубокий страх сковал все его существо, однако потом Джим заметил слабое, но ровное дыхание. Девушка спала. Он пристально вглядывался в нее, и Энджи, наконец, открыла глаза.

— Джим,— тихо сказала она, вскочила на ноги и крепко обняла дракона. Сердце Джима бешено заколотилось. За последние дни он совсем не думал о ней и не предпринял ни единой попытки освободить девушку раньше.

— Энджи,— нежно проговорил он.— Но вдруг неожиданная мысль молнией пронеслась в голове:— Как ты узнала меня, Энджи? Как ты отличила меня от другого дракона?

Она лукаво посмотрела на Джима и расхохоталась.

— Элементарно! — воскликнула она.— Какая уж может быть ошибка, когда я все время находилась в твоём сознании...— Она осеклась и осмотрела себя:— Я вернулась в свое тело! Это лучше! Гораздо лучше!

— В сознании! Тело? — Мозг Джима яростно выбирал очередность вопроса.— А в чьем теле ты находилась, Энджи?

— В твоём, разумеется,— сообщила девушка.— Я находилась в твоём сознании, в твоём мозгу. Следовательно, и в твоём теле... или теле Горбаша, если быть до конца точной. Находилась... если это не сон. Нет. Вы все здесь, как и должно быть: Брайен, Дэффид, Даниель и остальные.

— Но как ты оказалась в моём сознании? — спросил Джим.

— Темные Силы, или как там они себя еще называют, пере-

местили меня туда,— сообщила она.— Сперва я ничего не понимала. После того, как Брайгх доставил меня в Башню, я захотела спать и прилегла на эти еловые ветки. А когда пришла в себя, то уже оказалась в твоём сознании, наблюдая за происходящими событиями. Я знала все твои мысли и почти могла разговаривать с тобой. Сперва я подумала, что произошла какая-то накладка — возможно, Генсслер пытался вернуть нас назад и наши сознания переплелись во время эксперимента. Но затем я поняла...

— Что?

— ...что Темные Силы забросили меня в твоё сознание.

— Темные Силы? — спросил Джим.

— Безусловно,— спокойно ответила Энджи.— Они рассчитывали, что я жажду скорейшего спасения и потому буду всячески подстегивать тебя, уговаривать в одиночку прилететь к Презренной Башне. В полудреме я слышала, как некий голос перечислял Брайгх способы заманить тебя сюда — одного, без Соратников.

— Но откуда они узнали? — хмуро спросил Джим.

— Не знаю,— ответила Энджи.— Но когда я вспомнила этот разговор, несложно было догадаться, кто перенес меня в твоё сознание и почему. Я не могла напрямую разговаривать с тобой, но передавать свои чувства мне оказалось под силу. Хотя временами приходилось нелегко. Вспомни, когда Брайен говорил, что ему надо испросить разрешения Геронды, прежде чем стать Соратником, и что вам сперва надо отправиться в Малвернский замок? Вспомни угрызения совести, овладевшие тобой при мысли, будто ты бросаешь меня в Башне. В тот момент я только-только пробудилась ото сна и слабо разбиралась в происходящем. Затем я поняла, что ты подвергаешься куда большей опасности, отправившись к Башне в одиночку. Я вспомнила настоятельный совет Каролинуса подыскать Соратников. И вспомнила подслушанный разговор в Башне. После этого несложно было правильно оценить ситуацию. Я перестала побуждать тебя немедленно бросить все и отправиться спасать меня. У тебя сразу же отлегло от души, и ты согласился последовать за Брайеном в Малвернский замок.

Энджи замолчала. Джим смотрел на нее. В мозгу роем клубились вопросы, но он не знал, какой задать первым. При сопоставлении с масштабами этого мира Энджи стала казаться выше ростом. Он считал, будто Даниель слишком высока для женщины, но Энджи оказалась одного с нею роста. Но не проиграла от этого, а наоборот...

Каролинус прищелкнул языком.

— Два сознания в одном теле! — сказал он, покачивая головой.— Весьма необычный феномен! Весьма! Темные Силы отважились на громадный риск. Чисто технически, разумеется, проделать сей фокус элементарно, но...

— Постой! — вновь обрел голос Джим.— Энджи, но ведь и Горбаш находится в моём сознании?

— Не знаю. Но он где-то там был,— подтвердила Энджи.—

Он уже сидел в твоём сознании, когда я присоединилась к вам. Но я не пыталась связаться с Горбашом. Ты каким-то образом заблокировал его.

Джим содрогнулся в душе. Когда Энджи заговорила о Горбаше как о третьей составной части его сознания, он почти физически ощутил присутствие владельца тела. Горбаш, очевидно, вернулся в сознание еще в драконьих пещерах, когда Джима нокаутировала некая невидимая сила. Джим ощущал, как стремится Горбаш вновь стать хозяином своего тела.

— *Трое!* — вскричал Каролинус, в недоумении уставившись на Джима.

— Что ты подразумеваешь под блокировкой? — спросил Джим у Энджи. Слабые угрызения совести по отношению к дракону зашевелились в его душе.

— Другого термина не подыскать, — отвечала Энджи. — Ты словно удерживал сознание Горбаша внутри своего — это наиболее точное разъяснение, которое я могу дать. Я этого не видела и видеть не могла, лишь ощущала происходящее. Он оставался бессильным до тех пор, пока ты не начинал предаваться эмоциям и не забывал о его существовании.

— *Трое!* — повторил Каролинус. — Три сознания в одном мозгу! Темные Силы перестарались! Департамент Аудиторства, записываете ли вы...

— Не их вина, — раздался из воздуха голос.

— Нет?

— Горбаш оказался там, но не по вине Темных Сил, — разъяснил представитель Департамента Аудиторства. — Они подсадили сознание Энджи к сознанию Джеймса, но ответственность за присутствие сознания Горбаша лежит вне области влияния нашего Департамента.

— Запутанная история? — спросил Каролинус.

— Безусловно. Принцип часового механизма: колеса внутри колес. И если ты приступишь к безотлагательному исправлению ситуации...

— Непременно, — заверил маг. Он повернулся к Джиму и Энджи. — Итак, чего вы хотите? Вернуться домой?

— Да, — сказал Джим. — Немедленно.

— Отлично, — сказал Каролинус. Он взглянул на Энджи. — И ты желаешь вернуться назад?

Но прежде чем ответить, она взглянула на Джима.

— Я хочу того же, чего хочет Джим.

Джим ошарашенно уставился на Энджи.

— Ну и ответ, — сказал он. — Поясни.

— Понимай дословно, — упрямо произнесла Энджи. — Я хочу того же, чего хочешь ты. Вот и все!

— Разумеется, я хочу вернуться домой.

Энджи отвела взгляд.

— Превосходно, — сказал Каролинус. — Соизвольте подойти и встать рядом.

— Обожди! — заспорил Джим. — Не торопи, волшебник! Он повернулся к Энджи.

— В чем дело? — спросил он. — Мы возвращаемся обратно — и как можно скорее. Разве существует выбор?

— Выбор есть, — раздраженно возразил Каролинус.

Джим метнул взгляд на мага. Старик выглядел усталым и рассерженным.

— Разумеется, существует выбор! — повторил Каролинус. — Ты заработал достаточный кредит в Департаменте Аудиторства и теперь можешь или полностью истратить его на возвращение, или, оставшись здесь, разумно потратить на обустройство новой жизни. Решать тебе. Выбирай!

— Оставайся, Джеймс, — быстро проговорил Брайен. — Маленконтри может принадлежать вам с леди Анджелой. Наше обещание осталось в силе. Объединившись, наши семьи и владения станут достаточно сильны, чтобы оказаться не по зубам любым врагам.

Арагх прорычал нечто неразборчивое. А когда Джим посмотрел на волка, тот отвернул морду в сторону.

Джим повернулся к Энджи. Противоречивые чувства бурлили в его душе.

— Пойдем, — позвала Энджи и положила руку на массивное плечо дракона. — Пройдемся и поговорим.

Она отвела Джима к обочине дороги. Они остановились у самой воды; Джим слышал, как крохотные волны бились о кромку берега. Он посмотрел в глаза девушке.

— Ты знала все о моих поступках? — спросил он.

— Обо всех поступках и мыслях, — кивнула Энджи.

— Хм-м, — Джим вспомнил несколько крамольных мыслей о Даниель.

— Поэтому и предлагаю хорошенько подумать.

— Но чего хочешь *ты*? — настаивал он.

— Я уже высказалась — того же, чего и ты. Вот только чего хочешь *ты* сам?

— Разумеется, вернуться в цивилизованный мир. Думаю, это обоюдное стремление.

Она не ответила, и это раздражало — молчание раздражает всегда, особенно в критических ситуациях.

— Хм-м, — ворчливо промычал он.

Бессмыслица, думал Джим, странно полагать, что он захочет остаться. В Ривероуке его ждала работа, а рано или поздно они все-таки подыщут квартиру. Ничего шикарного, но однокомнатная с кухонькой будет вполне приемлемым вариантом. А позже, добившись повышения по службе, они найдут что-нибудь получше. К тому же их поджидали все блага цивилизации: врачи, дантисты, бухгалтеры, адвокаты, летние отпуска, когда люди оказываются вольны, как птицы.

К тому же все их друзья остались там. Боб Уинслоу, Алекс Фистман, Кирк Гурвич и... Генсслер... А здесь? Горстка странных, подозрительных типов, с которыми они познакомились какую-то неделю назад: Брайен, Арагх, Каролинус, Даниель, Дэффид, драконы...

— К черту! — выругался Джим.

Он обернулся и энергично зашагал к Каролинусу. Энджи бежала рядом с ним. Однако никто не обращал на них внимания. Все следили за приближающимся отрядом во главе с Жилем Волдским. Как воинское подразделение отряд представлял жалкое зрелище. Многие были ранены, но, несмотря на усталость, на лицах разбойников играли улыбки. Они рассказывали о сражении, о том, как разбитый наголову отряд сэра Хьюго бросился в бегство по направлению к замку Маленконтри.

— А сам сэр Хьюго? — спросил Брайен.

— Живой, бес ему в ребро, — отозвался Жиль. — Когда я в последний раз видел мерзавца, он еле держался в седле. Один из моих парней проткнул его копьем, и сэр Хьюго потерял много крови. Уцелело меньше половины его отряда.

— Мы захватим Маленконтри, прежде чем он успеет восполнить потери, — воскликнул Невилл-Смит. Затем, нахмурившись, он нерешительно посмотрел на Джеймса Эккерта. — Так можно поступить, если появится причина...

— Я остаюсь! — выпалил Джим.

— Ура! — закричал рыцарь, подбросил шлем в воздух и поймал его. Он вел себя, как двенадцатилетний мальчишка.

— Прекрасно! — чопорно заявил Каролинус. — Если ты остановился на этом решении, то истратишь не весь кредит, чтобы переместить в наш мир свое настоящее тело. Но того, что останется, будет недостаточно для возвращения, если ты вдруг передумаешь. На жизнь тебе хватит, но на возвращение обратно — нет.

— Я понял. Разумеется, я все понял.

— Превосходно. Отойдите назад. Отойти всем! Сейчас из одного тела возникнут два! Приготовились... — Каролинус поднял жезл и с силой опустил его на землю. — Дело сделано.

Окончательно и бесповоротно.

Джим моргнул. Он смотрел в раскрытую драконью пасть. Острые клыки дракона находились в каких-нибудь шести дюймах от его лица. В руках Джим держал подушку. И почему-то был облачен в больничную пижаму.

— Что ты себе позволяешь? — клацнули драконьи челюсти. Джим отступил на несколько шагов — частично чтобы не оглохнуть, а частично — чтобы лучше разглядеть стоящее перед ним существо.

— Горбаш? — выдавил он.

— Не притворяйся, будто не знаешь меня! — рявкнул дракон, которого Джим видел теперь целиком.

Горбаш оказался огромным, свирепым на вид существом — куда более свирепым и огромным, чем представлял Джим, исходя из опыта пребывания в его теле.

— Ра... разумеется, я знаю тебя,— пролепетал Джим.

— Еще бы! А я знаю *тебя*. Вынужденно. Что за непозволительная наглость! Ты без разрешения вселяешься в тело, вытворяешь с ним черт знает что, а когда появляется настоящий владелец, стыдливо отводишь глаза в сторону, делая вид, будто с ним незнаком? Твои выкрутасы — это отдельный разговор. Какому только риску ты не подвергал мое тело! Чего оно только не натерпелось за первые два дня, когда в него нахально влез джордж! — Горбаш обернулся, ища поддержки у остальных. — Он заткнул мне пасть! И не позволил даже мускулом пошевелить! И это в собственном-то теле! Затем, прежде чем я сообразил, что к чему, он камнем свалился с утеса и начал дико размахивать моими крыльями. Я едва успел войти в ритм, а скалы уже лежали в десяти футах. Затем маг чуть не превратил нас в жука. Затем он долетался до того, что на следующий день мне было крыльев не разогнуть. Затем, вместо отдыха, он бросился в воду и поплыл. Замечу, поплыл через болотные озера. И плевать хотел на наши лапы. Плевать хотел на злых морских черепах и гигантских миног, что приносит прилив. И это только начало. Затем...

— Я попал в твое тело не по своей воле,— запротестовал Джим.

— Но с первой же секунды вел себя, как хозяин! С первой же минуты! И не перебивай! — взревел Горбаш, продолжая апеллировать к публике. — И это только начало! Нас чуть не загрызли сандмирки. Он допустил, что джордж почти насмерть проколол нас рогом. И, заметьте, ни крошки, ни куска мяса, ни глотка вина за все это время... эгэ... На постоялом дворе, правда, я немного утолил голод. Но это не в счет!

— Как же! — воскликнул Секох. — Я наслышан о пире в погребках постоялого двора. Нежнейшее мясо, без сухожилий и костей! И легкое, пряное вино! И не Джеймс опустошил винный погреб трактирщика. Я не стану показывать лапой на истинного...

— ЧТО! Заткнись, водяная крыса! — прогремел Горбаш.

Секох резко подпрыгнул и приземлился перед мордой Горбаша, который инстинктивно отпрянул назад.

— И не подумаю! — взревел Секох. — Сам ты крыса! Я — дракон, хоть и родился на болотах!

— Крыса! Предупреждаю в последний раз... — зловеще произнес Горбаш и, изогнув спину, открыл пасть.

— Не напугаешь! — хладнокровно воскликнул Секох. — Времена изменились. Твой дядюшка научил меня не пресмыкаться ни перед кем. Смерть, но не бесчестье! Я насмерть сражался с драконом — таким же большим, как ты. То есть я помогал твоему дядюшке сражаться с ним. Он не испугал меня, как не испугали твои ужимки. Ты не сделал ничего. Сэр Джеймс распоряжался

твоей тушей по своему усмотрению. Но теперь лет сто именно ты будешь кичиться своей победой над огром. Это твое дело, но не смей давить на меня! А то вмиг крылья оборву!

И Секох зарычал Горбашу в морду. Тот опешил и растерянно закрутил головой.

— Да, и еще! — добавил Секох. — Постыдился бы! Останься твой дядюшка жив, он бы наверняка так тебе и сказал! Он-то был настоящим драконом! А ты — обычная жирная пещерная ящерица. Джеймс прославил тебя, а ты осыпаешь его упреками и жалобами...

— Ха! — но в голосе Горбаша не слышалось прежней силы и уверенности. Он отвернулся от Секоха и посмотрел на остальных. — Что стоят мысли поганого водяного дракона? Вы, как свидетели, видели, что вытворял с моим телом джордж.

— И правильно поступал! — взорвалась Даниель. — Будь моя воля, к огру я бы тебя не подпустила и на милую.

— Я...

— Горбаш, — хмуро добавил Арагх, — с мозгами у тебя всегда было хуже некуда...

— Но я...

— Я не позволю, чтобы в моем присутствии оскорбляли сэра Джеймса, — заявил Брайен. — Еще одно грубое слово об этом доблестном рыцаре и галантном джентльмене, дракон, и я пушу в ход свой меч, изрядно погнутый о червя.

— А я помогу! — добавил Секох.

— Довольно! — приказал Каролинус. — Драконы, рыцари, вы считаете, что в мире существуют одни лишь битвы. Вы готовы по пустякам безоглядно бросаться в сражения! Довольно крови! Горбаш, еще одно слово — и я превращу тебя в жука!

Горбаш поник и обмяк, словно проколотый воздушный шар. Он уселся на задние лапы, а из горла раздалось всхлипывающее бульканье.

— Перестань лить слезы! — более мягким тоном сказала Даниель. — И перестань нести чушь направо и налево.

— Но вы ничего не знаете! — завывал басом Горбаш. — Никто из вас ничего не знает! Никто не понимает, что я пережил. Я чистил мои бриллианты... мои щитки, как вдруг неведомая сила перенесла меня в крошечную комнату волшебника. А этот джордж, не знаю маг он там или нет, склоняется надо мной. Естественно, я встал и принялся раздирать его на куски. Но, увы, колдовство вогнало меня в тело джорджа. О каких когтях и клыках приходится говорить... Сбежались джорджи и принялись выкручивать мне лапы, но я вырвался и выбежал из замка. За мной погнались джорджи, одетые в голубое и вооруженные дубинками, загнали в угол и заехали по голове малюсенькой дубинкой. Никчемная голова джорджа не выдержала и такого слабого удара. Очнулся я в своем теле. Но мой новый сожитель, джордж по имени Джеймс, опередил меня. Он загнал меня в угол, а я бессилен был что-либо сделать!

Свобода наступала, когда он, увлекшись, забывал обо мне. Во сне тоже ничего нельзя было предпринять. Тело засыпает — и я вместе с ним. Мы расслабились на постоянном дворе, когда выпили немного вина. И если бы я не был так голоден, то...

— Горбаш,— сказал Каролинус.— Довольно.

— Довольно? Ладно.— Горбаш всхлипнул и замолчал.

— Кстати о вине, Маг, — хрипло сказал Брайен.— Не можешь ли ты помочь? Мы не ели целый день и целую ночь. И целый день мы не пили ничего, кроме воды, которую с трудом отыскивали. На болотах редко встретишь озерца с пресной водой.

— К тому же, — раздался звонкий голос Даниель; она сидела рядом с лучником,— Дэффиду требуется кров и тепло очага. И он не в состоянии путешествовать. Не может ли Департамент Аудиторства помочь ему — после всего, что он сделал?

— Его кредит находится в другой области,— разъяснил Каролинус.

— Маг, — вмешался Джим,— ты упомянул, что в Департаменте Аудиторства за мной еще числится кредит — даже после транспортировки тела. Воспользуемся им. Накормим, напоим и дадим кров всем.

— Ну, это возможно...— ответил Каролинус, покусывая бороду.— Однако Департамент Аудиторства не содержит кухни и погребов с припасами. Но, воспользовавшись кредитом Джеймса, я перенесу компанию туда, где вас накормят и напоят.

— По рукам,— сказал Джим.

— По рукам! — Каролинус поднял жезл и ударил им о землю.— Сделано!

Джим огляделся вокруг. Они уже не стояли на дороге, затерянной среди окружающих Презренную Башню топей. Они очутились перед уютным заведением трактирщика Дика. За верхушками деревьев розовел на западе закат; подступали легкие сумерки. Из открытой настежь двери донесся аппетитный запах жареного на вертеле мяса.

— Добро пожаловать, путешественники! — закричал Дик, выбегая на порог двери.— Добро пожаловать на мой постоянный двор, кем бы вы ни были...

Он замолчал, глаза округлились, а челюсть отвисла.

— Небеса, помогите мне! — закричал он, оборачиваясь к Брайену.— Сэр рыцарь! Сэр рыцарь, жальтесь! Мне не прокормить такую орду! И пусть ты хоть трижды обручен с миледи из замка! Я бедный трактирщик, и погреба мои скудны. И вдобавок к одному дракону ты привел второго! А у первого, я помню, завидный аппетит.— Он оглядел Энджи и Джима, одетого в больничную пижаму.— Джентльмен и леди? — вопросительно произнес он и поспешно добавил:— И, разумеется, маг. И остальные...

— Дик,— строго выговорил Брайен.— Этот джентльмен — барон Джеймс Эккерт Ривероукский, с которого снято колдовское заклятие, превратившее его в дракона. Он убил огра из Презрен-

ной Башни и победил Темные Силы, которые угрожали человечеству. Это его невеста леди Анджела. С Горбашом, так зовут дракона, ты встречался. На его теле остался шрам от копья сэра Хьюго. Рядом с ним стоит Секох, дракон озер и болот. И несмотря на скромные размеры, он достойно проявил себя на поле брани.

— Несомненно, несомненно! — запричитал Дик, горестно заламывая руки. — Весьма почтенная компания! Но, сэр рыцарь, на сей раз кто-то же обязан заплатить мне... Я настаиваю.

— К несчастью, Дик, — сказал Брайен, — даже войдя в твоё положение и понимая, какое неудобство причинит наш отряд, я не смогу заплатить по счету. Увы, человек я небогатый, как ты знаешь. Тем не менее, поступим, как несколько дней назад. Я дам клятву...

— Со всем уважением, сэр рыцарь! Но какой прок от клятв! — завопил Дик. — Не стану я кормить постояльцев клятвами, оставшимися после вашего пребывания. А если я не смогу накормить путешественников, то какая участь ожидает меня и мою семью?

— Каролинус, — подмигнул Джим. — Кажется, я израсходовал не весь кредит? Оплатим счета Дика?

— Этот кредит иного рода, — вздохнул Каролинус. — В человеке образованном и сведущем, Джеймс, подобное невежество просто ужасает.

— Хозяин Дик, — сказала Даниель. Её голос зазвенел в воздухе зловеще, как тетива лука. — Ты вправе отказать в пище и крове мне и остальным. Но Дэффиду нужны еда и тепло очага. Я предупреждаю, что в случае отказа не остановлюсь ни...

— Нет необходимости, — прорычал Арагх. — Хотя в случае потасовки Английский волк на твоей стороне. Но проблема в том, что Горбаш может оплатить лучшие вина и яства для всех нас. И он так поступит, загрызи меня сандмирк!

— Я? — Горбаш застонал, словно могучая рука огра ударила его в солнечное сплетение. — Я? Я беден, как вошь. За всю жизнь я не набрал мало-мальски достойного дракона сокровища...

— Лжешь! — закричал Секох. — Ты ближайший и единственный родственник покойного Смергола. Твой дядюшка по-родственному сообщил тебе, где запрятал сокровища. Он умер стариком и был очень богат. За долгие годы он сколотил колоссальное состояние. Не приbedняйся, Горбаш! Ты — богатый дракон.

— Но я... — начал было Горбаш.

— Горбаш, — сказал Арагх. — Долгие годы я был твоим единственным другом — не считая, разумеется, твоего дядюшки; его ты сегодня потерял. Ты в долгу перед Джеймсом и остальными, сделавшими твою жизнь безопасной и коснувшимися тебя аурой своих мужества и храбрости. И самое меньшее, что ты можешь сделать, чтобы отдать хоть малую толику долга — это перестать ныть о крохах, которые выложишь трактирщику. Если откажешься, то забудь о дружбе и загнивай в своё удовольствие один.

— Арагх, — начал было Горбаш, но волк уже повернулся

к нему спиной.— Обожди, Арагх! Разумеется, я не... Разумеется, я с удовольствием устрою пир в честь моего дядюшки, который убил огра у Башни Гормли, а сегодня почил самым вечным из крепких снов. Что еще я могу сказать? Хозяин, лучшие вина и яства на стол! Я расплачусь с тобой золотом до отъезда.

Как во сне, Джим вошел за Даниель на постоялый двор. Дэффида уложили в кровать, разожгли камин и оставили на попечение Даниель. В другой комнате Джим вел сражение с кипой одежды, которую принесла из подвала услужливая прислуга. Он одержал победу и вышел на двор в богатых одеждах. Энджи держала его под руку. Столы и скамейки были убраны скатертями и приготовлены к пиру.

За время их отсутствия солнце закатилось за горизонт и наступила ночь. Огромные факелы, стоящие в подставках, образовали пещеру тепла и света. Их пламя трещало и искрилось вокруг длинного стола. Стол ломился от запеченного мяса, ветчины, фруктов, сыра и других яств, а в дальнем конце красовался пузатый бочонок — уже пробитый и со вставленным в него крапом — и шеренга кружек, больших и маленьких, для драконов и людей.

— Превосходно! — весело воскликнул Брайен. Джим и Энджи обернулись и увидели выходящего из дверей рыцаря, взгляд которого был прикован к столу.— Дик отослал слуг к Геронде. Скоро она к нам присоединится. Дик потрудился на славу. Как полагаешь, Джеймс?

Невилл-Смит тоже переоделся. Он снял доспехи, и теперь на нем красовался алый плащ, которого Джим раньше никогда не видел. Он подозревал, что рыцарь воспользовался гардеробом трактирщика. На широком узорчатом кушаке, обмотанном вокруг тонкой талии, висел кинжал в золоченых ножнах, украшенных костью. Сэр Брайен Невилл-Смит поражал благородством и величием. Один его вид напомнил Джиму о собственных недостатках.

— Брайен...— неловко начал Джим.— Выслушай меня. Я не владею мечом, копьем, щитом. Я многого не знаю. И не представляю, какую пользу могу принести, будучи твоим другом. Я не обучен тому, что ты считаешь обычным и повседневным. Увы, я лишился тела Горбаша с его прекрасной мускулатурой...

— Джеймс,— улыбнулся рыцарь.— Я буду польщен обучить тебя искусству владения оружием и всему тому, что полагается знать джентльмену твоего ранга. Что касается мускулов... То человеку с таким ростом и телосложением будет несложно достойно себя проявить.

— Роста и телосложения? — Джим повторил слова и осознал ту суть, которую вкладывал в них Брайен.

Он видел, как изменилась в сопоставлении с новым миром Энджи. Он сравнил себя с Брайеном и заключил, что рыцарь телосложением похож на четырнадцатилетнего подростка.

Он понял все.

Джим позабыл об одном факте. Или, точнее, о нескольких

фактах: средневековые доспехи, виденные им в музеях, чертежи средневековых кораблей, здания и мебель... В средневековые средний рост человека был гораздо ниже роста человека двадцатого столетия. В свое время Джим был физически ничем не примечателен. Здесь же он оказался гигантом.

Он открыл было рот, чтобы пуститься в разъяснения, но почувствовал, как рука Энджи предостерегающе сжала его локоть. Начали появляться остальные. Из двери вышли Даниель и Жиль Волдский, а следом за ними Каролинус. Подросли двое сыновей хозяина Дика и расставили на столе деревянные тарелки и кубки. На террасе виднелись огромные очертания Горбаша и Секоха; Арагх, незаметно улизнув, присоединился к ним. На сломанную лапу Английского волка уже была наложена чистая повязка.

— Трактирщик говорит, что все готово,— прорычал он.

— Возблагодарим Господа! — воскликнул Жиль. Изъеденное ветрами и выдубленное солнцем лицо разбойника расплылось в улыбке.— Из-за нехватки мяса и вина мы чуть не проиграли финал сражения.

— Амины! — сказал Брайен. И, чуть прихрамывая, первым подошел к столу.— Присаживайтесь, друзья, и да будем веселы! Мы пережили столько боли и мучений, так неужели у нас не хватит воли, чтобы получить наслаждение от пира и общения, честно заработанных всеми нами?!

Гордон Р. ДИКСОН

ЛИШЬ ЧЕЛОВЕК!

Фантастический роман

*Там, за невидимой линией — планеты и
солнца иноразумных. Но эти звезды —
наши. И никто другой не в праве ими
распоряжаться, никто — лишь Человек!*

Кредо Хазека.

Из успешшего уже стать уютно-привычным тумана полуболи-полузабытья Каллихэна О'Рурка Уэна неожиданно вырвал толчок, за которым последовали басовитое рокотание и сильная дрожь.

«Если ума не хватает, рукам отдыха не знать», — подумал он. Подобно огоньку спички, юмор тут же погас, стояло вспомнить, как легко удался пленителям Каллихэна его арест. Фактически он сам отдался в их руки. Мысль эта угрожала стать психологическим приложением к той физической пытке, которую Каллихэну приходилось сейчас переносить.

Однако О'Рурку удалось с ней справиться — он все еще слишком твердо верил в собственные силы, сохранял убежденность, что если ему дадут время, сумеет выпутаться из любой передеряги. Тем временем он опознал характер вибрации: снова заработали двигатели ракеты «космос—атмосфера», на борту которой Каллихэн находился. Челнок готовился к посадке, завершая долгое скольжение от самой верхней точки траектории, началом которой был Нью-Йоркский комплекс. Сориентировавшись в окружающей обстановке, Каллихэн пришел в себя достаточно, чтобы еще раз почувствовать, до какой же степени ноет все тело.

Хуже всего приходилось рукам — от локтей до кистей. Заведенные за спину, они были плотно сжаты пружинными смирителями — худшим вариантом старомодных наручников. Создавалось впечатление, будто ему уже никогда не развести рук. И не удивительно — смирители не снимали уже тридцать шесть часов.

Применение смирителей допускалось законом — и Всемирная полиция в полной мере использовала это право с момента его ареста в космопорту Лонг-Айленд Саунд и на протяжении последовавших за тем полутора недель допросов. С точки зрения закона, они вовсе не подвергали арестованного пыткам.

Но фактически Каллихэн был доведен едва ли не до предела выносливости. Иногда ему либо не давали еды, либо еда оказывалась почти не съедобна — заморожена или пережарена. Его запирали в камеру, где выключатель капризно не желал срабатывать, и мощная панель освещения на потолке горела постоянно. Вделанный в стену кран отпускал воду тонкой струйкой — и лишь в случае, если под него подставляли чашку особой формы.

Но почему-то из чашки этой вода просачивалась так же быстро, как изливалась из крана. Когда О'Рурк пожаловался, ему стали приносить воду — но только по одной унции за раз, в крошечном бумажном стаканчике. Его часами напролет допрашивали или держали в смирителях, а спать давали ровно столько, чтобы он не сошел с ума. Тем не менее — и Калли это отлично понимал — если привести все голые факты в виде официального донесения, никто не сумеет доказать, будто ему не предоставили соответствующих условий для отдыха, положенных пищи и питья.

Допросы касались одной темы — Всемирная полиция подозре-

вала о существовании заговора, зревшего на Приграничных Мирах Плеяд, которые при поддержке иноразумной расы молдогов намеревались, якобы, захватить власть над тремя Старыми Мирами — Землей, Марсом и существенно терраформированной Венерой — совершить *coup d'état*, государственный переворот. Сама мысль, будто несколько миллионов человек, разбросанных по Приграничью, могут помышлять о завоевании Старых Миров, с их восьмьюдесятью с чем-то миллиардами населения, с контролем над более чем восьмьюдесятью процентами богатств и военных мощностей человечества, сама эта мысль показалась поначалу настолько смехотворной, что Каллихэну даже понадобилось некоторое время, чтобы уразуметь — допрашивающие воспринимают ее совершенно серьезно, с ним не шутят.

Да, как это ни фантастично, с ним не были намерены шутить. И поскольку Каллихэн ни сном ни духом не ведал о перевороте и потому ничего сообщить о нем не мог, его мучители, принимая невинность за отказ сотрудничать, дошли в давлении на упрямого допрашиваемого почти до предела.

Возможно, промелькнула сквозь головокружение мысль, ему следовало быть сдержаннее, не обзывать полицейских бандой параноидальных космофобов — ведь к тому времени Каллихэн уже убедился, что задаваемые ему вопросы не были просто предлогом для ареста. Впрочем, вряд ли его сдержанность в выражениях что-либо изменила бы. В любом случае, он оказался бы там, где находился сейчас: полуживой, он валялся на каких-то мешках — наверное, с почтой — у задней стенки пассажирского отсека спецчелнока Всемирной полиции. Он лежал на боку со скованными за спиной пружинными лентами смирителей руками, и краем глаза мог видеть один из иллюминаторов в кераметаллическом борту корабля.

Когда его грузили на челнок, Каллихэн был слишком слаб и даже не думал о пункте назначения. Теперь же, когда рокот двигателей и тряска заставили его прийти в себя, О'Рурк поднял голову и постарался рассмотреть что-нибудь сквозь иллюминатор.

Челнок быстро терял высоту, опускаясь к темно-синей поверхности океана, кое-где усыпанной золотистыми веснушками скопленных саргассов. И наличие саргассов, и ослепительный блеск солнца в горячем голубом небе свидетельствовали — место посадки расположено где-то в тропических широтах.

Посреди океанского простора глазам Каллихэна предстала вдруг необычная конструкция. Она напоминала морской нефтедобывающий комплекс, но размерами превышала обычный. Челнок быстро спускался, и Калли, шурясь от яростного тропического солнца, вскоре понял, что на буровую вышку конструкция похожа меньше, чем показалось вначале.

Определенное сходство, конечно, имелось. Массивную металлическую платформу с надстройками поддерживали шесть вертикальных цилиндров, которые уходили в воду в точности, как якор-

ные опоры обычной вышки. Но несмотря на туман боли и усталости, постоянно грозивший окутать его, рефлекс борьбы за выживание и уверенность в себе заставили мозг работать и сейчас; пусть медленно, но Калли все-таки сообразил: так далеко от берега — а конструкция явно должна находиться в открытом море — никакие якорные опоры не достигнут дна.

Спору нет, внешне конструкция казалась очень основательной, словно в самом деле была прочно заякорена. Но, будучи специалистом по архитектуре и неплохим инженером, Каллихэн постепенно нарисовал в уме вероятную схему ног-цилиндров. В них, очевидно, помещаются подъемники и кое-какое оборудование, и уходят они на глубину не более сотни футов. Там они оканчиваются балластом-балансиром, объем и вес которого соответствуют надводной платформе.

Такой балансир, плюс глубина — никакое волнение не достигает глубины в сто футов — будут держать надводную конструкцию не менее надежно, чем заякоренные в дно опоры. И при этом система намного удобнее в использовании. Общий баланс масс воздуха и воды удерживал верхнюю платформу на высоте футов пятьдесят-восемьдесят — вне пределов досягаемости самых яростных штормовых валов.

Вот и все, что успел увидеть и подумать О'Рурк, прежде чем напряжение не исчерпало последних резервов его сил. Он откинулся на мешки с почтой, перед глазами все завертелось и понеслось куда-то в темноту...

Он смутно помнил, как двое в знакомо-черных мундирах Всемирной полиции тащили его через металлическую палубу. Боль заставила его открыть глаза, он мельком увидел, что они находятся на той самой платформе, которую он заметил в иллюминатор. Потом его втащили в помещение с металлическими стенами, пропахшее машинным маслом, швырнули в угол и оставили лежать.

Некоторое время ничего не происходило, но вот свет померк, и комнатка начала куда-то проваливаться, словно кабина лифта. Спуск продолжался несколько бесконечных секунд, воздух быстро становился густо-теплым. Кабина остановилась, изрядно тряхнув Калли.

Очевидно, он опять потерял сознание. Потому что вдруг обнаружил, что наполовину стоит — наполовину висит в руках некоего субъекта в зеленом мундире.

Раздался удар металла о металл, и тяжелые металлические двери перед ними раскрылись.

— Давай, вываливай! — приказал конвоир.

Рука его толкнула Каллихэна; спотыкаясь, тот вывалился из кабины лифта в полумрак, пропитанный тяжелым запахом человеческого пота. Под воздействием толчка на подгибающихся ногах О'Рурк сделал полдюжины шагов, прежде чем свалился на пол. Благославляя покой, он лежал на металле палубы, и она казалась

мягче самого мягкого матраса. Он прижался щекой к прохладному металлу, словно к нежной пуховой подушке.

— Встать! — раздался откуда-то сверху и словно издалека голос охранника. Калли сделал вид, будто не услышал. Глаза постепенно привыкали к полумраку. Потом он увидел ботинки — такие делали на пограничных планетах. Владелец ботинок остановился на расстоянии фута от носа Калли, металлические оковки на носках развернулись в сторону, откуда доносился голос охранника. Послышался новый голос, не такой громкий:

— Мы присмотрим за ним, Бушер.

— Не возражаю, Джеμισон, — ответил охранник. — Чем больше, тем лучше.

С той стороны, где должен был стоять охранник, послышался звук шагов и третий голос произнес:

— Погоди-ка, Бушер! — Охранник, судя по звуку, уже направился к выходу. — Ты забыл смирители.

— Правда? Вот досада... — посочувствовал тот. — Никто не велел мне их снимать.

— Но их нужно снять сейчас же. Смотри, как врезались ленты в мышцы. Смирители на нем уже не один час.

Ботинки охранника — тяжелые, грозные — вновь оказались рядом.

— Знаешь, Джеμισон, если хочешь за ним присматривать — пожалуйста, твое дело. Но мне приказа снимать пружины не давали. И приказы я не от тебя получаю. Пока приказа не получу...

Охранник вдруг странно крикнул, почти взвизгнул и замолчал. Несмотря на боль и головокружение, Калли не мог внутренне не усмехнуться. За время следовавшей довольно долгой паузы вторая пара пограничных башмаков подтянулась поближе к первой. Калли с удивлением взирал на их размеры — едва ли они принадлежали человеку старше двенадцати лет.

— Не старайся запугать меня, Доук!

Храбрость охранника была показной — выдавал его тон.

— Сними... — Голос был странный, какой-то невыразительный, но подразумевающий громадные силу и твердость. По тембру он вполне мог принадлежать подростку, но почему-то сразу можно было не сомневаться, что он ни в коем случае не является мальчишкой. — Сними их.

Наступила недолгая тишина.

— Ему больно, — продолжал Доук. — А я очень не люблю, Бушер, ты ведь знаешь — очень не люблю, когда *ты* делаешь людям больно.

Каллихэн почувствовал, как пальцы охранника поспешно занялись замком пружинного смирителя. Гнусаво зазвенев, замок разомкнулся, и упругие металлические кольца ослабили мертвую хватку.

О'Рурк попробовал поднести руки к лицу — и горячая вспышка боли пронзила плечи, спину, все тело, словно его полоснули

сварочной горелкой. Калли страшно закричал — или ему только показалось, что он кричит? Потому что темнота, на этот раз полная, вновь охватила его со всех сторон.

2

Впоследствии Каллихэн не мог точно припомнить момента, когда снова начал воспринимать окружающее. А до того... до того он был погружен в полубессознательный бред. Перед ним, приближаясь и удаляясь, проплывали лица.

Сначала Алия Брейт, когда она еще была худеньким, больше похожим на мальчика, подростком и повсюду таскалась за ним среди заросших высокой травой холмов и полей в окрестностях столицы Калестина. Потом снова Алия, но уже взрослая — такой он видел ее два месяца назад, когда она прилетела в зону Приграничных Миров, чтобы уговорить его вернуться на Землю: бывшие распри между Старыми Мирами и Приграничем уже четыре года как улажены, и теперь Каллихэн может закончить образование — получить диплом архитектора под руководством Альберта Моннса в Мичигане, где начинал учиться.

Алия стала красавицей. Она уговорила его вернуться, но по пути на Землю, на борту корабля, странным образом переменялась: снова ударилась в политические баталии, связанные с конфликтом между Старыми Мирами и Приграничем — конфликтом, по ее же словам, давно улаженным. И наконец, лицо Алии, каким Каллихэн запомнил его после посадки... Они стояли в салоне корабля, подплывавшего к посадочному комплексу космопорта Лонг-Айленд.

— Бесполезно, Калли,— ты не изменился. Ты такой же бунтарь, каким был всегда. Наверное, нам лучше не видеться... некоторое время...— она смолкла и несколько секунд спустя добавила: — Нет, Калли, я звонить не буду. Подожду, пока ты позвонишь...

Алия ушла, отразившись в огромном настенном зеркале салона, и смешалась с толпой спешащих к выходу пассажиров. В том же зеркале Каллихэн видел собственное отражение — русые волосы, лицо с четко очерченными скулами, носом и подбородком. Он смотрел ей вслед. Потом, через несколько минут, когда Калли тоже направился к выходу на пассажирский трап, перед ним возникло лицо лейтенанта Всемировой полиции — молодое, с аккуратными усиками. Лейтенант, фланги которого прикрывали двое низших чинов в черном — один из них оказался капралом — внимательно рассматривал документы Калли, прищурившись из-под козырька форменной фуражки.

— Каллихэн Уэн? Не тот ли самый знаменитый космический угонщик, который похитил больше наших кораблей, чем любой приграничник за все время Восстания?

— Бывший угонщик. Вот мое помилование — оно подписано одним из Советников Трехпланетья, Амосом Брейтом. Что вы имеете в виду?

И вдруг О'Рурк понял. Обернувшись, он принялся искать взглядом Алию, но та уже растворилась в потоке пассажиров, текущем к зданию Вокзала. Он посмотрел на лейтенанта.

— Если вы меня арестовываете, то по какому обвинению?

— Обвинению? Что вы, сэр, никаких обвинений. Просто несколько формальных вопросов... — Лицо у лейтенанта было такое вежливое, такое честное... — Если бы вы смогли пройти с нами... это займет всего несколько минут...

Как только его провели в помещение полицейской секции Вокзала, кулак капрала, словно молот, врезал Калли по зубам. Лицо капрала, злобное, жирное... коротко подстриженные жесткие черные волосы... Второй полицейский скрутил руки О'Рурка за спиной... Капрал снова замахнулся...

— Гляди-ка! Кусаться хочет! А ну, держи его покрепче...

— Достаточно, капрал! — приказал лейтенант, поднявшись из-за своего аккуратного служебного стола. Он медленно и отчетливо выговаривал слова, повернувшись к микрофону служебного магнитофона на стене.

— Этот человек оказал вам сопротивление при доставке в кабинет, я видел его угрожающий жест. Ваш удар был вынужденной мерой самообороны. Но прошу вас, больше никакого насилия. Вы двое, наденьте ему смирители.

Холодный металл пружинистых лент смирителя коснулся кожи Калли, обхватив руки от кистей до локтей... Лейтенант, совершенно спокойный, уже сидел на прежнем месте за столом.

— Назовите ваше имя, пожалуйста.

— У вас с памятью плохо? Вы знаете, как меня зовут!

— Имя, пожалуйста...

А потом закрутился водоворот — полторы недели допросов... Кошмарные видения постепенно растворились в темноте — силы оставили Каллихэна, и он погрузился в сон без сновидений.

Ясность сознания возвращалась медленно, будто он всплывал из мрачных глубин к поверхности и солнечному свету. Но когда она вернулась, он был, наконец, свободен от боли, и обрел относительный душевный покой.

В конце концов, Каллихэну удалось разложить факты по полочкам в соответствующем порядке. Алия хитростью заманила его на Землю, чтобы власти Старых Миров, страдавшие в нынешнее время явной манией преследования, получили возможность посадить его за решетку. Ведь во время Приграничного Восстания не было у них в пятке занозы противнее, чем Калли. Теоретически Восстание завершилось шесть лет назад, после подписания Билля о Согласии.

Правда, теперь Каллихэн понимал, что нельзя во всем винить одну Алию. Ведь она по-прежнему оставалась дочерью Амоса

Брейта, в прошлом — губернатора Калестина и опекуна Калли, а ныне — старшего члена Трехпланетного Совета, правящего Землей, Марсом и Венерой. Алия была преданной дочерью, и отец мог оказать на нее давление, принудить к поступку, который она совершила.

Если так, Алия не стала его, Калли, врагом. Ей лишь пришлось уступить доводам отца, а это дело поправимое. Главное, ему нужно увидеться с ней, объяснить, что ее ввели в заблуждение. Придя к этому выводу, О'Рурк почувствовал, как внутри разгорается былой огонь — судьба вновь бросала ему вызов, и он встретил этот вызов, будто доброго старого друга. Энергия сопротивления никогда не покидала его. Чем сильнее его били, тем выше подбрасывал его толчок отдачи. Он чувствовал, как начинает малопомалу возвращаться его старое «я».

Корень зла заключался не в Алие, с ее простой душой воспитанницы Приграничных Миров, а в болезненном страхе, который жители Трехпланетия, в большинстве своем, испытывали перед Приграничем и цивилизацией молдогов. Алия слишком честна и не станет этого отрицать. А он ей докажет! Даже если понадобится поставить Старые Миры, Приграничье и планеты молдогов с ног на голову! Каллихэн мысленно усмехнулся, представив результат подобной операции.

«Именно так,— сказал он про себя, наполовину в шутку, наполовину всерьез.— Полумеры тебя не устраивают».

И эта мысль окончательно привела его в себя.

Он открыл глаза. Смутно вспомнилось, что он находится здесь уже некоторое время, то просыпаясь, пусть не до конца, то снова проваливаясь в сон.

Тесная камера, просто конура с наклонным потолком — очевидно, наверху была какая-то лестница; Каллихэн припомнил стук каблуков по металлу — люди поднимались и спускались по ней. В тусклом свете он рассмотрел на полу три матраса из пенорезины; они занимали почти все пространство пола.

На одном из матрасов, располагавшемся у самой дальней стены, лежал он сам. А на среднем, скрестив ноги, словно у костра — Калли сам, бывало, любил так сидеть, когда отправлялся на охоту в окрестностях Калестина — расположился худощавый, приятного вида приграничник. Сначала Каллихэну показалось, что они одного возраста, пока он вдруг не заметил, к собственному изумлению, что волосы у того совсем седые.

— Полегчало? — спросил седой.

Голос был тихий, он выдавал образованного человека и принадлежал владельцу первой пары охотничьих ботинок, которые видел Калли, лежа на полу, когда его вытолкнули из лифта.

— Легче,— сказал Калли, пораженный слабостью своего хриплого голоса. Здорово его все-таки отделали!

Седоволосый кивнул.

— Тебе просто нужно было отдохнуть,— сказал он.— И

поесть — мы старались тебя подкормить, по мере возможности. Но главное — покой. Покой безо всяких лекарств исцеляет почти всякую хворь, если она вообще поддается излечению.

Это был голос учителя — приятный баритон, точный подбор слов и красивое старопланетное произношение. Но принадлежал голос человеку в потрепанном костюме приграничного охотника, чья поза говорила — человек этот не раз и не два сиживал у костров в лесной чащобе.

— Меня зовут Вил Джемисон, — продолжал седовласый. — Моего товарища — Доук Тауншенд. Может, просыпаясь, ты его заметил.

В самом деле, теперь О'Рурку припомнился некто очень небольшого — не больше пяти футов — роста и не старше пятнадцати лет на вид. Впрочем, возможно, он был и не столь молод — Калли могла обмануть его миниатюрность. Доук, как припоминалось О'Рурку, тоже сидел, скрестив ноги, и смотрел на него — так же, как сейчас Джемисон.

— Я... — начал было Калли, но осторожность заставила его прикусить язык. Кто знает, стоит ли спешить выдавать свое имя? Но Вил Джемисон уже закончил недоговоренную фразу:

— Каллихэн Уэн, само собой разумеется, — кивнул Вил. — Я тебя знаю. Даже один раз видел — ты был еще мальчиком и жил в доме Амоса Брейта, когда тот служил губернатором Калестина.

— Вот как? Ты, значит, на Калестине бывал? — хрипло спросил Калли.

— И на Калестине, и на всех мирах Приграничья. Я был антропологом в составе первого поселения на Казимире-3 сорок лет назад.

О'Рурк с новым интересом пристально посмотрел на собеседника. Если этот человек говорит правду, ему не меньше шестидесяти пяти. Но за исключением седых волос, выглядел он на тридцать — лицо гладкое, почти без морщин, а тело — ловкое и гибкое. Может, он просто безумен? В тюрьме нетрудно сойти с ума.

— Как это я раньше о тебе не слышал? — задумчиво проговорил Каллихэн. — Ты был среди первых...

— В последние годы я мало бывал на Приграничных Мирах, — с усталой улыбкой отозвался Вил, словно подобные вопросы ему приходилось слышать слишком часто.

— Вот как? А где же? Дома, на Старых Мирах?

— Нет.

Калли с любопытством смотрел на седого.

— Поправь, если ошибаюсь... но вроде больше негде найти людских поселений — либо Приграничные, либо Старые Миры.

— А я и не жил среди людей, — сказал Вил. — Почти все эти годы я провел среди иноразумных, глубоко в зоне молдогов. Сорок с чем-то лет.

О'Рурк молча наблюдал за собеседником. Наверное, он пра-

вильно поставил диагноз. Седовласый явно не в своем уме. То, что он утверждает, попросту невозможно. Десяток лет назад молдоги заблокировали Границу. Только в прошлом году они послали послов сюда, в Трехпланетье. Они требовали отдать им освоенные людьми планеты Приграничья, поскольку Плеяды, как утверждали молдоги, принадлежали им задолго до того, как пришли люди.

3

Однако откровенное недоверие, сквозившее во взгляде Каллихэна, нисколько не поколебало спокойствия Вила Джемисона. Седовласый пребывал в полной безмятежности, чем еще больше распалил любопытство Каллихэна. А что если его сокамерник не сумасшедший, в конце концов? Еще мальчиком на Калестине, куда Калли прилетел со своими родителями-эмигрантами, он слышал легенды о людях, которые контактировали с молдогами.

В самом деле, существовали даже документально подтвержденные факты, припомнил Калли, свидетельствующие о том, что в ранние годы освоения Плеяд молдоги смотрели на людей не как на угрозу, а как на забавную игру природы. Рассказывали, будто некоторым удавалось даже подружиться с молдогами — этими кожистыми ходячими скелетинами, создавшими высокую цивилизацию и державшими под своей властью все звездные скопления дальше Плеяд. Если верить рассказам, людям этим даже удавалось путешествовать на кораблях молдогов между населенными мирами планетных систем звезд класса «же» — звезд, скрытых от землян расстоянием и скоплениями космической пыли.

В то время молдоги, чья психология сильно отличалась от человеческой, в гораздо большей степени принимали людей за то, чем они казались, нежели люди, в свою очередь, молдогов. Судя по всему, повстречав еще одну разумную расу, успевшую выйти в Глубокий Космос, молдоги не испытали ни страха, ни особого удивления. Они не проявляли почти никакого интереса к планетам Плеяд, ограничиваясь редкими разведывательными экспедициями, и не выказывали недовольства, когда люди начали заселять таинственные миры.

Но это было лишь началом. Некоторое время спустя, еще на раннем этапе освоения человечеством Плеяд, в сознании молдогов сработал таинственный эмоциональный переключатель. Разведчики иноразумных перестали наведываться в Плеяды, а корабли людей строго предупреждались, если проникали за пределы скопления, в глубь территории молдогов. Подобно японцам, в семнадцатом веке замкнувшим вдруг границы перед европейцами, молдоги закрыли свои миры для людей. И лишь слухи ходили о лю-

дах, которые успели проникнуть на территорию иноразумных еще до неблагоприятных перемен и теперь, якобы, возвращались целыми и невредимыми.

Верить таким слухам теперь стало трудно — ведь молдоги внезапно предъявили абсолютно необоснованные претензии на весь район Плеяд. Сейчас, насколько было известно Каллихэну, их послы пребывали на Земле, обсуждая проблему с членами Трехпланетного Совета. Спокойно, но неотступно требовали они одного: люди должны покинуть уже освоенные ими планеты. Тем временем внутри самого Совета кипели дебаты и борьба фракций. Совет был не в состоянии признать, что уже не управляет населением Приграничья, не в состоянии приказать тамошним обитателям вернуться домой; точно так же не в силах оказались они смотреть в лицо действительности: молдоги были готовы объявить войну человечеству, если последнее откажется незамедлительно эвакуировать население планет Плеяд.

Дополнительную окраску выступлениям членов Совета придавала космофобия — по понятиям Приграничья, не столько боязнь космоса вообще, сколько того неведомого, что таится за границами Солнечной системы. Этой фобии были подвержены почти все жители Трехпланетья. В кривом зеркале страха приграничники представлялись им варварами, а иноразумные существа — чудовищами. Однако ни один из лидеров Старых Миров не признался бы в этом. Даже Алия, сама не подверженная космофобии, отказывалась видеть болезнь. Собственно, этот вопрос и послужил яблоком раздора между Алией и Каллихэном во время перелета с Калестина на Землю.

Но уже сам арест О'Рурка и существование этой плавучей тюрьмы доказывали существование болезни. Ход мыслей Калли неожиданно приобрел новое, очень интересное направление.

Однако не успел он сосредоточиться на этой новой идее, как в их берлогу буквально влетело некое существо — бесшумное, как мотылек, оно словно сложилось, опустилось, скрестив ноги, на матрас и уставилось на Калли. Тот ответил взглядом, исполненным не меньшего интереса. Это был коротышка, тот, кого Вил назвал Доуком Тауншендом.

— Ему лучше? — слышался бесстрастный голос, который тоже запомнился Каллихэну. Слишком спокойный тенор, превращающий любой вопрос почти в утверждение. Вил кивнул.

— Спасибо, парни, — сказал Калли, вспомнив вдруг сцену возле лифта. — Спасибо вам.

Доук промолчал, продолжая безучастно рассматривать О'Рурка. Его можно было бы назвать симпатичным парнишкой, если бы лицо так откровенно не напоминало маску. Странное было лицо — Калли даже задумался, не встречал ли он этого субъекта раньше. За обоих ответил Вил:

— Мы стараемся подхватывать тех, кто попадает сюда в плохой форме. Охранники боятся только Доука. Поэтому мы сразу

можем чем-то помочь — например, заставить снять смирители. Тебе еще повезло — ты мог на всю жизнь остаться калек. Подумать только — этими варварскими устройствами заменили смиренные рубашки. Считается, что рубашки менее гуманны!

— Значит, вы принимаете к себе новых калек? — сказал Калли, переведя взгляд на Джемисона.

— Да, если получается. Но твой случай особый. — Джемисон чуть прищурил глаза. — Ты — Каллихэн О'Рурк Уэн, знаменитый космический угонщик, который во время Восстания в одиночку увел больше десятка кораблей Трехпланетья. Ты представлял для нас особый интерес.

— Какой именно? — Калли увлекся, хотя и был немного озадачен.

— Пока не стоит об этом. Сначала поешь и немного отдохни. Через день-два наберешься сил, тогда мы сможем серьезно поговорить.

Поискав в головах своего тюфяка, он выудил пластиковую банку, шелкнув крышкой, передал ее Каллихэну, и тот почувствовал аромат горячего супа с говядиной.

— Откуда у вас такие деликатесы? — поинтересовался Калли, стараясь занять более подходящую для еды позицию.

— Нам ее выдают, — тихо сказал Вил. — Когда сможешь сам подойти к окошку раздачи, получишь такую же пайку. Сейчас мы с тобой делимся. — Передав дымящуюся банку супа Калли, он присовокупил пластиковую ложку, которая специально крепилась к каждой банке. — Попытайся впихнуть в себя сколько сможешь, а потом спи.

О'Рурк не стал возражать. Совет был очень кстати; к тому же, он узнал столько нового, что следовало как следует обдумать эти сведения.

Следующие несколько дней Каллихэн набирался сил. Он лежал на своем тюфяке из пенорезины и смотрел в металлический потолок, который в самом деле оказался нижней частью перехода между палубами. Таких палуб, занимающих весь объем грушевидной подводной секции, было пять, объяснил ему Вил, и они были битком набиты задержанными, преимущественно — с Приграничных Миров. Сама плавучая тюрьма была известна как Первая станция по задержанию иммигрантов, для краткости — просто «номер первый».

Пока мало-помалу возвращались силы, Каллихэн изучал своих странных опекунов. Один из них, за исключением редких моментов, всегда находился рядом с Калли. Доук оказался не слишком разговорчивым товарищем — но не потому, что не желал поддерживать беседу, а потому, что сказать ему, собственно, было нечего. В общесстве Калли он либо спал — зачастую сидя, скрестив ноги и прислонившись спиной к стене, — либо точил самодельный ножик. Такие ножи делали сами заключенные: лезвие — из полоски металла, заостренной, как игла, и наточенной до остроты бритвы, руко-

ятка — из тряпок, смоченных для твердости спиртовым лаком. Кроме того, как заметил Калли, Доук любил сидеть и рассматривать содержимое медальона, который на металлической цепочке носил на груди. Тауншенд всегда проявлял большую осторожность, чтобы Калли случайно не разглядел, что же он там прячет. Очевидно, скрывалось там нечто очень интересное — Доук часы напролет просиживал, поглощенный созерцанием.

На пятый день, когда Каллихэн почувствовал, что уже полностью пришел в себя, он выбрал момент, когда Вил остался с ним наедине, и напрямую поинтересовался странным характером Доука.

— Конечно, он немного с приветом, — пожал плечами Вил.

— Так я и думал, — сказал Калли. — Потому охранники его и побаиваются?

— Охрана его боится, потому что Доук не боится охраны, — серьезно сказал Вил. — Даже они понимают — что бы они ни делали, запугать его им не под силу. Если они переступят границу — Доук уже ни перед чем не остановится, не станет рассчитывать последствия. Потому с ним и нянчатся. Конечно, рано или поздно...

Вил вдруг замолчал.

— Рано или поздно — что? — повторил Каллихэн.

— Наверное... — Вил замаялся. — Пару дней назад ты спросил, зачем мы тебя взяли к нам. Я сказал тогда, что есть причина, о которой мы поговорим позднее.

Он сделал паузу, словно ожидая реакции Калли.

— Продолжай, — попросил О'Рурк. — Какая же это причина?

— Понимаешь, это место — особое учреждение.

— Тюрьма, как я понимаю.

— По сути, да. Но официально — это лишь пункт задержания при Службе Миграции. Среди арестованных действительно есть несколько человек, незаконно прилетевших на Землю с Марса, Венеры или Пояса астероидов. Но на самом деле — это лагерь для интернированных, для жителей Приграничья; в течение последних трех лет полиция отправляла сюда всякого приграничника, которого им удавалось арестовать — под любым предлогом.

О'Рурк кивнул.

— Видишь ли, все дело в том, что на одного охранника приходится сотня арестованных. И поскольку мы не преступники, мы создали собственную систему управления и собственные законы. Полдюжины человек образуют так называемое Правление. Все его члены — известные участники Восстания, твои товарищи. Как только они узнают, что ты здесь... — Вил пристально посмотрел на Калли, — ты, скорее всего, тоже станешь членом Правления. Если нет, все равно будешь пользоваться немалым влиянием.

— Ну и что? — спокойно спросил О'Рурк.

Вил глубоко вздохнул.

— Я спрятал тебя здесь, чтобы мы могли поговорить, прежде чем тебя узнают старые друзья. Ведь как я уже упоминал, Правле-

ние выносит решения, обязательные для всех арестованных.— Он снова сделал паузу, глядя Калли в глаза.— Среди множества решений,— сказал он медленно,— есть одно очень важное: кому из арестованных удастся совершить побег.

4

Калли рассмеялся. Ну и ситуация! Но в смехе не было горечи — во всяком случае, не больше, чем в его чувствах к предавшей его Алие. Каллихэн не ждал, чтобы окружающие вели себя как святыё. Скорее, наоборот. Вот почему, наверное, многие так хорошо к нему относились. Ничем другим нельзя объяснить, почему всю жизнь ему в этом смысле везло.

— Вот как! — проговорил О'Рурк. — А я уже начал подозревать, что вы меня пригрили из чистого альтруизма.

— Я не за себя прошу! — быстро сказал Вил. — Нужно спасти Доука. Ты же видишь, какой он. Раньше или позже он убьет какого-нибудь охранника — и погибнет сам.

— Да, вполне возможное дело, — отозвался Калли. — И ты молодец, что заботишься о товарище. Только, подозреваю, причина покажется многим недостаточно веской. Придется Доуку все же ждать своей очереди.

— Не будет никакой очереди, — сказал Вил; его обычное спокойное лицо разом посуровело. — Побег станет первым и последним на Станции номер один.

— Первый и последний? — насторожился О'Рурк. — То есть, ты хочешь сказать, до сих пор никто не пытался бежать?

— Именно, — кивнул Вил. — Ближайшая земля — Новая Зеландия — в полутора тысячах миль отсюда. Единственный способ туда добраться — захватить один из челноков, которые доставляют продукты, материалы и арестованных. Челноки совершают посадку на воду не менее, чем в сотне ярдов от станции. Кроме того, море здесь кишит акулами. Сам поймешь, почему, как только окажешься на палубе.

— Понятно, — протянул Калли. — Вопрос упирается в шлюпку. Чтобы добраться от станции до челнока, нужна какая-нибудь лодка, так?

— Да. Только на номере Первом лодок никаких нет. Грузы и людей перевозят в собственных шлюпках челноков.

— Как же тогда предполагается совершить побег? — спросил Каллихэн.

— Четыре месяца назад Правление решило тайно построить лодку. Среди арестованных об этом мало кто знает. Маленький

ялик собирается из полусотни отдельных частей, каждую из которых легко спрятать. Он будет готов через шесть месяцев. Потом придется ждать случая пронести все части на палубу. Когда опустится челнок, арестованные инсценируют бунт — чтобы лодку успели собрать и спустить на воду. В ялике поместится пять человек. Минимум пять — иначе нет гарантии, что удастся захватить челнок. Но и не больше пяти. Это предел.

Он замолчал. Калли задумчиво кивнул.

— Понимаю.

— Значит, пятеро получают шанс на побег. Пятеро — из почти тысячи заключенных. Как ты считаешь, какова вероятность, что мы с Доуком окажемся среди них?

— Как, теперь и ты тоже? — с усмешкой полюбопытствовал О'Рурк. — Скоро ты распределишь все места. А тебе не пришлось в голову, что и я был бы не против заполучить местечко?

Вил нетерпеливо отмахнулся.

— Не время шутить! Ты сам знаешь, что будешь в шлюпке! — сказал он, подавшись вперед. — Слушай внимательно! Доука тебе придется взять, потому что тебе необходим я. А я без Доука не уйду. Ты знаешь: я сорок лет провел среди молдогов. Я владею их языком. Больше того, я научился понимать их характер, способ, которым они мыслят. С моей помощью ты сможешь договориться с молдогами. А как только ты с ними договоришься, Старые Миры будут зависеть от твоей милости!

— Например? — со внезапно проснувшимся интересом спросил Калли.

— Не знаю... соответственно твоим целям, наверное. Правительственный переворот... Мне все равно! Главное вот в чем: я могу помочь тебе избежать кровопролития. Поверь мне, я *изучил* молдогов, я их *знаю*. На борту их корабля я отправился к их планетам, исследовал там мифы и легенды молдогов. Понимаешь? Мифы и легенды — вот ключ к пониманию мышления иноразумной расы...

— Погоди, погоди, — осторожно прервал его Каллихэн.

Вил замолчал, замер, подавшись вперед, потом напряжение покинуло его; он обмяк.

— Бесплезно, — устало проговорил он. — Ты мне не веришь? Не веришь, конечно. Ты не понимаешь, насколько различается мышление людей и молдогов...

— Постой, я ведь не отказываюсь тебя выслушать. Просто ты слишком спешишь. Давай вернемся немного назад. Почему ты думаешь, что я не позабочусь о месте в шлюпке в первую очередь для себя?

Вил уставился на О'Рурка; изумление в его взгляде становилось все откровеннее.

— Не понимаю вопроса, — сказал он наконец.

— Все наоборот, — усмехнулся Калли. — Это я не понимаю. Ты считаешь, будто мне место в лодке обеспечено, и я даже в со-

стоянии похлопотать за тебя и за Доука. Почему? Я здесь без году неделя. Три тысячи человек или около того, по твоим словам, прибыли сюда раньше меня...

— Но...— Вил изумленно воззрился на Каллихэна.— Ведь ты — главное звено! Кто, кроме тебя, смог бы придумать план захвата Старых Миров — с горсткой приграничников и считанными кораблями? Если кто-то и должен получить шанс вырваться отсюда и вернуться в Плеяды, это можешь быть только ты!

— Очень приятно, конечно,— сказал Калли,— но боюсь, ты несколько неверно осведомлен. Никогда и никаких планов переворота я не строил. Для такой безумной идеи нужно быть полным сумасшедшим.

Вил молча смотрел на Калли.

— Ага, ты мне не доверяешь. Понимаю. Так и должно быть. Но Калли, все заключенные на борту номера Первого знают о заговоре. Нас всех допрашивали!

— Вот как? — О'Рурк задумчиво кивнул.— Теперь начинаю понимать. Вот так и родилась эта фантазия. Параноики!

— Фантазия? — сдавленным повторил Вил, словно у него в горле был комок.— *Фантазия?*

— Послушай, ты сам из Приграничья,— сказал Каллихэн.— Вот и скажи: может ли подобная идея быть чем-то большим, чем безумной фантазией?

Вил сидел и смотрел на Калли — как ему показалось, бесконечно долго. Потом тяжело вздохнул. Он напоминал резиновую игрушку, из которой вышел воздух — он даже стал казаться как-то меньше.

— Фантазия...— повторил он тем же сдавленным голосом.— Так я и знал... А мы все только и держались этой мыслью, надеясь, что Приграничье захватит власть над Старыми Мирами и спасет нас. Потому Правление и затеяло постройку лодки — чтобы дать знать Конгрессу Приграничья, что мы находимся в плену. Конечно, мы должны были сами понять, это — невозможно! Но мы старались не терять веры...

— По крайней мере, Всемирная полиция веры не потеряла,— заметил Калли.— А убеждать в своей правоте они здорово умеют.

Он откинулся к стене и посмотрел на съжившегося, упавшего духом товарища. Голос Калли сохранял непринужденность, но мысленно он уже быстро оформлял некую новую идею, только что возникшую у него. Он начал, осторожно подбирая слова:

— Не вешай носа! Это безумный мир, безумная вселенная. Старые Миры убеждены, будто Приграничье вот-вот их захватит — хотя нет и намека на реальную возможность подобного переворота. Молдоги, в свою очередь, тоже без малейшей разумной причины требуют отдать им наши планеты в Плеядах.

— Что? — хмуро переспросил Вил, потом занял более вертикальное положение.— Что касается молдогов, то причины достаточно объяснимы. Их можно понять.

— Достаточно объяснимы? — Каллихэн пристально посмотрел на Вила. — Пятьдесят лет они спокойно смотрели, как мы осваиваем планету за планетой, а потом вдруг заявляют, что мы вообще не имели права там высаживаться? Где же здесь смысл? А ведь с этого и потянулась вся ниточка, с этого и началась мания Старых Миров, их страх перед Приграничем, в результате чего мы и очутились в этом уютном месте.

— Знаю, знаю, — Вил окончательно выпрямился. — В этом-то и дело. Мы не понимаем мотиваций поступков молдогов. Потому Совет Трехпланетья наломал дров во время переговоров с послем Руном и его братьями-послами. Поэтому я и прилетел на Землю — помочь Совету. Но едва я открыл рот, как Брейт спустил на меня Всемирную полицию...

— Брейт? Амос Брейт? — вырвалось у Калли.

— Да, именно он. Я познакомился с ним еще на Калестине. Поэтому мне удалось добиться аудиенции. Но он мне не поверил. Дело в том, что наша культура построена на противопоставлении понятий «правильно» и «неправильно». Но для молдогов эти понятия очень относительны, они не придают им большого значения. Их культура основана на полярности между понятиями «достойно» и «недостойно». Идея не очень легкая для понимания, но Брейт даже слушать не пожелал. Обвинил меня в соучастии в заговоре — в «Фантазии», как ты ее назвал... И ты, конечно, совершенно прав... — Голос его постепенно затих.

— Хорошо, тогда объясни мне причину, по которой молдоги требуют себе Плеяды? — спокойно, даже вкрадчиво спросил Каллихэн.

— Конкретную причину? Она мне неизвестна. Я специалист-антрополог, политикой не занимаюсь. Но абсолютно уверен, что с точки зрения молдогов причина имеется, и вполне разумная — в их понимании, конечно. Выяснить ее сможет лишь тот, кто умеет думать, как молдоги, и знает их культуру.

— Так ли это? — задумчиво сказал О'Рурк и вдруг решил сменить тему. — Ну, а Доук? Он здесь причем?

— Доук? — в первый раз за все время Вил отвел глаза. — Тауншенд появился здесь немного позднее меня. Он почти год нелегально провел на Земле... Искал кого-то — пока его не сцапала полиция. С ним пришлось повозиться. Понимаешь, он негиббемый человек. Он сказал им правду, они ему не поверили, тогда он вообще перестал говорить. Сюда его привезли в очень тяжелом состоянии — он был хуже, чем ты, даже намного хуже. Ну, а я немного разбираюсь в медицине и помог ему выкарабкаться... Так мы и стали товарищами.

— Так, так, — пробормотал Калли, но мысли его были далеко; с лихорадочной быстротой он оценивал и сравнивал факты и предположения, мозг его работал чуть ли не со скоростью компьютера. Он даже забыл о присутствии Джемисона и не расслышал слов, с которыми обратился к нему седой.

— Что?

— Я сказал — что здесь смешного? Почему ты улыбаешься? — Вил пристально смотрел на О'Рурка.

— Улыбаюсь? — Только теперь Каллихэн вдруг осознал, что у Вила в самом деле были причины для недоумения.

— Если только можно назвать это улыбкой. Больше напоминает волчий оскал. Брейт был твоим другом — на Калестине, когда ты еще был ребенком?

— Он принял меня в семью, — объяснил Калли, и улыбка тут же исчезла. — Я жил в губернаторском особняке. Родителей убили сбежавшие преступники, скрывавшиеся в буше. Брейт знал моего отца еще на Земле. Шесть лет я прожил с ним и его дочерью, а потом сам отправился в буш, стал охотником-траппером. Через два года Брейт оставил пост губернатора, сторонники отзывали его для дальнейшей политической деятельности на Землю.

На миг воспоминания о Калестине, об Алие и ее отце вновь ожили, угрожая поглотить внимание, но ситуация требовала иного направления мыслей. О'Рурк мысленно потер рукой лоб, отодвигая воспоминания подальше, в самый темный уголок памяти, и постарался вернуться к действительности.

— Значит, все арестованные, включая Правление, верят в заговор Приграничья против Старых Миров?

— Да, — подтвердил Вил, с некоторым удивлением глядя на Каллихэна. — Я уже говорил... мы все в это верили.

Калли поднялся и покинул их «берлогу» под лестничным пролетом; Вил последовал за ним.

— Тогда нужно поскорей встретиться с Правлением, — сказал О'Рурк и вновь улыбнулся. — Если вы с Доуком хотите получить места в шлюпке.

— Если мы с Доуком... — ошарашенно повторил Вил. — Но как же теперь это возможно? — Он замолчал. — Только минуту назад ты сам назвал эту идею безумной фантазией... плодом горячего воображения страдающих манией преследования правителей Старых Миров!

— Так оно и было, — жизнерадостно объяснил Калли. — Но теперь все переменилось — ровно тридцать секунд назад. Ты мне покажешь, как найти это ваше Правление или нет?

— Если хочешь.

Не спуская с Каллихэна изумленного взгляда, Вил обошел вокруг него и начал подниматься по металлическому трапу. — Я тебя отведу. Ты сказал: «Все переменилось»?

— Именно так я и сказал, — подтвердил Калли, поднимаясь по ступенькам вслед за стариком. — Ровно тридцать секунд назад меня осенило: имеется реальная возможность превратить фантазию в действительность.

Вил обернулся и взглянул на Калли в упор.

— И все равно — не понимаю, — сказал он.

— Сдается мне, что ключ к разгадке — причины, по которым

молдоги требуют вернуть Плеяды. Если с твоей помощью мы эти причины выясним, то нам, быть может, удастся все-таки проверить этот захват власти — с выгодой для всех, кого это касается.

5

Четыре месяца и несколько дней спустя наблюдатель, парящий над верхней палубой Станции номер один подобно морской чайке, мог бы заметить несколько человек, чью одежду составляли лишь драные штаны. Люди работали у сетчатого металлического леерного устройства, которое было им по грудь. Ограждение шло по всему периметру платформы — кроме зоны свалки мусора и отходов. В этом месте в океан сбрасывались остатки еды, поддерживая изобилие акул, неусыпно патрулирующих воды вокруг станции. Одним из людей, занятых работой, был Каллихэн. Он счищал краску на одной из толстых леерных стоек — или, скорее, делал вид, будто счищает. Как и все остальные немногочисленные трудовые наряды для верхней палубы, эта работа служила предлогом провести несколько часов на свежем воздухе и солнце и заключалась не в выполнении задания, а в том, чтобы и для следующих смен остался достаточно не законченный кусок.

В данном конкретном случае Каллихэн занимался областью старой краски, очертаниями напоминавшей Ирландию. Смена за сменой Калли с любовью оттачивал ее береговую линию.

Вскоре мимо прошел заключенный, тащивший несколько ящиков. Откуда-то выпал небольшой предмет и откатился в сторону О'Рурка. Тот внутренне напрягся, сохраняя внешнюю безучастность. Не прерывая работы, он краем глаза рассматривал подкатившийся предмет. Это была старая деревянная фишка для игры в шашки. Края у нее стерлись, и теперь она больше напоминала маленькое красное колесо. Калли заставил себя успокоиться. Впервые красное колесико появилось на верхней палубе, вотчине охраны. Очевидно, произошло нечто из ряда вон выходящее.

Каллихэн быстро сунул фишку в карман, потом небрежным взглядом окинул палубу. Неподалеку полировал шваброй и без того чистую палубу Вил Джемисон, перемещая с места на место несколько картонных обрывков и гвоздь. Калли лениво поднял руку и, скрючив палец, продел его в ячейку металлической сетки.

Немного спустя он снова оглянулся — как бы случайно. Вил, энергично драя палубу, приближался к нему. Калли небрежно опустил руку и стал ждать. Когда Вил оказался напротив, что-то случилось со щеткой швабры. Вил присел рядом с Калли, чтобы выяснить, в чем дело.

— Что случилось? — прошептал Вил.

Не поворачивая головы и не двигая губами, Каллихэн ответил:

— Не знаю, но что-то произошло. Собирается народ. Подзови Доука, пусть держится рядом. Скажи, как только подам сигнал, пусть начинает заготовленный спич, как я учил.

— Понял, — пробормотал Вил. — Что еще?

— Все. Не теряй времени. Через пару минут мне нужно двигаться к зоне свалки.

— Понял.

Вил продолжил уборку. Теперь путь его лежал дальше вдоль палубы и — вокруг секции охраны — в другую зону, где работал Доук.

О'Рурк вновь занялся старой краской. Наконец-то появился шанс на побег! Опасаясь, что возбуждение выйдет из-под контроля, он волевым усилием заставил мысли направиться по иному руслу. Этому упражнению по развитию выдержки он был многим обязан еще в былые славные дни, когда только начинал заниматься похищением космических кораблей. Оказавшись на борту первой станции, О'Рурк вспомнил о нем и начал готовить тело и дух к побегу. Упражнения требовали регулярности и настойчивости, как ежедневный бег трусцой, но теперь сторицей компенсировали истраченное время. Возбуждение было легко подавлено, Калли расслабился и перестал даже думать о побеге. Ему удалось занять мысли совсем иным предметом.

Опознавательные жетоны на его голой шее позвякивали в такт движению рук, легко ударяясь о сетку фальшборта. Калли сосредоточился на этом звуке. Это был удачный выбор. На жетонах не было имени Каллихэна О'Рурка Уэна — они принадлежали совсем другому заключенному по имени Хулио Ортега. Два месяца назад Ортега покончил жизнь самоубийством и был скормлен акулам, унеся на шее жетоны Каллихэна.

Такую замену имен произвели все члены Правления, в которое через неделю после появления на борту Первой станции вошел и Калли. В любом другом центре для интернированных обычные переключки немедленно обнаружили бы подмену. Но охранники на номере Первом были счастливы, соблюдая золотое правило: «Живи и дай жить ближнему своему» — при условии, конечно, что заключенные создавали минимум проблем.

Три любви, думал Калли, три любви было в жизни Каллихэна О'Рурка. В хронологическом порядке — Приграничье, архитектура и Алия. В семь лет от роду он был обычным земным мальчиком, который не слишком радовался переселению на приграничную планету Калестин. В одиннадцать — убитым горем подростком, который выжил лишь потому, что губернатор планеты, Амос Брейт, принял его в семью и — пусть неофициально — стал его опекуном.

Каллихэн нашел заботу и семейное тепло как раз в тот момент, когда больше всего в этом нуждался. Поэтому пять лет спустя, когда он отправился в буш, чтобы стать траппером, травма успела исцелиться — а юный О'Рурк смог обрести первую свою любовь.

Любовь к открытым просторам нетронутой земли, просторам, которые формировали характер людей Приграничья, столь отличавшийся от характера живущих на перенаселенных Старых Мирах.

Ковыряя старую краску, чувствуя жар тропического земного солнца, Калли вспоминал. Два года спустя он вернулся в город, накопив достаточно средств, чтобы отправиться учиться в земной колледж. И в Мичиганском университете ему открылась вторая любовь — архитектура. Чем больше О'Рурк выросл, тем явственнее чувствовал — он из тех людей, которые не способны просто принимать мир, в котором живут. Ему нужно было этот мир изменить, попытаться приложить к нему руки — на благо или во вред, но иначе он не мог. В более спокойную эпоху, с горькой усмешкой размышлял Каллихэн, ковыряя старую краску, его жажда творчества была бы полностью удовлетворена теми возможностями, которые предлагала архитектура.

О'Рурку удалось втиснуть пять лет обучения в три — работал он без отдыха и каникул, однако финансовые ресурсы оказались истощены, и ему не оставалось ничего другого, как вернуться на Калестин, где и освоенной основной программой было довольноно, чтобы получить работу архитектора. Накопив достаточно средств, он мог вернуться на Землю и завершить обучение в аспирантуре. Но не прошло и года, как заполыхало пламя Восстания, и Калли, втянутый в него возродившейся первой своей любовью, оказался на острие событий. Старые Миры не позволяли планетам Приграничья строить или покупать космические корабли. Поэтому Калли поставил рекорд в самом небезопасном деле — он захватывал и угонял эти корабли, жизненно необходимые Приграничью. Восстание победило.

Калли, перед которым открывались радужные перспективы, стал представителем Калестина в новоиспеченной Ассамблее представителей Приграничных Миров — и оказался свидетелем гибели своей первой любви. День за днем Ассамблея все глубже увязала в склоках. На глазах О'Рурка идеалы и идеи, за которые они сражались, погружались в трясину партизанской борьбы фракций, эгоистических местных интересов. Устав от всего этого, полгода спустя он подал в отставку и снова занялся архитектурой.

И вот, когда жизнь, пройдя пик, достигла нижней точки кривой, когда наступило некоторое затишье, внезапно появилась Алия...

— Калли!

Хриплый сердитый шепот заставил Каллихэна вернуться к действительности. Не поднимая головы, он быстро взглянул по сторонам — одними лишь уголками глаз.

Он ожидал увидеть Доука, хотя не в манере коротышки было так шептать. Но Тауншенда в поле зрения все еще не наблюдалось. Глаза Калли на секунду встретились со взглядом громадного, тяжеловесного мужчины, который сейчас проскальзывал за край навеса, скрывавшего зону свалки от посторонних глаз, если не считать, разумеется, чаек и акул. Это был Марк Листром, один из

членов Правления, и во взгляде его читался настойчивый вопрос.

— Чего ты ждешь?

Каллихэн впервые видел, чтобы громадный приграничник проявлял подобное нетерпение. Очевидно, он верно угадал причину внезапного сбора — сейчас; при виде Листрома, сомнений у Калли почти не осталось.

Приближался момент побега.

Теперь, наверное, каждая секунда — на вес золота. Но у Калли имелись собственные планы и интересы, о которых остальные члены Правления, само собой разумеется, и не подозревали. И Каллихэн не желал рисковать, присоединяясь к собравшимся, пока в поле зрения не покажется Доук.

6

О'Рурк снова занялся слушиванием краски.

В запасе у него пять минут — после чего Правление сообразит, что дело не в элементарной осторожности, и что Калли задерживается по иной причине. После чего... они не станут без него начинать — а может быть, и станут. Если так, он может потерять возможность протащить в число совершающих побег Вила и Доука.

Как и предсказывал Вил, сам Каллихэн без проблем оказался в числе названных Правлением. Это разумелось само собой — кто еще, кроме Калли, бывшего повстанца номер один, должен в самую первую очередь получить шанс на побег? Что же касается Доука или Вила, то их кандидатуры с точки зрения Правления не заслуживали даже упоминания, а не то что обсуждения. Зато они были жизненно необходимы для Калли — по крайней мере, Вил.

Столь необходимы, что Калли даже не мог довериться остальным членам Правления. Существовала вероятность того, что Вил поможет выяснить мотивы, руководившие молдогами, которые настаивали на передаче в их собственность приграничных планет. Если просочится хотя бы слух об этом, и седовласый антрополог по какой-то причине будет переведен в другую тюрьму, все далеко идущие планы Калли потерпят полный крах.

Нет, пусть Вил остается самой мелкой сошкой в глазах общественного мнения арестованных на Первом номере. Вот когда они окажутся в безопасности, на Калестине...

Но для этого Калли должен был найти способ заставить Правление включить Вила и Доука в число избранных для побега. Он начал с поиска слабых мест в уже разработанном плане — и нашел их. Как и подозревал О'Рурк, идея втайне построить ялик и тайно же собрать его была не только трудновыполнима, но и слишком очевидна. Если об этом плане знал Вил, то, вероятно, слишком много других заключенных тоже имели о нем представ-

ление. А среди трех тысяч человек не могло не быть стукачей, доносящих охране.

Проверка, которую Каллихэн провел лично и скрыто, подтвердила его подозрения. Калли быстро убедился, что начальник станции уже знал о плане побега; охрана просто давала Правлению возможность выпустить пар — до момента, когда лодка будет готова. Стоит этому моменту наступить — и охрана быстро конфискует готовые части лодки.

Поскольку план, разработанный Правлением, был заранее обречен на неудачу, Калли принялся искать другой, менее очевидный способ побега. И вскоре его обнаружил. Теперь он рассчитывал купить этой ценой места для Доука и Вила. Но необходимо было выждать момент, когда Правление окажется поставлено перед фактом, и ему не останется ничего другого, как принять в число беглецов и протееже Каллихэна.

Поэтому он выжидал, тем временем с помощью Вила знакомясь с языком и культурой молдогов. Это оказалось сложнее, чем он предполагал. Сначала Джеμισон был рад вопросам Калли, потом начал хмуриться, наконец даже резко сказал:

— Приятно, конечно, когда к делу всей твоей жизни проявляют интерес, но зачем тебе все это знать? Ты можешь просто проконсультироваться со мной, если возникнут вопросы.

— Я хочу понять молдогов, — объяснил ему Калли.

— *Понять?* — Брови Вила удивленно дрогнули. — Но как ты или любой другой человек можете их понять, если ваша исходная предпосылка гласит: «Все молдоги — чудища, уроды»?

— Чудища? — в свою очередь изумился Калли. — Ты меня с кем-то спутал, Вил. Я ведь тоже приграничник, как и ты. Я не с Земли или какого-нибудь другого Старого Мира.

— Ничего подобного! — отрезал Джеμισон. — Это не имеет значения — землянин ты или приграничник. На подсознательном уровне все вы реагируете на молдогов одинаково. В глубине, на животном уровне, вами руководит старая концепция: «чужак» значит «враг». А «враг» значит нечто чудовищное, злобное, отвратительное. Нет, — решительно заявил Вил, — не стану я тебе рассказывать о молдогах. Ты все равно не поймешь, собственные предрассудки не дадут. Когда тебе понадобится конкретная информация, посоветуйся со мной. Но учить тебя всему, что сам знаю, я не хочу — твое неверное восприятие проблемы станет только еще глубже.

Таким взволнованным Калли старика еще не видел. О'Рурк поступил мудро — не стал настаивать, на несколько дней сделал вид, что забыл о разговоре. Тем временем он и сам пришел к заключению, что в словах Вила имеется определенный смысл. Тогда он снова подошел к Джеμισону.

— Знаешь, Вил, я подумал и решил, что ты прав. Я в самом деле считал молдогов чудищами — в глубине души. Но ведь без твоей помощи я никогда не смогу взглянуть на них по-другому.

Вил хмуро смотрел на Калли, потом вздохнул.

— Ты прав,— сказал он.— Слишком много приходилось мне встречаться с дураками, которые ничего не желали слушать. Понимаешь, в большинстве своем люди даже знать не хотят о подсознательных барьерах, которые возникают между представителями разных культур. Что же говорить о различиях между человеком и молдогом?

— Попробуй это мне растолковать, ты ничего не теряешь,— предложил Калли.— Например, что ты имел в виду, упоминая о культурных барьерах?

Вил вдруг засмеялся, в голосе его прорезался энтузиазм.

— Ладно, расскажу тебе одну историю. Но сначала ответь — тебе приходилось общаться с людьми, которые в разговоре становятся к тебе так близко, что ты даже ощущаешь их дыхание на лице?

— Действительно, случалось такое,— сказал Калли.

— Ну, тогда я буду тебе рассказывать, а ты имей это в виду. Насколько я знаю, случай этот имел место еще в двадцатом веке. Согласно источнику, произошел он во время дипломатического коктейля, на котором послы Англии и Италии разговаривали друг с другом, стоя лицом к лицу. В ходе беседы они постепенно, сами того не замечая, перемещались через комнату — один пятился, другой наступал. Пятился англичанин, а наступал итальянец.— Джемисон вдруг замолчал, вопросительно глядя на Калли.— Как ты думаешь, почему так получалось? — спросил он.

— Понятия не имею.

— Дело в том, что у людей разных культур разные понятия о комфортном расстоянии до собеседника в разговоре. Для итальянца оно было вдвое меньше, чем для англичанина. В результате, англичанин, смутно испытывая неловкость, начал, сам того не замечая, пятиться, пытаясь установить приемлемую для него дистанцию. Но стоило расстоянию увеличиться, как дискомфорт начинал испытывать итальянец — и теперь уже он подсознательно делал шаг вперед... При этом ни один из дипломатов не осознавал, в чем причина испытываемого ими дискомфорта.

Каллихэн рассмеялся.

— Могу себе представить!

— Очень хорошо,— сказал Вил.— Кстати, что касается молдогов, то у них существуют две комфортных дистанции — «индивидуальная», примерно в восемь футов, и «личная» — около двенадцати дюймов. Но не будем пока об этом. Ты не читал случайно книг Эдварда Т. Холла, он жил в двадцатом веке?

Калли отрицательно покачал головой.

— Среди прочих, он написал книгу под заглавием «Беззвучный язык». Там рассказывается о небольшом городке на Американском Западе, в котором большинство представителей городской власти имели испано-американское происхождение, в то время как очень многие проезжающие через город принадлежали к

англосаксонскому типу культуры. Предел скорости в черте города был установлен пятнадцать миль в час — и ни милей выше. Испано-американский полицейский неуклонно задерживал всех, кто превышал скорость — пусть даже ненамного. По сути, ничего страшного, но вскоре англосаксы стали замечать, что арестованные за превышение скорости испаноамериканцы отделялись в суде гораздо легче, чем они, и пришли в негодование.

Калли вновь засмеялся.

— Я бы на их месте сделал то же самое!

— Не сомневаюсь, поскольку твои корни явно ближе к английской культуре, чем к испанской, — заметил Вил. — Но суть в том, что обе стороны — испаноамериканцы и англосаксы — с точки зрения своих культур поступали нормально. Для испанцев закон — понятие формальное. Или ты нарушил закон или нет. Если их задерживал полицейский, они подчинялись беспрекословно. И только *после* ареста они прибегали к неформальным методам, использовали свои семейные связи, потому что в слабой правительственной системе у всех имелись какие-нибудь друзья или родственники. С другой стороны, англосаксы весьма вольно относились к нарушению закона. Им представлялось, что предел скорости должен быть гибким, учитывая условия и ситуацию на дороге. Но как только в дело включалась машина закона, они становились чересчур официальными и неуступчивыми. Суд должен быть в высшей степени непредвзятым — ничего другого им и в голову прийти не могло. Конфликт между культурами зашел так далеко, что во время одного из задержаний полицейский был ранен, и ему пришлось арестовывать нарушителя с пистолетом в руке. В результате разные этнические группы вели себя правильно, но каждая — согласно собственным культурным канонам, отчего постоянно были на ножах.

— Ну, ладно, — сказал Калли, когда Вил закончил, — идею твою я понял: Совет Трехпланетья и Послы молдогов, сами того не осознавая, говорят на разных языках...

— Иначе и быть *не может!* — воскликнул Вил. — В том-то все и дело. Они в принципе не могут понимать друг друга: молдоги — нас, людей, а мы, люди — молдогов. Например, главой тройки Послов является адмирал Рун. Люди, естественно, принимают двух остальных за эскорт или помощников. Но как по-твоему, почему — с точки зрения молдогов — они здесь втроем?

— Понятия не имею, — сказал Калли. — Просвети мое невежество.

Вил не заметил юмора. Он был слишком поглощен темой разговора.

— Их трое потому, что в понимании молдогов вообще не существует такого понятия, как «отдельная личность». Примерное соответствие этому — их триада, тесное взаимодействие трех индивидов. Теоретически это трое братьев или сестер, но на практике — любая комбинация из трех особей. Это — ячейка общества

молдогов. Они думают и определяют свое отношение к действительности, как единое целое, принимая решения так же, как делает это человек. Они действуют, как единый цельный индивид. Вот почему Послов должно быть три, хотя Рун — Старший Брат, доминанта триады. Очень сомневаюсь, что Брейт и его сотоварищи по Трехпланетному Совету подозревают, насколько зависят решения, принимаемые Руном, от мнений его двух Братьев, не говоря уже о нюансах ведения дипломатических переговоров с трехличностным индивидом.

— Я бы тоже сомневался, — заметил Калли. — Но насколько твои знания достоверны? Ты опираешься на мифы и легенды молдогов, а в сказках случается что угодно. Взять хотя бы земные волшебные истории об эльфах, феях, духах и гоблинах — по моему, к реальной жизни, к поступкам и мотивам поведения людей они имеют мало отношения.

— Ошибаешься, очень сильно ошибаешься, — с жаром возразил Джемисон. — Все персонажи наших мифов — это глубинные элементы культуры. При их сопоставлении можно увидеть, чем и насколько одна культура отличается от другой, хотя все они — земные, человеческие. Вот, например, балканские легенды об упырях, которые, выпивая кровь жертвы, тем самым превращают ее в сородича-вампира, такого же, как они. Предательство, измена — постоянные элементы истории этого региона, и они отражаются в легендах. Смысл прост: доверять нельзя никому, даже женщине, которая тебя любит, даже лучшему другу. Укус вампира за одну ночь превратит их в самых опасных твоих врагов. Теперь, для противопоставления, посмотрим на регионы Британских островов и северо-западной Европы. Вспомни легенды об английских фантастических созданиях вроде гоблина, брауни или шотландской феи. Как ты считаешь, чем они отличаются от вампира?

Калли на миг задумался.

— Они... не опасны для жизни человека, — сказал он. — По крайней мере, не в том смысле, что упыри...

— Именно так! — воскликнул Вил. — Все они — эльфы, брауни, гоблины, феи — проказливы, но не опасны для жизни человека, если только с ними поступают честно! Короче, их характер противоположен характеру вампиров: они честны сами и любят честную игру.

— Это верно, — задумчиво сказал Калли. — Если вдуматься, то это очень английское выражение: «честная игра».

— Более чем, — согласился Джемисон. — Недаром англичан называли нацией лавочников. И шотландцы, и англичане — оба народа славились тем, что твердо держали данное слово и до последней запятой выполняли условия заключенного контракта.

— А вот ирландцев, — усмехнулся Каллихэн, — нацией лавочников не называли.

— Нет. Но параллельные мифические типы, отражающие общий характер культуры, наблюдаются и здесь. Старый Ник — су-

щество сверхъестественное. Но стойкий и смелый ирландец, особенно если справедливость на его стороне, всегда может победить или перехитрить Старого Ника. То есть, человек на равных противостоит мифическому персонажу — если, конечно, у первого хватает отваги. В раннегерманской легенде о Беовульфе появляется чудовище Грендель, которое питается человеческим мясом — двоюродный брат вампира. Никто не может устоять против Гренделя — пока не появляется герой, Беовульф. Он побеждает демона в бою, загоняет в болото и прикалчивает. Теперь попробуем найти соответствия человеческим легендам в мифологии молдогов. Тебе приходилось слышать о «четырех всадниках Апокалипсиса»?

— Да,— кивнул Калли.

— Прекрасно. Итак, в этом мифе четыре персонажа. Соответствующий миф молдогов содержит один персонаж, вернее, три в одном. Имя его — Демон Тьмы. Я сказал о «троих в одном», поскольку Демон Тьмы, как и все молдогские личности, имеет тройственную природу. Собственно Демон — доминанта триады, вождь, лидер; помимо него в триаду входят еще Книжник и Безумец. Легенда повествует, как Книжник и Безумец объединяют усилия, чтобы освободить Демона, а потом — уже всей триадой — они начинают исполнять свое роковое предназначение среди молдогов...

— Минуту, минуту,— перебил Калли.— Что значит — роковое предназначение?

— Мы подходим к сути дела,— сказал Вил.— «Четыре всадника Апокалипсиса» сеют голод, войну, чуму и смерть — все это физические формы, в которых выражается гибель народа. Демон Тьмы в прямом смысле не угрожает народу молдогов физической смертью, потому что для молдогов война, смерть, разрушения, болезни — это не столько зло, сколько симптомы рокового Великого Зла...— Вил торжественно замолчал, внимательно глядя на Каллихэна.

— А именно? — полюбопытствовал тот.

— Перемена,— торжественно провозгласил Вил.— Великое Зло — это Перемена в Аспекте Достоинства.

— Аспект Достоинства? — Калли подавил невольный смехок, но лицо, очевидно, его выдавало.

— Над этими вещами молдоги никогда не смеются,— с упреком сказал Джемисон.— Вспомни, я уже говорил: концепция Достоинства — это то самое острое, на котором крутится волчок культуры молдогов, подобно тому, как наша культура, в свою очередь, вращается на острие идеи Справедливости. Совершать правильные поступки, быть на стороне справедливости — неизменно важно для любого представителя любой культуры, независимо от того, какие именно стандарты справедливости и несправедливости данная культура использует. Теперь представим, что ты молдог, доминирующий член триады. Что будет заботить тебя в первую оче-

редь? Ты будешь из всех сил стремиться быть достойным — в противоположность недостойным.

— А как мне узнать, где достоинство, а где нет? — спросил Калли.

— Никак, — покачал головой Джемисон. — Здесь и таится одно из кардинальных отличий мышления молдогов от человеческого. У отдельного человека всегда есть представление о том, что хорошо и что плохо, и отнять у него это представление невозможно — вспомни череду святых мучеников земной истории. Но у молдогов стандарт достоинства подвержен переменам, и никакой индивид не в силах эти перемены контролировать. Таков один из главнейших аспектов культуры молдогов. С ним живут и умирают — потому что в достаточно большей степени потерять достоинство — судьба, которой любой молдог предпочтет смерть.

Каллихэн внимательно слушал седовласого антрополога, усевшись по-турецки в темном углу под лестничным пролетом.

— Но почему? — тихо спросил он.

— Чтобы понять, тебе придется напрячь воображение, — сказал Вил. — Дело в том, что быть достойным среди молдогов — это значит жить в соответствии с акциями лидеров, обеспечивающих выживание всего народа. Окажись индивид почему-либо связан с каким-нибудь бедствием — эпидемией, неудачной войной — он потеряет часть своего достоинства. Если подобные события достаточно масштабны и угрожают существованию народа или чересчур часты, тогда виновные теряют достоинство до такой степени, что лишаются статуса лидеров. В понимании молдогов это означает, если попытаться перевести их понятия на наш язык, Перемену в Аспекте Достоинства. Иначе говоря, достоинство покинуло вождей народа и перешло на каких-нибудь других молдогов, которых теперь нужно отыскать, чтобы передать власть в их руки.

Калли присвистнул.

— Теперь ты понимаешь, — сказал Джемисон, — что молдог, совершив какой-либо поступок, предприняв некую акцию, не может сразу же определить, сохраняет он достоинство или теряет его. Выяснить это можно лишь после того, как данное событие станет частью истории народа. Молдогу остается лишь полагаться на верность собственного суждения и лелеять надежду, что в исходе событий он достоинства не потеряет.

— Следовательно, концепция Достоинства важнее и выше отдельной личности? — задумчиво спросил Каллихэн.

— Совершенно верно. И следует опасаться не только собственных промахов. Если молдог оказался даже самым косвенным образом связан с какими-либо неудачными акциями, он все равно теряет достоинство. А управлению такие связи, как ты понимаешь, не поддаются. Все дело в стратегии выживания, которую применяет культура молдогов. Они стремятся поставить у кормила власти лучших своих представителей — из всех, имеющих в данный момент. И косвенная вина — это не тот вопрос, который

молдоги станут обсуждать. В их понимании, это всегда является доказанным фактом.

— Но почему ты полагаешь, что косвенная причастность к неудачным акциям не является виной отдельной личности? — спросил Калли.

— Потому, что общество молдогов имеет иерархическую структуру, — пояснил Вил. — Как таковой, молдог принадлежит к фундаментальной ячейке, триаде. Триады входят в семью. Несколько семей образуют септ. Несколько септов — клан. Клань образуют народ, которым управляет главный — в данный момент — клан. Внутри правящего клана существуют правящие септ, семья и, наконец, индивид, то есть триада, являющаяся вождем в нашем понимании. Если народ постигают какие-то бедствия, начинается потеря достоинства, направленная сверху вниз. Правящий клан низвергается, остальные ведут жестокую борьбу, пытаются определить, какой из них — Самый Достойный в настоящий момент или, попросту говоря, кто сильнее остальных. И когда Самый Достойный клан одерживает победу, общество меняет ориентацию относительно нового правящего клана, а тот, в свою очередь, выдвигает необходимый ряд правящих ячеек, вплоть до отдельного правителя — точнее, триады правителей.

— А низверженный клан становится недостойным? Так? — уточнил Каллихэн.

— Не совсем. Не весь клан — только королевская, так сказать, семья. — Вил задумался. — Недостойный — это крайняя степень. Если ты стал недостойным — считай, тебя практически нет. В нашем языке этому термину могло бы соответствовать понятие «нечеловеческий» — в самом прямом и буквальном смысле, выводящем личность за пределы человеческого рода. То же самое вытекает у молдогов из термина «недостойный». Какое бы страшное преступление ты ни совершил, молдог никогда не назовет тебя недостойным. Если он действительно полагает тебя таковым, то с его точки зрения вообще нет смысла к тебе обращаться. В крайнем случае, он может обвинить тебя в «малопочтенности».

— А что с остальными членами клана? Отделяются легким испугом?

— Нет, Достоинство покидает весь клан, — сказал Джеми-сон. — Но степень этого процесса внутри общественной структуры находится в прямой зависимости от того, какое положение данные ячейки занимали, какой властью пользовались и, следовательно, насколько они ответственны. В первую очередь, это триада-«правитель». Для нее существует один выход — самоубийство. Их примеру могут последовать многочисленные родственники, входящие в семью. Остальные семьи «королевского» септа не обязаны, как правило, совершать самоубийства — ни как семьи, ни как отдельные личности. Септы клана, родственные правящему, теряют достоинство в еще меньшей степени и так далее...

— И по легенде,— задумчиво произнес Калли,— виноват во всем Демон Тьмы?

— Нет,— покачал головой Вил,— Демон не является причиной перемещения достоинства с одного клана на другой. Он лишь символизирует Перемену. Там, где он — всегда и всюду начинаются несчастья и бедствия. Если они длятся слишком долго, молдоги делают вывод — достоинство покинуло правящий клан и его внутреннюю иерархию. Как только идея оформилась, каждый из остальных кланов начинает считать преемником достоинства именно себя. Они стремятся взять власть над остальными кланами в свои руки — начинается борьба, в ходе которой определяются новые вожди.

— Значит,— подытожил Калли,— появляется Демон — и все летит вверх тормашками?

— Да. Теперь ты понимаешь, почему фигура Демона — главная среди темных персонажей мифологии молдогов. Теперь, в наши дни, они переросли непосредственное откровенное суеверие, стали технологической цивилизацией, и в этом похожи на нас. Но несмотря ни на что, мифы и легенды остаются неотъемлемыми элементами их культуры.

— Понимаю,— протянул Каллихэн.— Очень даже понимаю. Но расскажи подробнее об этом Демоне. Что конкретно говорит о нем легенда?

Джемисон с удовольствием выполнил просьбу.

...Уголкем глаза Калли вдруг уловил некое движение, прервавшее течение его мыслей. Он чуть повернул голову.

Наконец-то! Это был Доук. Постепенно приближаясь, малыш трудолюбиво подметал палубу. У него была такая же швабра, как у Вила, собственно, это и была Вилова швабра — а среди обрывков бумаги Калли заметил знакомый гвоздь. Должно быть, Вил поменялся работой с Доуком, чтобы предоставить тому свободу передвижения. Калли поймал взгляд Доука, едва заметно кивнул в сторону зоны свалки и принялся обрабатывать нижний реллинг леерного ограждения, постепенно передвигаясь в том же направлении.

Он продолжал соскабливать старую краску, пока не оказался в виду площадки размерами пятнадцать на шесть футов, открытой в сторону океана. Здесь спускались вниз громадные контейнеры, наполненные мусором и пищевыми отходами. Заключенные, спускавшие их на цепях, цепями же пристегивались для безопасности к стене надстройки — подкармливать акул и прочих морских поедателей падали, собиравшихся в шестидесяти футах внизу, следовало осторожно.

Не разгибаясь, Каллихэн нырнул за угол и оказался в зоне свалки, где обнаружил, что остальные члены Правления в нетерпении ожидают его.

В Правление входили люди крепкого сложения, хотя и далеко не всегда выдающегося роста. Исключение составляли Марк Листром, ростом не уступавший Калли, и доктор Джеймс Той — совсем седой, тощий, как жердь, и бывший лишь чуть-чуть ниже О'Рурка. Той стоял возле стены в месте, где к ней крепилась цепь с поясом. Пояс пустовал — дежурного мусорщика явно куда-то отослали, чтобы не мешал собранию: еще далеко не все контейнеры были опорожнены, а часть палубы, наклонно уходившей здесь вниз, к воде, блестела от жира и была усеяна объедками. Рядом с мощной цепью и толстым поясом доктор Той казался на редкость хрупким — удивительно, как удавалось ему выживать в тюрьме, где гибли люди намного моложе его — от болезней или кончая жизнь самоубийством.

Рядом с доктором Листром казался громадным, как скала. Именно к нему и обратился Калли, приблизившись к собравшимся.

— Что стряслось?

— Североамериканский челнок прибывает вне расписания, — ответил тот. — Посыльный начальника станции только что сообщил. Даже не челнок, а личная яхта одного из членов Трехпланетного Совета; на борту — три посла-молдога, желают на нас посмотреть. Зачем — неизвестно. Прибудут через три часа — уже даже меньше, чем три! В последних словах слышалось ворчливое неодобрение — упрек, адресованный Каллихэну.

— Прошу прощения, — сказал О'Рурк, чуть покачнувшись; при этом взгляд его как бы ненароком скользнул в сторону леерного ограждения. Доук продолжал драить палубу, ненавязчиво приближаясь к зоне свалки. Взгляд Доука встретился с глазами Калли, и тот энергично согнул и разогнул палец — знак поторапливаться.

— Что будем делать? — вступил в разговор доктор Той. — Вот в чем вопрос. Лодка еще не готова, да и времени незаметно пронести на палубу готовые части уже не остается.

— Изобразим бунт и захватим шлюпку с челнока, когда она причалит к платформе, — проворчал Листром. — Потом захватим челнок. У нас не будет и сотой доли шанса, ты сам прекрасно знаешь! — возразил Той; очевидно, они начали спорить еще до появления Калли. — За последние два года этот вариант мы уже сто раз пережевывали. Охрана только этого и ждет — что мы нападём на шлюпку с челнока.

— С обычного полицейского челнока! — упрямо настаивал Листром. — А это — частная яхта, и пилоты на ней — гражданские...

Калли украдкой бросил взгляд на Доука. Коротышка уже добрался до угла и теперь стоял и ждал. О'Рурк подал ему знак начинать.

— Другого такого случая больше не будет! — яростным шепотом продолжал втолковывать доктору Листром. — Частная яхта с гражданскими пассажирами! Ты головой подумай!

— Именно головой я и думаю, — отвечал Той. — Охрана будет беречь эту яхту, как зеницу ока — ведь на борту три молдогских посланника. Они будут ее охранять, как никогда и никого не охраняли. Спорю, они уже сейчас злые, как черти — проклинают ответственность, которая свалилась вдруг им на головы. Лично я другого выхода не вижу, как сложить руки и переждать. Нужно закончить наш ялик, дожждаться очередного конвойного челнока — все, как планировали...

Он замолчал, потому что к собравшимся спокойно подошел Доук и остановился, приставив швабру к стене. В кругу мужчин мощного телосложения Доук казался совсем подростком. Глаза его внимательно оглядели собравшихся.

— Чего тебе, Доук? — фыркнул Листром. — Это собрание Правления. Ступай отсюда!

— Знаю. Потому я и здесь, — ответил Доук. — Он повернулся к Калли. — У меня имеется решение вашей проблемы.

— Иди отсюда! — заворчал Листром. — Или я тебя за борт скину!

Он с урожающим видом шагнул к Тауншенду и вдруг замер. Доук повернулся и спокойно сделал несколько шагов, остановившись прямо на отполированных до блеска рельсах, по которым соскальзывали вниз контейнеры с отбросами. Обычно дежурные мусорщики работали здесь, пристегнувшись к стене. Однако на Доуке не было сейчас страховочного пояса.

Каллихэн вздохнул и постарался расслабиться — в животе появился тугой комок. Этот план побега был придуман им самим, но идея встать над шестидесятифутовой пропастью, на дне которой кишели голодные акулы, принадлежала уже лично Доуку.

— Давай, сбрасывай, — обычным своим безразличным тоном сказал Доук. — Или все-таки послушаешь, может быть?

— Говори, — приказал Той. Как и все остальные, он заворуженно смотрел на Доука. Трүсов среди членов Правления не было, но Доук вел уж слишком рискованную игру — гораздо опаснее, чем у человека, без страховки идущего по канату между двумя небоскребами.

— Ладно, — бросил Доук. — Смотрите вниз. — Он показал на голубые волны, рассекаемые спинными плавниками голодных акул. — Через несколько часов прибудет специальный челнок, — сказал он. — Как я об этом узнал — неважно. Шестеро или семеро смогут бежать — при условии, что доберутся до него, не попав акулам в пасть. Никто из вас понятия не имеет, как это сделать. Но Вил Джеμισон знает способ. — Он сделал паузу, выжидая по-смотрел на членов Правления. — Если мы с Вилом будем в числе совершающих побег, я открою вам секрет. Если нет — мы с ним попытаемся бежать сами.

Тауншенд смолк, ожидая ответа.

— Продолжай,— хрипло проговорил Той.— Если план хорош... мы согласны.

Доук не спешил открывать карты. Вместо этого он обвел взглядом остальных собравшихся.

— Мы даем тебе слово,— быстро произнес Калли.— Выкладывай.

— Ладно,— Тауншенд повернулся, снова посмотрел в сторону океана; члены Правления затаили дыхание.— Вот там,— Доук показал на свободный от водорослей участок поверхности неподалеку от станции.— Вот там они посадят яхту — примерно в шестидесяти ядрах по ветру. Такое расстояние покажется им безопасным. Они вышлют шлюпку, подъемник поднимет гостей на палубу.— Он повернул голову и посмотрел Калли в глаза.— Тем временем Вил, я и те, кого вы назовете, будем уже на пути к челноку.

— Вплавь? — спросил Калли, давая Доуку возможность быстро изложить план и поскорее вернуться в безопасность палубы. Скользкие металлические направляющие совсем ему не нравились.

— Нет, мы поплывем вон в тех штуках,— ответил Доук, показывая на аккуратно поставленные друг на друга пустые мусорные контейнеры; они были чисто вымыты океанской водой — после того, как обитатели здешних вод расправились с их содержимым — и на цепях втянуты обратно наверх.— Яхта будет дрейфовать по ветру,— продолжал Доук.— Ветром нас и понесет прямо на нее. В каждом контейнере поместится по человеку. Для акул чистые контейнеры никакого интереса не представляют.

— Понятно,— кивнул Каллихэн, оценивающе взглянув на Доука.— Но мы-то вам зачем? Вы с Вилом могли бы самостоятельно воспользоваться этой идеей.

Доук пожал плечами.

— Кто-то должен отвлечь внимание охраны. Нужно поднять бунт. И нам нужен ты, Калли... так Вил говорит... мы должны вернуться на Калестин. С тобой у нас будет больше шансов.

— Ладно, шагай сюда,— скомандовал О'Рурк.

Доук покинул опасное место на скользком слипе, и люди перевели дыхание. Калли повернулся к членам Правления.

— Будем голосовать, я полагаю,— сказал он.— Стой здесь,— добавил О'Рурк, обращаясь к Доуку. Он построил собравшихся цепочкой, словно дежурный трудовой наряд, и повел их ко второму обычному месту сбора — палубному машинному отделению. Здесь, в безопасной уединенности темного угла — двое заключенных, не входивших в Правление, были оставлены за пределами слухового восприятия, чтобы предупредить собрание в случае появления охраны,— они детально обсудили дело.

Немного придя в себя, члены Правления в один голос выразили самое горячее возмущение — как так, эти двое не только примут участие в побеге, но еще и займут места двух уже отобранных

Правлением кандидатов? Каллихэн предложил включить Доука и Вила дополнительно, но тут дала себя знать расчетливость членов Правления, на которую Калли и делал ставку; приняв неизбежное, они решили сохранить хорошую мину при плохой игре и выжать из неблагоприятного расклада максимум пользы. В конце концов было решено, что к Доуку и Вилу присоединятся Калли, Листром и доктор Той. Пять человек — самый безопасный минимум для побега.

На этом собрание было закончено — время уже поджигало — и заключенные поспешили каждый по своим делам, в первую очередь — готовить инсценировку бунта, которой надлежало отвлечь внимание охраны и прикрыть попытку бегства.

Таким образом, три часа спустя пятеро беглецов сидели, прижавшись, в нише с чистыми мусорными контейнерами. Над восточным горизонтом в сиянии послеполуденного неба появилась черная точка. Очень быстро она выросла, превратившись, как и предсказывал Листром, в роскошный аппарат класса «космос—атмосфера», рассчитанный на двенадцать пассажиров. Челнок снизился и прошел над платформой Первой станции. Собравшиеся на палубе оборванцы-заключенные приветствовали его издевательскими репликами и смехом. Охранники поспешили броситься на усмирение, а челнок, легко, словно чайка — хотя на вид аппарат был неуклюжим, с крыльями-обрубками и толстым цилиндрическим корпусом — сделал разворот и опустился на синие тихие волны в пятидесяти ярдах от платформы.

— Погоди, — скомандовал Калли, потому что Доук уже начал было пробираться между контейнерами к краю площадки.

В борту челнока открылся люк, из которого выскользнула небольшая моторка. Тут же она поднялась над водой на воздушной подушке и, покачиваясь, замерла. В шлюпку сошли шестеро пассажиров.

Трое из них выделялись безволосыми головами, очень узкими плечами, темной одеждой и такой же темной кожей. Они стояли плечом к плечу, самый рослый — на полголовы выше остальных — в центре. Развернувшись, моторка плавно заскользила над водой к дальнему концу Первой станции, где имелся канатный подъемник, доставлявший визитеров на шестидесятифутовую высоту палубы.

— А что это за молдог в центре торчит? — буркнул Листром, когда шлюпка достигла угла платформы и остановилась у подъемника.

— Один из их космических адмиралов, — тихо ответил из-за спины Калли голос Вила. — Судя по одежде и воротнику. По тем же признакам он — Старший Брат триады. Следовательно, остальные двое — Младшие Братья. Все трое приходится родственниками Императорской Семье — по линии катетов. Учитывая все это, я бы предположил, что перед нами — лично адмирал Рун.

— Как тебя понимать? И откуда ты все это знаешь? — про-

бормотал Листром, рассматривая узкоплечих молдогов в длинных ниспадающих одеждах. Шлюпку уже поднимали на палубу.

Вил засмеялся. Но смех его донесся до Каллихэна словно бы издалека. Сам О'Рурк не отрывал глаз от молдога, стоявшего в центре триады. У Калли всегда был талант интуитивно ощущать мотивы поступков других людей. И сейчас ему казалось, будто он в самом деле чувствовал то же самое, что испытывал адмирал Рун.

Еще мальчиком, на Калестине, когда молдогские разведкорабли наведывались иногда с визитами в колонии землян, ему дважды случалось видеть молдогов. Но никогда раньше он не испытывал при их виде эмоционального соучастия. Возможно, сейчас причиной этого послужили уроки, преподанные ему Вилом. Теперь молдоги представлялись О'Рурку существами иноразумными и вполне человеческими одновременно. Казалось, он чувствовал и понимал эмоции этого инопланетянина, несмотря на всю его очевидную телесную непохожесть.

Как и все молдоги, Рун напоминал карикатуру на человека. Позвоночник был намного прямее, чем у людей, отчего адмирал и его Младшие Братья сильно выделялись осанкой среди сопровождающих-землян. Еще его выдавали слишком узкие плечи — у молдогов плечевые суставы смотрели скорее вперед, чем в стороны. Но более всего поражало лицо в рамке высокого воротника.

Череп был совершенно лыс, на лице также не было никакой растительности, а кожа — темная и такая тонкая, что казалась почти прозрачной. Очертания костей под этой кожей едва смягчались жировой прокладкой, тоже не такой толстой, как у людей. «Мягколицые» — так, по словам Вила, молдоги прозвали людей на своем языке. В самом деле, по сравнению с лицами землян, сопровождавших тройку молдогов, физиономии инопланетян больше напоминали черепа, обтянутые пергаментом.

У Руна не было бровей — их заменяли защитные костяные выступы. Глаза походили на горизонтальные щелки, верхние и нижние веки имели одинаковую подвижность. Нос был длинный, тонкий — словно костяной выступ, заканчивающийся ноздрями, располагавшимися под почти прямым углом к лицу. Щеки напоминали костяные пластинки, а тонкая щель рта разделяла челюсти, имевшие одинаковую ширину.

Шея, видневшаяся в прорези высокого V-образного воротника, казалась тонкой, но при взгляде сбоку становились видны мощные переплетения мышц. В целом молдог производил впечатление существа слабого и хрупкого, что не соответствовало истине, хотя средний представитель этой расы в самом деле уступал ростом и весом типичному землянину.

На лице адмирала Руна, которого сейчас пристально рассматривал Калли, он заметил множество морщинок — словно трещины на лаке, покрывающем антикварную мебель. Однако выражение лица было непроницаемым для человека.

Совершенно непроницаемым — если бы не странная искра

понимания, вдруг проскочившая между инопланетянином и Калли. О'Рурку показалось, будто невидимый ветер подхватил его; он вдруг почувствовал себя молдогом, доминантой триады, окруженным непредсказуемыми чужаками-землянами, на нем лежала ответственность за установление взаимопонимания с этими мягколицыми — а они, похоже, были не в состоянии этого понимания достичь.

Слав чувства одиночества — каким может испытывать его лишь молдог — и отваги... Ощущение это пронзило Калли, словно нож, всаженный под ложечку.

— Достойный... Весьма достойный Старший Брат... — помимо воли пробормотал он на языке молдогов. — О, мой достойный родственник Рун!

Собственный шепот вернул Каллихэна к реальности, и он снова стал землянином.

— ...зависит от того, куда вы смотрите, — тем временем говорил Листрому Вил. — Наши знаки отличия для инопланетян тоже ничего не означают. Для молдогов покроя одежды — это все. Вот такой высокий стоячий воротник отличает индивида, занимающего в обществе высокое положение. Воротник отклоняется назад — значит, обладатель одежды военный. V-образная прорезь спереди...

— Да ты, клянусь, эксперт по молдогам! — На грубом, каменном лице Листрома отразилось уважение. Теперь он смотрел на Джемисона совершенно другими глазами.

— Экспертов по молдогам не существует, — скромно отозвался Вил. — Может быть, только среди самих молдогов. И все же...

— Пора! — коротко бросил Калли, и оба тут же прикусили языки.

Шлюпку только что подняли на палубу, и в тот же момент из другой секции вдруг донеслись крики, шум, звон металла — подготовленная инсценировка бунта началась. Пятеро беглецов во главе с Калли бросились к краю платформы и начали спускаться по заранее свешенным цепям.

Каллихэн быстро перебрал руками звенья. Шум над головой становился все громче. О'Рурк достиг предназначенного для него контейнера — тот висел на цепи в какой-нибудь паре футов над волнами. В контейнере оказалось достаточно просторно, и Калли присел на дно. Остальные тоже почти достигли своих мусорных баков. Калли подождал, пока все закончат спуск.

— Готовы? — крикнул О'Рурк. — Хватайте канат!

Пять рук взметнулись одновременно, пальцы крепко обхватили тонкий, но прочный канат, бежавший от контейнера к контейнеру. Теперь, если хотя бы один из беглецов будет по воле ветра прибит к борту челнока, он сможет с помощью каната подтянуть всех остальных. По крайней мере, они на это надеялись.

— Крепи канат! — приказал Калли.

Беглецы сделали на веревке петли и затянули их вокруг ручек контейнеров.

— Теперь — падаем! — сказал Калли и перерезал веревку, соединявшую контейнер и цепь.

Дело было рискованным. Калли попытался уловить подходящий момент, когда под его контейнером как раз проходил гребень волны. В этом случае высота от днища до воды составляла не более фута. Но веревка оказалась прочнее, чем он думал, и когда он ее все-таки перерезал, волна уже прошла. Контейнер рухнул в море, и Калли ощутимо ударило о стенку.

Он выглянул над краем бака — как там остальные? Оказываются, все благополучно справились с операцией. А Доук, занимавший крайний справа контейнер, даже пытался грести по направлению к челноку. Калли подхватил пластиковую полосу — все они запаслись такими, чтобы использовать в качестве импровизированных весел — но первая попытка грести только заставила бак вертеться, как пустотелого металлического дервиша. Подобно своим ирландским предкам, строившим рубачьи лодки из обтянутых кожей ивовых прутьев, Калли столкнулся с проблемой — как заставить круглый плавучий предмет не вертеться на месте, а двигаться в нужную сторону. В конце концов, он сдался, решив использовать пластиковую полосу вместо руля.

К счастью, ветер довольно быстро нес их прямо к челноку. Сначала О'Рурку показалось, будто они вообще не двигаются с места, но когда бак случайно развернулся, и Калли взглянул назад, то с изумлением обнаружил довольно широкую полосу воды, отделявшую их от платформы Первой станции. Каллихэн развернул бак, чтобы посмотреть на челнок — яхта то появлялась, то исчезала из виду, когда контейнер прыгал на волнах, достигавших трех футов в высоту.

Мало-помалу они продвигались — причем в нужном направлении. Внезапно у Калли перехватило дыхание — что-то со скрежетом потерлось о борт контейнера; бак накренился. Выглянув, О'Рурк увидел серый вытянутый силуэт акулы. Ощущая отвратительный ледяной комок в животе, Калли присел на дно своего металлического поплавка.

Однако больше о борт контейнера никто не терся, и немного погодя он снова выглянул. Челнок оказался уже почти рядом. Со стороны Первой станции доносился не просто шум, а нечто вроде завывания диких зверей. Время от времени шелкали сухие разряды парализаторов. Очевидно, инсценировка бунта вышла из-под контроля предводителей, и сейчас сотни доведенных до бешенства годами заключения в тесных помещениях людей через захваченные подъемники вырвались на палубу, чтобы дать разрядку так долго сдерживаемой ненависти. Калли развернул контейнер в сторону челнока, увидел, что они почти достигли цели, и...

Но их несло мимо!

Упрямые мусорные баки отказывались дрейфовать, вытянувшись широкой цепочкой, обеспечивавшей наибольшие шансы встретиться с челноком. Вместо этого контейнеры с доктором Тоем

и Листромом прибило к тем, в которых скрючились Вил и Доук. В результате Калли оказался на левом фланге чего-то больше напоминающего не цепочку, а компактную группу.

Именно слева от Калли и должна была остаться космическая яхта!

Несколько секунд Калли сидел на корточках, глядя на челнок. До него оставалось меньше двух десятков футов, но это были два десятка футов воды и трехфутовых волн. Потом он придумал контейнеру более или менее вертикальное положение и отвязал канат, соединявший его бак с остальными.

— Трави канат! — крикнул он остальным и, нырнув в волны, мощными быстрыми гребками поплыл ко все еще открытому люку челнока.

На мгновение Каллихэн вспомнил серый акулий силуэт и едва не потерял мужество. Воображение живо нарисовало, как хищник бесшумно скользит к нему, раскрыв усеянную зубами пасть... Он тут же прогнал предательскую мысль, сосредоточившись на открытом люке.

Но мертвый груз четырех мусорных баков тащил его назад. Несколько бесконечных секунд он сражался с ним, находясь всего в нескольких ярдах от борта космического аппарата; масса контейнеров упорно тащила его мимо. Казалось, борьба не имеет смысла, его пронесет мимо люка раньше, чем он успеет дотянуться... и вдруг рука его, в отчаянном броске, ухватилась за край аппарата. Калли мертвой хваткой вцепился в холодный металл.

Фыркая и пытаясь от напряжения, он подтянул себя к отверстию люка, потом вскарабкался на аппарат, переполз через рельсы-направляющие, по которым соскальзывала в воду шлюпка, и несколько секунд лежал, обессилев и тяжело дыша.

Зачем начал подтягивать к люку остальные контейнеры. На это ушло несколько минут предельного напряжения всех мышц, но в конце концов четверо товарищей оказались рядом с ним. Листром, Доук и доктор Той сжимали самодельные ножи. Только у Вила не было оружия.

— Хорошо, — пропыхтел Калли. — Теперь проверьте, не остался ли кто-нибудь на борту. Доктор, Лис... вы пойдете на корму. Доук, мы с тобой идем на нос. Двинулись...

О'Рурк с Доуком побежали к носовому отсеку. В салоне они разделились, Калли нырнул в пилотскую, Тауншенд занялся камбузом и кладовой.

В отсеке управления никого не было. На секунду задержавшись, Калли окинул взглядом пульт управления. Да, типовая машина для увеселения богатых клиентов. Ткни пальцем почти в любого на многолюдной улице — и тот справится с ее пилотированием, не говоря уже о таком опытным космическом волке, как Каллихэн. Он повернулся и уже направился было в салон...

В камбузе вдруг пронзительно закричала женщина. Калли тут

же вспомнил нож в руке мрачного безумца — Доука. Одним броском он оказался в салоне и метнулся в дверь камбуза.

Но ничего страшного не произошло. Загораживая выход из камбуза, стоял Доук, а перед ним — стройная светловолосая девушка в розовом пляжном костюме. Взгляд ее устремился на Калли в отчаянной надежде, что вернулся кто-нибудь из экипажа, и...

Калли тоже стоял, как громом пораженный.

— Алия! — хрипло сказал он.

— Калли! — Она побледнела как снег. — Мне сказали, что ты мертв!

8

Они стояли и смотрели друг на друга. Потом в дверном проеме появился здоровяк-Листром.

— На борту пусто... — Листром замолчал, увидев Алию и Калли, но тот, придя в себя, уже начал действовать.

--- Заприте ее в каюте! — отрывисто приказал он Листрому, стремительно развернулся на пятках и бросился в рубку.

Прыгнув в пилотское кресло, он ткнул пальцем в стартер, с облегчением увидел, как стрелки на всех нужных циферблатах ожили и закачались в зеленых секторах готовности. Тогда он нажал кнопку интеркома.

— Всем приготовиться! Держитесь, кто как может! — объявил он. — Мы взлетаем!

Пальцы сомкнулись на штурвале. Яхта, словно утка, настигнутая залпом охотничьих ружей, прыгнула вверх, оторвалась от воды и, набирая скорость и высоту, понеслась к горизонту. Над пультом засветился радарный экран. Патрульный корабль, инспектирующий окрестности Первой станции, шел обычным курсом -- то есть неминуемо должен был перехватить поднимающий челнок.

— Поворачивай! Почему ты не поворачиваешь?

Это был Листром. Здоровяк стоял в дверях рубки, уцепившись руками за края проема --- палуба челнока сильно накренилась. Потом одним броском он достиг кресла второго пилота и плюхнулся на сиденье.

— Нет! — крикнул Калли. — Им уже сообщили о бунте заключенных. Они решат, что мы спешим увезти послов-молдогов от греха подальше... Надеюсь, они так и решат. Может, патруль не рискнет совать нос, куда не просят, и перехватывать нас. Ведь считается, что с Первой станции бежать невозможно?

Листром ничего не ответил. Калли вел челнок прежним курсом. В последнюю минуту патрульный корабль быстро снизился

до пятисот метров, уступая яхте дорогу. Коммуникатор молчал — патрульные их не вызывали.

Вскоре челнок уже приближался к верхним слоям атмосферы, небо вверх стало черным, а вспучившаяся горбом линия горизонта скрыла из виду и Первую станцию, и патрульный корабль. Они пропали с экрана.

— Теперь, Лис,— сказал Калли,— вызывай космопорт Сан-Франциско, спроси, намечен ли по расписанию на ближайший час взлет какого-нибудь межзвездного лайнера?

Листром наклонился к панели связи. Прислушавшись, Калли уловил ответ диспетчера из Сан-Франциско.

— Минутку, сэр. Да, «Звезда Севера» уходит на Меропу-3 и остальные планеты Плеяд. Старт через сорок две минуты. После этого...

Калли протянул руку, щелкнул переключателем, изображение перепрыгнуло на экран его консоли.

— Все в порядке, связь буду держать я,— сказал он удивленному диспетчеру.— Пожалуйста, соедините меня с капитаном «Звезды Севера». Немедленно, прошу вас.— В его голосе зазвучали металлические нотки нетерпения, потому что диспетчер не проявил желания исполнить просьбу, а лишь изумленно взирал на Калли.— Я — личный секретарь Алии Брейт, дочери полного члена Совета Амоса Брейта, и вызываю с борта его личной яхты. Мисс Брейт желает переговорить с капитаном «Звезды Севера». Будьте так добры.

Экран погас, став серым. Калли посмотрел на Листрома, Листром — на Калли.

— Сперва я думал пробраться на борт корабля вместе с командой заправщиков,— объяснил О'Рурк,— но теперь мне пришла в голову идея получше.

Он щелкнул переключателем интеркома, соединившись с каютой, возле номера которой горел красный индикатор — значит, там кто-то был. На экране появилось лицо Алии.

— Алиа,— не вдаваясь в объяснения, сказал Калли,— я хочу, чтобы ты поговорила с капитаном лайнера «Звезда Севера».

— Калли,— начала она, но вдруг звук пропал, хотя губы девушки шевелились: О'Рурк отключил в ее каюте микрофон.

— Слушаю! — раздался новый голос. На экране Калли увидел мужчину в синем кителе с капитанскими нашивками. Он перевел изображение из каюты Алии на второй экран, не включая, однако, микрофона.

Алиа удивленно смотрела на новое лицо на экране.

— Мисс Брейт? — Судя по взгляду, капитан узнал дочь советника, и мысленно Калли вздохнул с облегчением. Снимки Алии довольно часто мелькали в выпусках новостей, но всегда оставалась доля риска, что именно этот капитан ее не узнает.— Мисс Брейт, счастлив вновь вас видеть. Но что с вашим микрофоном? Он включен? Я вас почему-то не слышу...

Губы Алии шевелились. Калли быстро переключил связь с капитаном на свою консоль.

— Капитан? — приветливо, но достаточно официальным тоном сказал он, подавшись к экрану. — Прошу меня извинить, капитан, что-то не в порядке с интеркомом в каюте мисс Брейт. Она просила передать, что желает лететь на борту вашего корабля со своими друзьями. Их пятеро: Они прибудут через полчаса.

— Полчаса? — нахмурился капитан.

— Самое позднее, — успокоил его Калли. — Без багажа. Мисс Брейт ручается, что вам не придется задерживать корабль. Но не могли бы вы просто... дать знать таможенной службе и охране взлетного поля? Для ускорения процедуры... Уверен, советник Брейт будет весьма вам обязан.

— Хорошо, — согласился капитан, еще больше мрачняя. — Но задерживать старт я не буду. Тридцать минут — и ни секундой больше!

— Благодарю, капитан.

— Калли выключил связь и направился к каюте, на дверях которой была прикреплена табличка с именем Алии. Он повернул ручку замка и вошел. Алиа комочком сжалась в кресле перед экраном, но при виде Калли вскочила и шагнула навстречу.

— Калли! Как все это понимать? Зачем?

— Сейчас я тебе именно об этом расскажу.

Он говорил быстро, сжато, не давая девушке времени вставить хоть слово. Она побледнела, но твердо смотрела прямо ему в глаза. Она была так красива... Чтобы защититься от ее влияния, Калли-хэн заставил голос звучать сухо, даже безжалостно.

— ...теперь ты в курсе сложившихся обстоятельств, — завершил он. — Мы намерены захватить корабль и вернуться на нем домой. Если хочешь, можешь лететь с нами. Это на твое усмотрение. Но помни — если поднимешь тревогу, если выдашь нас — погибнут люди, и смерть их будет на твоей совести. Помни — мы всего лишь хотим вернуться домой!

О'Рурк замолчал, с вызовом и ожиданием глядя на нее. Зная Алию, он хорошо понимал, что применяет запрещенный прием, своего рода эмоциональный шантаж. Но, сжав зубы и заставив сердце молчать, Каллихэн был намерен идти до конца. Разве не именно таким способом отец заставил ее заманить Калли на Землю?

— Ну? — выжидающе проговорил он, когда пауза слишком затянулась.

— Я... помогу вам бежать, конечно, — шепотом ответила девушка.

— Хорошо, — О'Рурк повернулся к ней спиной, вышел и запер дверь снаружи.

Сорок минут спустя, яхта опустилась в специальном бассейне с причалами возле космопорта Сан-Франциско. Яхту покинули пятеро мужчин и грустного вида женщина в дорогом платье

и тиаре. Они поспешили к терминалу, где на обычные процедуры, связанные с посадкой, им не пришлось потратить ни минуты.

— Мисс Брейт... с друзьями... — сказал пухлощекий стюард, закрывая за ними люк и нажимая на кнопку — сигнал «все на борту» тут же достиг мостика. — Очень рад видеть вас на борту нашего корабля. Прошу вас, сюда, я проведу...

Он захрипел, задохнувшись — пальцы Листрома клещами сжали его горло, острие выточенного в тюрьме ножа уперлось в пухлую складку под подбородком.

— Мы не спешим, — мрачно проговорил Калли. — Проведи-ка нас лучше к служебному лифту.

Потрясенный стюард подчинился и через палубу, на которой они находились, провел их к кладовке, где располагалась вертикальная шахта с неким увеличенным подобием кухонного лифта — устройством, позволявшим стюардам покидать владения экипажа на носу корабля и перемещаться в кормовые сектора, минуя секции пассажирских кают и частных апартаментов.

— Я первый, — сказал Каллихэн.

Он скользнул в трубу шахты и ухватился за цепь, которая понесла его наверх. За ним последовали остальные, включая Алию и трепещущего в страхе стюарда. Оказавшись в кладовой офицерской палубы, они связали стюарда, оставив его и девушку под охраной Тоя. Остальные, ведомые Калли, коротким коридором пробрались к капитанской каюте, где находился оружейный шкаф. Разумеется, он был заперт, но именно на подобный случай припасенные О'Рурком отмычки — тоже произведение тюремных умельцев — легко справились с замком. Каллихэн достал из шкафа три тяжелых карабина-парализатора — подобными пользовались при усмирении массовых беспорядков. Вооружившись, они направились в носовой отсек. Дверь была заперта.

— Готовы? — положив руку на запор, спросил Калли.

Ответом ему послужили молчаливые кивки.

— Вперед!

Он рывком распахнул дверь и ринулся в атаку, остальные — за ним. Капитан «Звезды Севера» и три старших офицера, включая астрогатора и старшего механика генераторов овердрайва, находились у консольных пультов, разбросанных по периметру помещения. На широком обзорном экране сверкали звезды. Младшие офицеры — то есть, второй астрогатор и второй механик — стояли, согласно уставу, позади своих начальников, готовые в случае необходимости их подменить. Старший помощник, естественно, стоял позади капитана. Листром, Каллихэн и маленький, но от этого не менее свирепый Доук, ворвались в рубку, словно лисы в курятник.

— Всем оставаться на местах! Продолжать работу! — проорал Калли; трое беглецов развернулись так, чтобы их парализаторы накрывали всех собравшихся в рубке. Калли стоял лицом к лицу с капитаном и старпомом.

— Шаг в сторону, капитан! — приказал он. — Ваш корабль захвачен! Теперь два шага назад... быстро!

Застыв над пультом, капитан тупо смотрел на Калли. Прошло уже четыре года, как соглашение между Старыми Мирами и Приграничем положило конец этому космическому беззаконию — угону кораблей, мысли о котором лишали сна законных судовладельцев. Казалось, капитан не понимает, что происходит. Потом до него дошел смысл ситуации, и это немедленно отразилось во взгляде и выражении лица.

Отобрать у капитана корабль — все равно, что разлучить мать с ребенком. Четыре года назад капитан, вероятно, не расставался бы с оружием даже в рубке. Но сейчас оружия у него не было, и поэтому он бросился на Калли, намереваясь задушить угонщика голыми руками.

Быстро повернув парализатор, Калли сбоку ударил капитана тяжелым прикладом в голову. Тот рухнул на палубу.

— Оттащите его и позаботьтесь, чтобы не умер! — приказал О'Рурк старпому.

Посеревший лицом старпом отволол капитана в сторону. Каллихэн подошел к пульту.

— Всем отсекам и секциям! Доложить готовность! — приказал он.

Младшие офицеры, преодолев шок, начали докладывать. Не теряя времени — корабль мчался сквозь космическую пустоту, готовясь войти в овердрайв, и времени терять было нельзя — Калли начал маневр. Корабль совершил прыжок, сразу очутившись в световых годах от Солнечной системы и вне пределов досягаемости для всякой возможной помощи со стороны только что покинутой планеты.

— Отлично, — проговорил Калли, отключая свою консоль.

Он посмотрел вокруг — офицеры, тоже отключив свои пульта, стояли или сидели, дружно уставившись на него.

— Итак, вы остались без капитана, — сказал О'Рурк. — У кого из вас, господа, имеются мастер-карточки? Поднимите руки!

Старпом, присевший возле капитана, который уже начал приходить в себя, сразу поднял руку. Потом поднялись руки астрогатора и стармеха.

— Благодарю вас, господа, — фухо произнес Калли. — Теперь мы позаботимся, чтобы до конца перелета никто из вас не поднялся выше пассажирских палуб. Младшие офицеры... В случае аварийной ситуации я вызову вас на помощь. А пока можете спуститься в трюм.

Он повернулся к капитану, который теперь стоял, поддерживаемый старпомом. Половину лица у капитана затянул жуткого вида кровоподтек, который с каждой секундой все больше распухал и наливался синевой. Выражать соболезнований О'Рурк не стал — при сложившихся обстоятельствах это было бы оскорблением. Холодная ненависть, горевшая в капитанском взгляде, была хоро-

шо знакома Калли: к подобному он привык за годы своего космического пиратства.

— Нет! — прохрипел капитан, когда офицеры направились к выходу, а старпом попытался увести туда же и его. Он отбросил старпомову руку и сделал несколько шагов вперед, к Калли, изо всех сил стараясь не упасть.

— Слушайте, вы... Думаете, можно вести корабль, нажав на пару клавиш? Ну, я вас спрашиваю! Что вы знаете о пилотировании таких кораблей? На борту пассажиры и команда, за жизнь которых...

— Я получил мастер-карточку десять лет назад, — холодно ответил Калли. — И совершил больше перелетов, чем вы — в прошлом и будущем, до самой вашей пенсии, пока сидите на коммерческой линии. Ваш корабль в полной безопасности, капитан. Меня зовут Калли Уэн.

— Уэн?.. — машинально повторил капитан. Потом он вспомнил — это было видно по глазам. — Уэн! Значит, вы его забираете? Вам не просто нужно добраться до Меропы!

— Именно, — спокойно подтвердил Калли. — Мы идем на Калестин, и корабль останется у нас.

— Корабль останется... — Капитан сделал вторую попытку вцепиться Калли в горло, но старпом его удержал. Капитану пришлось излить бессильную ярость в словах: — Вор! Поганый пират! Ты за это заплатишь! Тебя расстреляют! Я сам тебя пристрелю...

— Ради бога, сэр, пойдемте же... — проворчал старпом, поглядывая на парализатор в руках пиратов. — Лучше пойдем...

Капитан продолжал выкрикивать угрозы все время, пока старпом тащил его к дверям рубки. Листром проводил их до винтовой лестницы, ведущей в отсек экипажа и дальше — на пассажирские палубы. Небрежно сунув карабин под мышку, здоровяк спустился вслед за ними по ступенькам и скрылся из виду.

— Доук, — приказал Калли, когда Листром ушел, — вызови наверх остальных. Вил...

Он не договорил. В руке Джемисона он увидел что-то вроде чемоданчика.

— Это еще что такое?

Но старик, положив чемоданчик на астрогаторский стол, уже открывал крышку. В чемоданчике лежали какие-то пакеты. Вил взял один из них — это была пачка длинных бумажных полос, скрепленных с одного конца. Калли подошел ближе. На верхней полоске имелся вертикальный ряд... слов? Каждая группа состояла из трех значков. На первый взгляд все они казались одинаковыми, но, присмотревшись, Калли сумел разглядеть различия между этими своеобразными иероглифами.

— Что это? — спросил он.

— Какие-то документы, принадлежащие, очевидно, адмиралу Руну — если тот молдог, прилетевший на станцию, в самом деле

был адмиралом Руном,— ответил Вил.— Я нашел чемоданчик на борту челнока и решил прихватить с собой. Ты ведь хотел научиться не только говорить, но и читать по-молдогски. Эти документы пригодятся как учебное пособие.

— Прекрасно,— согласился Калли.— Но я хотел с тобой вот о чем поговорить. Ты говорил, что Доук, в сущности, не опасен. Но мисс Брейт закричала, увидев его.

— Полагаю, от неожиданности. Заверяю тебя...

— Обещаний недостаточно,— твердо сказал Калли.— Если у Доука есть какие-то проблемы с женщинами, я должен знать — и сейчас же. Что ты об этом можешь сказать?

— Я? — в голосе Вила звучало нехарактерное для старика упрямство.— Это тайна Доука, а не моя. Верно, я говорил тебе, что у него с мозгами не все в порядке. Но кому судить? — Вил вдруг печально улыбнулся.— Может, и я слегка того — я ведь сорок лет исследовал инопланетных духов и гоблинов. Я не имею права рассказывать тебе историю Доука. Он мне доверился...

Джемисон внезапно замолчал, глядя куда-то мимо Калли. Повернувшись, О'Рурк увидел доктора Тою и коротышку-Доука. Они только что ввели в рубку стюарда и Алию.

— Я не против,— спокойно произнес Доук; он явно услышал последние слова Джемисона.— Калли — приграничник, поэтому я не возражаю,— он повернулся к Каллихэну.— Я разыскиваю отца. Он — землянин, и я думал, что он находится где-то на Земле.

— И ты не смог его отыскать? — спросил Калли.— Справочный центр в Женеве, по идее, должен располагать сведениями о любом жителе планеты. Ты пытался с ними связаться?

— Да,— все так же спокойно сказал Доук.— Но я заранее знал, что это бесполезно. Так оно и вышло. Наверное, он сменил имя, фамилию и прочие данные. Понимаешь... он не хочет, чтобы я его нашел.

— Твой отец не хочет, чтобы ты его нашел? — не поверил своим ушам О'Рурк.

— Да. Он знает, что я его убью. Это будет казнь... наказание за убийство.

— Убийство? — Калли смотрел на каменно-спокойного малыша, и по затылку у него бежали ледяные мурашки.

— Убийство моей матери,— тихо объяснил Доук.— Понимаешь, он ее убил. Ему приказали. И полагаю... в тот вечер он был пьян и ему больше нечем было заняться.— Малыш склонил голову к плечу.— Что с этим стюардом делать? — поинтересовался он.

— Развяжи и отпусти вниз, к экипажу,— сказал Каллихэн.

— И отведи мисс Брейт в капитанскую каюту. До конца перелета она будет жить там. Той, поищите способ перекрыть все коммуникации между нашей палубой и остальной частью корабля.

Когда они отправились исполнять полученные приказы, Калли вновь повернулся к Вилу Джемисону.

У старика был несчастный вид.

— Итак, теперь ты знаешь, — сказал он.

— Значит, ты имеешь полное право рассказать мне все остальное, — заметил Калли; он машинально очертил в воздухе круг рукой. — Это у него такие фантазии, да?

— К несчастью, все это правда, — печально произнес Вил. — Тебе что-нибудь известно о резне в Фортауне?

— Фортаун! — воскликнул Калли. — Вот оно что!

Конечно, он слышал об этой истории. В тот год ему исполнилось десять, и он жил на Калестине. Молдогский корабль-разведчик, явно военный, ненадолго совершил посадку в районе небольшого поселения землян. Не причинив никому вреда, молдоги через несколько часов стартовали. Но когда сведения об инциденте достигли бюрократических лабиринтов Трехпланетья, там почему-то заволновались. Были высланы войска — три роты тяжелой космической пехоты. Солдаты занялись возведением укрепления рядом с поселком.

Однако корабль молдогов, никакого вреда не причинивший и вообще не проявивший агрессивных намерений, больше не появлялся. И вскоре бюрократическая машина, выславшая три роты пехотинцев, благополучно вычеркнула их из памяти.

Разумеется, официально они не были забыты — просто так или иначе, но их никак не могли сменить. Срок боевого дежурства периодически продлевался — в конце концов, они ведь находились в такой дали, на самых Плеядах, а в непосредственной близости от Трехпланетья имелись армейские дела и поважнее...

Поэтому Форт и его гарнизон постепенно морально деградировали. Вместе с ними катился в нравственную бездну и прилегающий поселок, известный теперь как Фортаун. Он превратился в рассадник всяческих пороков. В городок Красных Фонарей. В чертову дыру — и к тому же очень опасную.

Шулеры Фортауна потрошили карманы солдат, а проститутки, которые, честно говоря, вообще не должны были бы с волной переселенцев покидать Старые Миры, заражали их болезнями. И наконец наступил день, когда подполковник, командир гарнизона, дошел до предела терпения — таково было, во всяком случае, наиболее благовидное объяснение. Он сам был знаком с проститутками и шулерами не хуже, чем подчиненные ему солдаты. Но в тот день кто-то или что-то его достало. Он собрал гарнизон, выдал оружие и приказал очистить Фортаун от скверны.

Результатом стала Фортаунская Резня. В средние века командиры хорошо понимали эту неизбежную зависимость — если их войска слишком долго осаждали город, то после штурма уже ничто не могло спасти его жителей от грабежей, насилия и убийств. В Фортауне произошло нечто подобное — карательная операция, задуманная взбесившимся солдафоном, перешла в бойню.

И продолжалась она до тех пор, пока Амос Брейт, облачившись в офицерский мундир, не вылетел на место событий, не вошел в Форт и лично не арестовал подполковника. Где Брейт умудрился достать мундир — этого Калли так никогда и не узнал, но помнил, как несколько лет спустя наткнулся на него в дальнем чулане и с тех пор начал еще больше восхищаться Амосом Брейтом — человеком не только честным, но и отважным.

— ...значит, мать Доука среди фортаунских женщин? — спросил Каллихэн. — И отец убил ее во время Резни?

— Так считает Доук. Но ему было всего четыре года и отца он до того ни разу не видел. Мать всегда отсылала его погулять, когда отец приходил в гости. Так что никто не знает наверняка, что здесь правда, а что Доуку только мерещится...

— Понятно... — О'Рурк бросил взгляд в сторону винтовой лестницы. — А как с этим связан медальон?

— Медальон? — Вил чуть заметно отвел глаза. — Какой медальон?

— Тот самый. — Калли с интересом смотрел на старика. — Который он носит на шее. Ты разве не знал?

— А, ты об этом! — сказал Вил, но лицо его стало бледнее обычного. — Доук полагает, что это медальон его матери. А человек на портрете — его отец.

— Ты тоже так считаешь?

— Возможно ли это? — не без раздражения отозвался Вил. — Медальон мог принадлежать кому угодно. А человек на портрете... За шестнадцать лет он мог настолько измениться, что Доук его и не узнает, пусть даже сам уверен, что сумеет. — Вил помолчал, потом добавил: — Вот почему — это тоже одна из причин — я так спешил вытащить Доука с Земли. Даже на Первой станции он вполне мог прирезать совершенно невинного человека, который случайно оказался бы похожим на фотографию в неизвестно чьем медальоне!

Пока Джемисон говорил, рука его комкала рубашку на животе у пояса. Сквозь ткань Калли заметил очертания рукояти ножа — самодельного тюремного ножа, который Вил не вытащил даже на борту яхты, хотя было совершенно неизвестно, кто их там ждет. Проследив взгляд О'Рурка, Вил поспешно опустил руку.

— Поверь мне, — сказал он. — Доук неопасен — или опасен только для человека, в котором опознает отца. И еще меньше он опасен для женщин. В каждой он видит мать и в буквальном смысле готов отдать жизнь, защищая ее... особенно, от другого мужчины.

— Ладно, — кивнул Калли. — Все равно, назначаю тебя ответственным за Доука. Ну, а пока — нужно управлять кораблем!

Собственно, это занятие стало для Калли основным до конца полета. Ему приходилось быть и капитаном, и астрогатором одновременно, поскольку Той и Листром как астрогаторы находились в совсем не той весовой категории. При пилотировании межзвездного лайнера требовались не только математический талант,

но еще и особая интуиция, вдохновение — особенно, когда дело подходило к редукции поправки на ошибку точки выхода.

Работа поглощала все время и мысли; Алия же, — заметил О'Рурк, — старательно избегала встреч с ним. В противном случае замкнутость их жизненного пространства — носовой отсек, все двери, ведущие на нижние палубы, наглухо заварены, чтобы не дать капитану и команде шанса вернуть корабль в свои руки — в конце концов вынудила бы их вступить в разговор. Было ясно, что Алия старается не оказаться в положении, при котором она вынуждена была бы с ним заговорить. Калли полагал, что она все еще думает, будто поступила правильно, заманив его в руки Всемирной полиции. К этому печальному выводу Калли отнесся с философским спокойствием. Он не пытался встретиться и заговорить с девушкой. Он умел быть терпеливым и решил ждать, пока события не заставят Алию изменить мнение, и она по собственной воле захочет с ним поговорить.

Каллихэн бросился в работу, как в бурное море, и ему удалось забыть обо всем остальном. Он столь успешно справился с этой задачей, что его в буквальном смысле поверг в смятение Вил, появившийся в рубке незадолго до расчетного момента посадки на Калестин. Старик бросил на астрогаторский куб два листка бумаги.

Один был совершенно обычным; другой напоминал свиток.

— Как это понимать? — Калли бросил на Вила вопросительный взгляд.

— Помнишь, я нашел бумаги молдогов? На яхте Брейта? Те, что думал использовать, обучая тебя их письму?

— Припоминаю, — Калли с любопытством посмотрел на узкую полосу с рядами иероглифов. — Значит, это перевод?

— Да. Не обращай внимания на его вид. Я решил было перевести часть текста, чтобы ты мог с ним поработать. Но обнаружил интересные факты. Очень интересные. И потому перевел весь пакет. Оказалось, это черновой вариант рапорта адмирала Руна своему начальству.

— Вот как? — Калли еще больше заинтересовался.

— Рапорт Руна и его Младших Братьев адресован Младшему Брату Старшего Кузена, восьмого от Трона — триаде внутри Императорской Семьи, к которой Рун обязан обращаться, передавая какие-либо сообщения для триады-правителя.

— Почему бы тебе не пропустить все эти титулы и не перейти к сути? — перебил Калли. — У меня осталось двадцать минут, чтобы закончить расчеты для следующего прыжка.

— Мне и одной хватит. Рапорт не закончен. Руну очень нелегко было его писать. Видишь ли, он сообщает о неудаче своей миссии.

— Неудаче?

— Именно. — Вил нахмурился. — Теперь попробуй думать, как думают молдоги, иначе сообщение не будет иметь для тебя смысла? Рун сообщает, что его Родичи-люди — то есть Брейт и другие чле-

ны Совета — по-прежнему слишком умны для него и его Братьев в том, что касается вопроса владения Плеядами.

— Слишком умны? — не поверил Калли.— То есть, Брейту с компанией в самом деле удалось перехитрить молдогов? Они отказались от притязаний на планеты Приграничья?

— Нет, как раз наоборот. Рун сообщает, что Брейт с товарищами уклоняются сообщить ему, какие явные права есть у людей на оспариваемые планеты Плеяд. В результате, опасается Рун, молдогам не останется иного Достойного выбора, кроме как предпринять решительные меры. Он будет продолжать переговоры и приложит все усилия, чтобы в кратчайший срок уговорить Брейта и членов Совета, но тем временем вынужден с огорчением рекомендовать Старшему Кузену со всеми мерами предосторожности привести флот молдогов в полную боевую готовность и провести мобилизацию индивидов-триад всех необходимых специальностей!

10

— Ты появился в самый подходящий момент,— проговорил юноша в вышитых трапперских штанах и куртке.— Считаю, сунул-ся ты в самое логово скальных тигретов!

Они разговаривали в номере, который Каллихэн снимал в гостинице Калестин-сити — О'Рурк, Доук, Листром и юноша — член той самой Приграничной Ассамблеи, из состава которой Калли вышел два года назад. Юношу звали Онвиток Мурфа. Он был худощав и высок — хотя и пониже ростом, чем Листром или Калли — с открытым, круглым, словно у ребенка, лицом, покрытым настоящим приграничным загаром. Он казался беззаботным и милым. Впечатление подтверждалось некоторой склонностью к франтовству в одежде. Но то, как легко покачивался он на каблуках трапперских сапог, как виднелась из-под полы расстегнутой куртки кобура с пистолетом — рукоятка была простая, деревянная, до блеска отполированная прикосновениями ладони — все говорило, что этот юнец способен сохранить достоинство в обществе самых прожженных приграничников. Такого никто не осмелится задеть.

— Другого услышать и не ожидал,— заметил Калли и усмехнулся, правда не слишком весело.

— Конечно... Однако кое-что тут изменилось. Теперь все не совсем так, как полгода назад, когда ты улетел. Это факт.

— В какую сторону?

— Ассамблея — нынче просто театр, фарс. И ты в этом, кстати, тоже виноват. Дело твое, Калли, можешь на меня как угодно смотреть — ничего от этого не изменится. Ты улетел после того, как Билль вроде бы уладил наши конфликты со Старыми Мирами.

Все люди крупного калибра — вроде тебя, с авторитетом в Приграничье — занялись собственными проблемами. А места в Ассамблее отдали крикунам, которым понравилась идея получать жалованье и чесать с трибуны языком... и еще побеждать на выборах.

Онвиток, которого проблемы эти волновали явно глубже, чем можно было судить по спокойному тону, прошелся по номеру — розовый ковер скрадывал звук его широких шагов. Он остановился возле креста Калли.

— Помнишь Брейна Мачина? — громко спросил он.

— Большого такого? С Казимира-3?

— Его. Теперь он со своими головорезами заправляет Ассамблеей. У них большинство — хотя нам и удалось не допустить их в кресло спикера и в кое-какие комитеты. Но это вопрос времени, вскоре они и там окажутся. Теперь возникаешь ты и предлагаешь отпихнуть в сторону Трехпланетный Совет и самим вступить в прямые переговоры с молдогами. Знаешь, даже если бы они тебе поверили — а ведь ты, дружище Калли, как айсберг, шесть десятых всегда под водой — твоя идея им не интересна. У них на жаркое другие барашки намечены!

Сунув большие пальцы за ремень, Мурфа замолчал, глядя на Калли сверху вниз.

— Например? — поинтересовался Калли.

— Смазка, — сказал Онвиток. — Простая добрая смазка. То есть взятка. Приграничье растет, как на дрожжах, а все законы и лицензии проходят через Ассамблею. Каждый день приносит нужному человеку на нужном месте миллионы. Ребята из партии Охотничьих Ножей, прикрывающие Мачина, обеспечивают голосование. А Мачин следит, чтобы машина работала исправно.

Калли нахмурился.

— А что случилось с другими порядочными людьми? Что с Вейдом Либервием?

— Мертв, — сказал Онвиток, покачиваясь на каблуках. — Мачин прирезал его на дуэли. Был поединок на охотничьих ножах. То же самое с Велкером Джонсоном. Видишь теперь, как система работает? Охотничьи Ножи голосуют, а Мачин не только щелкает кнутом, но и подрезает крылышки оппозиции.

— А старая банда? — поинтересовался Калли. — Всех их Мачин перебить не мог. Как Арт Миллумс?

— Ушел на покой. Говорит, стар стал для политики.

— Эмиле Хазек? Или Билл Ройс?

— Ройс? — засмеялся Онвиток. — Калли, Ройс по уши увяз. Организует банки по всем девяти планетам Приграничья. Он у Бриана Мачина первый клиент. Хазек... Эмиль снова женился, привез молодую супругу, копается на своей ферме и в город носа не кажет. Не трать времени, Калли. Думаешь, у тех, кто сохранил хоть толику совести, не было мыслей снова собрать старую гвар-

дию — ту, что вела нас во время Восстания? Никого не осталось, все сплыли — как ты.

— Понятно,— протянул Калли.— Значит, помощи мне ждать неоткуда, так?

— Почему? Я на твоей стороне, и еще пара человек в Ассамблее! — воскликнул Мурфа.— Только пользы от нас немного. Слишком уж нас мало. Мой тебе совет — оставь Мачина в покое, если не хочешь напороться на охотничий нож. Это у них, знаешь ли, как партийный значок — охотничий нож. Все ребята Мачина их носят.

Калли нахмурился.

— Хочешь сказать, в Калестин-сити больше нет гражданского правопорядка?

— Правопорядка? Как не быть! На улицах драться не разрешают. Но если Мачин заподозрит, что ты хочешь раскатать его лодку, он бросит вызов — как Вейду, как Велкеру. А ты ведь знаешь, что охотничий нож для него — все равно что столовый для нас с тобой. Только идиот вступает в схватку с таким головорезом. Бриан тебя вымотает и зарежет — таким манером он уже немало хороших парней отправил на тот свет. Ты когда-нибудь видел Мачина?

— Нет, но слышать приходилось.

— Ну, когда увидишь, сам все сразу поймешь.— Онвиток глубоко вздохнул и выпрямился.— Ну, а теперь успокой меня — скажи, что внемлешь голосу благоразумия.

Калли покачал головой.

— Мне нужна Ассамблея — Ассамблея, которой я доверяю и которая прикрывает мой тыл,— покачал головой О'Рурк.— Не волнуйся. Не мытьем, так катаньем... И разделаться с Брианом Мачином мы найдем способ.— Он ободряюще улыбнулся.— Полагаю, ты отведешь меня в Ассамблею и поможешь устроить выступления на сегодняшнем дневном собрании.

Онвиток в демонстративном отчаянии возвел руки к потолку.

— Калли, дружище, я сделал, все что мог!

На этом собрание в гостиничном номере закончилось. Каллихэн отправился на встречу с Алией — он должен был отвезти ее в космопорт, откуда девушка на борту лайнера — родного брата «Звезды Севера» — покинет сегодня Калестин, возвращаясь на Землю. Сама же «Звезда Севера», заново зарегистрированная на имя Калли, стояла на ремонтно-профилактическом поле, располагавшемся западнее взлетно-посадочных площадок.

Оказавшись против воли на Калестине, не имея при себе буквально ничего, кроме одежды, Алиа была вынуждена принять от Калли денежную помощь. Даже если не считать в качестве приза перешедшей в его собственность «Звезды Севера», О'Рурк располагал здесь достаточным кредитом. Алиа приняла помощь, однако ни словом не выразила благодарности и всю дорогу до космопорта хранила молчание. Калли тоже не пытался заговорить с ней. Он

твердо верил, что если мысли и мнения человека и возможно изменить, то лишь изнутри, по воле самого человека, а не с помощью настоячивых убеждений. Поэтому он проводил девушку до самого трапа лайнера, так и не обменявшись с нею ни единым словом.

Уже встав на первую ступеньку, Алия повернулась к О'Рурку.

— Я хочу, чтобы ты знал одну вещь, — сказала она; по необычно поблдевшему лицу было видно, что девушка изо всех сил старается казаться спокойной. — Я не знала... даже не предполагала, что тебя бросят в лагерь для интернированных. Когда я пыталась тебя отыскать, мне сообщили, будто ты погиб, покончил жизнь самоубийством. Я не могла в это поверить, поэтому и попросила отца одолжить Руну нашу яхту. Отец хотел доказать адмиралу, что люди Приграничья не управляемы, для чего и решил показать ему эту океанскую тюрьму. А я надеялась найти там какие-то доказательства, что ты... умер не по собственной воле... я представила бы тогда эти факты суду... Пусть даже это повредило бы папе.

Калли кивнул.

— Значит, вот зачем послы молдогов прибыли на станцию?

Алия словно не слышала его.

— И еще я хотела тебе сказать... Это была не моя идея — тюрьма для людей из Приграничья.

Она отвернулась и стала подниматься по трапу. Калли вдруг словно очнулся — Алия улетает! — бросился за ней, перепрыгивая через ступеньки, схватил за руку, заставил повернуться лицом к себе.

— И это все? — крикнул он. — Ты сожалеешь, что я попал в тюрьму. Это, видите ли, была не твоя идея. Но ты по-прежнему считаешь, что поступила правильно?

Девушка смотрела на него — прямо в глаза; лицо ее вдруг дернулось, словно она готова была расплакаться.

— Отпусти, — пробормотала она, задыхаясь и, вырвав руку, побежала вверх по трапу.

Калли смотрел ей вслед, пока она не исчезла в темноте пассажирского люка. Потом, вздохнув, пошел к своему кару и включил мотор. Тихо зашипев, машина поднялась на воздушной подушке, качнулась, сделала разворот и помчалась по направлению к городу. Но сразу же за территорией космопорта Каллихэн повернул на север — к холму, который поднимался немного в стороне от шоссе, ведущего к Бонджой-тауну, расположенному километрах в двухстах на север. Эту гору они с Алией изучили еще в детстве. О'Рурк остановил машину, вышел и несколько минут прохаживался по склону. Потом, умиротворенный, он направился обратно в гостиницу, где его поджидал Онвиток; взяв такси, они вместе поехали к зданию Ассамблеи.

Раньше здесь помещался крытый стадион — на полу еще сохранилась разметка баскетбольной площадки. Но скамьи вдоль стен были сняты — за исключением дальней секции. На этих, крутыми

рядами уходивших к потолку скамьях и заседали члены Ассамблеи — в том числе и Бриан Мачин.

Калли сразу же узнал его, хотя раньше они не встречались ни разу. Ошибиться было невозможно: Мачин оказался не только самым высоким и плотным среди членов оппозиционной партии, да и вообще среди собравшихся — кроме того, он сидел на самой первой скамье, в центре.

Внешность у Мачина была впечатляющая — и дело заключалось не только в телосложении. Рост его, как прикинул Калли, достигал не менее шести футов десяти дюймов, вес — не меньше, чем трех сотен фунтов. Но главное — несмотря на внушительные габариты, Мачин производил впечатление человека легкого в движениях, гибкого и ловкого. К тому же пропорции его тела были так гармоничны, что даже сидя на первой скамье, он не выглядел великаном — скорее, казался нормальным человеком в окружении карликов и гномов. Он был одет в трапперскую рубашку с металлическими застежками, трапперские же ботинки из очень плотной ткани, напущенные на горские сапоги. И сапоги, и одежда были из очень качественного дорогого материала — не хуже, чем у франта Онвитока. На довольно стройной талии Мачина висели на ремне кожаные ножны, над которыми поблескивала рукоятка охотничьего тесака. Рубашка была расстегнута, открывая мощную, как столб, шею, а лицо отличалось приятностью черт — оно казалось даже благородным, с высоким лбом и мягко выющимися русыми волосами.

Когда Калли и Онвиток вошли, выступал один из членов Ассамблеи из числа сторонников Мачина. Не доходя до скамей, Мурфа остановил Каллихэна. Они подождали, пока оратор закончил речь и сел, потом Онвиток провел Калли к скамьям справа, нашел свободные места и жестом пригласил Калли садиться, а сам повернулся к человеку, сидевшему за столом на платформе-трибуне возле стены, на полпути между противоположными секциями скамей.

— Уважаемый спикер, — прозвенел голос Онвитока. — Я предлагаю внести изменение в повестку дня. Со мной пришел Каллихэн О'Рурк Уэн, в прошлом — член Ассамблеи. Он располагает сведениями, которые могут оказаться для Ассамблеи весьма интересными. Если Ассамблея позволит, он хотел бы выступить.

— Представитель северо-западной территории Калестина господин Мурфа предложил внести изменение в повестку дня, — объявил спикер. — Господин Мурфа, я передам ваше предложение Ассамблее.

Онвиток сел рядом с Калли, и они принялись ждать, пока предложение ставилось на голосование. Перевесом в двести восемнадцать голосов против двадцати трех дело было решено в пользу предложения Онвитока, спикер объявил результаты голосования и пригласил Мурфу представить Ассамблее господина Уэна.

Калли поднялся. Он испытывал странное, внезапно нахлынув-

шее чувство. Лица собравшихся были большей частью незнакомы, но послеполуденное солнце, вливавшееся сквозь высокие окна бывшего стадиона, игравшее на гладком, словно полированном, полу, секции сидений, сами стены — все было в точности как в те времена, когда он являлся полноправным членом Ассамблеи. На секунду закружилась голова — О'Рурку показалось, будто он вернулся в прошлое.словно и его отставка, и решение отправиться на Землю, и сам перелет, и следовавшие за ним арест и заключение в плавучую тюрьму, побег и все остальное — все это лишь пригрезилось ему. Вчера он лег спать, ему приснился странный сон — но вот он снова на заседании Ассамблеи.

Калли пришлось напрячь волю, чтобы прогнать странное ощущение. Наконец, взяв себя в руки, он решительно вышел на пространство между секциями и начал свой рассказ — о тюрьме в океане, о побеге, об убежденности правительства Старых Миров в существовании заговора, в результате которого Приграничье должно, совершив государственный переворот, захватить власть над Трехпланетьем.

— Господин Уэн,— перебил его в этом месте спикер,— вы ведь не считаете, что в самом деле существует кучка сбившихся с пути истинного приграничников, готовящих подобный переворот?

— Какое это имеет значение? — отозвался Калли.— Совет Трехпланетья уверен, будто заговор существует,— вот что важно.

Он обвел глазами членов Ассамблеи, на секунду его взгляд задержался на Бриане Мачине.

— Важно понять,— продолжал он,— почему вдруг Старые Миры поверили в это. А верят они потому, что не могут выяснить подлинной причины, по которой молдоги неожиданно выдвинули требования эвакуировать планеты Плеяд. Они не в силах понять причин и потому готовы поверить во что угодно. Но если мы — мы, приграничники — сможем эту причину выяснить, то окажемся в выгодном положении; мы сами сможем тогда вести переговоры с молдогами — то есть сделаем именно то, на что не способен Совет Трехпланетья. Оказавшись в таком выгодном положении, мы сможем потребовать от Старых Миров все, что нам нужно — вплоть до признания полной нашей независимости, а разве не к этому мы стремились!

О'Рурк снова сделал паузу. Ассамблея слушала его в молчании. Он выждал еще несколько секунд. Калли понимал, что идет по туго натянутому канату. Теперь нужно было крайне осторожно подбирать слова, чтобы Мачин и его головорезы поняли его по-своему, а благоразумные члены Ассамблеи — по-своему.

— Итак,— провозгласил он,— я отыскал человека, приграничника, антрополога, он прилетел сюда еще с первой экспедицией на Казимир-3. Почти сорок лет он провел среди молдогов и знает их язык, как родной. Он уверен, что у молдогов есть вполне разумная причина — с их, инопланетной точки зрения, которая сильно отличается от нашей, человеческой,— требовать того, чего они

сейчас добиваются. Он убежден, что причину эту мы сможем отыскать, если отправимся к молдогам. И я скажу, почему мы должны так поступить...

И снова он сделал паузу. Ассамблея молчала. Мачин смотрел на Калли словно бы без особого интереса, немного наклонив голову. Солнце, падавшее сквозь высокие окна, играло на его русой шевелюре.

— Дело не только в ценности сведений, которые окажутся в нашем распоряжении,— продолжил Калли.— Хочу напомнить, что молдоги претендуют на освоенные людьми планеты Плеяд — вот эту самую планету и еще восемь миров. Мы, жители Приграничья, слишком легкомысленно отнеслись к их требованиям. Если Старые Миры могут позволить себе допускать недоразумения при контактах с инопланетянами, то нам это совершенно непозволительно. Мы — их ближайшие соседи. Мы будем развиваться, расти, и в будущем обречены на еще более тесные контакты с ними.

Каллихэн в третий раз сделал паузу. Мачин лениво шевельнулся, слегка опустил веки, словно бы устал слушать. Тотчас же, как по сигналу, среди его сторонников пробежал ропот.

— Таким образом,— сказал О'Рурк, словно бы не слышал этого ропота и не заметил жеста Мачина,— мы оказались между молотом и наковальней. С одной стороны, мы можем многое выиграть, если я отправлюсь к молдогам и выясню их мотивы. С другой стороны, нас ждут серьезные неприятности, если этого не сделать. Все, чего я прошу — это содействия в переоборудовании и вооружении корабля, который я привел, а также выдачи каперского свидетельства, дающего мне право защищаться и захватывать любой молдогский корабль, угрожающий мне или безопасности Приграничья.

Калли сел на место.

На передних скамьях, где сидел Мачин, возникло некоторое оживление. По рядам передавали записку. Когда она достигла мужчины лет тридцати, с черными волосами и густыми бровями и с непрямым охотничьим тесаком на поясе, тот встал и попросил у спикера слова.

— Слово предоставляется представителю планеты Даннена, Южный сектор,— объявил спикер.

— Благодарю вас, сэр. Как я понимаю, из только что услышанного можно сделать два вывода,— сказал черноволосый представитель Даннены.— Молдоги намерены начать войну против землян. Это первое. Второе — Уэн просит вооружить его корабль, чтобы он мог отправиться к молдогам, и еще больше их раздражить. Не вижу смысла ухудшать и без того плохое положение. Я против помощи.

Он вернулся на место. Онвиток поднял руку, привлекая внимание спикера, и встал.

— Брайс,— начал Мурфа, будучи, очевидно, хорошо знаком с черноволосым данненцем,— судя по твоим словам, ты вообра-

жаешь, будто живешь на Земле, в уютной квартирке какого-нибудь мегакомплекса. Молдоги могли бы с нами расправиться в любой момент — ни одна из наших планет не выстоит и двух-трех часов, если они приведут в действие свой боевой флот. Как потвоему, почему они до сих пор нас не разгромили? А потому, что уверены — стоит им нанести удар, и Старые Миры нанесут ответный всей мощью флота Солнечной системы. Так что, может, вам, ребята, эта идея и не по вкусу, но безопасность наша целиком зависит от Старых Миров. Это факт.

И Онвиток сел на свое место. Брайс был уже на ногах.

— А почему ты так уверен, что мы не утрем нос молдогам? — крикнул он. — Мы, на этой стороне, уверены в обратном!

Онвиток вскочил с не меньшей быстротой, чем его оппонент.

— Легко болтать языком, сидя на Калестине, Брайс! Но то, что вам кажется — это одно. А то, что есть в действительности — совсем другое!

Спикер уже колотил по столу деревянным молотком, призывая к порядку. Брайс что-то кричал в ответ на реплику Онвитока. На обеих трибунах, требуя слова, вскакивали люди. Спикер наконец добился тишины, и все вновь заняли свои места. Стоять остались лишь Брайс и Онвиток.

— Слово предоставляется депутату от планеты Даннена, — объявил спикер.

Онвиток неохотно подчинился и сел. Напротив Калли уже поднимался на ноги Бриан Мачин — медленно, словно башня. Он повернулся к Брайсу, которому только что предоставили слово.

— Не уступит ли депутат от планеты Даннена свою очередь мне?

— Уступаю, — быстро согласился Брайс и сел. Мачин повернулся, и его карие глаза в упор уставились на Калли.

— Имя господина Уэна, — начал Мачин, — широко известно всем жителям планет Приграничья.

Голос Мачина был скорее баритоном, чем басом, и это несколько нарушало впечатление чего-то огромного и неукротимого, которое он производил своей внешностью и манерой держаться. Но даже этот недостаток он сумел обратить в достоинство, пронося слова подчеркнуто тихо, словно бы сдерживаясь, чтобы не поразить слушателей акустическим ударом.

— Но, быть может, следует напомнить господину Уэну, что прошло уже два года с тех пор, как он в последний раз участвовал в заседании Ассамблеи. И обстановка за это время изменилась. — Повернувшись вполоборота к своим сторонникам, он чуть развел руки, как бы молчаливо приглашая согласиться с ним. — Конечно, все мы едины в отношении к молдогам — мы все приграничники. И думаю, никто из присутствующих не остался равнодушен к смелому плану господина Уэна, к его цели — использовать проблему инопланетян, чтобы добиться полной независимости от Старых Миров. Ничего большего мы никогда не желали... — Его взгляд

снова встретился со взглядом Калли. Тот усмехнулся, но Мачин продолжал смотреть на него с гранитной серьезностью. Затем продолжил: — Но сначала нам следует спросить себя — в самом ли деле данная акция пойдет на пользу Приграничью? Нам предлагают оказать поддержку акту агрессии по отношению к иноразумной цивилизации. Лично я... — Мачин высоко поднял голову, — лично я, как и многие из нас, уверен — если мы просто проигнорируем как молдогов, так и Старые Миры, у нас не возникнет особых проблем с инопланетянами. Верно, если не учитывать гипотетической поддержки со стороны Старых Миров, молдоги сильнее нас. Но в этом же скрывается и источник нашей безопасности. Наши планеты, как верно заметил господин Онвиток Мурфа, слишком слабы, чтобы представлять для молдогов угрозу. Мы их никогда не беспокоили. Чего нельзя сказать о Старых Мирах. Само их существование, военная мощь, которой они располагают — все это само по себе вызывает тревогу и даже страх. И достаточно какого-нибудь жеста со стороны Трехпланетного Совета, чтобы дать молдогам понять — их военную силу уважают. Почему бы в данных обстоятельствах не оставить инопланетян в покое? Я призываю Ассамблею...

Калли тронул Онвитока за плечо, и что-то прошептал ему на ухо. Тот поднялся.

— Позволит ли представитель Казимира-3 задать вопрос? Мачин, помолчав, пожал плечами.

— Пожалуйста — но только вопрос.

-- Благодарю вас, — любезно кивнул Онвиток. — Господин Уэн задаст вопрос вместо меня.

Он быстро сел, а Калли не менее стремительно поднялся и заговорил, не дав ни спикеру, ни Мачину времени перебить его.

— Вопрос таков: кому это будет выгодно? Для...

Его остановил молоток спикера.

— Господин Уэн, вы нарушаете порядок!

Снова вскочил Онвиток, но Мачин заговорил первым:

— Нет, нет, — протянул он, пристально глядя на Калли. — Позвольте господину Уэну высказаться.

— Должно ли это означать, что вы согласны ответить на вопрос господина Уэна? — заинтересовался спикер.

— Да, согласен, — заявил Бриан Мачин. Тревожные морщинки возле его глаз разгладились, он говорил совершенно спокойно. — Продолжайте, господин Уэн.

— Все достаточно просто, — сказал Калли. Он чувствовал, как напряглись скулы, но заставил голос звучать спокойно, даже непринужденно: — Меня интересует следующее — считаете ли вы, что оставив молдогов в покое, *абсолютно все* жители Приграничья от этого выиграют? Или это будет выгодно лишь определенной группе, скажем, политической фракции, вроде ваших Охотничьих Ножей?

Когда Калли смолк, в зале на секунду повисла тишина. Такая

глубокая, словно все присутствующие как по команде затаили дыхание. Потом снова заговорил Мачин.

— Конечно, я имею в виду *всех* людей Приграничья, господин Уэн,— произнес он каким-то невыразительным тоном и сел.

Ассамблея перевела дух.

Онвиток вскочил и предложил перенести решение вопроса на завтрашнее заседание — идея эта была одобрена единогласно. Другой член Ассамблеи предложил завершить сегодняшнюю работу. С ним так же единодушно согласились. Онвиток хранил молчание, пока они с Калли не оказались в безопасности гостиничного номера. Юный приграничник плюхнулся в кресло, положил ноги в охотничьих сапогах на кровать Калли и громко-утомленно вздохнул.

— Ну, приятель, ты своего добился. Не знаю и не стану спрашивать, отчего ты решил покончить счеты с жизнью. Но один вопрос задам: почему ты меня заранее не предупредил?

— А разве ты пошел бы тогда со мной в Ассамблею? — не без любопытства осведомился Калли.

Онвиток молча смотрел на него.

— Пожалуй, нет,— согласился он некоторое время спустя.— Ну, ладно, может, объяснишь все-таки, зачем ты это сделал? Тебе приспичило познакомиться с тесаком Мачина?

— Мне нужна нормальная, порядочная Ассамблея — крепкий тыл в Приграничье, если я хочу сделать то, чего хочу. А пока в собрании заседает Мачин, мне там ничего не добиться. А первым напросившись на схватку, я могу воспользоваться психологическим преимуществом.

Посмотрев на Калли, Онвиток громко вздохнул.

— Ладно,— сказал он.— Но чего ты в действительности доби- ваешься? Кроме того, что намерен расчистить авгиевы конюшни в Ассамблее и раздражить молдогов, чтобы они поскорее начали войну? После стольких лет ты, думаю, можешь доверить мне свою тайну?

Каллихэн задумчиво потер нос.

— На Старых Мирах люди не способны правильно мыслить в понятиях межзвездных и межцивилизационных отношений. У них нет для этого нужного опыта, нет желания, нет нужной подготовки. Они прикованы к понятиям, выработанным замкнутостью Трех- планетья. Это опасно. Их больше нельзя оставлять у кормила власти, где они определяют судьбу человечества. Поэтому я намерен эту власть у них отобрать.

Онвиток сидел, словно окаменев. Калли молча смотрел в изум- ленные, округлившиеся глаза друга.

— И все? — Онвиток пришел в себя, голос его зазвучал иро- нично.— Только-то и всего?

— И все,— тихо подтвердил Калли.— Ничего больше.

Мурфа уже открыл было рот, но сказать ничего не успел — в номер постучали. Он ехидно вздернул брови, со вздохом встал,

громко шлепнув подошвами по полу, подошел к двери и открыл. Из коридора донесся приглушенный голос. Онвиток вышел, закрыв за собой дверь. Несколько секунд спустя он вернулся в номер и сел на кровать напротив Каллихэна.

— Значит так,— тебе передали сообщение следующего содержания: «Убирайся с планеты или дерись с Мачином завтра утром, за городом». Что я должен передать в ответ?

— Скажи, что охотничий тесак меня вполне устроит,— отозвался Калли.— Добавь, что дуэль состоится в десять утра, на холме Номер Пять, что возле шоссе на Бонджой.

Ночью О'Рурк инстинктивно проснулся — он почувствовал, что в комнате кто-то есть и протянул руку к кнопке выключателя в изголовье постели. Голос Листрома остановил его.

— Калли,— пробасил тот.— Позволь драться мне. Ростом я не ниже тебя, зато весу во мне намного больше.

— Что за глупости, Лис,— возразил Каллихэн.— Не дури. Мачин хочет убить меня, ты ему вовсе не нужен. Если бы он и согласился на замену, все равно мне пришлось бы драться с ним потом. А теперь сделай одолжение, ступай отсюда — мне выпасться надо.

Голова его опустилась на подушку. Несколько тягостных секунд спустя щелкнул замок, а еще через мгновение Калли снова заснул.

11

Холм Номер Пять — по дорожному маркеру шоссе, ведущего в Бонджой-таун — был тем самым, который Калли посетил накануне. Склон с углом подъема от десяти до двадцати градусов заканчивался в пятидесяти ярдах от дороги у подножия отвесной скалы из серого камня. За десятки и сотни лет быстрые весны и не менее стремительные осени Калестина с их заморозками и неожиданной жарой покрыли серую каменную стену трещинами; склон у подножия был густо усыпан серой щебенкой. Среди этих серых каменных потоков с трудом цеплялись за жизнь несколько чахлых кустов. Когда-то на холме росли еще и деревья, но несколько лет назад лесной пожар поглотил их, оставив лишь кое-где обугленные пни.

— Ну что ж,— сказал Онвиток,— сцена как на ладони. Впрочем, ты мог бы выбрать место и поровнее. Конечно, всегда есть шанс, что Мачин подвернет ногу, прыгая по камням. Но то же самое может случиться с тобой. Знаешь, Калли, на вид Мачин, может, и очень громоздок, но на ногах держится не хуже остальных.

Юный франт только что прибыл вместе с О'Рурком к подножию

холма. Приехали они на машине, которую тут и оставили. Калли был одет в обычные трапперские рубашку и брюки, на поясе висели ножны с тесаком, который ему пришлось одолжить. Калли вытащил нож, со свистом рассек клинком воздух. В последний раз он держал в руках такое оружие три года назад. Тесак был превосходным и универсальным инструментом, который при случае мог послужить и орудием убийства. Вес четырехфунтового лезвия, отполированная ладонями рукоятка — все это пробудило дремлющие навыки, и лезвие все легче вертелось в руке Каллихэна. Тесак имел немного изогнутый клинок — что-то среднее между широким ятаганом и длинным охотничьим ножом.

— Вот и они,— проговорил за спиной Калли Онвиток.

О'Рурк обернулся. Со стороны Калестина к холму приближался кар, точно такой же, как у него. Даже на расстоянии можно было узнать фигуру Бриана Мачина. За каром на почтительном расстоянии следовал небольшой караван из семи или восьми машин.

— Он,— кивнул Калли.— Ты не забыл о дружелюбно настроенных свидетелях? Будет обидно, если только ты окажешься в состоянии непредвзято рассказать обо всем, что произошло.

— Будь спокоен, дружище,— отозвался Онвиток.— Сейчас дуэли проводятся строго по закону. Здесь будет сам спикер Ассамблеи, с ним — по крайней мере трое полуофициальных свидетелей из партии Мачина, и столько же — с моей стороны. Кроме того, будут присутствовать и еще кое-какие влиятельные лица — Просто как зрители. Ты ведь даже не представляешь, что поставил на кон, бросив вызов Мачину. В Калестин-сити многие по-прежнему помнят, кто такой Калли Уэн. Ты — герой, а Мачин — зловредный великан. Кого-то из вас к концу дня должны развенчать,— Мурфа усмехнулся, но как-то не очень весело.

Первый кар, в котором сидел Мачин, уже почти достиг места назначения. Миновав О'Рурка и Онвитока, машина остановилась ядрах в двадцати от них. Караваном тянувшиеся за ним машины одна за другой стали припарковываться у обочины, постепенно заполнив все пространство между карами Калли и Мачина.

— Может, у тебя возникли новые идеи? Пожелания? Указания? У нас осталось еще несколько минут,— сказал Онвиток.— Сейчас я отправлюсь на переговоры с секундантом Мачина. Если у тебя есть пожелания относительно ведения поединка, выкладывай прямо сейчас. Ты имеешь право — ведь оружие выбирал Мачин.

— Да, знаю,— рассеянно проговорил Калли. Он внимательно изучал склон.— Передай — я желаю начать поединок в следующей позиции: мы стоим лицом друг к другу на расстоянии тридцати футов примерно на полпути вверх по склону.— Он повернулся к Онвитоку.— И если хочешь помочь, найти такое место, где бы между мной и Мачином оказалось два-три хороших пня.

Мурфа отправился к дальней машине. Вскоре Каллихэн увидел его на склоне — вместе с секундантом Мачина они привязывали

белые полосы материи на пни, расположенные приблизительно на требуемом расстоянии друг от друга.

Покончив с разметкой, секунданты разошлись; Онвиток спустился к О'Рурку.

Калли уже отцепил ножны — они ему не понадобятся — закатал рукава и аккуратно заправил брюки в трапперские сапоги, надежно перетянув шнурками. Внизу, у конца цепочки машин, он видел Мачина, примерно так же готовившегося к началу схватки. Правда, рубашку Мачин снял, и помощники натирали его тело — торс, плечи, руки — маслом, чтобы противнику труднее было схватить Мачина, если они с Калли сойдутся вплотную. Под конец эти добровольные ассистенты заплели волосы великана в косичку, наподобие поросячьего хвостика, чтобы при резких движениях длинные русые пряди не попадали в глаза. Пока помощники сустились, сам Мачин стоял совершенно спокойно, словно отдыхая. Его огромная загорелая грудь поблескивала в лучах солнца; он казался башней, подавляющей всех окружающих.

— И тебе не помешало бы снять рубашку, — посоветовал О'Рурку Онвиток. — Да и смазаться маслом тоже стоит. Зачем давать Мачину лишний шанс? Если он ухватит тебя — это будет конец.

— Я не планирую оказаться так близко от него, — сказал Калли. Он глубоко, нервно вздохнул, словно стараясь сбросить напряжение. — Вдобавок, это один из его методов психологической атаки — заставить меня тоже обнажиться, чтобы стало очевиднее, насколько он мощный и больше. Не стоит играть ему на руку.

— Дело твое, — пожал плечами Мурфа. — Следи за острием его ножа. Он предпочитает колющие удары рубящим и режущим. Длина его руки с ножом составляет четыре фута, что при выпадает ему восемь. Так что смотри, не переоцени дистанцию.

Калли кивнул.

Солнце поднялось уже достаточно высоко, чтобы не светить прямо в глаза и не слепить дуэлянтов. Небо было совершенно ясным, без единого облачка. Солнечные искры вспыхивали в гранях щебня, покрывавшего склон холма; временами налетали порывы теплого ветра. Почувствовав на лице его мягкое прикосновение, Каллихэн обратил внимание на то, как напряжены мышцы и кожа лица. Ему не нужно было сейчас смотреть в зеркало — он и так знал, что похож на готового к схватке дикого волка. То же самое эхо дикого лесного зова ощущал он сейчас и внутри, хотя к этому первобытному чувству примешивались и другие эмоции: тоскливое одиночество, испытываемое им всю жизнь и ставшее теперь еще глубже из-за Алии; сожаление, даже стремление очутиться в каком-то другом мире — в иначе устроенной вселенной, где не будет столько боли, усилий, крови, которая окажется устроена правильнее и справедливее. Все это он чувствовал сейчас как никогда ясно и сильно. Словно сетка из тонких проволок со всех сторон сжала сердце. Калли поискал среди ее проволочек ту, что

означала страх, и она действительно нашлась — ледяная, но его сердце было защищено теплом горькой радости: предстояла битва!

О'Рурк посмотрел на солнце, на безоблачное небо, и ему вдруг подумалось, что через какой-нибудь час он, быть может, навсегда потеряет саму эту способность — видеть солнце. Однако Каллихэн не испугался. Внутри царил пустота — ни страха, ни сожаления. Он ощущал себя монолитным куском гранита и был готов лицом к лицу встретить врага.

— Пора идти, — тронул его за локоть Онвиток.

Пока они поднимались к отмеченному белым узелком пню, из-под подошв трапперских сапог с шорохом осыпался щебень. Калли с Онвитоком остановились — плечом к плечу. В тридцати футах впереди О'Рурк увидел Мачина и его секунданта, над которым великан возвышался, словно дерево над кустом. Солнце светило слева, лучи его стекали вниз по склону. Широкая грудь Мачина блестела. Тяжелый охотничий тесак в самом деле казался в руке Мачина не больше столового ножа.

Секундант Мачина поднял руку, мурфа повторил его жест, потом хлопнул Калли по плечу.

— Удачи! — пожелал он и в одиночестве направился вниз, к дороге. Секундант Мачина тоже повернулся и начал спускаться к цепочке машин и зрителей.

Каллихэн посмотрел на противника. Тот улыбнулся — почти добродушно — и приветственно поднял руку с ножом. Потом он двинулся на Калли — словно трактор, вспахивая усыпанный щебнем и тонкими пластинками камня склон.

О'Рурк сохранял неподвижность, пока противник не приблизился футов на десять. Потом, прыгнув в сторону, начал отступать вверх по склону. Мачин пытался его догнать, но Калли удавалось двигаться быстрее. Оказавшись футов на двадцать-двадцать пять выше Мачина, Каллихэн побежал поперек склона к тому месту, откуда начал движение Мачин.

Оказавшись рядом с довольно мощным обгорелым стволом, обугленный конец которого доставал Калли до плеча, он остановился и быстро повернулся. Мачин настигал его, находясь самое большее в тридцати футах. Великан ухмылялся, скаля зубы.

На этот раз О'Рурк стойко удерживал позицию до тех пор, пока противник не оказался совсем рядом. Сверкнул нож — великан и в самом деле был быстр, как кошка. Парируя, Калли вскинул свой тесак и быстро пригнулся, отступая под защиту обгорелого ствола. Он был готов к удару, однако тот оказался столь силен, что руку и плечо на секунду буквально парализовало. Как и рассчитывал Калли, столкновение клинков отклонило тесак Мачина — нож врезался в дерево и глубоко застрял. О'Рурк возлагал надежды на секунду, которая потребуется Мачину, чтобы освободить свой нож. Но теперь он потерял это преимущество. Оставалось одно — повернуться и снова бежать — на этот раз вниз по склону.

Каллихэн слышал, как трещит гравий под сапогами преследую-

щего гиганта. Все же ему удалось оторваться и, выбрав участок поровнее, он снова повернул, кинулся вверх, потом, через полтора десятка шагов, остановился.

Напоминающий начало небольшого оползня шум подтвердил — расчеты Калли оправдались. Будучи намного тяжелее своего противника, Мачин не мог так же быстро изменить направление — ему пришлось затормозить, проехавшись по склону на собственной спине.

Делая громадные прыжки, Калли тут же помчался к упавшему противнику. Но когда он подбежал, Мачин уже перевернулся на живот и встал на колени. Он легко отбил удар Калли, а секунду спустя уже вскочил на ноги — громадный, неудержимый, смертельно опасный, как и всегда.

Калли вновь пустился в бегство вверх по склону. Он слышал хруст гравия за спиной, но чем выше он взбирался, тем отдаленнее становился звук преследующих его шагов. Каллихэн рискнул обернуться: Мачин находился в десятке шагов ниже, руки и торс великана блестели — пот смешался с маслом. В его ухмылке Калли почудилось нечто новое — уверенность в победе. Стараясь не терять осторожности, О'Рурк озадаченно смахнул пот со лба и бровей тыльной стороной ладони. Он быстро повернулся налево, чтобы броситься бежать вдоль верхней части склона и... замер в отчаянии.

Калли сам себя загнал — или Мачин оказался хитрее, чем можно было предположить, хотя теперь это уже значения не имело — в часть склона, упиравшуюся в каменный бок утеса. О'Рурк быстро бросил взгляд влево, потом вправо, надеясь отыскать путь к спасению, но Мачин уже перекрыл ему путь к отступлению, и почти никакой надежды на прорыв не оставалось. Калли медлил, а Мачин надвигался, словно умащенный маслом идол языческого божества, вдруг оживший и грозящий сокрушить дерзких смертных. Сверкнул тесак — Мачин сделал выпад, направленный вниз. Калли блокировал его, одновременно делая уходящий нырок. На этот раз он не забыл повернуть лезвие так, чтобы сила парируемого удара не оглушила его, как в первый раз.

Однако толчок все равно оказался весьма болезненным. Впрочем, цели своей Калли добился — он оказался как бы внутри линии обороны Мачина: тот ничего не успевал теперь сделать — О'Рурк был слишком близко. Быстро перевернув тесак, Калли нанес костедробительный удар снизу вверх под нижнюю челюсть гиганта. Нельзя сказать, чтобы великан покачулся, но удар явно не пришелся ему по вкусу — на долю секунды он замер, приходя в себя. За эту долю секунды Калли успел поднырнуть под мощную, как бревно, левую руку Мачина и вырваться на открытый склон.

Как мог быстро он пробежал шагов десять-пятнадцать, потом остановился и посмотрел назад. Мачин только что пришел в себя

и начал погоню, но был еще достаточно далеко, Калли мог позволить себе несколько драгоценных глубоких вдохов.

Боль в груди заставила его удивленно опустить глаза. Слева по ребрам струилась кровь. Оказывается, Мачину удалось его задеть, пусть и неглубоко. В момент удара Калли ничего не почувствовал. Да и сейчас его больше волновали жгущие огнем легкие и сердце, колотившее, как отбойный молоток — мышцам требовалось слишком много насыщенной кислородом крови.

Грудь Мачина тоже вздымалась и опала тяжело. Пот темной полосой пропитал ткань трапперских брюк вокруг пояса великана. Калли быстро огляделся. Внизу, немного левее и совсем недалеко, он заметил два обгоревших ствола, каждый не менее восьми дюймов в поперечнике. Они стояли слишком близко — Мачину не проскочить между ними! О'Рурк быстро побежал по направлению к этим стволам и остановился под их защитой.

Мачин повернул, кинулся вдогонку, потом затормозил, глубоко вогнав сапоги в рыхлых щебен — он увидел, что если хочет добраться до Калли, ему придется обогнуть деревья. Но тогда О'Рурк успеет уклониться от удара, переместившись в противоположном направлении.

— Уэн! Слушай! — пропыхтел вдруг Мачин. — Может, поговорим?..

— О чем? — выдохнул Калли. — Говорить не о чем... Если только ты не намерен бросить нож и признать поражение...

— Возможно... я бы согласился... но мы должны договориться об условиях...

Внезапно Каллихэн прыгнул назад: его предостерег инстинкт — сродни тому, что предупреждает пса о летящем в него камне. Отвлекая Калли, Мачин неожиданно сделал выпад — как раз то, о чем предупреждал Онвиток. Выпад был столь стремителен, что Калли даже не заметил самого движения. Всего долю секунды назад Мачин стоял за деревьями — и вот Калли уже отскочил на два фута, а Мачин, всем телом вытянувшись вперед, выбросил до отказа руку с ножом, толстую и грозную, как стальная колонна, пробил острием серебристого клинка ту самую точку в пространстве, где только что находилась грудь О'Рурка.

Калли тут же метнулся вперед, в обход обгорелого ствола — он надеялся достать Мачина, пока тот находился в уязвимой позиции. Но Мачин успел-таки занять оборонительную стойку — и все, что мог сделать Калли, это снова броситься наутек.

Сначала он повел Мачина вниз и наискось, подождал противника за барьером из большого пня и кустарника, потом вильнул и бежал прикрытие, чтобы вновь кинуться наверх. Дважды Мачин едва не настиг его. Каждый раз звенела сталь клинков. У Калли прибавилось еще две раны — оба раза нож Мачина только скользнул, но порезы кровоточили; с кровью О'Рурк терял и силы. Мачин же, хотя и пыхтел, и сильно вспотел, не имел ни царапины. Смахивая пот со лба, Каллихэн бросил взгляд мельком на часы.

Невероятно — уже без четверти одиннадцать. Прошло почти три четверти часа. Калли они показались не длиннее пяти минут.

Но теперь, осознав, сколько на самом деле прошло времени, О'Рурк начал чувствовать усталость. В груди жгло, глаза разъедал едкий пот, охотничий тесак казался невыносимо тяжелым, словно кузнечный молот.

Он вдруг остановился. Мачин сделал то же самое. Уже несколько раз они вот так, одновременно, делали передышки. Их разделяло футов двадцать склона, покрытого рыхлым гравием. Левой рукой Мачин опирался на обугленный ствол. Калли пристально смотрел на врага. Ухмылка, которая поначалу казалась намертво приклеенной к лицу Мачина, успела исчезнуть. Он дышал так же тяжело, как и Калли, и даже не пытался этого скрыть. Но в остальном, на взгляд О'Рурка — пусть даже и не совсем ясный из-за пота, заливавшего глаза, — Мачин казался достаточно свежим.

Все равно, больше тянуть время было нельзя. Калли ринулся на Мачина.

Нападения великан не ожидал и среагировал не слишком быстро. Однако он успел все же поднять нож и отбить взмах Калли. Но тут нога его подвернулась на коварном гравии, и Мачин упал на колено.

Секунду спустя он уже стоял, прочно и широко расставив ноги. О'Рурк замер в десятке шагов от него.

— Ну, давай! — хрипло крикнул Калли.

Мачин посмотрел ему в глаза, неприятно усмехнулся и медленно покачал головой, не тратя сил на слова. Ответ и так был ясен. Мачин заставит Каллихэна подойти, а сам не сдвинется с места.

О'Рурка вдруг охватило отчаяние. Он рассчитывал измотать противника, чтобы преимущество в силе оказалось уравновешено усталостью. Однако он недооценил сообразительности гиганта. Конечно, Калли мог отказаться от атаки, но этим не выиграл бы поединка; веса в глазах остальных приграничников это ему тоже не прибавило бы.

А ведь О'Рурку нужна была именно победа над Мачином, и непременно на глазах у зрителей. Иначе ему не получить ни людей для экипажа, ни горючего и припасов для экспедиции. А тогда его план провалится.

Каллихэн вновь бросился на врага. Но теперь Мачин был готов отразить атаку. Сталь зазвенела о сталь, и удар едва не вырвал нож из руки О'Рурка. Калли едва успел отпрыгнуть. Теперь положение изменилось — он терял силы быстрее, чем Мачин, который стоял, словно средневековая крепость, презрительно отражая атаки осаждающей армии.

Еще два раза Калли пытался нападать. И каждый раз едва успевал уйти из-под ответного удара. Он остановился, тяжело

дыша, чувствуя тяжесть и слабость во всем теле. О'Рурк перевел дыхание и снова бросился на великана.

Он промахнулся. Тяжелый тесак Мачина ударил о нож Калли как раз в тот момент, когда, споткнувшись, О'Рурк потерял равновесие и покатился вниз, увлекая за собой изрядное количество каменной крошки.

Он услышал хруст гравия под сапогами Мачина — гигант бросился в погоню, предвкушая, как разделается, наконец, с упорным противником, пока тот не успел еще встать на ноги. Прямо перед Калли оказался небольшой обрыв — примерно восьмифутовая отвесная стенка, нарушавшая однообразие склона. Калли перекатился через край, Мачин прыгнул за ним.

Зрителям это, должно быть, показалось чудом — падая, Калли успел сгруппироваться, подобрать ноги и приземлиться вертикально. Почти в тот же миг на него свалилось огромное тело Мачина.

Едва не потеряв сознания от мощного удара, О'Рурк ничком упал на камень. Ему показалось, будто он раздавлен в лепешку. Несколько секунд спустя он пришел в себя, откатил в сторону тело Мачина и, шатаясь, выпрямился. К нему уже бежали — лидировал, конечно, Онвиток.

— Калли, дружище, ты не ранен? — крикнул Мурфа. — Где твой нож? Мачин... — Юноша вдруг запнулся, словно у него перехватило дыхание. Он смотрел на неподвижное тело Бриана Мачина — нож О'Рурка по самую рукоять вошел в грудь великана. Открытые глаза Мачина смотрели в небо, мертвые губы застыли в злоеющей ухмылке. — Слава героям! — прошептал Онвиток, словно не веря собственным глазам. — Ты все заранее рассчитал?

Каллихэн устало кивнул. Это действительно был его последний шанс. Отчаянный шанс — О'Рурк надеялся, что Мачин, видя упавшего противника, бросится в погоню, и что сам он, скатившись с обрывчика, успеет встать на ноги и поднять для удара нож, чтобы встретить преследователя, который, скорее всего, не успеет как следует приготовиться к прыжку.

Непонятно как, но план сработал. Вот он, Мачин — мертвый. Но Калли до того был измотан, что потерял способность чувствовать что-либо, кроме усталости и опустошенности. Голова закружилась, и О'Рурк испугался, что потеряет сознание. Он своими руками убил человека.

Словно сквозь вату, Каллихэн чувствовал, что Мурфа ведет его вниз, к машине. Перед глазами плыл туман. Потом он опустился на благословенно мягкое сиденье; Онвиток занял место водителя. Миг спустя зашипела воздушная подушка, кар поднялся над дорогой, легко, как флюгер на ветру, развернулся, маневрируя боковыми и донными соплами, и, стремительно скользя над шоссе, помчался в Калестин-сити.

— Шесть недель прошло,— заметил Онвиток.

Они с Каллихэном стояли у окна в комнате административной башни; под ними лежало взлетно-посадочное поле, на котором все это время кипела работа по переоборудованию корабля, когда-то называвшегося «Звездой Севера».

— Всего полтора месяца назад ты дрался с Мачином, и уже через несколько дней после этого был, как огурчик. Значит, добрых пять недель ты маялся от безделья. Тем временем напряжение в отношениях между Старыми Мирами и молдогами продолжало нарастать. Почему ты медлишь, Калли? Разве корабль и экипаж не готовы?

— Готовы,— не поворачивая головы, отозвался О'Рурк, внимательно рассматривая корабль.

Пассажирский лайнер, переименованный в «Беи», что на языке молдогов означало «Колесница», был переоборудован от носа до кормы. Большинство пассажирских кают были превращены в технические помещения. В оставшихся установили двухэтажные койки. В носовом отсеке многие офицерские каюты были ликвидированы, чтобы установить дополнительное астрогационное и исследовательское оборудование. И, наконец, в наружной обшивке кое-где зияли провалы портов — там стояли турели боевых лазеров и тяжелых плазменных излучателей.

Был отобран нужный Калли экипаж — и это оказалось не менее трудным делом, чем переоборудование лайнера. Популярность О'Рурка после его победы была столь велика, что желающих участвовать в экспедиции нашлось даже слишком много. Однако ему нужны были люди с особыми качествами, а не просто любители приключений или откровенные бандиты из буша, соблазнившиеся возможностью пограбить молдогов. Каллихэну нужны были люди, верившие в будущее Приграничья, вроде тех, что присоединились к нему шесть лет назад, во время Восстания. Поэтому отбирал он тщательно и придирчиво. Прежде всего он вписал в судовую роль Пита Хайда — жилистого долговогого волшебника пространственной и подпространственной астрогации, чей талант намного превосходил даже способности самого Калли. Старшим помощником был назначен Листром. И все остальные в экипаже были лучшими из лучших, людьми с опытом, закаленными, знавшими и Приграничье, и глубокий космос, и при всем том — мастерами на все руки. Нет, будь дело только в корабле и экипаже, то Калли мог бы покинуть Калестин еще две недели назад.

— Между прочим,— сказал О'Рурк, поворачиваясь к другу,— мы стартуем завтра, в четыре сорок утра. Но для полного счастья, я хотел бы увидеть в Ассамблее Эмили Хазека — прежде, чем мы улетим.

— Эмили? Да его с места не сдвинешь, я же тебе говорил!

Я ему каждый день звонил...— Онвиток замолчал.— Не дразни старого друга, Калли. Дело вовсе не в присутствии Хазека среди членов Ассамблеи.

Калли рассмеялся.

— Нет, конечно. На самом деле я ждал нужного момента. У молдогов есть большой ежегодный праздник, они отмечают его на всех планетах — что-то вроде карнавала, когда все привычные законы и обычаи складывают под замок в дальний чулан.

— Вот оно что! — воскликнул Мурфа.— Раз в год, да? Очень по-человечески, однако. Понятия не имел, что у молдогов могут быть такие праздники!

— Как и все остальные — кроме Вила Джемисона. Вот этого момента мы и ждали.

— Мне ты мог бы и сказать правду! — Тон Онвитока был мягче, чем обида, заключенная в словах.— А этот Вил — настоящая ходячая энциклопедия жизни молдогов. Он все знает — только спроси.

— Если бы все было так просто,— хитро улыбнулся Калли.— Вил знает о молдогах в десять тысяч раз больше, чем все люди вместе взятые, но и ему известна лишь тысячная доля того, что может рассказать о себе и своем обществе обычный молдог. Например, Вил очень смутно представляет, как найти планеты, на которых он побывал, когда путешествовал на корабле молдогов. И не может нам указать, на каких планетах расположены технологические, военные или административные центры их цивилизации. А мне необходимо знать подобные вещи.

— Тогда что же делать? — нахмурился Мурфа.— Не можешь же ты действовать на чужой территории вслепую?

— Мы отправимся на планету, которую он посетил первой,— сказал Калли.— Она называется Хедер Тъаи.— Он улыбнулся.— Если тебе любопытно, то в переводе это означает «Могила Хедера». С Могила мы и начнем. Ну, будем держать пальцы крестом — вдруг повезет?

На следующее утро, без двадцати пять по времени Калестинсити, «Беи» покинула планету. Через восемьдесят минут после старта они вышли за пределы атмосферы и астрогатор Пит Хайд начал составлять программу для серии из двадцати первых прыжков, которые, как он рассчитывал, должны были привести корабль к выбранной планете.

Эти так называемые прыжки представляли собой процессы переноса, трансляции, менявшей математическую позицию корабля относительно теоретического центра Галактики. Практически эффект заключался в том, что — абсолютно без временного промежутка — корабль исчезал из одной точки и возникал в другой, расчетной.

В теории ничто не ограничивало расстояния, которое корабль мог таким образом преодолеть. Но на практике невозможно было

достичь нужной точности вычислений за разумно продолжительное время работы. И чем больше было расстояние — тем сложнее и продолжительнее вычисления. В результате — и это имело огромную важность — тем больше была вероятная ошибка в координатах выходной точки прыжка.

Если представить вероятность и величину ошибки в виде графика, они выглядели, как круто поднимающиеся кривые. Если дальность прыжка превышала пятьдесят световых лет, ошибка могла оказаться больше, чем сама дистанция перемещения.

Поэтому, когда «Беи» направилась вглубь территории молдогов, сами прыжки не занимали ни доли секунды. Но каждый требовал от двенадцати до четырнадцати часов вычислений. И в первую очередь после каждого прыжка нужно было тщательно перерассчитывать собственное положение корабля. Только после этого вычислялась следующая точка назначения.

Таким образом, маленькие корабли преодолевали бесконечные пространства Галактики громадными прыжками, но с большими промежутками между ними. Тем не менее, на третий день «Беи» уже достаточно глубоко вторглась в пределы территории молдогов, оставив далеко позади границу-периметр, приблизительно установленный иномирянами, и достаточно глубоко, как надеялся Калли, чтобы крейсера молдогов, охранявшие границу, остались далеко позади. Каждый прыжок сопровождался выбросом энергии, скрыть который было невозможно. Эти вспышки не могли не появиться на экранах детекторов, следящих за данным участком космоса. Но и молдоги тоже использовали принцип пространственных смещений. Поэтому О'Рурк надеялся, что у них не возникнет подозрений, будто в глубине их собственной территории подобные вспышки может производить корабль землян. Сначала молдогам нужно допустить мысль о появлении земного корабля, и только после того, как подозрение возникнет, — а откуда бы ему взяться? — они пристальнее всмотрятся в экраны детекторов.

Десять дней спустя «Беи» достигла района, где должна была находиться планетная система, включавшая Хедер Тъан. Звезда была типа «же-ноль».

Перейдя на обычную пространственную тягу, они подобрались к двум окраинным мирам системы, прикрываясь, словно щитом, меньшей из двух лун внешней планеты. Перейдя на круговую орбиту, Калли оставил системы управления в состоянии повышенной готовности и собрал экипаж в кают-компанию.

— Итак, — объявил он, — пора посвятить всех вас в причины, по которым мы избрали именно эту планету. Наша экспедиция — не диверсия и не налет. Мы не собираемся атаковать корабли или наземные базы молдогов. Мы будем вызывать дьявола.

Реакция собравшихся была неоднозначной — смех пополам с удивлением.

— Я имею в виду именно то, что вы слышали, — продолжал Калли. — Нам требуется имя — имя одного из демонов мифологии

молдогов. Зовут его Рат И'лан; в переводе это имя означает «Демон Тьмы». Обычно он путешествует на корабле под названием «Бей». Как и все персонажи молдогских мифов, демон этот — трюичный индивид. То есть, на самом деле демон всего один, но при нем постоянно находятся два смертных брата-молдога. Мы задумали совершить посадку в месте, где, по легенде, произошло первичное воплощение Демона Тьмы, и инсценировать это воплощение. Мы позаботимся, чтобы все местные молдоги были поставлены в известность. Демоном буду я, Вил и Доук станут играть роли «братьев». Итак, мы трое плюс пятеро для управления челноком и чтобы нам помочь пробиться обратно, если возникнут сложности. Кто желает отправиться с нами?

Вверх взметнулись руки добровольцев, но неожиданно заговорил астрогатор Пит Хайд:

— Ничего, если сначала я задам вопрос, Калли?

— Давай,— согласился О'Рурк.

— Молдоги все еще верят в демонов? Я о таком впервые слышу.

— Нет, Пит, они верят не больше нашего,— ответил Калли.

Снова раздался смех. Калли выжидал, обводя взглядом собравшихся.

— Дело в другом,— добродушно сказал он, когда все успокоились.— С одной стороны, суеверными нас действительно не назовешь. Но с другой, мы не можем сказать, будто суеверия умерли окончательно. Вил полагает, что примерно так же обстоят дела у молдогов. Они больше не верят в Демона Тьмы — по крайней мере сознательно. Но где-то в глубине их душ еще живут суеверия, и потому если с нашим появлением будет связано имя демона, это вызовет разнообразные эмоции. И когда мы поднимем шум... Будут какие-нибудь возражения? У кого-нибудь появились идеи?

Ни возражений, ни идей не появилось. Калли отобрал пятерых добровольцев — включая Пита, который очень желал попасть в состав десантной партии — и спустя полчаса открылся грузовой люк, выпуская челнок, в котором теперь было тесно. Обогнув местную луну, суденышко начало спуск к планете иноразумных.

Калли решил посадить челнок на ночной стороне. Выключив двигатели, последнюю тысячу футов спуска пилот вел челнок на планирующем полете. Кораблик коснулся грунта легко и тихо, как сажающаяся на подушку муха.

Местность вокруг была гористой, воздух — густой, со странным запахом, но вполне пригодный для дыхания. Неподалеку шумела стремительная горная речка — воды ее рассекал, образуя два русла, черный каменный утес. Затем рукава соединялись, и со скоростью экспресса поток вновь устремлялся по склону вниз.

Куда ни кинь взгляд — повсюду в пейзаже преобладал черный цвет. Кое-где скалы уступили воздействию ветра и воды — в этих местах образовались каверны и пещеры. В самой большой из этих пещер, обнаруженной на зловещем черном каменном острове, восемь землян спрятали челнок — тащить его пришлось

на руках. Благодаря аккумуляторам кинетической энергии, челнок парил в нескольких дюймах над грунтом, и вся операция прошла успешно.

Укрыв челнок, они вернулись на открытую местность, и Калли запустил в дружелюбно подмигивавшее звездами небо воздушный шар-разведчик. Тонким проводом аэростат соединялся с небольшим видеоэкраном. Шару пришлось подняться на шестьсот футов — только после этого его объективом стала доступна местность позади черных пиков. На экране возникло четкое изображение двух поселений молдогов. Они располагались в близлежащих долинах рядом: одно — в пяти милях к западу, второе — в каких-то двух милях к северо-востоку. Огоньки поселений мерцали сквозь ночной туман, словно блуждающие призрачные огни на земных болотах.

— Вот и наши зрители,— сказал Калли, глядя на экран. Он обернулся к Листрому.— Как полагаешь, Лис, сколько им понадобится времени, чтобы добраться сюда?

Щурясь, Листром посмотрел на экран.

— От этого ближнего, думаю, минут пятнадцать. От дальнего — двадцать пять, может быть, тридцать.

— Ну, ладно,— Калли повернулся к Вилу.— Расскажи им легенду, Вил.

Дженисон поднялся. В мерцающем свете звезд и ближней луны, которая только что поднялась над вершинами пиков, его фигура казалась призрачной. Но голос звучал спокойно, казалось, антрополог читает лекцию в студенческой аудитории.

— Молдогская легенда гласит,— начал он,— что среди этих утесов с незапамятных времен дремлет демон.— Вил указал на черный монолит.— Все молдоги знают, что здесь спит демон, но не настолько глупы, чтобы его будить. Как вам известно, индвиду в нашем, земном понимании, у молдогов соответствует триада из трех существ. Поэтому сам по себе демон никогда не проснется, он безвреден, если к нему не присоединятся еще две живые составляющие. Тогда он станет нормальным трехчастным индивидом — личностью в понимании молдогов.

Вил сделал паузу.

— Позвольте еще раз повторить,— продолжал он.— Нормальной с точки зрения молдогов является личность-триада. Но как и среди людей, меж молдогами встречаются индивиды, выходящие за рамки нормы. В данном случае это редкие единичные индивиды, по какой-то причине не имеющие возможности войти в состав фундаментальной ячейки общества — триады. Один из таких типов — это молдог, чьи обязанности заставляют его жить или работать в одиночестве. Название этого типа можно весьма приблизительно перевести, как «книжник». Другой тип называется «одинокча»; по чисто эмоциональным причинам, по своему темпераменту этот тип не подходит для жизни в составе триады. Но поскольку молдоги не в состоянии вообразить, что нормальный

индивид может существовать вне трехчастной единицы, на данный тип ставится клеймо безумца. Поэтому одиночку, выступающего в данной легенде, мы тоже будем называть Безумцем — с точки зрения молдогов такую роль мог играть лишь индивид с психическими отклонениями.

Вил перевел дыхание и посмотрел на Доука. Тот ответил спокойным, как всегда, хладнокровным взглядом. — Теперь вернемся к легенде. Она повествует, как по воле случая два таких ненормальных индивида встретились в том самом месте, где находимся мы сейчас — Книжник (его стану изображать я) и Одиночка, он же Безумец (это будет роль Доука). Завязалась долгая беседа; потом наступила ночь, эти двое развели костер и приготовили ужин. Они все беседовали и беседовали. Оказалось, что каждый из них обладает качествами, дополняющими качества другого — как в обычной нормальной триаде. Книжник владел знаниями оккультного свойства, с помощью которых можно было пробудить дремлющего в скалах демона. У Безумца имелась необходимая для этого отвага. Поэтому, ведомые инстинктивным желанием стать частью триады, они объединили усилия и разбудили демона.

Вил снова замолчал. В голосе его звучала непривычная торжественная суровость.

— Их план сработал. Поднялась страшная буря. Явился демон — и немедленно присоединился к паре сообщников, дополнив и завершив образование триады. Теперь он стал настоящим Демоном Тьмы, то есть занял место доминанты в триаде, состоящей из него самого, Книжника и Безумца. И, как гласит легенда, они отправились в странствия по градам и весям молдогов. А там, куда они приходили, начиналась Перемена Аспекта Достоинства. Вот и вся история.

Вил кончил рассказ. Его место занял Калли.

— Теперь вы знаете легенду. А я изложу вам наш план. У молдогов есть очень чувствительные приборы, регистрирующие запахи. С их помощью они будут воссоздавать события, которые здесь произойдут. На берегу этого острова мы подожжем специальные деактивационные шашки, содержащие серу. Вил и Доук примутся играть свои роли на другом берегу речки. Серные шашки, магниево-осветительные ракеты и акустические усилители, заменяющие гром — все это обеспечит нам нужные сценические эффекты. Пока Вил с Доуком будут заниматься своим делом на том берегу, все остальные вынесут из челнока нужное оборудование и подготовят его к работе. За дело!

И они взялись за дело. Расположив шашки кольцом перед входом в пещеру, Каллихэн подал знак Вилу и Доуку, которые уже перебрались на другой берег. Оставив небольшой костер, возле которого они сидели, эти двое вброд перешли речку и присоединились к остальным, ждавшим в кольце серных дымовых шашек. После этого О'Рурк включил акустическую систему, чтобы создать впечатление громовых ударов.

Под раскаты грома о́ни стояли и ждали, время от времени запуская ракеты, имитирующие вспышки молний. Выждав десять минут, Калли дал сигнал зажигать шашки. После этого, собрав оборудование, земляне отступили в пещеру, где был спрятан челнок.

Там они принялись ждать. Как полагал Листром, молдогам потребуется минут пятнадцать, чтобы от ближайшего поселка добраться до острова. На самом деле время составило больше получаса — к этому моменту серные шашки (преисподняя у молдогов, как и у людей, ассоциировалась с дымом и горячей серой) успели почти выгореть. В темноте на речном берегу замелькали огни.

Они появились со стороны, где находилось дальнейшее поселение. Но не успели эти молдоги приблизиться к острову, как с противоположного направления тоже показались пятнышки света. Калли выждал, пока первая группа подойдет достаточно близко, чтобы в отсветах их фонарей можно было рассмотреть самих молдогов, потом повернулся к Листрому, сидевшему в пилотском кресле, и приказал:

— Взлетай!

Листром включил двигатели на полную мощность. С ревом рассекая воздух, челнок вылетел из черного зева пещеры. Теоретически они должны были уйти беспрепятственно. Но у молдогов, очевидно, было с собой оружие, и они — на всякий случай — держали пещеру на прицеле. Замелькали вспышки выстрелов, затрещал наружный корпус, пробитый в нескольких местах, один из двигателей тонко взвыл и замолчал. Челнок накренился, нырнул, Листрома швырнуло на пульт.

Калли одним рывком выбросил Листрома из кресла и плюхнулся на его место. Пальцы его запрыгали по клавишам, он пытался скомпенсировать потерю одного двигателя. В этот момент О'Рурк услышал свист воздуха, через пробоины покидавшего корпус, и перевел челнок на горизонтальный полет — они успели уже забраться слишком высоко — а затем по плавной кривой направил суденышко вниз, к более плотным слоям атмосферы. На высоте в пять тысяч футов он включил автопилот и занялся осмотром повреждений.

Листром потерял сознание — молдогская пуля прошла его навылет. Больше никто ранен не был; главной потерей оказалось полное выведение из строя двигателя номер два. Но разрывные пули молдогов проделали дыры в небронированном корпусе челнока — залатать эти пробоины вряд ли удастся.

Аварийные гермокостюмы были по приказу самого Каллихэна оставлены на корабле — чтобы освободить место для дополнительного груза дымовых шашек, прочего оборудования и восьми человек команды. Без этих скафандров до корабля им не добраться — с таким же успехом «Беи» могла находиться не на теневой стороне малой луны, а в родных Плеядах. Им не преодолеть сотню

тысяч миль безвоздушного пространства между планетой и ее спутником.

Теперь они стали пленниками планеты. Через несколько часов молдоги поднимут тревогу и начнут погоню.

— Вил,— сказал Калли,— я сейчас выключу все наружные огни, оставлю только освещение кабины. Посмотри, что с Лисом, ладно?

13

— Как он там? — не оборачиваясь, поинтересовался О'Рурк.

— Думаю, все будет в порядке,— ответил Вил. Вместе с Доуком он склонился над Листромом, который все еще не пришел в себя. Тело его вытянулось на полу, заняв почти весь проход.

— Рана хорошая, чистая, сквозная,— констатировал Вил.— Пробита мышца плеча. Полагаю, сознание он не от этого потерял. Скорее всего, его ударил по голове осколок оболочки, вырванный разрывом пули. Он уже приходит в себя.

— Хорошо,— проворчал Калли.

Он снова сел в пилотское кресло. Повинуясь прикосновению его пальцев к клавишам сканера, на экране медленно разворачивалась карта лежащего под ними мира.

— Подойди-ка сюда на минутку, Вил, если можешь.

— Иду,— отозвался старик.— Пит управится с перевязкой сам.

Послышался шорох, звук шагов, и Джемисон втиснулся между креслом и стенкой.

— Что случилось?

— Если мы в течение шести часов не смоемся с планеты, молдоги выставят заслон и запечатают нас здесь намертво.

— Вот как? — спокойно отозвался Вил. В зеленоватом отсвете дисплеев и шкал пульта лицо его казалось на редкость безмятежным.

— Именно,— подтвердил Калли.— Итак, это родная планета Демона Тьмы. Какие-нибудь еще легенды ты о нем знаешь? Насчет того, что он совершил после пробуждения?

— Имеется несколько. Но почему ты спрашиваешь?

— Потому что нам понадобится помощь — любая. И легенды тоже могут послужить источником полезных сведений. Я предполагал приземлиться в каком-нибудь солидных размеров поселении, выбросить парочку разноцветных дымовых шашек — для подтверждения нашей демоничности — и отправиться восвояси, на «Беи», пока нас не сцапали военные. Но теперь у нас в корпусе полно дыр, и мой план рухнул. У нас осталось в лучшем случае шесть часов, и мы не успели бы починить корпус, даже будь у нас инструменты и материалы. Единственный другой способ — покинуть планету на молдогском корабле. Два космопорта этой плане-

ты расположены в Барат Чи и в Колау Ран. Если не терять времени, то у нас остается шанс угнать какой-нибудь кораблик — прежде чем молдоги привезут в горы нужные приборы и специалистов и определят, что церемонию с Демоном разыграли земляне, и прежде чем они догадаются, что для побега нам нужен их корабль. Неплохо было бы провернуть мимоходом какую-нибудь диверсию, чтобы отвлечь их внимание, пока мы будем захватывать корабль. Как ты считаешь, что бы такого мог выкинуть Демон Тьмы?

— Колау Ран... — задумчиво пробормотал Вил. — Нет, я перепутал. Это было в Кол Мар. Именно там началась чума — первый знак Перемены Аспекта.

— Не страшно, — успокоил его Калли. — Не имеет значения. Пусть это будет другой город. А что именно он сделал, чем он вызвал эпидемию? И сможем ли мы это повторить?

— Он пришел туда вместе с Книжником и Безумцем, зарезал вииньи — это такое животное, вроде козленка — и положил тушу у главных врат города. Нет, теперь такое не получится: городские ворота исчезли из архитектуры молдогов вместе с городскими стенами, после того как современные виды оружия сделали эти стены бесполезными.

— Ничего... Ничего... — пробормотал Каллихэн, словно разговаривая сам с собой; он лихорадочно размышлял, на скулах играли желваки.

— Теперь городские ворота — это космопорт! То, что надо! Так, что нам еще потребуется, кроме этого животного, как там оно называется... Мы должны особым образом одеться?

— Ну... — Вил задумался. — Наверное, обычные накидки, без клановых эмблем конечно, нам с Доуком пригодились бы. Но у нас их нет. Придется остаться в одежде, которая на нас. Но Демон, как считают, был восьми футов ростом, черный, с большой кожистой складкой, торчащей за головой.

— Вот как? Ну, хорошо... я что-нибудь придумаю, — проговорил О'Рурк. — Я хочу, чтобы молдоги поняли — мы люди, которые изображают легенду о Демоне. А пока что надо достать этого твоего... козленка.

За спиной Калли послышался стон.

— Вот и наш Листром проснулся! — с не совсем естественной живостью воскликнул Калли. — Эй, Лис, ты живой? Слушай, Вил, где нам найти это животное?

Несколько секунд Джемисон размышлял.

— Я помню одну народную песню про пастуха вииньи, там говорится о долинах среди высоких гор. Полагаю, там мы и найдем подходящего дикого вииньи.

— Долины среди высоких гор... — задумчиво протянул Калли. — Что-нибудь вроде того горного кряжа, над которым мы как раз пролетаем. — Палец его нажал клавишу, и по сканеру поползла лента рельефной карты континента. — Все большие города расположены по берегам или на равнинах внутри континента. —

проинформировал самого себя О'Рурк. — Если пастбища находятся на склонах горной цепи, лучше всего поискать неподалеку от большого города, где возможен повышенный спрос на мясо — но только чтобы он не лежал слишком близко к горам, иначе для пастбищ не останется пространства — при современных технологиях.

Он всматривался в карту. Наконец, шелкнув клавишей, остановил ее движение.

— Кажется, нашел.

Каллихэн встал, повернулся к Листрому и увидел, что верзила уже окончательно пришел в себя и сидит, прислонившись к стене рубки. О'Рурк присел на корточки рядом.

— Как чувствуешь себя, Лис? — заботливо спросил он. — Сможешь немного побегать — так, на дистанцию футов в сто? Часиков через пять-шесть, а?

— Я в полном порядке, — чуть морщась, откликнулся тот. — Пит закатил мне такую дозу обезболивающего... Сотня футов, говоришь? Полагаю, справлюсь без труда. Только я бы сейчас чуть-чуть подремал — на всякий случай, для страховки.

Листром закрыл глаза. О'Рурк выпрямился и повернулся к остальным.

— По моим предположениям, времени у нас от пяти до шести часов, — объявил он. — Мы направляемся к большому городу, Колау Ран, где попробуем захватить корабль. Вил, Доук и я — мы будем инсценировать появление Демона, чтобы отвлечь внимание молдогов, а вам предстоит осуществить сам угон. А пока надо поохотиться на одно местное животное — оно нам понадобится для спектакля. Пит!

— Здесь я, — отозвался из-за спины Калли голос Хайда. О'Рурк обернулся.

— Пит, ты, вроде, лучше всех управляешься с инфракрасными сенсорами. Садись за сканер и начинай поиск животного размером с козленка и примерно такого же веса. Я буду вести челнок низко над местностью, где мы, возможно, наткнемся на этого, как его... вииньи.

Однако понадобилось четыре часа, чтобы обнаружить стадо вииньи и поймать одного из них. Полтора часа спустя, уже почти перед восходом солнца, управляемый Питом челнок проплыл над огнями космопорта Колау Ран, миновал здание терминала и направился к взлетно-посадочному полю, где стояли корабли.

До корабля, который наметил Калли, было уже совсем близко, и пока что появление челнока не привлекло внимания обслуживающего персонала. О'Рурк сделал ставку на уверения Вилла, будто появление незнакомого аппарата заинтересует молдогов в меньшей степени, чем если бы на их месте оказались люди — и пока что надежды оправдывались.

Признаки беспокойства молдоги начали проявлять лишь после того, как челнок плавно опустился на поле возле самого трапа,

выбранного Каллихэном корабля. Они оставили работу и повернулись в сторону кораблика непривычных очертаний. Молдоги внимательно наблюдали за суденышком, однако никто ничего не предпринимал. Пит нажал кнопку, и в борту челнока распахнулся люк.

— С дороги, с дороги! — прогудел Калли.

Он натер лицо и руки графитом, а также, используя обивку одного из кресел, соорудил себе черный балахон с графитом же вымазанным капюшоном. Потом он подхватил крепко связанного виньи. Молдогский аналог козленка оказался довольно тяжелым для своих небольших размеров.

Но в венах О'Рурка уже пел адреналин. Калли чувствовал небывалую легкость, эйфорию и распирающую яростную энергию. Он спрыгнул на покрытие взлетного поля, быстро обошел челнок и направился к зданию терминала. Краем глаза он отметил, что за ним следуют Доук с Вилом, первый — справа, второй — слева. Быстрым, но уверенным шагом они пересекали взлетное поле, направляясь к терминалу и застывшим в неподвижности молдогам.

До входа было ярдов шестьдесят, не больше. Стояла полная тишина, если не считать звонкого стука их подошв по взлетному полю, покрытие которого напоминало бетон. Молдоги продолжали хранить молчание и неподвижность, пристально глядя на марширующую к ним троицу. Лица инопланетян, казалось, были совершенно бесстрастны. Калли чувствовал, как внутри у него все туже и туже скручивается какая-то пружина. Но он гордо шагал, высоко подняв голову. Кожа на скулах у него натянулась, как на барабане.

Только сейчас О'Рурк заметил, что от покрытого негустым курчавым черным мехом животного в его руках исходит густой маслянистый запах. Все чувства у Калли необыкновенно обострились — он слышал сейчас даже самые тихие звуки, а зрение, казалось, приобрело микроскопическую ясность и четкость.

Они проходили всего в нескольких ярдах от одного из молдогов. До находившегося прямо перед ними терминала оставалось меньше двадцати футов. Они остановились перед входом — вместо дверей молдоги использовали устройство вроде жалюзи — и Калли положил «агнца» у порога. Потом он вытащил нож, поколебался...

— Калли... — тихо, но с явным желанием дать понять, что медлить нельзя, сказал Вил.

Нож дрогнул в руке О'Рурка, но тут он увидел глаз виньи — стеклянный, мертвый. Животное уже не дышало — трудно сказать, что его убило: возможно, слишком сильный удар при поимке. Калли полоснул ножом по глотке виньи, поднял тушу и швырнул наземь — темная, казавшаяся почти черной кровь кляксой расплескалась по жалюзи и брызнула на бетон.

— А теперь пошли отсюда скорей! — тихо сказал Каллихэн.

Они повернулись и быстро, но уверенно зашагали в сторону челнока. Молдоги стояли и смотрели — но в большинстве своем не

на людей, а на зарезанного виньи. Калли, Доук и Вил плечом к плечу быстро шли, стараясь, однако, не выдать, насколько они спешат. Калли смотрел прямо перед собой — на челнок и приплюснутую сигару инопланетного корабля за ним. Каждый шаг гудящим эхом отдавался во всем теле; казалось, даже силуэты кораблей танцуют в такт стуку подошв. Шаг, еще шаг и еще — они подходили все ближе, пройдя уже почти половину пути. Позади по-прежнему царила тяжелая, набухшая тишина.

Вдруг кто-то из молдогов закричал — сначала тонко, почти визжа, потом более басовито и хрипло. Эхом отозвался еще один голос, потом третий, затем целый хор — молдоги орали во все горло.

— Не останавливайтесь! — проворчал Калли. Он услышал, что за ними кто-то бежит — судя по звуку, один-единственный молдог. О'Рурк уже хотел было обернуться, но Вил тронул его за локоть.

— Нет, пусть это сделает Доук! — вполголоса сказал Джеми-сон, глядя прямо перед собой.

Они не замедлили шага. Преследователь был уже близко. Доук вдруг мягко развернулся и пропал из поля зрения. Что-то глухо ударило, молдог вскрикнул — крик его оборвался на середине. Наступила тишина. Секунду спустя Доук занял свое место слева от Калли, на ходу засовывая нож в ножны на поясе. Молдоги позади продолжали отчаянно орать, однако броситься в погоню больше никто не решился.

Едва троица достигла челнока и начала огибать нос, как в корпус со звоном и характерным визгом рикошета что-то ударило — стреляли со стороны терминала.

— Бегом! — скомандовал Калли, и под прикрытием челнока они помчались к трапу, спускавшемуся на бетон из одного из вспомогательных люков в борту молдогского корабля.

Первым вскарабкался на борт Вил, за ним — Доук: Калли прикрывал отступление. Когда О'Рурк со всем возможным проворством влез на четвереньках в люк, то обнаружил, что по обе стороны трапа лежат Листром и еще один из членов команды челнока и ведут огонь в направлении терминала.

Оказавшись в безопасности, Каллихэн и сам тут же залег, осторожно выглядывая над комингсом люка. Отсюда ему было хорошо видно взлетное поле до самого здания терминала. Молдоги успели разбежаться — за исключением десятка тех, кто лежа, прикинувшись к бетону, или присев на корточки, стрелял по открытому люку. Огонь молдоги вели очень упорядоченно, словно специально обученные солдаты или полицейские.

— Прекратить огонь! — приказал Калли. — Закроем люк!

Не поднимаясь, все трое отползли вглубь шлюза, потом Калли посмотрел туда, где на земных кораблях было принято располагать управление наружным люком. Но стена была серая, голая — просто металлический лист. Калли быстро повернулся, скользя

взглядом по стенам, но тут люк начал плавно закрываться, и футах в десяти возле маленькой панели управления Калли увидел Пита. Тот подмигнул, а секунду спустя тяжелая крышка с тихим стуком встала на место.

— Где пилотская рубка? — быстро спросил О'Рурк.

— На носу, как у наших кораблей, — ответил Пит. — За мной!

Они помчались по тесному проходу с металлическими стенами, миновали круглое помещение — очевидно, астрогационно-наблюдательный пункт — а потом коротким коридором добрались до подковообразной рубки. Здесь, перед широким консольным пультом, стояло несколько пилотских кресел. В углу лежал на полу связанный по рукам и ногам молдог.

Бросив взгляд на инопланетянина, Каллихэн направился к трем креслам, стоявшим впереди остальных.

— А где другие? — спросил он.

— Всего пятеро было. Мы всех достали, — сообщил Пит. Калли уже усаживался в центральное кресло.

— Позови сюда кого-нибудь, — приказал он, — а вы вдвоем присоединяйтесь ко мне. Чтобы поднять этот корабль, нужны три человека — так уж устроено у молдогов управление.

— Понял! — Пит выскочил из рубки.

Калли осмотрел пульт. По крайней мере, здесь он был на знакомой территории. Несколько лет назад, во время Восстания, ему удалось добыть снимки рубки управления молдогского корабля, и он много упражнялся на макетах молдогских пультов, пока они не стали ему привычны почти как земные. Правда, этот представлял усовершенствованную модель: кое-где ручное управление было заменено автоматическим с цветными светящимися индикаторами. К счастью, диапазон зрения и слуха у молдогов приблизительно соответствовал человеческому. Калли было известно, что аварийные сигналы у молдогов трех цветов — голубого, зеленого и желтого, что соответствовало прогрессии земных пультов — от красного к желтому и зеленому. Теперь О'Рурк мог определить, что корабль практически готов к старту. Оставалось в последний раз проверить все системы — дело пяти минут. Это они успеют сделать, проходя атмосферу, хотя такое было против всех правил безопасности — как земных, так и молдогских.

За спиной раздался топот, и в кресло справа плюхнулся Пит; Вил занял место слева.

— Приступим, — сказал Каллихэн. — Я буду называть системы; как только я называю одну из них, один из вас нажимает кнопку или поворачивает рукоятку под табличкой с названием этой системы и докладывает мне показания контрольных приборов. Все ясно?

Помощники кивнули. Калли начал проверку. Покончив с основными системами, он начал поднимать корабль — сначала на гравитационных репульсорах, которые использовались молдогами вместо накопителей кинетической энергии, потом, набрав высоту,

врубил плазменные двигатели, почти не отличавшиеся от тех, что использовали земляне. Неожиданно корабль содрогнулся всем корпусом; от носа до кормы прокатился глухой звон; на пульте замерцали желтые огоньки. Калли перебросил несколько рукояток, герметически отрезав кормовые секции корабля.

О'Рурк включил обзорный экран, дающий телескопическое изображение взлетного поля внизу. Так и есть: посреди поля стояла какая-то установка — нечто вроде пушки на колесном ходу. Калли добавил мощности на плазменные двигатели, ускорение вдавило людей в спинки кресел.

К счастью, судя по всему, первый выстрел достал их почти случайно — корабль находился на пределе дальности молдогского орудия. Больше попаданий не было. Атмосфера уже почти осталась позади, и угрожать им могла лишь скорая погоня. Но пока что не было заметно, чтобы космопорт покидал еще какой-нибудь корабль. План Калли сработал — им удалось бежать.

О'Рурк перешел с плазменных двигателей на обычную межпланетную тягу. Несколько секунд он сидел неподвижно, переводя дух, потом повернулся к помощникам.

— Пока вы мне больше не нужны, — сказал он. — Но будьте рядом. Нужно обогнуть планету и спрятаться за луну, на которой ждет наш корабль. Это я могу сделать и сам. Но как только мы нырнем за луну, я должен буду сделать один быстрый прыжок — и сразу же вернуться. И тогда мне без вас не обойтись.

— Прыгнуть и вернуться? — озадаченно нахмурился Пит. — Какой в этом смысл? Лучше пошлем сигнал на «Бей» и прыгнем сразу на пару световых лет, чтобы покинуть эту систему.

Калли покачал головой.

— Пит, пораскинь мозгами. Мы создадим энергетическую вспышку, молдоги подумают, что мы сделали как раз то, что ты советуешь, а мы на самом деле затаимся рядом.

Пит продолжал хмуриться.

— Думай, Пит, думай, — настаивал Калли. — Что предпримут молдоги в первую очередь? Вышлют корабль. Но не в погоню за нами — вспышка введет их в заблуждение, в глубинном космосе им нас никогда не найти. Они вышлют корабль, чтобы как можно скорее передать сообщение о нашем появлении, корабль направится туда, где расположено правительство молдогов — на Имперскую Планету.

Лицо Пита прояснилось.

— Понял. Ты хочешь напасть на этого посыльного, как только он покинет атмосферу? Мы застанем их врасплох, и у нас окажутся уже два корабля!

— Нет, — покачал головой О'Рурк. — Мы будили демона не для того, чтобы захватывать молдогские корабли. Ради этого мы могли и людьми остаться. Нет, мы проследим за кораблем-курьером. Я хочу знать, где находится столичная планета молдогов. Так что тебе придется работать, как никогда — они не должны

нас заметить до самой посадки. А вот *тогда* мы их и накроем!

Пит кивнул, встал и вышел из рубки.

Каллихэн молча проводил его взглядом. Пит не задал самого очевидного вопроса — что О'Рурк намерен делать потом, когда захватит корабль-курьер под самым носом у правительства молдогов, возле планеты, где сконцентрированы мощные военно-космические силы инопланетян, поскольку это планета-столица. И очень хорошо, что не спросил.

14

— Фокус в том,— объявил Калли, когда собрались все его помощники,— что нам предстоит не просто захватить корабль-курьер, за которым мы скрыто следуем. Нам нужно захватить его почти у самого места назначения и притом таким образом, чтобы не поднять тревогу — Имперская Планета молдогов наверняка хорошо защищена.

Калли потребовалось немногим более трех часов, чтобы произвести задуманный маневр — обогнуть планету и выйти на орбиту над теневой стороной малой луны. Потом он рассчитал прыжок с нулевой прогрессией.

Примерно еще тридцать минут он держал корабль в тени луны, чтобы их не могли обнаружить с планеты — примерно столько, по его мнению, могли потребовать расчеты небольшого прыжка за пределы системы. Потом он нажал на нужные клавиши.

Казалось, ничего не произошло — полная тишина, даже ни малейшей вибрации. Только на десятке индикаторов вдруг запрыгали стрелки, замигали световые сигналы, сообщая о значительной потере энергетических ресурсов. Приборы молдогов непременно зарегистрируют невидимую корону этой энергетической вспышки.

Затем Калли направил корабль к условному месту на теневой стороне, где была спрятана «Беи». Доук, единственный из команды, кто мог втиснуться в молдогский скафандр, выбрался наружу через вспомогательный люк и зажег условный сигнал — красный, зеленый и синий огни. По этому сигналу на «Беи» должны были опознать челнок.

Калли ждал ответа. Несколько секунд тянулись, казалось, бесконечно — и вот на имитирующей скалу оболочке, под которой прятался корабль приграничников, загорелись три соответствующих огня — зеленый, красный и голубой. Каллихэн опустил захваченный корабль молдогов рядом с «Беи» и вместе с помощниками перешел на ее борт. Необходимо было провести совещание.

— Итак, в какой последовательности мы действуем? — спросил Вил, стоявший рядом с Доуком и Листромом, плечо и грудь которого были плотно забинтованы.

— Во-первых,— начал О'Рурк,— мы должны следовать за кораблем-курьером и нас не должны заметить. Я предполагаю, что курьер взлетит через час или около того. Так что времени перемонтировать какое-нибудь оборудование или оружие с «Бей» на захваченный корабль у нас нет. Эту работу придется делать в промежутках между прыжками. А теперь, Лис,— он повернулся к Листрому,— я назначаю тебя капитаном «Бей». Пусть второй помощник пилотирует корабль, пока ты сам не сможешь сесть за пульт. Половина экипажа перейдет со мной на новый корабль. Вил и Доук, держитесь со мной, на всякий случай — вдруг нам понадобится полный демон? Пилотировать молдогский корабль будем мы — пока я не обучу замену.

Калли внимательно осмотрел собравшихся.

— Возражения? Предложения?

Ответом было выжидающее молчание.

— Тогда за работу,— сказал он.— Разойдись!

Калли принялся отбирать людей для второго экипажа. Потом по недавно протянутому коридору-рукаву они перешли с «Бей» на захваченный корабль.

Сразу после этого соединительный коридор был убран, а люки задраены. Связь между кораблями поддерживалась с помощью коротковолнового передатчика с радиусом действия с пятьдесят миль — чтобы молдоги не могли случайно перехватить разговоры. О'Рурк так же позаботился, чтобы название на борту молдогского корабля было изменено: вместо «Чар-о-Неи», или «Братская любовь», он именовался теперь «Нанш Ракх» — «Отмщение». Оба корабля поднялись на достаточно высокую орбиту, чтобы следить за появлением курьера.

Ждать пришлось недолго. Через полчаса сенсоры засекли старт из космопорта Колау Ран. Они последовали за взлетевшим кораблем на дистанции в четыре тысячи миль. «Бей» и «Нанш Ракх» сохраняли интервал в полмили — если бы молдогам удалось их засечь, то на экранах детекторов два корабля выглядели бы, как один.

Однако ничто пока не указывало, что преследование обнаружено. Отойдя от планеты на безопасное расстояние примерно в один ее диаметр, корабль-курьер исчез во вспышке невидимого излучения, знаменующего совершение прыжка.

На борту «Бей» Пит Хайд был наготове, склонившись к большому кубу-сканеру. Этот объемный экран моделировал межзвездное пространство примерно в три тысячи световых лет диаметром. Из-за очень крупного масштаба этот сканер регистрировал только самые горячие звезды и вспышки уходящих в смещение кораблей. В трехмерной черноте его то и дело мерцали искорки таких вспышек. Курьер, только что покинувший Колау Ран, немедленно затерялся бы в его глубинах, если бы Пит не знал, во-первых, стартовой точки корабля и, во-вторых, приблизительной дистанции первого прыжка — около пяти световых лет. Поэтому он установил

периметр соответствующего диаметра с центром в точке отправления. Было крайне маловероятно, что одновременно с курьером из прыжка точно на этом периметре выйдет еще какой-нибудь корабль. В результате, когда в глубине куба замерцала искорка энерговспышки — примерно в трех с половиной световых годах от точки исчезновения курьера — Пит немедленно зафиксировал ее координаты. В течение двадцати минут «Беи» и «Нанш Ракх» последовали за курьером, выйдя из прыжка приблизительно на расстоянии светового года от молдогского корабля — достаточно далеко, чтобы не вызвать никаких подозрений. Приграничники стали ждать, пока преследуемый корабль не завершит расчетов второго прыжка.

Тем временем «Беи» и «Нанш Ракх» встали борт к борту — их разделяло теперь не больше двадцати ярдов. Рабочая бригада занялась переустановкой кое-какого вооружения с «Беи» на захваченный корабль.

Они успели перемонтировать лишь две из восьми намеченных установок, когда курьер ушел во второй прыжок. Но Пит Хайд был начеку. Он засек точку выхода — снова в пяти световых годах.

И вновь «Беи» и «Нанш Ракх» разошлись на минимально безопасное расстояние, совершили прыжок и вышли на расстояние светового года от курьера. Снова началась работа по переносу боевых установок. Ко времени третьего прыжка она была завершена на треть.

Еще два прыжка — и перенос вооружения и приборов был закончен. Теперь «Нанш Ракх» был вооружен, и управлять им могли люди, понятия не имеющие о пультах и приборах инопланетян. Конечно, победить в схватке с нормальным военным кораблем, вроде того же курьера, «Нанш Ракх» не мог — для этого он был вооружен слишком легко. Но привычные молдогскому глазу очертания должны были позволить ему подойти достаточно близко к преследуемым, чтобы воспользоваться преимуществом внезапности и нейтрализовать огневое преимущество молдогов. «Беи», с ее явно земными обводами, такого преимущества не имела.

После очередного прыжка Калли перешел на «Беи», чтобы поговорить с Хайдом.

— Что скажешь? — спросил он, входя в рубку связи. — Уловил, куда они направляются?

Пит вытащил из уха наушник, через который сканер передавал ему данные об энергетических показателях и расстояниях.

— На шестьдесят пять процентов или даже больше, — сказал он. — Похоже, что они идут к Эн-тысяча пятьсот двадцать. Это планетная система из двенадцати компонентов, звезда класса А-ноль, расстояние от нас — сорок три светогода. — Он улыбнулся уголком тонкогубого рта. — Еще пару прыжков, и я скажу точно.

— У нас нет времени, — объяснил Калли. — Мы должны оказаться там раньше них. Поэтому с каждым прыжком придется подбираться все ближе. Иначе нам их не обогнать.

— Хочешь начинать прямо сейчас?

— Хочу быть уверенным, что мы окажемся у цели раньше, чем они,— ответил Каллихэн.— Тогда у нас будут все шансы застать их врасплох. Из последнего прыжка они выйдут не ближе, чем за пять диаметров системы?

— Пожалуй,— нахмурился Пит.— Я поступил бы именно так — чтобы осталось время для последней коррекции. Судя по всему, астрогаторы на курьере еще осторожнее меня. Но ты понимаешь, что если мы устроимся в засаде, всегда остается статистический шанс — пусть и очень небольшой — что они свалятся нам прямо на голову?

— Знаю,— подтвердил О'Рурк.— Но придется рискнуть — или нам вообще нечего здесь делать. Я на тебя рассчитываю, Пит. Ты обведешь их вокруг пальца.

— А что мне еще остается,— буркнул Хайд.— Я стану рассчитывать прыжки подлиннее, риск ошибки будет возрастать с каждым разом — можно лишь надеяться, что ошибки сбалансируются.

— Я верю в тебя, Пит,— сказал Калли.— Ты их сбалансируешь.

— Вот спасибо,— скорчил гримасу Пит.— Благодарю за доверие!

Калли вернулся на «Нанш Ракх». Пока корабль совершал следующие восемь прыжков, постепенно обгоняя молдогский курьер, О'Рурк обучал двух помощников работе с сенсорами и сканерами инопланетного корабля. Одновременно он и сам упражнялся за пультом — вместе с Доуком и Вилом. Управление молдогскими кораблями было рассчитано на трех пилотов. Поэтому вместе они — подобно настоящей триаде — могли легко управлять любым захваченным инопланетным судном — если таковое, разумеется, подвернется.

Наконец, два корабля приграничников оказались на расстоянии одного смещения от окраин системы звезды Н-1520, примерно в полупрыжке впереди курьера с Колау Ран. Пит был вызван на борт «Нанш Ракх», дабы возглавить приборно-сенсорный отсек.

— Слушай, Пит,— обратился к нему Калли, когда долговязый гений астрогации появился в рубке,— как ты полагаешь, что они сделают, выйдя из прыжка? И сколько им понадобится времени?

Пит задумчиво потер длинный нос.

— Если ничего неожиданного не произойдет,— сказал он,— их астрогатор выведет корабль из прыжка на расстоянии десяти—пятнадцати световых дней от границ системы — он намного предусмотрительнее меня. Потом ему понадобится время — час или два — на расчет короткого последнего броска. С расстояния в полдюжины диаметров системы он или совершит новый прыжок, очень маленький, чтобы сразу оказаться вблизи цели,— на подготовку к такому уйдет минут двадцать,— или последний прыжок будет сориентирован в точку на окраине системы, откуда корабль

пойдет на обычной пространственной тяге. В любом случае, удар мы должны нанести во время длинного периода вычислений, пока курьер находится в нескольких световых сутках от системы.

— Прекрасно,— сказал Калли.— Тогда всецело передаю операцию в твои руки. Рассчитай нужный прыжок — я полагаюсь на твою интуицию. После прыжка продолжай следить за монитором. Как только промелькнет курьер, быстро рассчитывай бросок прямо на него — но только для одной «Нанш Ракх». «Беи» последует за нами несколько минут спустя. Я не хочу, чтобы на курьера что-то заподозрили, увидев сразу два корабля. Если нам хоть немного повезет, мы успеем подойти на близкую дистанцию и расстрелять их внешние установки, пока они сообразят, что происходит. Ты все понял?

— Все,— успокоил Пит и отправился в приборный отсек.

Хайд оказался точным предсказателем. Корабль из Колау Ран вел себя так, словно его пилоты читали мысли Пита. Курьер вышел из прыжка в шести с половиной световых сутках от Н-1520. Когда преследуемый корабль появился на экранах сканеров «Нанш Ракх», расстояние между ними составляло меньше светового дня. «Нанш Ракх» совершил прыжок и вышел в обычное пространство не далее, чем в ста пятидесяти милях от молдогского курьера.

Конечно, появление корабля не прошло — и не могло пройти — незамеченным для команды посыльного судна. Но молдоги, судя по всему, приняли его за случайность: просто еще какой-то корабль направлялся к Н-1520, только и всего. Никаких признаков тревоги они не проявили. Тем временем Пит с лихорадочной быстротой заканчивал вычисления.

Три минуты двадцать секунд спустя на пульте перед О'Рурком завершался интерком.

— Готово...— хрипло доложил Пит и продиктовал вереницу цифр.

Пальцы пилотов — Калли, Вила и Доука — стремительно забарабанили по клавишам, вводя в пульт необходимые данные. Корабль вошел в прыжок. Словно из ничего на обзорном экране материализовалось вдруг молдогское посыльное судно. До него было всего каких-то полмили. Теперь на его борту была заметна некоторая активность, свидетельствующая о несомненном удивлении — сенсоры «Нанш Ракх» регистрировали усиление лучевой и магнитной активности внутри и вокруг курьера.

И все же его команда явно колебалась — посылать сигнал тревоги или нет. Основания для этого были: слишком близко для простого совпадения оказался незнакомый корабль. Турели боевых установок курьера начали разворачиваться в сторону «Нанш Ракх», хотя пока это была простая мера предосторожности.

Однако «Нанш Ракх» уже держал противника на прицеле. Ударили бледные иглы лазерных излучателей — сами лучи были невидимы, свет исходил только от прожекторов наведения. Снача-

ла был расплавлен модуль связи, затем наступила очередь боевых установок.

Сделав «бочку», курьер повернулся другим бортом, чтобы дать залп из уцелевших установок, но лазеры «Нанш Ракх» опередили удар противника. Эти установки тоже оказались уничтоженными раньше, чем успели нанести заметный урон — два или три скользких попадания, даже не пробивших внутренний корпус «Нанш Ракх», нельзя было принимать в расчет.

Пробоины самозатянулись — полужидкий материал, наполнявший пространство между внутренним и внешним корпусами, немедленно выдавился в пробоины и затвердел под воздействием вакуума, став гладким, как стекло.

— На abordаж! — рявкнул Калли.

«Нанш Ракх» начал маневр солижения. Со звоном ударили о корпус курьера захваты магнитных присосок. Подчиняясь движению пальцев О'Рурка, «Нанш Ракх» маневрировал вдоль корпуса курьера, одновременно поворачиваясь вокруг собственной продольной оси, пока грузовые люки обоих кораблей не оказались более или менее совмещены. Тогда корпуса плотно прижались друг к другу. Внутренний люк в шлюзе «Нанш Ракх» отъехал в сторону, и abordажная команда в скафандрах, ринувшись в шлюз, загерметизировала все щели в местах, где соприкасались корпуса кораблей. Затем направленный заряд развернул наружный люк курьера, и в пробоину, словно разозленные осы, с оружием наготове устремились люди с «Нанш Ракх», чтобы взять под контроль вражеский корабль.

Абордажная команда облачилась в скафандры по приказу Каллихэна — ему был знаком прием защиты от пиратов, при котором атакуемый корабль открывал все люки, и нападавшие погибали от удушья. Мера предосторожности оказалась излишней, так же, как и личное оружие атакующих, тоже почти не пригодившееся. Лишь одна из триад-офицеров, находившихся в рубке управления, попыталась ввязаться в бой, застрелив кого-то из нападающих, за что им тут же пришлось выплатиться: двоих убили на месте, а третьему сильно обожгло выстрелом руку, так что он больше не мог держать оружия. Впрочем, к тому времени, когда курьер оказался полностью в руках нападавших, и в рубку его вошли Калли, Доук и Вил, раненый уже полностью восстановил самообладание.

Именно к этому уцелевшему члену триады и обратился Калли. Он говорил по-молдогски, используя личное местоимение второго лица, несмотря на то, что два других «брата» молдогского офицера были мертвы.

— Если вы прекратите сопротивление, больше никто из вас не пострадает.

Все молдоги, находившиеся в рубке, были просто поражены, услышав родную речь. Их лица повернулись к Калли. Секунду

спустя тот, к кому обращался О'Рурк, полностью овладел собой и заговорил:

— Кто... ты (единственное число)?

— Сам я (собирательное местоимение) — Демон Тьмы. Рядом со мной (единственное число) ты видишь Книжника, а по ту сторону, вот там, где некто (единственное число, личность неизвестна) напрасно старается сопротивляться, ты видишь Безумца.

Каллихэн сделал паузу. Молдог продолжал смотреть на него, храня молчание — оно затянулось... Слишком.

— В чем дело? Произвели мы на него впечатление или нет? — по-английски спросил у Вилла О'Рурк. — По лицу его ничего не понять. Что скажешь?

— По-моему, он совершенно спокоен, — тоже по-английски ответил Вилл Джемисон. — Но уверен, что мы впечатление произвели. Он намеренно старается этого не выдать.

— Разве не знаете вы (триада), и вы (группа индивидов или триад), мягколицы иноразумцы: Демон Тьмы — не мягколиций иноразумец!

— Откуда тебе известно? — парировал Калли, перейдя на молдогский.

— Ты знаешь все лики Демона? Или вы (коллективный индивид) знали, пока братья твои не погибли? Можешь ли ты (отдельный индивид) по праву знающего утверждать, будто Демон не является в том обличьи, которое сочтет подходящим? Поразмысли! На этот раз он избрал мягколищих. И еще поразмысли — в этом обличьи Демон предвещает, быть может, будущее ваше (триады) и вас (всех молдогов — всего рода целиком).

Снова повисло долгое молчание, потом офицер-молдог разразился долгой речью.

— Я-тот-что-был до смерти моих братьев и я-что-остался-мы храним наше достоинство, и потому не собираемся спорить о том, что есть очевидная чушь. Поэтому я (один) и мы (все присутствующие молдоги) вообще отказываемся говорить об этом. Я-тот-что-был и мы (все присутствующие) делаем обычное предложение. Мы совершим обычное в таких случаях самоубийство, освобождая вас (всех присутствующих землян) от любых последствий кровной мести со стороны семей нас (всех присутствующих молдогов), если вы обязуетесь доставить наши тела нашим семьям на планету Хедер Тъаи.

— В этом нет нужды, — перебил его Калли. — Я не вижу здесь ничего Недостойного. Некоторое время будете нашими пленниками. Потом вам предоставят корабль для возвращения на Хедер Тъаи. Правда, вы останетесь пленниками на борту этого корабля почти до конца полета.

— Мы... все? — Офицер-молдог явно колебался.

— Да, полностью сохраняя Достоинство. — О'Рурк повер-

нулся к Питу Хайду и заговорил по-английски: — Сколько у нас пленников?

— На борту — двадцать три.

— Я (триада) сам обещаю вам (всем молдогам), — сказал Калли, повернувшись к офицеру, — что вы все, все двадцать три члена команды, вместе с другими, взятыми в плен вместе с другим кораблем, вернетесь на родную планету. Вам (всем молдогам) будет предоставлена орбитальная шлюпка...

Калли не успел договорить. Все молдоги одновременно, как по команде, громко, с присвистом, охнули. Глаза офицера, с которым разговаривал О'Рурк, словно ввалились в глазницы, и молдог молнией бросился на приграничника. Он прыгнул ногами вперед, обвив ими талию О'Рурка. Ответный удар Каллихэна был чисто рефлекторным. Под костяшками пальцев правой руки он почувствовал кости черепа инопланетянина. В следующий миг пилот уже распростерся на полу у ног Калли — не менее мертвый на вид, чем двое его погибших в абордажной схватке «братьев».

Остальные молдоги не то заворчали, не то застонали. Тут же они были скручены Питом Хайдом и его помощниками. Вил уже сидел на корточках рядом с офицером, которого ударил Калли.

— Он не умер... только потерял сознание, — быстро сообщил Джемисон по-молдогски, обращаясь к остальным офицерам, которые напрасно старались вырваться из рук землян, чтобы разорвать Калли на клочки. — Мы (триада), соблюдая Достоинство, наказали его, не убивая. Теперь вы (все присутствующие) знаете — мы (триада) в самом деле Демон. Потому храните Достоинство и ведите себя тихо!

Офицер-молдог дернулся, приходя в себя. Остальные прекратили сопротивление. Один из них сказал:

— Я (триада), во имя Достоинства, не согласен признать вас (триаду) за Демона Тьмы. Но мы (все присутствующие) соблюдаем Достоинство. Наш первый кузен шевельнулся — значит, он жив. Мы (триада) признаем — произошло недоразумение. Достоинство нас (всех присутствующих) вы (триада) вправе обжаловать.

Каллихэн посмотрел на Вила.

— Если тебе интересно, — по-английски сказал Джемисон, — то ты только что воспроизвел часть легенды. Считается, что Демон Тьмы убивает одним прикосновением. Поэтому офицер предполагал, что будет убит — такова цена его неповиновения. Остальные были уверены, что ты его убьешь.

— Не понимаю, — отозвался Калли. — Они что же, не видели — я его ударил, а не просто дотронулся?

— Видели, — улыбнулся антрополог, — но не поняли или не поверили тому, что увидели. Понимаешь, плечевой сустав у молдогов устроен таким образом, что они не умеют наносить прямой удар. Если молдог попытается ударить, как ты только что это

сделал — он или вывихнет себе сустав, или просто не причинит своим ударом никакого вреда.

— Понятно.— Калли хмуро посмотрел на лежащего на полу пилота — тот как раз открыл глаза и сел, удивленно озираясь.— Но почему он на меня бросился?

Вил перестал улыбаться.

— Об этом я должен был бы заранее тебя предупредить. Помнишь, я упоминал о наследственных отношениях внутри молдогской семьи? Они намного сложнее и жестче, чем у людей. Закон о наследовании требует доказательств смерти старшего родственника, что в подавляющем большинстве случаев требует от претендента предоставить тело усопшего. Только после этого наследник может занять место покойного родственника. К несчастью, вы с Питом посчитали только живых молдогов, как бы подразумевая, что тела убитых «братьев» ты не разрешишь отправить вместе с ними. И что еще хуже,— антрополог поморщился,— легенда о Демоне Тьмы утверждает, будто Демон, подобно большинству злобных потусторонних созданий, пожирает тела своих жертв. Вот почему офицер, бросившийся на тебя, пришел к выводу: раз ты намерен играть роль Демона, то, следовательно, оставишь у себя тела его «братьев», чтобы затем их съесть.

— Понятно, — кивнул О'Рурк.— Представляю, что он испытал, если на самом деле подумал такое.

— В том-то и дело, что этого не можешь даже вообразить,— сказал Вил.— Во всяком случае, не думаю. Идея поедания мертвого тела для молдогов намного отвратительнее и страшнее, чем для нас. Это ведь не просто ужасно, это полная потеря Достоинства — таким образом ты уничтожаешь не просто тело, а целую цепочку наследования, что в свою очередь может разрушить семью, которая управляет септом, управляющим кланом. В итоге ужасные бедствия могут постигнуть тысячи тысяч молдогов.

Оглушенный О'Рурком пилот уже полностью пришел в себя и поднялся, хотя и держался на ногах еще не слишком твердо. Однако он явно был готов снова броситься на Калли. Вил тут же встал между ними и начал тихо, уверенным, убеждающим тоном беседовать с ним. Постепенно антропологу удалось успокоить молдога — тот сделал шаг назад и поднял глаза на Калли.

— Мое Достоинство к твоим (личности) услугам,— сказал он.

— Исключительно достойно с твоей стороны это признать, — ответил Калли.— Буду считать твой долг списанным, если ты доставишь мне удовольствие рассказом о своей семье, септе и клане.

Он кивком головы указал на вход в рубку.

— Но пока вы (все присутствующие) будете разведены по каютам, чтобы отдохнуть и прийти в себя.

Он повернулся к Хайдю.

— Запри их в каютах, Пит, — по-английски приказал О'Рурка,— и сразу же возвращайся сюда.

Пит вывел пленных молдогов из рубки. Когда он вернулся, Калли с Джемисоном были увлечены серьезным разговором. Доук терпеливо слушал, стоя рядом.

— Что дальше? — поинтересовался Пит.

— Теперь я хочу допросить того молдога. Если я узнаю о нем все необходимое, то смогу выдавать себя за друга его семьи, септа и клана, когда мы совершим посадку на пятой планете этой системы.

— На пятой планете? Посадку? — переспросил Пит.

— Пятая планета — это Имперский Мир молдогов, их столица, — объяснил Калли. — Я знал, что она должна быть пятой от светила, но в какой именно системе — это мы выяснили только сейчас.

— Значит, это и есть Имперская Планета? Но ты сказал, мы совершим посадку? А разве системы обнаружения и космической обороны...

— Все правильно, — улыбнулся Каллихэн. — Сохраняй спокойствие, Пит. Все продумано. Этим займутся те, кто знает молдогский язык. Поэтому ни ты, ни другие спускаться на планету не будут — только мы с Вилом; Доук останется в челноке — на случай срочного взлета. Как раз поэтому я и тянул с началом нашего похода. Мы прибудем на Имперскую Планету в тот самый момент, который мне нужен — во время праздника Вседостоинства, это нечто вроде молдогского варианта Марди-гра*. Все законы, правила и порядки в известной мере отменяются. И пока длится праздник, даже земляне, если только не станут нарушать довольно свободных границ карнавальных правил, смогут ходить всюду, где им вздумается... пока молдоги не узнают, конечно, что мы играем в Демона Тьмы.

— Но в чем смысл? Ну, будете вы трое бродить по карнавалу, — возразил Пит. — Но вас ведь будет всего трое! Вы ничего не сможете!

— Мы сможем кое-что выяснить — например, где расположен Генеральный штаб. Или где находится дворец Королевской Семьи, — с улыбкой ответил Калли. — Короче, мы получим ответы на многие вопросы, которые я задал бы тому бедняге офицеру, и на которые он не смог бы ответить, даже если бы захотел.

* *Mardi gras* (франц.) — в дословном переводе «толстый (или жирный) вторник», карнавальный праздник в Новом Орлеане и других местах, аналогичный последнему дню русской масленицы, что явствует уже из названия.

— Чего нам следует остерегаться? — спросил О'Рурк, когда они с Вилом, покинув челнок, направились к стоянке такси неподалеку от космопорта столицы Имперской Планеты. Доук остался в пилотской рубке челнока — на тот случай, если им придется срочно покинуть этот мир.

— Честно говоря, почти всего, — признался Вил. — Не могу сказать, что мы пребываем в безопасности.

— Так я и думал, — отозвался Калли.

До сих пор все шло слишком легко и гладко. На захваченном курьере нашлись карты Имперской Планеты, с помощью которых они отыскиали столицу и ее космопорт. Челнок спокойно, не таясь, вошел в атмосферу. Диспетчер космопорта попросил их назвать себя, на что Вил откровенно заявил, что на борту трое мягколиких, что они прибыли с Хедер Т'аи, что они друзья — и он назвал имя старшего помощника с захваченного посыльного судна. Направляются они в столицу, чтобы посмотреть на праздник Вседостойнства.

На любом из Старых или Приграничных Миров такой информации едва ли хватило бы, чтобы удовлетворить диспетчера. Но, как объяснил Вил, у молдогов концепция абсолютной ответственности лидеров подкреплялась соответствующей концепцией абсолютного доверия к лидерам со стороны подчиненных. Уже один только факт появления троих землян здесь, в самом сердце империи молдогов, доказывал, что они имели на это право. Вот если бы их корабль засекали на границе между территорией молдогов и планетами Плеяд, его расстреляли бы немедленно: тем, кто охранял границы, было приказано не допускать мягколиких в пределы империи; диспетчерской же службе столичного космопорта такого приказа никто не давал.

Каллихэн с Вилом подошли к стоянке такси — эти автоматизированные машины внешне напоминали старинные земные кареты, которые запрягались лошадьми. Однако ни лошадей, ни даже колес у этих экипажей не было — они парили в нескольких дюймах над дорогой, используя генераторы-репульсоры.

— Очевидно, их программы позволяют доставлять пассажиров в любую названную точку, — задумчиво проговорил Калли. — Что касается безопасности... Карнавал ведь имеет свои правила, не так ли?

— Безусловно, — согласился Джеμισон. — Во время праздника Вседостойнства действуют многочисленные послабления законов и правил. Но на подсознательно исполняемые поведенческие нормы это не распространяется. Если мы нарушим одно из этих неписаных правил, переступим грань, у нас могут быть большие неприятности. И нас могут задержать, пока не кончится праздник. А потом начнутся *очень* большие неприятности.

О'Рурк распахнул дверцу одного из автоматических такси — первого в ряду свободных экипажей — и тут же замер; рука его инстинктивно рванулась к пистолету, спрятанному под длинным молдогским балахоном — одеяния эти он с Вилом позаимствовали у пленных молдогов.

Некто маленький, темный, пронзительно чирикавая, пулей выскочил из кабины через противоположную дверцу. Метнувшись за странным существом, Каллихэн увидел, что это маленький молдог — очевидно, ребенок. Малыш подбежал к соседней машине и открыл дверцу — оттуда выкатился еще один юный молдог, стремительный, как ртутный шарик; они громко зачирикали друг на друга, а несколько секунд спустя из третьего такси выскочило очередное молдогское чадо и присоединилось к первым двум.

— Кто это? — шепотом спросил О'Рурк. Джемисон успел забраться в такси и выглядывал наружу через заднюю дверцу.

— Я бы сказал, три юных сестры, — шепотом ответил он. — Каждая спряталась внутри одного из такси, чтобы пугать пассажиров. Но нас двое, и мы — люди; кажется, мы ее напугали гораздо больше.

— А что это за странные звуки? — поинтересовался Калли. — Раньше я ничего подобного от молдогов не слышал.

— Это они смеются, — хмыкнул антрополог, — а учитывая их возраст и пол, можно сказать — хихикают.

Обсудив происшествие, три юные молдожки с опаской приблизились к такси, в котором сидели Вил и Калли. Снова раздался взрыв своеобразного смеха, а потом та, что была повыше остальных, нерешительно обратилась к Калли:

— На самом ли деле ваши две Крайнедостойности — мягколицы? — Вместо вопросительной интонации речь ее кончалась новым приступом нервного смеха.

— Я (личность) — действительно, — ответил О'Рурк.

Теперь разразилась целая буря повизгиваний и чириканий. Три юные молдожки о чем-то оживленно переговаривались.

— Он сказал «я (личность)»! — воскликнула одна из младших сестриц. Они начали шептаться, потом самая высокая вновь заговорила с Калли:

— Вы (личность)... — начала было она, но ее остановил приступ смеха у младших сестриц. Успокоив их взглядом, она продолжала: — Надежи костюм, изображающий Демона Тьмы. Это действительно было вашим намерением?

— Действительно таково было мое (личности) намерение, — ответил Калли. — А со мной — тоже мягколицый, как видите — Книжник. Его тоже можно узнать по костюму.

Снова смех, затем яростное перешептывание.

— Не будете ли вы (личность) столь любезны, чтобы сообщить нам (триаде), что именно вы намерены делать этим вечером праздника Вседостоинства? — поинтересовалась старшая сестрица.

— Мы (триада) направляемся в ваш (всех молдогов) город, —

сказал Калли, — чтобы посмотреть праздник и провести время со всем возможным Достоинством.

Три сестрицы зашпорили — опять-таки шепотом.

— Вы (триада) сами — мягколицые, поэтому не знаете всего как следует, — сказала та, что повыше ростом. — Разве не рассказывали вам (триаде), что Демон Тьмы — это всегда трое, как это и должно быть у всех личностей, Достойных или нет?

— Это мне (личности) действительно известно, — помимо воли улыбаясь, сказал Калли. — Но вы (триада) сами хорошо видите, что нас, мягколицых, всего двое, поэтому втроем мы быть никак не можем.

Юные молдожки принялись совещаться. Потом, совершенно неожиданно, старшая сестра одним стремительным прыжком оказалась в кабине — дверца, в которую выглядывали Вил с О'Рурком, была открыта. Землянам пришлось поспешно отодвигаться вглубь кабины.

— Мои сестры согласны! — выдохнула сквозь смех старшая. — Я буду Безумцем для вас (триады), чтобы получился настоящий полный Демон!

Не ожидая ответа, она уселась на сиденье, захлопнула дверцу, крикнула что-то в окошко своим сестрам, засмеялась, помахала рукой, потом тронула клавишу на пульте, и такси, плавно скользя над дорогой, покинуло стоянку.

— Вы (личность), — сказала молдожка, искоса глянув на Калли и проглотив смешок, — должны называть меня Безумцем — всегда, иначе не получится полного настоящего Демона из нас (триады)!

— Прекрасно, Безумец, я согласен, — кивнул О'Рурк.

— И помните — я ничего не боюсь, как это и причествует Безумцу!

— Постараюсь не забыть, — подчеркнуто серьезно сказал Калли. — Вы не против, если я объясню положение Книжнику? Он тоже говорит на вашем языке, даже достойнее меня, но мы понимаем друг друга быстрее и лучше, если разговариваем на родном языке мягколицых.

— Не возражаю. Даже интересно будет послушать речь мягколицых.

— Благодарю.

Калли обернулся к Джемисону — девушка управляла такси, Калли сидел посередине, Вила прижали к дальней стенке.

— Что будем делать? — по-английски спросил О'Рурк. — Я предполагал подцепить какого-нибудь взрослого жителя, а теперь эта девчонка... Похоже, она не отвяжется. Как ты думаешь, может она знать что-нибудь полезное для нас?

— Должен признаться, такой вариант мне в голову не приходил, — тихо и тоже по-английски отозвался антрополог. — Но почему бы и нет? Она вполне может знать, где находится Дворец Королевской Семьи. Кроме того, риск нарушить какие-

нибудь подсознательные табу может стать для нас намного меньше, если мы будем в обществе ребенка. Она, очевидно, любит пошутить и рассматривает свою выдумку как новую шалость. В другое время она никогда не оставила бы сестер. К тому же, обрати внимания, она относится к нам с заметной робостью — ведь мы инопланетяне, и мы старше ее, а молдогских детей с раннего возраста приучают уважать старших. Она будет считать, будто мы знаем, что делаем — даже если мы сами понятия не имеем, что происходит... Это окажется очень кстати.

— Ладно, — согласился Калли. — Пусть она остается нашим проводником.

Он умолчал о собственном, личном возражении против участия юной молдожки в их аванюре. Согласно первоначальному плану, они с Вилом надеялись подобрать какого-нибудь Одиночку. Это оказалось бы удобнее в том случае, если бы при побеге им пришлось этого одиночку убить. Почему-то Калли считал само собой разумеющимся, что одиночкой окажется взрослый молдог мужского пола. Теперь ему становилось не по себе при мысли, что им, заметая следы, придется, может быть, покончить с «Безумцем». Однако О'Рурк решил не думать пока о такой возможности. Повернувшись к Безумцу, он заговорил на родном языке молдожки.

— Мой брат и я — мы очень рады твоему обществу. С этого момента постараемся говорить только на Достойном языке и пользоваться языком мягколиких лишь в самом крайнем случае.

— Я не возражаю, — важно заявила Безумец. — Теперь мы (триада) — полный Демон, и готовы творить разные жуткие, Недостойные шутки. Что мы будем делать?

— Ну, скажем, — предложил Калли, — поищем в городе место, где оставим некий знак нашего присутствия?

Безумец буквально затряслась — не вздрогнула, как это делают люди, а затряслась всем телом, словно собака, вылезшая на берег.

— Верно! Как верно! — вскричала она. — Демон обязан оставить знак появления! Где же мы его оставим?

— Ты знаешь город и окрестности лучше меня или Книжника, — сказал Каллихэн. — Может, оставим его в месте, где находятся большие военные космолеты?

— Нет, не подходит, — решительно сказала она. — В столице нет больших военных кораблей, только несколько посыльных судов. Флот размещен на десятой планете. А без разрешения семьи мне нельзя покидать планету.

Космопорт уже остался далеко позади. Такси ехало вдоль шестиполосного бульвара с рядами местных деревьев, похожих на тополя с большими листьями. Теперь стало понятно, чем замеснялось в городе ночное освещение — через каждые двадцать—тридцать ярдов попадались огромные — футов по десять —

факелы, установленные на толстых столбах. На каждом горело по три факела, создавая впечатляющий эффект.

— Где мы сейчас? — спросил Вил.

— На Имперской Парковой дороге, естественно, — отозвалась Безумец. — Отсюда можно направиться куда угодно. Надо только решить, где оставить знак... А ну-ка, стоп!

Они только что поравнялись с несколькими витринами, также освещенными изнутри тройными факелами — похоже, это были небольшие магазины.

Безумец быстро нажала клавишу, такси затормозило. Ни слова не говоря, молдожка выскочила наружу, обежала машину и исчезла в одном из магазинчиков.

— Что она задумала? — полюбопытствовал Калли, перейдя на английский.

Вил покачал головой. На его лице играли отсветы мечущегося пламени факелов.

— Понятия не имею, — сказал он.

Минуту-другую спустя Безумец выскочила из магазинчика, впрыгнула в такси и включила двигатель.

— Теперь, — гордо заявила молдожка, — я настоящий Безумец.

Калли внимательно посмотрел на нее, но поначалу ничего нового не заметил. Потом он обратил внимание, что к одеянию добавлена какая-то полоска из чего-то вроде картона, изменившая форму и высоту воротника — теперь по форме воротника молдожку можно было принять за одиночку мужского пола. Кроме того, Калли заметил у нее на талии ремень, а на нем — черные ножны, из которых торчала толстая рукоятка — похоже, игрушечного меча.

— Понятно, — и не давая себе времени на раздумья, он добавил: — Пока ты была внутри, мы с нашим братом — Книжником приняли решение. Мы оставим знак нас (триады) у дворца Имперской Семьи.

Несколько секунд Безумец изумленно смотрела на Калли, а потом снова затряслась всем телом. Лишь несколько мгновений спустя молдожка, кажется, смогла взять себя в руки и обрела дар речи.

— Ужасно! Чудовищно! Потрясающе удивительно! Слышали бы мои сестры! — воскликнула она. — Мы (триада) будем как настоящий Демон! Мы оставим знак у порога Самого Наидостойнейшего! Вы (двое) замечательные мягколицы!

Безумец направила такси на крайнюю левую полосу движения, где машины двигались несколько быстрее. Теперь они ехали по внутренней полосе трехрядной дороги, пересекающей район, напоминающий парк. Среди деревьев то тут, то там пылали тройные факелы, бросая скачущие тени на густолистные кроны и стелющуюся растительность, соответствующую земной траве. Часто попадались молдоги — то триадами, то целыми группами

триад они переходили или даже перебегали от одной освещенной факелами площадки к другой. Кое-где, соединив руки и образовав круг, они словно танцевали вокруг какого-нибудь куста, дерева или столба с факелами. Калли обратил внимание, что каждый такой хоровод состоит из девяти индивидов.

— Что они делают? Танцуют? — поинтересовался он у Безумца.

Молдожка воззрилась на О'Рурка. У Каллихэна что-то сжалось внутри — он инстинктивно почувствовал, что допустил «ляп», нарушил одно из местных неписаных табу, на которые не распространялась свобода Праздника Вседостойнства.

— Я... не понимаю, — пробормотал Безумец. — Танцуют?

Она посмотрела в окно — на поляне, в каких-нибудь пятидесяти футах от такси, хоровод из девяти молдогов кружил возле столба с факелами.

Вдруг она, кажется, поняла — и разразилась щебетом, который соответствовал хихиканью — об этом Калли уже успел узнать на стоянке такси. Но сейчас приступ смеха у молдожки был намного продолжительнее.

— Я допустил какую-то ошибку... — поспешно начал извиняться Калли, но она перебила его:

— Нет, никакой ошибки не было... — Снова приступ смеха. — Ты ведь знаешь!

— Знаю? Что знаю? — поинтересовался Каллихэн.

Теперь Безумец захохотала так, что ей пришлось спрятать лицо в ладонях. Отвечать она была просто не в состоянии. Калли поспешно искал возможность переменить тему беседы.

— Далеко еще до Дворца Имперской Семьи? Долго нам еще ехать?

— Не... недалеко, — Безумец справилась с приступом смеха и посерьезнела. — Мы (триада) прибудем на место через... — мысленно переводя молдогские меры в земные, О'Рурк получил около пяти минут. — Какой именно знак мы (триада) там оставим?

— Я (личность) решу, когда увижу Дворец и немного поразмыслию, — ответил Каллихэн.

Вообще-то он уже приблизительно представлял себе расположение зданий на территории Дворца Имперской семьи. Хотя Джемисон ни разу там не бывал, однако в нескольких книгах, которые он изучал, пока жил среди иноразумных, имелись иллюстрации с видами дворца. Беда заключалась в том, что это были изображения и схемы, а не планы и карты. К тому же Дворец постоянно перестраивался и даже переносился в разные места — согласно перемещению Аспекта Достоинства. Коронным Миром становилась родная планета нового правящего клана, и там всякий раз строили новый Дворец Имперской Семьи. Общий план каждого из дворцов соответствовал требованиям традиции, но насколько было известно Вилу, в проект всегда вносились изменения, зависящие от типа местности, предрассудков данного

клана или даже личных вкусов и предпочтений членов правящей семьи.

Безумец, кажется, была удовлетворена ответом Калли. Такси катило дальше. Дорога нисколько не изменилась — разве что группки молдогов на парковых полосках встречались все реже, а потом и вовсе пропали, хотя факелов отнюдь не стало меньше. Наконец Калли увидел в окно что-то вроде цепочки огней впереди. Вскоре они стали ближе, превратившись из цепочки в бесконечный ряд трехфакельных светильников, казалось, просто висящих в воздухе. Ряд их тянулся слева направо, насколько хватало глаз. Вскоре стала ясна и причина этой оптической иллюзии — факелы были установлены поверху черной стены около двадцати футов высотой, преграждавшей путь. Она была сплошной, если не считать полуоткрытых ворот — хотя их створки и не были полностью распахнуты, все равно просвет между ними достигал в ширину футов сорока. Безумец остановила такси у самых ворот, где дорога заканчивалась пятачком вроде небольшого асфальтированного круга.

И этот пятачок, и сами ворота, и простанство за ними были безлюдны, словно все вокруг вымерло. Заглянув в ворота, Калли заметил вдалеке мерцающие огни факелов.

— Что мы (триада) будем теперь делать? — прошептала ему в ухо Безумец.

— Прости, я должен поговорить с братом на нашем родном языке, — ответил Калли и, обернувшись к Вилу, проговорил по-английски: — Что тут происходит? В округе ни души. Ворота нараспашку. Что-то здесь не так.

— Во время карнавала Вседостоинства все не так, — ответил седовласый антрополог. — Но я согласен — это уже чересчур. Дворцовые ворота открыты, охраны нет. Где-нибудь внутри должна быть охрана: думаю, на самом деле она следит за воротами — для защиты не от врагов, ибо когда нет Перемены Аспекта просто вообразить невозможно существование врагов Имперской Семьи, от случайного Одиночки или ненормального.

— Ну же! — нетерпеливо прошептала Безумец на ухо Калли. — Что мы (триада) будем делать? Оставим знак Демона на столбе ворот?

Повернувшись к Безумцу, О'Рурк перешел на молдогский:

— Нет, — сказал он решительно. — Я полагаю войти туда и...

У Безумца вырвался странный звук — словно у нее перехватило дыхание. Молдожка замерла, словно окаменев. В глаза ее стоял ничем не прикрытый ужас.

— Ого-го-го! — тихо сказал по-английски Вил. — Кажется, мы влипли.

— В чем дело? — поинтересовался Калли, намеренно придав голосу холодную уверенность и глядя на Безумца, словно вообще не слышал слов Джемисона. — Что с тобой? У ворот нет ни одного охранника.

Молдожка затряслась всем телом.

— Но там же Оно! — с трудом выговорила она. — Ты не видишь, Оно — незримое, но Оно охраняет ворота... так бывает всегда во время Праздника Вседостойнства, когда охрана уходит на праздник.

— Оно? Что ты подразумеваешь под этим? — требовательно спросил Калли.

— Как что? Конечно же, королевского... — Слово, произнесенное затем Безумцем, оказалось совершенно неизвестным Калли, раньше, он никогда такого не слышал; но нетрудно было догадаться, что смысл его аналогичен словам «дракон» или «чудище». Ночной воздух показался вдруг слишком зябким. Вил не ошибся — они наткнулись на глубинное подсознательное табу, и ситуация на миг забалансировала на лезвии ножа. Если Безумец испугается, попробует бежать и поднять тревогу, Калли останется лишь одно — остановить молдожку силой. Быть может, придется ее убить. Каллихэн лихорадочно искал спасительный вариант. Вдруг его осенило.

— Старая сказка! — презрительно скривился он. — Неужели ты все еще веришь в сказки?

На какой-то миг он испугался, что допустил фатальную ошибку. Но постепенно Безумец начала успокаиваться. Молдожка бессиленно опустилась на сиденье. Теперь она казалась совсем маленькой.

— Все равно, мне эта идея не нравится! — сдавленным голосом сказала она наконец. — Ты (личность) — мягколицый и не боишься, наверное... — Она снова употребила то самое неизвестное слово, — но мне... не нравится.

Пугать Безумца больше не стоило, и О'Рурк быстро проговорил:

— Ладно, скажу тебе, что я сделаю. Ты и мой брат — вы останетесь ждать здесь, чтобы предупредить, если появится охрана. Я войду туда один.

Безумец смотрела на Калли глазами, полными удивления и робости. Не ожидая ответа, он открыл дверцу и бесшумно выскользнул наружу, через плечо бросив Вилу по-английски:

— Не отпускай ее. Не давай ей поднять шум. Я вернусь через пять минут, самое большее. Просто хочу посмотреть, что и как там расположено.

Не дожидаясь ответа, он повернулся и бесшумно, но быстро побежал к левому столбу ворот. Там он остановился, осмотрелся

по сторонам и заглянул в ворота. Дворцовая территория, протянувшаяся на много акров, то здесь, то там была усеяна мерцающими огоньками. Судя по всему, пространство внутри стен лежало как бы в выемке. Удача сопутствовала Калли. Он находился на самом краю и отсюда мог видеть почти все здания и постройки. Еще одну-две секунды он выждал, бросив взгляд сначала вправо, затем влево — нет ли вдруг охраны? — но ничего подозрительного не заметил.

Обогнув воротный столб, он скользнул в темноту. Ночь как будто стала еще темнее. Оставшаяся позади стена отсекала свет факелов, даже тех, что стояли вдоль ее внешнего края — стена была слишком толстой и потому угол падения света оказался невыгодным.

О'Рурк подождал немного, чтобы глаза привыкли к сгустившейся темноте. Потом стал осторожно пробираться в глубь дворцовой территории. Постепенно глаза адаптировались; теперь ему уже хватало бледного света луны — раньше Калли его не замечал, мешали огни факелов, — чтобы разобрать, как расположены здания и даже рассмотреть местность между ними.

Впадина, в которой расположился дворец, не отличалась гладкостью дна. Здесь встречались холмики, распадочки, белели извилистые тропинки, бежавшие между зданиями и столбами с тройными факелами, в свете которых очертания этих зданий становились видны.

Оставив ворота ярдах в ста позади, Калли остановился, рассматривая лежащие впереди и внизу дворцовые строения и стараясь согласовать то, что он сейчас видел, со сведениями, полученными от Вила.

Несколько минут он, казалось, пребывал в полной растерянности. О'Рурк совершенно не понимал, где что находится. Потом он определил большое прямоугольное здание с факелами на стенах, как Главный Дом. Здесь должна быть резиденция трех королевских братьев, из которых и состояла триада-правитель королевской семьи, в свою очередь, предводительствовавшая королевским септом, а септ — королевским кланом.

После этого он уже разобрался с планировкой всего дворцового комплекса. Все стало на положенные места. Калли отыскал взглядом здание, которое должно было представлять собой резиденцию королевских Жен, Флигель Кузенов и, наконец, неподалеку от Главного Дома заметил небольших размеров здание — Детскую, или Ясли. Здесь обитали Наследники Трона. О'Рурк повернулся и поспешил назад к воротам, ориентируясь на свет, падавший в промежуток между створками. Теперь, повернувшись к воротам лицом, он заметил асфальтированную дорогу, ведущую от ворот в глубину территории. Калли взял левее и несколько секунд спустя мягкий дерн под ногами уступил место твердой поверхности дороги. Калли посмотрел вперед, в сторону ворот — до них оста-

валось ярдов тридцать. Он увидел ждущее такси и даже рассмотрел в первом окне два силуэта — Безумца и Вила.

При виде Безумца Калли припомнил, что должен еще кое-что сделать. В первоначальный план действительно входила идея оставить знак Демона где-нибудь на Коронном Мире. Здесь, в Королевском дворце? Почему бы и нет? Быть может, лучшего места и не придумаешь.

Он отыскал под складками балахона карманчик, в котором ждал своего часа небольшой аэрозольный баллон с краской. Вытащив его, Калли нажал на головку распылителя и изобразил на местном асфальте обычный молдогский знак Демона — стилизованное изображение черного пика, пещеры и двух горных потоков, то есть то самое место, где, предположительно, был разбужен спящий Демон. В результате получилось что-то вроде , после чего Калли помчался к такси.

Он рванул на себя дверцу и прыгнул в машину. Безумец скорчилась возле Вила на дальнем краю сиденья. Сначала Калли не обратил на это внимания. Он схватил рычаг управления, привел такси в движение и, развернув машину, направил ее вдоль дороги, по которой они прибыли. Калли сосредоточился на управлении, стараясь вести такси с максимально возможной скоростью, но не вызывая подозрений. Поэтому он даже вздрогнул, когда Вил тихо сказал ему по-английски:

— Кажется, мы действительно влипли, Калли. Посмотри.

Калли на секунду скосил глаза в сторону Джемисона. Молдожка, свернувшись в клубок, прижалась к антропологу. Не обязательно было разбираться в молдогской медицине, чтобы заметить, что поза явно неестественная, как неестественны и неподвижность юного создания, и его молчание.

— Что с ней? — стараясь не выдать тревоги, спросил Калли, и вновь перевел взгляд на дорогу, — что с ней, как ты думаешь?

— Понятия не имею. Она просто смотрела, как ты брызгаешь краской на дорогу. Но на этот раз совершенно ясно: мы где-то нарушили местное табу — и весьма серьезно; она испугана до смерти.

— Ничего, — уверенно сказал Калли. — Шума она пока не поднимает, и хорошо. В порту мы ее уложим где-нибудь в сторонке, там ее вскоре и найдут. Главное, смыться с планеты, вернуться на корабль — а там пусть поднимает тревогу.

— Ладно, — тихо сказал Вил. — Поплыв через левое плечо.

Они мчались по темным улицам к огням космопорта — подобно слишком ранней заре, они играли и манили на далеком горизонте. Когда такси остановилось у стоянки, поблизости никого не было видно. Подчиняясь внутреннему порыву, Калли быстро развернул машину и повел ее по взлетному полю прямо к их челноку.

Безумец продолжала лежать неподвижно и молча. Глаза молдожки были устремлены на Калли — во всяком случае, каждый раз, оборачиваясь, он встречал их стеклянно-блестящий взгляд.

Но по чертам лица инопланетянки невозможно было прочесть, что происходит у нее внутри, почему она никак не выходит из непонятно чем вызванного столбняка.

Такси остановилось подле люка. Перегнувшись через Безумца и Джеμισона, Калли открыл дверцу с их стороны.

— Вынеси ее наружу, Вил. Я следом. Мы оставим ее здесь. Если нам повезет, она придет в себя не раньше, чем ее найдут.

Антрополог вытащил молдожку и опустил на шершавое твердое покрытие поля. Она уже немного пришла в себя, но когда наружу выбрался О'Рурк, резко отшатнулась.

— Нет причин бояться, — сказал ей Калли по-молдогски, как можно ласковее. — Мы тебя напугали. Но мы не желали причинить тебе вреда. Мы сейчас улетим.

Повернувшись в сторону челнока, О'Рурк увидел, что люк распахнулся, и наружу ступил Доук. Завидев его, Безумец начала истошно кричать. Времени терять было нельзя.

— Быстро! — рявкнул Калли, подхватывая молдожку. — В челнок, с ней. Доук, стартуем!

Безумец оказалась легкой, словно вместо косточек у нее были сухие прутики. Схватив ее в охапку, Калли двумя широкими шагами достиг люка, вскочил внутрь и опустил молдожку в пассажирское кресло. За его спиной со звоном захлопнулся люк. Безумец продолжала вопить, здесь, в замкнутом пространстве салона, это было еще хуже. У Калли заложило уши; он плюхнулся в соседнее кресло и взял тоненькие, хрупкие ладошки перепуганного ребенка в свои большие, сильные руки, стараясь успокоить молдожку.

— Взлетай, Доук! — рявкнул он, не глядя, через плечо.

Секунду спустя челнок подпрыгнул, Калли и молдожку прижало к креслам. Ее крик неожиданно прекратился. Несколько секунд она тихо лежала, потом медленно опустила ноги на пол, выпрямилась и освободила руки; глаза ее, казалось, светились. Потом она повернулась и подчеркнуто внимательно посмотрела в затылок Вилу и Доуку, которые занимали сейчас два из трех пилотских кресел, и наконец снова посмотрела в глаза Калли.

— Вы (триада), — странно тихим голосом сказала она. — Триада — с самого начала. Ты (личность) вошел в ворота и даже королевский... (снова незнакомое слово) не остановил тебя. Ты оставил знак Демона и вернулся.

— Ты не должна тревожиться, — мягко проговорил Калли. — Мы — всего лишь мягколицые, и это — только шутка в Праздник Вседостойнства. Мы передадим тебя твоим соплеменникам, и они позаботятся, чтобы ты (личность) в целости и сохранности вернулась к Семье и Сестрам.

Молдожка отвернулась, и О'Рурк видел только ее узкую спину и нечеловечески узкие плечи, какие могут быть только у молдогов. В салоне челнока царил полумрак.

— Нет, — тем же сдавленным голосом сказала она. — Демон

принимает любой облик, какой пожелает — даже мягколищих, которые делают вид, будто они — всего лишь мягколищие. Ты (личность) — Демон Тьмы, и я потеряла Достоинство.

Калли пытался сказать что-нибудь, чтобы успокоить ее, но в голову ничего не приходило. Он посмотрел на Вила и Доука, потом на приборы пульта. Все было в порядке. Челнок уходил от планеты. В сущности, уже сейчас им ничего не угрожало, а через полчаса они будут в полной безопасности. Вдруг Безумец не то всхлипнула, не то закашлялась. Подавшись к Калли, молдожка вдруг прижалась к нему.

О'Рурк не повернул головы, но был рад, что она, наконец, нашла в себе силы нарушить заговор неприкасаемости. Наверное, она пробила ледяную стену шока, теперь ей будет лучше. В любом случае, он отправит ее к пленным молдогам, и с ними ей будет намного лучше. Среди своих она придет в себя намного быстрее. Она ведь еще такая юная... и должна быстро адаптироваться.

Челнок вышел на траекторию, ведущую к здешней луне. Тридцать пять минут спустя он обогнул спутник планеты и приблизился к борту захваченного курьера. В борту открылся люк, и челнок скользнул в отверстие. Люк затворился.

— Мы (все присутствующие) прибыли на место, — сказал Калли, повернувшись к Безумцу.

Она ничего не ответила. Но, поворачиваясь, О'Рурк задел ее плечом, и молдожка вдруг подалась вперед, упав прямо поперек колен Калли. И только тогда он увидел грушевидную рукоятку маленького меча. Лезвие глубоко вошло в грудь молдожки. Она была мертва.

Калли сидел и смотрел на мертвую девочку, не в силах поверить собственным глазам. Из ступора его вывел голос Вила. Подняв голову, О'Рурк увидел, что антрополог обернулся и смотрит на мертвую девочку.

— Я все равно отнесу ее к молдогам, — услышал Калли собственный голос, доносившийся как бы со стороны.

Тело девочки было таким легким, почти невесомым. Каллихэн вышел в шлюз челнока, потом — в коридор, по которому добрался до каюты, где под охраной двух приграничников содержались пленные молдоги. Калли приказал охранникам открыть замок. Дверь распахнулась. О'Рурк, за которым следовали Вил и Доук, с тельцем Безумца на руках, шагнул внутрь. Пленные офицеры в разных позах сидели или лежали, но увидев Калли, дружно вскочили.

— Что ты (личность) принес нам (всем молдогам)? — сухо спросил старший офицер, но смотрел он не на Калли, а на мертвую девочку.

— Объясни им, Вил, — попросил Калли. Джемисон насколько возможно кратко и в самых обтекаемых выражениях рассказал молдогам о событиях последних нескольких часов.

— А теперь, — заговорил Калли по-молдогски, когда Вил за-

кончил рассказывать, и наступила тишина, — я (личность) намерен поместить тело в грузовой отсек номер один, вместе с телами ваших (присутствующих молдогов) достойных братьев. Я (личность) желал, чтобы вы (все молдоги) знали о поступке этой девочки во имя Достоинства, и чтобы тело ее было возвращено Семье, когда вы будете отпущены на свободу.

— Мы (все молдоги) очень довольны, что ты (личность) все это рассказал, — ответил старший офицер. — Ибо теперь я должен потребовать, чтобы ты (личность) не помещал этого тела с телами Достойных братьев меня-который-был. Это тело надлежит поместить в другой отсек. Но мы (все молдоги) позаботимся о его возвращении в Семью.

Калли уставился на молдога.

— Как это понимать? — по-английски спросил он у Вила.

— Она потеряла Достоинство, вот и все, — ответил антрополог. — Но почему — не могу понять.

— Сейчас выясню, — мрачно пробормотал Калли и перешел на молдогский.

— Позвольте узнать, почему тот, кто храбро лишил себя жизни, не достоин делить один отсек с вашими (всех присутствующих) мертвыми братьями? Они (двое) храбро дрались и погибли. Не менее храбро поступила и эта юная сестра, покончившая с собой во имя Достоинства.

— Да, поступок в самом деле отважный, — согласился офицер. — Но не более. И больше в пользу сестры нечего сказать. Она помогала вам (триаде), а вы изображали Демона Тьмы — и неважно, верила она или нет, что ты (личность) действительно Демон в личине мягколицега. И потому она потеряла Достоинство.

— Но ведь это не ее (личности) вина! — не сдержался Калли. — Я (личность) уверяю вас (всех молдогов), что она ни о чем не ведала и была не в силах помешать нам (триаде), если бы и знала.

— Это правда, конечно, — согласился молдог. — Но не понимаю, почему ты (личность) столько говоришь о трагедии потери Достоинства этой юной сестрой? Это трагедия, но так уж случилось. И повторяю — ее не должно помешать в холодильный отсек вместе с нашими Почтенными мертвыми братьями. Она не имеет на это права.

С этими словами молдог повернулся к Каллихэну спиной — правда, не полностью, что было бы откровенным оскорблением. Но жест был достаточно ясным — разговор окончен, дело решено и обсуждать здесь больше нечего.

Калли повернулся и вышел в коридор: Вил последовал за ним.

— Запирай дверь! — хрипло приказал охраннику О'Рурк и вдоль коридора зашагал в кормовой отсек, где размещались два рефрижераторных грузовых отсека.

Сначала он взялся за ручку двери той камеры, где лежали мертвые офицеры-молдоги. Но когда рука его уже коснулась

металла, Калли вдруг заколебался. Долгую секунду он стоял в нерешительности, потом вздохнул и отпустил ручку. Вместо того, чтобы отпереть первую камеру, он открыл вторую и вошел. От ледяного, стерильного воздуха перехватило дыхание. Калли осторожно положил мертвую девочку на одну из полок, расправил платье, уложил руки молдожки прямо вдоль туловища, и накрыл лицо капюшоном. Потом он отступил на шаг, еще на секунду задержался, глядя на мертвую девочку, повернулся на каблуках и вышел. Тяжелая металлическая дверь рефрижераторного отсека номер два со звоном захлопнулась. Звон был холодный и безжалостный.

Только сейчас Калли заметил Вила. Больше в коридоре возле холодильных камер никого не было. Они посмотрели друг на друга. Потом седовласый антрополог печально улыбнулся:

— Пойдем, Калли, — тихо сказал он, — пойдем, выпьем по чашечке кофе или чего-нибудь покрепче. У каждой разумной расы свои жестокие сюрпризы, причем жестокими они могут казаться не им самим, а другим иноразумным. Хотя от этого, по-моему, не легче.

17

— Значит, ты настаиваешь? — спросил Пит Хайд. — Мы могли бы сэкономить полдня на обратном пути, обойдясь без этого дополнительного прыжка в точку связи. Неужели так важно узнать, были для нас сообщения или нет? Всего через три дня мы будем дома.

— Нет, — твердо повторил Калли. — Сначала сместимся в точку связи. Потеря времени сейчас роли не играет. Мы покинули Приграничье шесть недель назад. Что там делается сейчас? У нас еле-еле хватает людей на пять молдогских кораблей. И вслепую влететь в опасную переделку нам сейчас никоим образом не желательно. А небольшой крюк — всего полдня — может спасти нам жизнь.

Каллихэн не стал говорить, что практически не сомневался — в точке связи их ждет информация. Такие вещи трудно объяснить человеку вроде Пита. Но когда они покинули Калестин, то положили начало определенной социальной реакции; и сейчас, подобно химической, она должна уже принести результаты.

К тому же, людей для шести кораблей, которыми командовал Калли, в самом деле едва хватало. «Беи» и захваченное посыльное судно без помех покинули Коронный Мир и растворились в пространстве — слишком много кораблей входило и выходило из смещения в этом районе, и потому затеряться среди множества энергетических вспышек не представляло особого труда. Затем

они отправились в рейд по обитаемым планетным системам молдогов, используя карты, найденные на борту захваченного курьера. В ходе рейда они захватили еще шесть молдогских кораблей, которые, ничего не подозревая, вступили с ними в контакт. Два последних были разоружены и отпущены на свободу — вместе с пленными молдогами и телами погибших.

В пяти световых годах от Калестина находилась точка связи — условная точка в пространстве, достаточно близкая к Калестину, чтобы туда можно было выслать автоматический зонд-курьер, используя только один прыжок. Калли должен был появиться в этой точке, чтобы получить сообщения зонда — или зондов, посланных Онвитоком или кем-нибудь другим.

Два дня спустя эскадра О'Рурка вынырнула в обычное пространство в сотне миль от условленной точки. Тотчас же в рубке «Беи» зазвенел сигнал тревоги, сквозь который невозможно было услышать попискивания зондов — если таковые действительно подавали сигналы. Калли пулей помчался в рубку.

— Корабль! — крикнул Пит, когда О'Рурк ворвался в рубку. — Но это наш, не молдогский!

Он не успел продолжить, потому что ожил динамик пространственного коммуникатора типа «корабль—корабль», вмонтированный над пультом:

— «Беи»! Вызываю «Беи»! Говорит калестинский корабль «Вандерлюст». Повторяю, говорит калестинский корабль «Вандерлюст». Ты здесь, Каллихэн? Это Онвиток Мурфа. Повторяю, вызывает Онвиток Мурфа...

В два шага Калли достиг панели коммуникатора и до упора вдавил кнопку передатчика.

— Онвиток!.. — Калли, почти никогда не поддававшийся слепой злости, обнаружил вдруг, что злость эта вот-вот возьмет над ним верх. — Я же тебя просил... Ладно, неважно. Переходи к нам. *Сейчас же!*

Пять минут спустя юный франт появился в рубке «Беи». Калли был мрачнее грозовой тучи. Онвиток открыл было рот, чтобы сказать что-то, но О'Рурк заговорил первым:

— Я же тебя просил — ни при каких обстоятельствах Калестина не покидать! — рявкнул Калли. — Те, кто стоял за спиной Мачина и его парней, ухватятся за первую же возможность взять власть над Ассамблеей. Вернуть ее в свои руки. Ты это понимаешь?

Онвиток смотрел на грозного Каллихэна скорее с удивлением.

— Клянусь Небом, Калли, ты стал просто телепатом! — воскликнул он. — Откуда ты узнал? Кто-то сотнями нанимает ребят-ножевиков! Я как раз об этом хотел с тобой поговорить, потому что я явился сюда.

— Дело совершенно очевидное... — начал Калли; он уже взял себя в руки и заговорил спокойнее. — Мачин был не настолько умен и влиятелен. Он был просто ширмой для политической

машины, которую якобы сам придумал и которой якобы управлял. Но управлял ею не он. Потому я и оставил тебя на Калестине. Поскольку я улетел, они просто вынуждены были выйти на свет, но пока там оставался ты, они не рискнули бы на попытку переворота. И тогда по моему возвращении мы бы с ними разобрались. Понимаешь, в одном отношении Приграничье не отличается от Старых Миров: ему тоже необходима хорошая встряска, чтобы проснуться и увидеть проблемы такими, как они есть, увидеть действительность.

— Полностью с тобой согласен, Калли, дружище! — воскликнул Онвиток. — И приношу извинения, что нарушил данное тебе обещание. Но ведь ты ничего толком не объяснил, когда улетел! Ну ладно. Ты был прав: за спиной Мачина действительно кто-то стоял — похоже, это Ройс. Сейчас он набирает настоящую небольшую армию из всякой трапперской шпаны — того и гляди, мы получим веселенькую гражданскую войну!

— Может, нам как раз этого и не хватает... — Калли поспешил прервать сам себя. — Но ты, кажется, сказал, что это только половина новостей?

— А, да... довольно любопытная новость... Восемь человек — родственники членов Трехпланетного Совета и некоторые другие важные персоны — как раз сейчас направляются с визитом к молдогам. Они добровольно вызвались стать заложниками, чтобы доказать молдогам — Совет Старых Миров не причастен к твоему рейду на территорию молдогов. — Онвиток искоса посмотрел на Калли, потом продолжил: — Среди добровольцев — Алия Брейт.

— Алия? — вырвалось у Калли. Но вспышка тут же погасла, он задумался. — Где Вил? А, вот ты где... Как, по-твоему, примут молдоги корабль с заложниками?

— Заложники, не говоря уже о добровольцах — концепция, молдогам незнакомая... — начал Джемисон, но Калли, подняв руку, заставил его замолчать и повернулся к Онвитоку.

— Корабль с заложниками не совершал посадки на Калестине? Он уже вошел на территорию молдогов?

Онвиток покачал головой.

— Сообщение пришло с кораблем, который покинул Землю тремя днями раньше. Предполагалось, что заложники не будут делать остановок в пути. Они должны были направиться прямо к месту встречи с молдогским кораблем сразу за границей Плеяд.

— А координаты ты знаешь? — быстро спросил Каллихэн.

— Примерно пятнадцать световых лет в направлении центра Галактики от Калестина — ничего более определенного я узнать не смог, — ответил Онвиток.

О'Рурк снова повернулся к антропологу.

— Извини, что перебил тебя, Вил, — мягко сказал он. — Просто вдруг пришла в голову мысль... Ладно, на чем мы остановились? Что могут молдоги сделать с заложниками, как ты считаешь? Существуют у молдогов какие-нибудь легенды, сказки,

мифы, где встречаются заложники и обмен заложниками? Вил хмуро потер переносицу.

— Я как раз начал тебе объяснять, — сказал он. — Ничего подобного у молдогов нет.

— Совсем? — в свою очередь нахмурился Калли.

— Я даже не припомню слова в молдогском языке, которое переводилось бы именно как «заложник». В нашем понимании эта концепция вообще не содержит для них смысла. Видишь ли, в понятиях их культуры любой заложник по сути уже мертвец — по крайней мере, в том, что касается его Семьи. Для Семьи он умирает. Единственная существенная разница — тело его не вернется в Семью, цепочка наследования прервется.

— Почему?

— Потому что, как они это понимают, любой член семьи, если он становится угрозой для выживания этой семьи, предпочтительнее мертвый, чем живой. Как бы ни хотелось ему жить, но обязанность его — умереть; тогда семья официально может определить на освободившееся место кого-то другого. Долг по отношению к семье превосходит обязанности по отношению к себе самому, а ответственность перед септом важнее долга перед семьей, клан — выше септа, выживание же молдогов как расы — превыше всего. Следовательно, то, что в наших глазах является вершиной самопожертвования, для молдога — сущий минимум.

Калли хмуро посмотрел на седовласого антрополога.

— Но корабль молдогов должен встретиться с кораблем заложников. Значит, они их все-таки примут?

— А ты в этом полностью уверен? — парировал Вил. — Откуда ты знаешь, что молдоги знают о плане Совета Старых Миров и что они с этим планом согласны?

Калли сел на койку, жестом пригласив Джемисона занять стул напротив.

— Не могу представить, чтобы заложников отправили без предварительной консультации с молдогами, — сказал О'Рурк. — К тому же, Рун и его братья могут все еще находиться на Земле. Я вот что хочу знать, Вил — как, вероятнее всего, поступят молдоги, если все-таки примут заложников?

Антрополог задумался.

— Единственное, что мне приходит на ум, — легенда о Девяти сестрах из Огх. Они сдались враждебному клану, потому что все взрослые мужчины их клана были мертвы, а наследники воинов — еще слишком юны. Если бы Девять сестер не сдались, они были бы вынуждены продолжать войну с тем кланом — как регентши при юных наследниках. Погибнув, они оставили бы детей на попечении септа, желали те этого или нет — следовательно, враги получали законное право расправиться с детьми. Сдавшись враждебному клану, сестры избежали этих двух возможностей. Впервые, они были женщинами, а не воинами, и потому, блюдя Достоинство, враждебный клан не мог их казнить, несмотря на

сам факт сдачи. А поскольку сестры теперь были вроде бы и живы, и в то же время некоторым образом мертвы, дети могли просить помощи у нейтрального клана. Это был ловкий ход, решение сложного культурного конфликта, который казался неразрешимым.

— Ну, а как можно применить эту легенду к заложникам? — спросил О'Рурк.

— Попытаюсь предугадать. Скорее всего, молдоги заподозрят какую-то ловушку, хитрость со стороны людей.

— Ловушка... — задумчиво повторил Калли и на несколько секунд погрузился в размышления. Потом взгляд его встретился с глазами Вила: — Как ты полагаешь, свяжут они сдачу заложников с тем, что делал я... мы делали? С нашим рейдом?

Джемисон медленно кивнул.

— Думаю, да. Не забывай, молдоги уверены, будто все, что мы натворили, было одобрено нашими начальниками и старейшинами. Поэтому Трехпланетному Совету придется сильно попотеть, чтобы доказать свою непричастность.

— Итак, — сделал вывод Калли, — молдоги воспримут заложников как еще одну пощечину, вроде моего Демона Тьмы?

Антрополог вздрогнул.

— Вот об этом я не подумал, — сказал он. — Да, в самом деле, они вполне могут взглянуть на дело с такой стороны. Это будет вполне в характере молдогов.

— Но, — продолжил Каллихэн, — заложников они сначала примут?

— Да. Им придется... — Вил замолчал. — Я понял, Калли. Не сомневаюсь, молдоги позаботятся о приеме заложников. Тебя волнует, как именно?

— Совершенно верно.

Джемисон встал, в задумчивости прошелся по каюте. О'Рурк сидел и смотрел на него, а Доук, устроившись на подлокотнике кресла, словно птица на ветке, тоже не спускал с антрополога глаз. Немного походив в молчании, Вил опустился на прежнее место напротив Калли.

— Существуют давние традиции отношений между кланами, септами и семьями, которые не очень между собой ладят, — сказал Вил. — Есть устоявшиеся процедуры. И поскольку прежде они имели место на границах между кланами, можно предположить, что и на этот раз молдоги прибегнут к той же процедуре. То есть если заложники хотят, чтобы их приняли, молдогский корабль встретит их на границе между территориями землян и молдогов, где заложники перейдут на борт корабля инопланетян.

— Ты имеешь в виду настоящую линию границы — хотя не представляю, как они ее определяют? — или область Приграничья, на которую они претендуют? — быстро спросил Калли.

Вил несколько секунд как-то странно смотрел на Каллихэна.

— Погоди, погоди... Знаешь, мне это не сразу пришло в голову. Только теперь, когда ты сказал... встреча должна была бы со-

стояться на самой ранней линии границы. Короче, соглашаясь на встречу на линии первой границы, молдоги фактически соглашаются на договор, вслух этого не произнося.

— Тогда мы можем вычислить это место, — задумчиво проговорил О'Рурк. — Место, где первый молдог встретил первого человека, так?

— Неплохая идея, — согласился Вил. — Но не совсем верная. Это должна быть точка, в которой военный корабль молдогов впервые вступил в контакт с человеческим кораблем или с колонистами.

Доук вдруг не то кашлянул, не то что-то приглушенно воскликнул. Затем, когда О'Рурк с Вилом замолчали и удивленно посмотрели на него, произнес одно-единственное слово:

— Фортаун.

Снова тишина — Калли смотрел на Вила, Вил смотрел на Калли.

— А он прав, — проговорил наконец антрополог.

— Но заложников не могут передать молдогам на Калестине, — возразил Каллихэн. — Я не говорю уже о том, вообще позволим ли мы подобное здесь, в Приграничье. И даже если позволим, то уйдут недели, чтобы пробить бюрократические рогатки между Трехпланетным Советом и Ассамблеей.

— Но не обязательно, чтобы все произошло именно в Фортауне. Фортаун — только ориентир для воображаемой линии в пространстве.

— Понятно, — сказал Калли. — В данном случае — линия проходит просто через саму планету. Сохраняя относительно равные расстояния от этой линии до Земли с одной стороны и Коронного Мира с другой, получим границу.

Вил с нескрываемым уважением посмотрел на Каллихэна.

— До этого я не додумался, — признался он. — Я думал, что возможны и другие места, кроме Калестина. Но ты прав. Вдоль этой линии, в пятнадцати световых годах по направлению к центру Галактики — где-то там корабль заложников встретится с кораблем молдогов.

— Прекрасно. Это все, что мне нужно было узнать, — сказал О'Рурк. — Пит, начинай вычислять прыжок. Переведи людей с остальных кораблей на «Бей» — чтобы у нас была полная боевая команда. А ты, Лис, — повернулся он к великану, — отведи остальные корабли на Калестин. Пусть их там вооружат и готовят команды.

— Понял, — Листром вышел из рубки. Онвиток последовал за ним.

Менее чем два часа спустя «Бей», вновь с полным экипажем, совершила прыжок в точку, которая находилась на расстоянии пятнадцати световых лет от Калестина вдоль по воображаемой линии, вычисленной Питом. Еще через восемь часов «Бей» достигла предположительного района встречи. Здесь корабль завис

неподвижно. Пит Хайд пристально наблюдал за пространством внутри монитора — сферой радиусом в десять световых лет.

— Пока ничего определенного, — сообщил он Каллихэну, когда тот четыре часа спустя зашел узнать, нет ли новостей.

Он отложил шарик наушника и, передав вахту двум помощникам, потер покрасневшие от усталости глаза, встал и потянулся.

— Наверное, уже пора? Как ты считаешь? — спросил О'Рурк. — Мы уже должны были бы засечь корабль или молдогов, или заложников.

— Не обязательно, — отозвался Пит. — Мы лишь недавно легли в дрейф и как следует прошупать такой большой участок еще не было времени. Кое-что мы смогли предугадать — на основании данных компьютера и собственных наблюдений. Похоже, мы все-таки засекли молдогский корабль. Если это не ошибка, они находятся на расстоянии восемнадцати световых лет вглубь территории молдогов и направляются почти прямо к нам...

Его прервал один из помощников по имени Ред Орфа. Развернув кресло, он протянул командиру двухкамерный отпечаток изображения в объемной сфере сканера, сделанный компьютером. На снимке был виден энергетический всплеск, отмеченный белым маркером.

— Взгляни на это, Пит, — сказал Орфа.

Бросив взгляд на отпечаток, Хайд передал его Калли.

— Вот и корабль с заложниками, — сказал он. — Двенадцать световых лет от нас, направляется в ту же точку. — Он выжидающе посмотрел на Калли. — Встреча с кораблем молдогов — примерно через шесть часов. Когда ты думаешь сделать перехват?

Калли покачал головой.

— Перехватывать заложников нельзя, это будет пиратством. Но если мы отберем их у молдогов уже после перехода на борт инопланетного корабля, неприятностей с законом Старых Миров мы избежим. Так что будем пока выжидать. И перехватим их корабль после первого прыжка из точки встречи.

Так они и сделали. Притаившись, они наблюдали, как корабль с Земли встретился с молдогским. Около трех часов корабли находились вместе. Потом человеческий корабль исчез в энергетической вспышке, знаменовавшей прыжок, и вынырнул в четырех световых годах от точки randevu — уже на территории, контролируемой людьми. Примерно двенадцать минут спустя молдоги тоже совершили прыжок — примерно на такое же расстояние, но в глубину своей территории.

— Отлично, — сказал Калли. — После следующего мы их перехватим.

Пит рассчитал возможный курс молдогского корабля. Через двадцать минут они пустились в погоню, вынырнув из прыжка менее чем в ста тысячах миль от молдогов. Несколько минут казалось, что инопланетяне даже не заметили их появления. Но потом, когда «Беи», ведомая опытной рукой Пита, быстро сократила

дистанцию, сделав микропрыжок на восемьдесят тысяч миль, молдоги поспешно исчезли из обычного пространства.

— Пит! — рывкнул Калли в интерком.

— Все в порядке, Калли, — откликнулся голос Хайда. — Мы держим их на сканере. Достанем самое большое через пару часов.

Каллихэн отпустил кнопку интеркома, и связь прервалась. Он сел в пилотское кресло. Пока что ему, Вилу и Доуку делать было нечего. Сейчас идет дуэль астрогаторов — Пита Хайда и молдога, имени которого они не знают и, наверное, не узнают никогда.

Они произвели вычисления и сделали смещение. Потом еще раз. И еще. Постепенно, корректируя погрешность, Пит уменьшал время и расстояние, разделявшее два корабля. С каждым разом у молдогов оставалось все меньше времени на расчет нового спасительного прыжка. «Беи» придвигалась все ближе и ближе. Прыжки становились все короче, доля ошибки — все меньше. Словно две блохи в большой коробке, вдруг подумал Калли и ядовито усмехнулся про себя — одна старается убежать, а вторая стремится ее поймать. И преследователь постепенно изматывает преследуемого. Чтобы успокоиться, О'Рурк мерял шагами рубку, поглядывая на своих компаньонов. Вил тщательно чистил старомодный револьвер, купленный еще на Калестине; антрополог с тех пор не расставался с ним, хотя, кажется, ни разу не использовал в деле. Доук шлифовал лезвие любимого, сделанного еще в тюрьме ножа, к которому теперь была приделана резная деревянная рукоятка. Подобно ревниво оберегаемому медальону, этот нож, который он почти никогда не выпускал из рук, стал словно частью Доука.

Погоня продолжалась. Но ничего драматического в ней не было. Час за часом медленно и методично Пит, сидя со своими помощниками у пультов астрогационной секции, настигал корабль молдогов. Он оказался лучшим астрогатором, чем молдог. За погоней наблюдали лишь бесчисленные равнодушные звезды.

Калли покинул рубку и отправился осмотреть корабль. Все были вооружены, гермокостюмы — наготове. Кое-кто дремал, но спокойно; кто-то читал, писал письма или тихо разговаривал с соседом. Но напряжение нарастало. Калли ощущал его, как все туже скручиваемую пружину. Люди должны были отвлечься, хотя бы ненадолго.

В кормовом отделении лазерного огня О'Рурк обнаружил, что все шестеро лазерщиков играют в покер на козухе дублирующего компьютера. Помощник командира секции, худощавый молодой человек с хитрой усмешкой по имени Майк Бурджва, уже обзавелся приличной горкой цветных пластиковых фишек.

— Только не обисти их до последнего, Майк, — весело сказал Калли. — Когда догоним молдогов, наводчики должны думать о лазерном огне противника, а не о деньгах в твоём кармане.

— Какие деньги, адмирал! — воскликнул Майк. У него были

почти черные глаза и акцент траппера-профессионала. Мы играем на пару рюмочек крепкого.

— На пару, вы его послушайте! — фыркнул Лиги Дженкинс, командир секции. — Он крепкого не принимает, только пива. Смотрите, адмирал, у него все фишки — пивные! Как он собирается выпить двести сорок ящиков прежде, чем бутылки рванут?

— Калестинское пиво больше не взрывается, — парировал Майк. — С первого числа... Со Старых Миров завезли технологию. Предметы современной роскоши и к нам проникают, Лиги, пора бы тебе это знать. — Он передал Калли одну из фишек. — Взгляните, адмирал. На пластике с одной стороны была выдавлена бутылка, на другой — слово «пиво».

— Это мой кузен и моя — наша — фирма, адмирал, — сказал Майк. — Из пяти пивных фишек получается фишка на крепкое. Две фишки крепкого — одна шампанского. Здорово придумано, да? «Бурджва и Шоли, Игровое Оборудование» — это мы.

Он выиграл опять, загреб фишки банка и потянулся за новой, еще нераспечатанной колодой, которую тоже показал Каллихэну.

— И на это посмотрите, адмирал! Приграничная колода номер один, лучшие игральные карты во всех Плеядах. Нитроцеллюлозную пленку мы добываем из растений прямо на Калестине. Шестьдесят четыре карты — как раз для приграничного бриджа. Посмотрите!

О'Рурк посмотрел. Карты были выполнены очень профессионально. Перевернув колоду, он заметил на обратной стороне пластиковой упаковки красную печать. В памяти тут же вспыхнула искра, мгновенно разгоревшаяся в огонек идей — теперь Калли знал, как снять напряжение перед боем! Он подбросил колоду, поймал и громко рассмеялся.

— Что тут смешного? — полюбопытствовал Майк.

Игра прекратилась, все уставились на Калли.

— Держи, Майк! — рассмеялся Каллихэн, бросив колоду владельцу. — Лови! Но смотри, не взорвись!

Загорелая ладонь Майка поймала колоду, словно это было сырое яйцо с очень тонкой скорлупой. Судя по тону Калли, это была шутка, но кто знает? На рудниках, бывало, бросали динамитные шашки.

Майк осторожно осмотрел колоду со всех сторон.

— Как она может взорваться?

— Ну, может, как раз эта и не взрывается, — сказал Калли. — Но вы ведь позаимствовали название у предприятия, которое называлось «Приграничный Импорт», правильно?

Майк с опаской покосился на О'Рурка.

— Ну, да, — сказал он. — А как *вы* узнали?

— Дай-ка мне карты. — Калли протянул руку, и Майк передал колоду. О'Рурк перевернул ее, показав всем красную печатьку. — «Приграничный Импорт» — эту фирму основали еще в те времена, когда я угонял корабли Старых Миров. Магазины импортных

товаров были открыты в Нью-Йорке, Верхнем Марстауне, Венусити. Преимущественно ввозились обычные экзотические мелочи — вроде зубочисток, сделанных в Приграничье, из-за чего цена на них была в пять тысяч раз выше, чем для нормальных земных. Но кое-что там можно было найти и для ребят вроде меня — ведь нужных инструментов я на Землю привозить не мог.

Калли ковырнул ногтем большого пальца красную печатку.

— Из чего у вас карты сделаны, Майк?

— Я же говорил — нитроцеллюлоза. В сущности, пироксилин. Потом начнем делать из пластика...

— Но пока дешевле использовать нитрат целлюлозы, — констатировал Калли. — Настоящая нитроцеллюлоза, то есть тринитрат целлюлозы — это военный пироксилин, совсем другое. Взрывается он очень шумно. Так вот, в этих магазинах продавались карты с таким же названием, как у вас, причем все шестьдесят четыре листа были сделаны из военного пироксилина, а вот эта маленькая печатка была одновременно запалом и реле времени. Сорвите печатку — и получите просто колоду карт, но если поддеть ее ногтем вот так, — Калли показал, как именно, — через три секунды колода взорвется. Ложись!

Он швырнул колоду на стол, и все инстинктивно присели. Нераспечатанная колода упала на козух компьютера, а Калли отправился дальше, хохоча во все горло. К своему удовольствию он услышал за спиной смех — игроки поднимались на ноги.

Теперь Калли знал, что положил начало популярной шутке, которая скоро облетит весь корабль и даст разрядку напряжению, грозившему стать невыносимым. Теперь, пока не переменится название сорта карт, всякий раз, когда игрок будет вынимать и распечатывать новую колоду, над ним будут посмеиваться — не собирается ли он устроить небольшой взрыв?

О'Рурк перешел в машинную секцию, чтобы проверить режим работы плазменных двигателей, когда его вызвали по интеркому с мостика.

— Адмирал, — слышался голос Пита. — Мы их накроем через один прыжок.

Калли поспешил в рубку. Там он нашел Доука и Вила — те уже заняли свои кресла и ждали только его. Калли плюхнулся в центральное кресло и ткнул пальцем в кнопку интеркома.

— Я в рубке, мы готовы, — сообщил он Хайду.

— Понял. Следите за экраном. Через восемь секунд — прыжок.

На экране перед Калли сияли незнакомые узоры незнакомых созвездий. Вдруг изображение мигнуло — и появилось снова. Прямо впереди — миль тридцать-сорок, не больше — сверкала, отражая белый свет недалекого солнца класса А-ноль, серебристая точка корабля молдогов. Секунду спустя, когда включилось увеличение, изображение заполнило почти весь экран: корпус медленно

вращался вдоль продольной оси, разворачивая в сторону противника внешние огневые установки.

— Есть! — рывкнул Калли в интерком, перебрасывая тумблер на консоли своего пульта — сигнал того, что пилот взял управление на себя. — Ныряем под него, — приказал он Вилу и Доуку.

Пальцы его запрыгали по кнопкам и клавишам, «Бей» помчалась вперед, нырнула под брюхо молдогского корабля, который как раз этот момент дал задний ход — пилот расценил маневр Калли как попытку тарана. Металл зазвенел о металл, и магнитные присоски прочно прижали корпус «Бей» к корпусу атакуемого судна. Калли немедленно привел свой корабль во вращение, одновременно продвигая его вперед. Тем временем лазеры направлялись с наружными огневыми установками противника. Пилот молдогского корабля попытался стряхнуть нападающих, но магниты держали крепко.

Теперь грузовой люк молдогского корабля был почти напротив люка «Бей». Калли нажал кнопку сигнала. Во всех отсеках прозвучал звонок — абордажная команда должна была вступить в дело.

До сих пор у Калли не было времени надеть гермокостюм. Он потратил десять секунд, чтобы облачиться в него, и этой задержки оказалось достаточно, чтобы он чуть не опоздал — когда О'Рурк примчался к шлюзу грузового люка, оказалось, что его люди уже успели вскрыть корпус молдогского корабля. Пока что все шло по обычному плану. Но только до этого момента. Потому что на этот раз молдоги были готовы отразить атаку — все они были вооружены и надели гермокостюмы. Дрались они отчаянно, до последнего. Только через час сорок три минуты по коммуникациям гермокостюмов был передан сигнал — корабль молдогов оказался полностью в руках людей.

Каллихэн устало вернулся в рубку управления — он сражался в самой гуще схватки в носовых отсеках — чтобы встретить заложников. Поисковая группа только что доложила, что земляне обнаружены в спальном отсеке жилой палубы. Когда их ввели в рубку, Калли удобно расположился в кресле с чашкой дымящегося кофе в руке. На лицах заложников можно было прочесть самые разные выражения — от робости и подавленности до изумления и негодования. Почти последней вошла женщина, при виде которой Калли вдруг вскинулся и сел прямо. Ее огромные глаза в упор смотрели на него.

— Калли! — сказала она. — Я могла бы и сама догадаться, что это твоих рук дело!

Это была Алия.

— ... Да, это правда, — сказала Алия. — Заложники — это папина идея.

Голос ее подрагивал, что, впрочем, было неудивительно. Вернув корабли в точку связи, О'Рурк приказал привести всех заложников, чтобы они стали свидетелями церемонии — Калли предложил пленным молдогам достойное возвращение к их семьям.

В результате молдоги попытались покончить с собой. Попытки эти не удались — команда Калли была наготове — но произвели на землян не самое благоприятное впечатление. Люди были потрясены. Но лишь Алия и еще двое увидели в этом определенное выражение разницы в мышлении людей и молдогов, указание на то, что Трехпланетный Совет допускал серьезные ошибки в политике отношений с этой иноразумной расой. И только одна Алия была готова признать, что идея выдачи заложников оказалась ошибкой.

Но дальше этого признания отказывались идти и она. Девушка не могла сделать следующего логического шага и признать, что отец ее, Амос Брейт, ошибался и во многом другом, когда дело касалось молдогов.

— Конечно, послать добровольцев-заложников придумал отец, — повторила она. Они с Калли стояли в рубке «Беи». Больше здесь никого не было. Молдоги уже отправились восвояси — после того, как с их корабля полностью сняли вооружение.

— Да, папа был неправ — в этом смысле. Он принял неправильное решение. Но ты хочешь меня убедить, что одна-единственная ошибка означает, будто он ошибается во всем, что касается молдогов.

— Но разве ты не видишь — во всем, что он делает, он руководствуется тем же неверным принципом? — возразил Калли. — Начнем с того, что он меня арестовал...

— Ну, хорошо... В этом, возможно, он тоже ошибался! — Алия упрямо вскинула голову. — Но мы говорим сейчас о другом. Твоя беда в том, Калли, что ты хочешь сделать папу виноватым во всех твоих неприятностях. Я тебя не осуждаю, конечно. Но ты не там ищешь виноватых. Если тебе нужно кого-то обвинять — обвиняй меня! Это я вытащила тебя с Калестина на Землю, поставила под арест — пусть даже и не подозревая, что тебя упрячут в то самое место... — Она поежилась. — В плавающую тюрьму.

— Но с самого начала это было идеей Амоса, — Калли обнаружил, что Алия обладает способностью смягчать его гнев даже в такие моменты, когда это больше никому не удавалось. — Он исходит из неверных предпосылок, в основе своей неверно представляет, чего хотят молдоги и почему они поступают именно так, как поступают...

— Нет, не верю — даже несмотря на тот спектакль, который

ты здесь нам показал! — возразила Алия. — У тебя нет полноценных доказательств! И если выбирать между тобой и папой, кому я должна верить? Конечно, он совершает ошибки — это естественно. Он всего лишь человек. Но вот ты — ты всего полгода просидел в провинциальной Ассамблее, тогда как отец всю жизнь занимается управлением, старается действовать в интересах людей, которыми его поставили управлять. Так кому же я должна верить? Думаешь, ему легко? Легко ему было на прошлой неделе предложить Руну эвакуацию Приграничья?..

Она вдруг замолчала, явно испугавшись тех слов, что сорвались с языка.

— Эвакуацию Приграничья? Он предложил отдать Плеяды молдогам? — Каллихэн едва не бросился на девушку. — Когда он сделал это предложение? Какое право он имеет распоряжаться тем, что ему не принадлежит?

Закончить тираду он не успел. В рубку ворвался Пит Хайд.

— Калли! Только что вышел из прыжка Листром, с ним восемь кораблей. Через пять минут мы с ним соединимся. У него есть для тебя новости... Он немедленно перейдет к нам на борт.

— Какие новости?

— Он не сказал. — Пит со странно каменным лицом смотрел на Каллихэна; губы его были плотно сжаты.

— Не сказал... — О'Рурк в упор взглянул на астрогатора, развернулся на каблуках и бросил через плечо: — Пойдем в рубку. Посмотрим, в чем там дело.

Калли лично послал запрос на приближающиеся под командой Листрома корабли — на экране сканера ближнего радиуса эскадра выглядела стайкой серебристых пескостей.

— Капитан Листром просил передать, что прибудет через несколько минут, — сообщил незнакомый Калли человек. — Он попросил подождать, пока не сможет переговорить с вами лично.

О'Рурк отключил связь, покинул рубку, коридором прошел в кают-компанию, а оттуда — ко вспомогательному бортовому люку. Алия и Пит следовали за ним. На скулах Калли играли желваки. Несколько минут спустя послышался звон магнитных захватов. Потом между кораблями установили герметическую трубу — переходник, и Листром перешел на борт «Беи».

Увидев Калли, он остановился. Лицо великана было мрачно.

— Что случилось? — спросил О'Рурк.

— Онвиток убит, — с трудом выговорил Листром. — Через четыре дня после возвращения. Калестин полностью в руках Ройса...

И он рассказал обо всем, что произошло — просто, прямо, не стараясь опускать ранящие моменты.

На следующий день после того, как Онвиток стартовал с Калестина, чтобы встретиться с Калли, Билл Ройс вынес на обсуждение Ассамблеи предложение арестовать О'Рурка и Мурфу по обвинению в деятельности, имевшей место на территории молдо-

гов, «каковая деятельность могла повлечь опасность для жизни граждан Приграничья». Когда Онвиток вернулся, предложение было одобрено — в Ассамблее в тот день оказалась лишь горстка сторонников Ройса. Все остальные фактически оказались под домашним арестом — Ройс успел сколотить хорошо вооруженную армию головорезов, которые уже целую неделю скрытно стягивались в Калестин-сити.

Добившись своего, Ройс уже не обращал внимания на Онвитока, а отдал приказ захватить космопорт и все корабли, принадлежавшие к эскадре Калли.

Но произошла некоторая заминка. Полдюжины головорезов решили проявить похвальную инициативу, напали на номер в гостинице, где находился Онвиток, схватили юношу и повесили на заднем дворе, в арке ворот, ведущих на стоянку каров. Затем, довольные собой и в ожидании похвалы, поспешили отыскать командира — Ройс как раз отправлялся в космопорт.

К изумлению линчевателей, никто не собирался их хвалить. Ройс отнюдь не собирался убивать столь популярного в Приграничье политического деятеля, как Онвиток. Ройс обошелся со своими головорезами круто, показав, что под костюмом банкира еще осталось кое-что от бывшего угонщика космических кораблей: он велел швырнуть провинившихся за решетку. Одновременно он решил спасти хотя бы часть первоначального плана, захватив оставленные Калли корабли.

Отдав приказ выступать, он помчался в космопорт, надеясь застать людей Калли врасплох. И это ему бы удалось, если бы один из членов Ассамблеи, принадлежавший к числу умеренных последователей Ройса, потрясенный линчеванием Онвитока, не позвонил и не предупредил Листрома. Оказавшись перед фактом, тот задумчиво постучал по массивной челюсти громадным, покрытым шрамами кулаком. Конечно, его корабли, если поднять их в атмосферу и будь они в полной боевой готовности и с укомплектованными экипажами, могли бы не только в два счета разделаться с бандой Ройса, но и стереть с лица планеты несколько городов размером с Калестин-сити. К сожалению, термин «полная боевая готовность» с большим трудом можно было применить к стоявшим в доках захваченным кораблям, и у Листрома едва хватало обученных людей, чтобы поднять их с планеты. О ведении боя нечего было и думать.

В конце концов, он решил предоставить право окончательного решения Каллихэну, собрал всех людей, поднял корабли и направился к точке связи.

— ...Вот такие дела,— хрипло сказал ведикан, заканчивая рассказ. Он не привык к таким долгим речам, и голос у него подсел. Теперь он ждал, как оценит его действия О'Рурк.

Но Калли был слишком занят собственными мыслями. Повернувшись, он отошел к экрану крупномасштабного сканера и принялся в молчании созерцать звезды. Он рассчитывал, что

ситуация в Ассамблее дойдет до точки взрыва — чтобы встряхнуть население Приграничья и вернуть к активной жизни таких ветеранов, как Эмили Хазек. Но он не предполагал, что взрыв произойдет так скоро и так больно ударит. Онвиток принадлежал к числу его самых близких и старых друзей в Приграничье.

О'Рурк жестоко ругал себя — ведь это его приказы стали причиной смерти Онвитока, он собственными руками послал друга на смерть. Сейчас Калли страстно хотелось только одного — ощутить под пальцами короткую бычью шею Ройса.

Некоторое время спустя красный туман ярости рассеялся, и Калли снова обрел способность рассуждать. Он обнаружил, что смотрит прямо на яркий огонек-маркер, обозначавший на экране место, где должен находиться Калестин — примерно в тридцати световых годах от «Беи».

О'Рурк уже совершенно успокоился. Так с ним случалось всегда: когда угасали алые языки первой вспышки гнева и рассеивался черный жирный дым ярости, мысли становились прозрачными, четкими, словно алмазными. Эта способность не раз спасала Калли жизнь — еще в бурный период диверсий на космических трассах Старых Миров. Панорама событий предстала перед его мысленным взором с необыкновенной ясностью и отчетливостью, все части головоломки стали на положенные места.

— Лис, — сказал он, — ты возьмешь заложников, включая мисс Брайт, и все корабли, кроме «Беи». Отправляйся назад, на Калестин, но посадку сделай в высокогорье, на землях Эмили Хазека. Там, среди фермеров из числа бывших астронавтов, ты найдешь добровольцев для пополнения команд. Расскажи Эмили все, что произошло, передай мою просьбу — собрать людей и выбить Ройса из Калестин-сити. Нет, скажи так — это не просьба, это приказ. Ты понял меня?

— Да, — лаконично ответил Листром.

— Отлично. И пусть передаст сигнал тревоги на остальные планеты Приграничья. Пусть от моего имени призовет их присоединиться к нашей эскадре — на чем угодно, хоть на космических корытах. Сколоти флот — все равно, из чего и какой — половину вышли на патрулирование вокруг Приграничья, как будто они — военные крейсера. Остальные ведем на Землю. Ясно?

— Да, Калли, — отозвался Листром.

— Когда будешь в Солнечную систему, останови флот как раз за пределами чувствительности сканеров ближнего радиуса, а три молдогских корабля направь на лунную базу — в Штабквартиру Флота Старых Миров. Передай адмиралам, что Приграничье заключило с молдогами соглашение, в соответствии с которым молдоги снабдили нас боевыми кораблями, которых хватит, чтобы покорить планеты Старых Миров. Весь флот Трехпланетья, который находится на лунной базе, накрыт прицелом огневых установок этой эскадры молдогских кораблей. Они должны капитулировать, сдаться представителю Приграничья — то есть тебе.

— Боже мой, Калли! — не выдержал Пит. — Ты что, серьезно думаешь, будто они станут слушать Лиса? Они его без лишних слов упрячут в камеру, вот что они сделают!

О'Рурк пристально посмотрел на худощавого астрогатора — Хайд тут же прикусил язык.

— Нет, — сказал Калли. — Не упрячут. Старые Миры до смерти запугали себя идеей переворота, который якобы готовит Приграничье. Адмиралы, с которыми вступит в переговоры Лис, окинут взглядом три молдогских военных корабля, потом начнут переговоры с правительством. — Он повернулся к Листрому. — Собственно, ты им сам посоветуй связаться — со мной или с Амосом Брейтом. К тому времени я уже с ним свяжусь, и мы — любой из нас — подтвердим твои слова.

— Калли... Папа не станет! — воскликнула Алия.

— Станет, — медленно произнес О'Рурк. — У меня, кажется, есть способ его убедить.

— Он не поверит тебе, что бы ты ни говорил. Но о каком способе ты ведешь речь?

— Я... — начал было Калли, но тут же оборвал себя, вспомнив, что в этой части планы его касались Алии и остальных заложников.

— Отправляйся с Лисом. Быстрее! У меня нет лишнего времени.

— погоди, Калли! — девушка схватила его за руку, в то время как Лис тащил ее за другую, стараясь увести. — Послушай меня! Быть может, я все-таки ошибалась. Я должна предупредить... Папа теперь — совсем другой человек. Ты помнишь его по Калестину, думаешь, будто знаешь его, но это не так. Только я его знаю — теперь. Если ты мневеришь, я тебе помогу, подскажу, как поступить...

— Извини, — сказал О'Рурк. — Уведи ее, Лис.

Он быстро отвернулся, резко освободив руки, а Листром не дал Алие броситься вслед за Калли.

— Пойдем, Пит, — приказал Каллихэн.

Он покинул кают-компанию. За спиной его Алия крикнула:

— Калли, вернись! Ты не понимаешь! Он не поверит тебе, что бы ты ему ни говорил, не поверит! Я знаю...

Войдя в рубку, О'Рурк повернулся к Хайду, который следовал за ним по пятам.

— Пит, мы переходим на «Нанш Ракх» и немедленно отправляемся к молдогам. Вычисли курс на Коронную Планету.

19

Экран давал максимальное увеличение, но Коронный Мир молдогов все равно казался лишь световой точечкой на фоне черноты, исклотой иглами других светил. Шел десятый день

похода «Нанш Ракх»; корабль приближался к цели — к четвертой планете системы светила класса Ж-ноль. Четырежды их пробовали остановить и даже преследовали патрульные крейсера молдогов. Четыре раза они вслепую производили прыжки на дистанцию больше десяти световых лет, чтобы сбросить «хвост». И в результате им четырежды приходилось часов по пятнадцать проводить в дрейфе, пока Пит, пользуясь лишь данными внешних наблюдений, заново вычислял их позицию.

— Вил... — позвал Калли, и седовласый антрополог встал рядом с ним у большого экрана. — Когда мы покидали Калестин, я был уверен — молдоги нас здесь не ждут. Как ты считаешь?

Вил ответил не сразу.

— Мне важно знать твоё мнение, — подбодрил О'Рурк.

— Это, конечно, лишь мое предположение, — сказал Вил, — но ты, кажется, принял верное решение. Весьма вероятно, что здесь нас не ждут. Если молдоги на Коронном Море верят в тебя, как предтечу перемены Аспекта, то никак не могут ожидать твоего повторного появления. Ведь ты уже побывал на их планете и оставил знак.

— А если они не верят, что я — Демон?

— Все равно, они не станут поднимать тревоги. Последние, кто желали бы поверить в реальность перемены Аспекта — это Королевская Семья, септ и клан. Они постараются забыть о неприятном инциденте. — Джемисон искоса посмотрел на Калли и улыбнулся. — Поэтому, я бы сказал — тебя здесь не ждут. Это не значит, конечно, что ты можешь совершать высадку среди бела дня. В тот раз нам помог Праздник Вседостинства со всей его неразберихой. Теперь нас арестовали бы в течение пяти минут.

— Не волнуйся, — успокоил его Калли. — Среди бела дня мы на посадку не пойдем. — Он повернулся к астрогатору. — Пора за дело, Пит.

О'Рурк с Хайдом принялись вполголоса совещаться: нужно было найти лучший способ приблизиться к поверхности Коронного Мира. Чтобы сфотографировать королевский дворец, требовалось сорок миллисекунд. Наконец они пришли к следующему выводу: корабль совершит прыжок, выйдет в нормальное пространство в трех диаметрах планетной системы от центрального светила и дальше пойдет на обычной планетарной тяге, пока не углубится в зону так называемой «серой» видимости — то есть полмиллиона миль от Коронного Мира. Здесь их не смогут засечь крупномасштабным сканером, а для более точного обнаружения они все еще окажутся слишком далеко от планеты.

Десять дней спустя металлический цилиндр «Беи» лег в дрейф примерно в четырехстах восьмидесяти тысячах миль от Коронного Мира. Тем временем Хайд рассчитывал короткий, но сложный двойной прыжок.

— Готово, — объявил он наконец.

— Всем службам — доложить готовность! — приказал Калли.

Они вошли в прыжок. С точки зрения находившихся на борту «Нанш Ракх», ничего не произошло; только приборы зарегистрировали увеличение светового потока — очень краткое, продолжительностью всего сорок миллисекунд. Те, кто смотрел на экраны, даже не успели заметить этой вспышки солнечного света — слишком короткой была она для человеческих глаз.

Пит торжествовал. Они умудрились совершить небывалое — прыжок к самой границе атмосферы планеты, а затем, после того, как высокоскоростными камерами были сделаны нужные снимки, прыжок назад, на расстояние в четыре световых года от системы. Операция прошла без сучка и задоринки. Камеры сработали великолепно. Пит разложил на столе большие двухмерные отпечатки, представлявшие собой аэрофотоснимки местности — прямоугольника площадью пять на десять миль.

Тем временем Вил уже набросал предположительную схему королевского дворца, на которой отметил относительные размеры и взаимное расположение зданий, в которых обитали члены Королевской Семьи. Калли постарался вспомнить свой визит во дворец — пылающие факелы на стенах зданий, знак Демона на дорожном покрытии... Потом все трое уселись на стол, сопоставляя изображение на аэрофотоснимках с тем, что они помнили и знали.

Им потребовалось немного — всего лишь определить назначение самых больших зданий. Через несколько минут Вил постукал ногтем по снимку номер семь.

— Вот здесь, — сказал он. — Это должен быть дом Наследников.

— Тогда остается решить следующее, — резюмировал Калли, — как нам туда прорваться, подняв возможно меньше шума? Какое лучше выбрать время?

— Я уже подумал об этом. Подобно людям, молдоги ведут дневной образ жизни, но кроме того у них есть период вечерней активности — примерно два с половиной часа незадолго до полуночи. После этого наступает время ночного отдыха. — Антрополог усмехнулся. — Конечно, если они ждут нападения, то именно в это время. Как известно, на Земле любили начинать войны в самый тихий предрассветный час.

— Ясно, — сказал Калли. — Начинаем готовиться.

На том они и расстались.

Пятьдесят три часа спустя «Нанш Ракх» совершил прыжок в верхние слои атмосферы на ночной стороне Коронного Мира, а потом, перейдя на планетарные двигатели, начал спускаться к королевскому дворцу. Насколько можно было судить по приборам, тревоги их появление не вызвало. В ночной час, по земным стандартам соответствующий второму часу ночи, они бесшумно совершили посадку рядом со зданием, где, как они предполагали, жили Наследники Трона.

Распахнулся вспомогательный бортовой люк, и из него выпрыг-

нули Калли, Доук и еще шестеро. Все были одеты в черное, причем костюмы до некоторой степени напоминали молдогские — высокие плечи, воротник-капюшон и шапочки, имитировавшие безволосые черепа молдогов. К тому же лица и руки были для пущей маскировки покрыты черной краской. Пригибаясь, приграничники бросились к ближайшему входу в здание — до него было ярдов тридцать.

Вход был закрыт раздвижной — как у кабины лифта — дверью. Калли прилепил пригоршню вязкой пластической взрывчатки прямо на вертикальную щель, потом отступил на несколько шагов и выстрелил в заряд из маленького лазерного пистолета.

Глухо ухнул взрыв. Три четверти двери исчезло, оставив черную, со рваными краями дыру, сквозь которую спокойно могли пройти два человека в ряд. Не теряя времени, Каллихэн первым ринулся в здание.

Они оказались в коридоре — довольно узком и очень плохо освещенном — на потолке через большие интервалы тускло мерцали квадраты из какого-то светящегося материала. Калли нажал кнопку мощного фонаря, и ржаво-красные стены вдруг словно прыгнули на людей.

— Третий поворот направо. Не отставайте! — не оборачиваясь, отрывисто приказал О'Рурк.

Топот бегущих ног казался оглушительным, как гром. Только сейчас Калли обратил внимание на необычный запах — пахло чем-то растительным, словно свежесрезанными овощами, и одновременно резким и свежим, как будто озоном. За третьим поворотом направо открылся другой коридор — покороче и ярче освещенный. И только теперь приграничники услышали свистящие голоса молдогских женщин — те были явно встревожены ночным вторжением и криками звали на помощь. Из распахнувшейся двери показался молдог с оружием в руке — из-за спины Калли ударил луч, и молдог рухнул на пол.

Двери по сторонам коридора начали открываться, из них выглядывали молдоги. Сзади выкрикнул что-то грубый голос, явно мужской; яркой вспышкой полыхнул выстрел — один из людей О'Рурка вскрикнул и упал. Кто-то выругался и выстрелил в ответ. Завязалась перестрелка.

Тем временем Калли продолжал бежать вперед. В конце коридора путь ему преградила скользящая дверь с закрытыми створками. О'Рурк выстрелил в нее, потом ударил всем весом. Дверь подалась, и Калли кувырком перелетел через порог, оказавшись в небольшой комнате, пол которой был покрыт ковром зеленых растений, напоминавших земной папоротник. Он тут же вскочил на ноги. Запах здесь был так силен, что от него кружилась голова. Прямо перед собой Калли увидел трех маленьких молдогов: одеты они были как взрослые, но ростом достигали от трех у самого маленького до четырех — у стоявшего в сере-

дине — футов. Этот средний обеими руками сжимал местный аналог пистолета. Рядом с О'Рурком оказался вдруг Доук.

— Доук... — начал было Калли, но тот опередил приказ. Прыгнув головой вперед, он обхватил среднего молдога за пояс и выбил оружие.

Каллихэн шагнул вперед, споткнулся, потом схватил двух остальных молдожат, зажал — одного под левой рукой, другого — под правой. Доук подхватил самого старшего. Вместе они вышли в коридор. Молдогов нигде видно не было — если не считать трех неподвижных тел на полу коридора: они были либо убиты, либо без сознания. Двери по обе стороны коридора были закрыты, но крики женщин оставались по-прежнему слышны. Один из людей Калли получил сильный ожог левого плеча — двум товарищам приходилось чуть ли не тащить его на себе. Остальные трое оставались в арьергарде для прикрытия. Как можно быстрее приграничники направились наружу — по коридору до поворота, потом по длинному коридору до наружных дверей, к прохладному воздуху за стенами здания. Не было слышно никаких признаков погони, но едва люди покинули здание и побежали к кораблю, как из пробитого в дверях отверстия ударила ослепительно-белая нить разряда. Явно это был не пистолет, а что-то потяжелее. Снаружи доносились голоса, шум и завывание сирен. В соседних зданиях, до сих пор невидимых под покровом ночной темноты, начали зажигаться огни. Когда люди достигли бортового люка, все вокруг затопил яркий, как в солнечный полдень, свет — над ними вспыхнула осветительная ракета. В этом призрачно-белом сиянии силуэт корабля и фигурки людей стали видны не хуже, чем черные контуры голодных волков среди беленького овечьего стада.

— В корабль! — рявкнул Калли.

Люди, которые на мгновение инстинктивно замерли, словно пойманные с поличным грабители, вновь ожили и поспешно забрались в корабль. Звякнул люк. Калли тем временем уже включил интерком.

— Старт! — скомандовал он.

Он не успел еще договорить, как «Нанш Ракх» начал подниматься. В рубке сидел у пульта Вил. Он уводил корабль вверх, прочь от планеты. На экранчике в шлюзе, где все еще находился Калли, быстро проваливался вниз залитый светом королевский дворец. Вдруг корпус «Нанш Ракх» дернулся, зазвенел — в корабль попала зенитная ракета. Каллихэн помчался в рубку.

Вил сидел в среднем кресле, которое обычно занимал О'Рурк. Увидев Калли, он быстро скользнул в свое привычное правое кресло. Каллихэн плюхнулся на свое место. Секунду спустя Доук уже сидел в кресле слева.

— Есть повреждения? — спросил Калли, стремительно нажимая клавиши на консоли перед собой.

— Ничего серьезного, — ответил Вил. — Ракета угодила в кормовой грузовой отсек. Я загерметизировал эту секцию.

— Отлично!

На обзорном экране линия горизонта уже начала понемногу изгибаться; над ней чернела полоска свободного космического пространства. Щелкнув клавишей интеркома, Калли вызвал Пита:

— Ты готов к прыжку?

— Готов.

Последовала секундная пауза; горизонт на экране выгнулся еще круче, а потом исчез — вместе с планетой. Теперь на экране были лишь звезды и космическая тьма.

Калли устало откинулся на спинку кресла. В динамике щелкнуло, по внутренней связи разнесся голос Пита:

— Мы вышли на расстоянии около четырех светолет от системы, — сообщил он. — Мне потребуется три часа, чтобы рассчитать еще один прыжок на такую же дистанцию.

— Хорошо, — согласился Калли. Развернув кресло, он посмотрел на Вила.

— Что скажешь? Поспешат ли они сообщить обо всем, что мы сделали, на Землю — адмиралу Руну и его Братьям?

Антрополог нахмурился.

— Не сомневаюсь, что они придут к заключению, будто Наследники Трона уже мертвы. Ведь похищение — это концепция, столь же неведомая молдогам, как и идея заложников. И по той же причине. Какой смысл красть людей, если тебе, чтобы сохранить Достоинство, придется сперва позволить им совершить самоубийство, а потом вернуть тела семье? Поэтому день-два они постараются держать новость в секрете — пока не обсудят случившееся и не примут плана действий.

— Ну, а когда они все обсудят?

— Тогда не думаю, чтобы они стали зря тратить время и посылать курьера к Руну. Разве что вместе с мощным боевым флотом — чтобы придать веса их требованиям вернуть тела похищенных Наследников Трона. Ты уже и так потряс их социальную структуру, разыграв Демона Тьмы. Теперь ты еще и нарушил линию престолонаследия. Иначе как возвращением тел Наследников заполнить этот пробел не удастся. В спокойной обстановке ситуацию можно было бы облегчить, несколько затушевать — но не теперь, не при нынешних условиях, которые ты сам и создал, изображая Демона Тьмы. Короче говоря, — улыбнулся Вил, — нет сомнений, что правящую династию ты поставил в весьма шаткое политическое положение.

— Это я и хотел услышать, — отозвался Калли.

— Вот как? Ну, а теперь, когда ты своего добился — куда мы направим стопы?

— На Землю, — коротко ответил О'Рурк.

С каждым прыжком «Нанш Ракх» приближался к Земле. Вскоре стало ясно, что налет на Коронный Мир оказался для молдогов полнейшей неожиданностью. Человеческий корабль успел совершить три прыжка — и лишь тогда сканер зарегистрировал энергетические всплески, знаменовавшие начало погони. Но к этому времени, заверил своего командира Пит, надежды перехватить «Нанш Ракх» у молдогов уже не оставалось — разве что благодаря какой-нибудь непредвиденной случайности.

Тем временем экипаж занимался ремонтом кормового трюма, поврежденного зенитной ракетой во время рейда на королевский дворец. Трех юных Наследников Трона Калли поручил заботам Вила — и не только потому, что Джемисон по своему темпераменту более чем кто-либо подходил для подобной работы, но и потому, что лишь он в достаточной степени владел языком молдогов.

Каллихэн был слишком занят устранением повреждений, и потому с тех пор, как Наследников доставили на борт, не видел их. Он почти забыл об их существовании, они стали просто частью его плана. Они даже не занимали мыслей О'Рурка — думал он только об Амосе Брейте и о том, как с ним увидиться.

Проблема даже не сводится к тому, размышлял Калли, сквозь прозрачное бронированное окошко вакуум-скафандра глядя на бригаду ремонтников, приваривающих последнюю секцию кормового трюма, каким способом добраться до Брейта. Проблема в том, чтобы добраться до него неузнанным. Ибо, будучи членом Трехпланетного Совета, Брейт постоянно был окружен специально подготовленными телохранителями, которые знали любого из реальных или потенциальных недругов советника. Калли не испытывал особого желания расстаться с жизнью еще до того, как Амос Брейт узнает о его прибытии на Землю...

О'Рурк почувствовал, что по локтю его барабанят чьи-то пальцы, повернулся и увидел еще одного человека в вакуум-скафандре. Сквозь прозрачное забрало он различил лицо Вила. Джемисон поманил Калли за собой, первым нырнул во временный воздушный шлюз, откуда перешел в наполненную воздухом секцию. Оказавшись в уюте тепла, света и приподнятого для дыхания воздуха, антрополог поднял забрало и сдвинул назад капюшон подшлемника, чтобы удобнее было разговаривать. Калли последовал его примеру.

— Что случилось?

— Юные молдоги желают с тобой переговоры.

О'Рурк кивнул. Вил посмотрел на него с любопытством.

— Кажется, ты не удивлен?

В его взгляде и тоне было нечто, не очень понравившееся Калли. Он улыбнулся.

— Я предполагал, что раньше или позже они все-таки захотят со мной поговорить, — сказал он. — А что, если я приду попозже?

— Конечно, — буркнул Вил. — Если не сейчас, то допозже.

— Отлично. Но я все-таки приду.

Он провел пальцем от шеи вниз, раскрывая шов, потом шагнул из скафандра. Тем временем Джемисон тоже освободился от своих космических доспехов.

— Пошли!

Вил шел первым. Когда они оказались в носовой секции, Вил остановился возле трех дверей, ведущих в бывшие офицерские каюты: одна была отведена самому Джемисону, средняя — трем пленным принцам, третья — Калли. Дверь, ведущая в каюту О'Рурка, оставалась запертой, тогда как каюта Вила была постоянно открыта, чтобы юные молдоги всегда могли в случае необходимости позвать седовласого антрополога.

Молдоги ждали, стоя плечом к плечу, — самый высокий посередине; в такой же церемониальной позиции Калли впервые увидел их во время налета на дворец. Наверное, они подражали взрослым. Все трое стояли и смотрели на Каллихэна.

Только теперь О'Рурк смог как следует, не спеша, рассмотреть юных молдогов. Они были меньше своих сверстников-землян — так же, как взрослые молдоги были меньше и тоньше взрослых людей. Но в поведении Наследников Трона не ощущалось ничего детского — они стояли непоколебимо, прижавшись плечом к плечу, храня гордое, многозначительное молчание. Они и внешне — на глаз землянина, — мало напоминали детей. Безволосые, круглые, словно бильiardные шары черепа; костистые, туго обтянутые кожей лица — все это придавало им сходство со старичками. И все же нельзя было отрицать, что в них имелось и нечто детское. Это были глаза — большие, любопытные, без присущего взгляду взрослых оценивающего выражения. В непривычных чертах инопланетян Калли мог все-таки уловить подсознательную тягу, потребность в защите и опеке, столь свойственную обычным земным детям и так хорошо знакомую О'Рурку.

Потребность эта была инстинктивной, и Калли ощутил такое же инстинктивное желание ответить на этой немой призыв. Но он тут же погасил улыбку, заставив себя думать только о деле.

— Итак? — Он повернулся к Вилу. — Я здесь. Что им нужно?

— Они ждут, чтобы ты спросил об этом их.

Калли посмотрел на маленьких принцев.

— Я (личность) здесь, — с почеркнутой вежливостью сказал О'Рурк по-молдогски. — Что вы (триада) желали мне сообщить?

Услышав голос Калли, самый маленький из Наследников едва не нарушил строй, но его тут же втянули на место.

— Мы (триада) вызвали тебя, — заговорил самый рослый из братьев, — потому что мы — не просто обычный Достойный индивид. Мы (триада) — это Самые Наидостойнейшие Наследники Самых Наидостойнейших семей. Мы не обязаны ждать

твоего предложения достойно возвратить нас в наши семейства. Мы (триада) вызвали тебя, чтобы потребовать такого предложения, и немедленно.

— Достойное предложение,— повторил вслед за ним Калли, и с задумчивым видом кивнул. Потом повернулся к Вилу и проговорил по-английски:

— Они все это всерьез, как ты полагаешь?

— Абсолютно всерьез. И что бы ты ни собирался им ответить, советую делать это не менее серьезно. Они желают, чтобы их тела были возвращены, дабы не прерывалась линия наследования. И ты сделаешь серьезную ошибку, если воспримешь это требование как нечто меньшее, чем оно есть на самом деле.

— Никак иначе я его воспринимать и не собирался, — заметил Калли, задумчиво разглядывая молдогских принцев, и продолжил уже по-молдогски, обращаясь к ним: — Я (личность) до сего момента не сделал вам (триаде) такого Достойного предложения,— сказал он, тщательно выговаривая слова,— поскольку не собирался делать его вообще. Для него нет причины. Я (личность) продержу вас (триаду) здесь еще некоторое время. Но затем вы (триада) будете невредимыми возвращены в свои семейства.

Когда он кончил свою короткую речь, молдоги несколько секунд молча смотрели на него, ничем не выдавая своей реакции. Потом вновь заговорил старший Брат, который стоял в середине триады:

-- Быть может, ты не уверен, что мы (триада) достаточно мудры и взрослые, чтобы самостоятельно совершить Достойное действие. Потому я, Хиркер, Старший Брат, заверяю тебя, что в полной мере на это способен. И скромно прошу оказать моим Младшим Братьям всякую помощь, которая может им понадобиться прежде, чем я завершу Достойное действие. — Он погладил по голове самого маленького из братьев. — Особенно это касается Отги, который, сам видишь, пока еще не слишком хорошо понимает подобные вещи.

Калли бросил взгляд на Вила, но седой антрополог стоял с каменным лицом, подобным маске идола. О'Рурк повернулся к трем юным принцам.

— Если вам (триаде) кое-что известно обо мне (триаде), то вы должны понимать — я (личность) редко требую от пленников Достойного действия. Я (триада) — не обычный похититель. Как вы, быть может, слышали, я (личность) — Демон Тьмы!

Шесть детских глаз несколько долгих секунд безмолвно смотрели на него. Потом тишину неожиданно нарушил тоненький голосок самого маленького Брата:

— А где твоя третья черная рука?

Калли замер — вопрос застал его врасплох. *Этого* он не ожидал. Он вспомнил, что, согласно легенде, у Демона действительно была третья рука, которую он обычно прятал под складками

одежды. О'Рурку пришлось сделать усилие, чтобы подавить улыбку. Никто из взрослых молдогов не требовал от него предъявления третьей руки. Очень интересная разница обнаруживалась между мышлением юных и взрослых инопланетян!

Тем временем три маленьких молдога смотрели на Каллихэна с выражением, которое можно видеть в глазах детей на Земле, когда взрослые употребляют в их присутствии какое-нибудь запретное слово или выражение. Потом старший Брат подобрался и сделал шагок вперед, к Калли. Остальные немедленно последовали за ним, заняв положенные им места слева и справа.

— Ты — не Демон Тьмы. Ты даже не достойный индивид, — обвиняющим тоном сказал старший Брат. — Ты всего лишь мягколицый!

— Это действительно так, — кивнул Калли. — Я (личность) — мягколицый. Во времена, когда Самые Достойные Отец и Дядья вас (триады) были в возрасте не старше вашего нынешнего, вы (все молдоги) не имели представления о мягколицых и как вести с ними дела. Но когда вы (триада) станете взрослыми Самыми Достойными, вам и вообще всем молдогам потребуется понимание мягколицых — таких, как я.

Костистые, обтянутые тонкой кожей личики смотрели на Каллихэна. Дети были озадачены.

— Я (личность) не могу тебя понять, — сказал, наконец, Хиркер.

— Правильно, ты (личность) не понимаешь меня (личность), — согласился Калли. — Но попытайся понять, что есть способ совершать поступки, равный Достойному, не лучший и не худший, чем он. И согласно этому способу я (личность) являюсь вполне достойным. И если я (личность) позволяю тебе (личности) совершить Достойное действие, я свое Достоинство потеряю. В этом и заключена разница между молдогами и мягколицыми, и вы (триада) должны постараться ее понять, пусть сразу это и не получится.

Повисла долгая тишина.

— Я (личность) понимаю все, что необходимо понимать, — упрямо заявил самый высокий из молдогов. — Если во главе народа стоит сильный клан, на всех планетах царят мир и безопасность для всех людей. Так говорят все. В клане должен быть септ, который ведет остальных, в септе — одна главная семья, а в семье, которая ведет всех, — Самый Достойный из Всех, как Барти и его Братья, наши Отец и Дядья.

— И очень скоро вы (триада) вернетесь живыми к Самому Достойному Барти и его Братьям, — сказал Калли.

— Но даже короткое время — это уже Недостойно — возразил Хиркер. — Если не все члены семьи на месте — неважно, живые или мертвые — эта семья уже Недостойна, как и ее септ, и ее клан — и у народа, в таком случае, нет настоящего правителя. Уже сейчас наш Отец и его Братья больше не правят нашей семьей,

семья — септом, а септ — кланом. И наш клан, быть может, уже утратил Достоинство — а все это потому, что ты не желаешь позволить нам совершить Достойное действие. *Ты непочтенная личность!*

С этими словами старший Брат, а с ним и остальные повернулись спиной к Калли. Это был драматический жест — учитывая столь юный возраст молдогов. Лишь самый младший брат несколько испортил торжественность момента, потому что не удержался и через плечо бросил взгляд на О'Рурка — что он там делает? Старший Брат быстро повернул голову малютки-Отги в нужном направлении.

Калли повернулся и вышел, Вил — вслед за ним. Лишь когда за ними щелкнул замок двери, и они оказались в безопасном одиночестве, О'Рурк позволил себе улыбнуться. Но тут же посерьезнел. Он посмотрел на антрополога.

— В любом случае, — сказал он твердо, — нельзя допустить, чтобы они причинили себе вред. Если им удастся покончить жизни самоубийством, все наши усилия пойдут прахом.

— Об этом я позабочусь, — пообещал Вил. — Вообще-то... понимаешь, хотя они и разговаривают, как взрослые, на самом деле они еще дети. Дети очень гибки, легко применяются к ситуации, и теперь, когда ты решительно сказал им «нет», я думаю, они смилятся. Извини, что тебе пришлось бороться одному — я подумал, что так будет убедительнее. Извини.

— Не за что тебе извиняться, — сказал Калли. — Я так и понял. Очень хорошо, что ты пришел к такому выводу — надеюсь, ты не ошибся, и они смогут приспособиться к ситуации.

— Да, — медленно произнес Вил. — Они, конечно, не шутили, но... Поскольку они предприняли попытку, и она не удалась, они могут просто смириться с неудачей. Так поступают дети любой разумной расы.

— Очень хорошо. Если ты уверен, что идею самоубийства они отбросили, тогда можно выпустить их из-под замка, пусть бегают по кораблю... Только чтобы обошлось без травм.

— Я присмотрю за ними, — пообещал Вил.

Что и было сделано. В результате через день или два, троица Наследников уже вовсю носилась по коридорам корабля, рассматривая изменения, произведенные в оборудовании молдогского корабля, чтобы сделать его более удобным для людей. Юные принцы совали любопытные узкие носы в каждую щель, и вскоре их уже с радостью встречали в отсеке экипажа. Единственным местом, куда Вил не разрешал им заходить, была рубка управления. Наследники страдали, но не нарушали запрета, хотя любопытство было для молдогов не менее характерно, чем для людей, и наступил день, когда Калли, находившийся в рубке управления вместе с Питом и Доуком, услышал птичьи голоса принцев у самой двери в рубку.

О'Рурк распахнул дверь. На пороге, плечом к плечу, стояли

Наследники Трона. Вила поблизости видно не было. Хиркер, самый высокий, как всегда стоял в центре триады. Секунду спустя из-за поворота торопливо вышел Вил.

— Извини, Калли, они от меня сбежали...

— Ничего страшного? — поинтересовался Калли по-английски, но ответил Хиркер — словно понял, о чем идет речь.

— Мы — Самые Наидостойные на борту этого корабля, — упрямо сказал он, — и потому можем ходить всюду, где хотим.

Отга уже вытянул шею, чтобы заглянуть в рубку, вход в которую загораживал Калли, стремясь увидеть, какие изменения произвели там люди. Протянув руку, Хиркер заставил порывистого младшего брата вести себя достойно положению.

— Я (личность) приношу извинения, — сказал Калли. — Я (личность) согласен: вы (триада) являетесь Самыми Наидостойными на борту. Но несмотря ни на что я по-прежнему не могу впустить вас (триаду) в рубку управления.

Принцы смотрели на него. Хиркер, если Калли правильно научился понимать выражение лиц молдогов, хмурился. Но тишину нарушил неукротимый Отга, пропищав:

— Для Самых Наидостойных нет запретов!

— Есть, — возразил Каллихэн.

Ты Недостойный, ты не можешь так говорить нам (триаде)! — заявил Отга.

Принцы снова уставились на Калли.

— Возможно, — спокойно сказал О'Рурк, — но я прав.

— А при чем здесь это? Ты Недостойный. Какая разница, прав ты или нет? — буркнул Хиркер.

— Очень большая, — спокойно сказал Калли. — Вы (триада) больше не находитесь на борту молдогского корабля. Вы на корабле людей. И здесь все, что неправильно, делать нельзя, пусть даже действие это дважды Достойно или те, кто собирается его совершить, Самые Наидостойные. На борту корабля людей правильность важнее Достоинства.

Хиркер нахмурился. Он явно был озадачен и не знал, что сказать. Но Отгу не так-то легко было привести в смущение.

— Почему неправильно будет, если мы войдем в рубку? — поинтересовался он и заулыбался довольно, уверенный, что теперь-то поймал Калли.

— Потому что для людей главное — не Достоинство, а правильность. И у людей считается неправильным, если юные создания, пусть даже Очень Достойные, входят в помещения, где им может грозить опасность, без сопровождающего их компетентного взрослого. В рубке есть приборы, которые вы (триада) можете повредить, даже не подозревая об этом. Есть также приборы, которые могут причинить вред вам, поскольку вы их не знаете и не понимаете, как они действуют. Поэтому вы не правы, желая сюда войти, ибо с вами нет компетентного взрослого, который побеспокоился бы о вашей безопасности.

Хиркер вдруг перестал хмуриться и показал на Вила.

— Прекрасно! Мы (триада) назначаем *его* компетентным взрослым для сопровождения!

Калли покачал головой. Этот жест был незнаком молдогам, но юные принцы научились его понимать за последние несколько дней.

— Нет. Вы (триада) понимаете еще не до конца. Компетентный взрослый — это не такое простое дело. Для столь юных лиц, как вы, действительно компетентными могут быть только члены вашей семьи или те лица, которые указаны ответственным членом вашей семьи. Вот поэтому было бы неправильно впустить вас в рубку, — сказал Калли, аккуратно затворяя дверь прямо перед носом у принцев. — На борту корабля людей всегда нужно поступать только правильно.

Дверь закрылась, громко щелкнув. Калли прислушался. Сначала он ничего не услышал — несколько секунд стояла полная тишина. Потом затараторили тоненькие детские голоса, засыпая вопросами Вила. Калли улыбнулся и вернулся к работе.

Десять дней спустя «Нанш Ракх», двигаясь самым экономичным курсом и совершая прыжки на самые выгодные дистанции, уже покинул территорию молдогов, миновал Приграничье и теперь быстро приближался к Солнечной системе и своей конечной цели — Земле. Корабль уже влился в транспортный поток на линии между Землей и Плеядами — теперь их приближение к Земле едва ли могло быть особо замечено. И сканер не зарегистрировал пока энергетических всплесков, характерных для перемещения большого флота — такого, какой Калли велел Листрому собрать и направить к Земле.

Если у Пита и остальных было время, чтобы волноваться на сей счет, то у О'Рурка его уже не оставалось. Он верил Листрому — учитывая к тому же, что партнером Лиса должен был стать Эмили Хазек. И на Землю Каллихэн был намерен пробраться задолго до появления флота Листрома. Но чем дальше, тем тревожнее становилось на душе у Пита Хайда. «Нанш Ракх» благополучно пересек внешние зоны Солнечной системы и лег на геоцентрическую орбиту — никаких препятствий им не чинили, не считая рутинной проверки со стороны диспетчерской орбитальной службы.

— Просто не могу поверить, — ворчал Пит, вызвав Калли по внутренней связи со своего поста в приборном отсеке. — Что происходит? Где Листром? Ну ладно, Лис еще не появился, но Трехпланетье? Почему нет паники? Ведь молдоги вот-вот готовы начать вторжение! Где дополнительные посты проверки, где усиленная патрульная служба?

— Это паралич, — объяснил Калли. — Понимаешь, испуг перешел в столбняк.

Пит ничего не успел возразить, потому что ожил внешний коммуникатор.

— «Нанш Ракх», вам разрешена посадка, — это был вызов с диспетчерского спутника. — Точка посадки — сетка восемь тысяч Полюс, две тысячи четыреста Экватор...

— Понял вас, диспетчер, — ответил Доук, намеренно выговаривая слова с трапперским тягучим акцентом, изображая переводчика, нанятого молдогами на одной из планет Приграничья, дабы облегчить процедуры посадки. На борту «Нанш Ракх» находились воображаемые грузы, направленные в молдогское посольство.

Корабль вошел в атмосферу. Космопорт, в который они были направлены, располагался на окраине Феникса, штат Аризона. Доук специально попросил направить корабль в какой-нибудь другой космопорт, а не самый популярный и суматошный на Лонг-Айленде, бывший к тому же и самым большим на Земле. Причиной такого пожелания он назвал меры предосторожности, необходимые для пользующихся дипломатической неприкосновенностью инопланетян, якобы командующих кораблем. Диспетчер без задержки удовлетворил просьбу. Космопорт возле Феникса был идеальным вариантом — достаточно тихий, чтобы там не путались под ногами те, кто кое-что знает о молдогах, и при том не слишком удаленный от Нью-Йоркского мегалополиса — всего двадцать минут пути.

— Ты думаешь, они в самом деле поверили, будто мы — молдоги? — спросил Пит, когда посадочные опоры «Нанш Ракх» коснулись бетона посадочной площадки космопорта Феникс. Пит покинул рубку управления, оставив за себя Доука. Теперь ему, как астрогатору, делать было нечего. Вычисляя прыжки, Пит казался человеком с железными нервами или вообще без таковых, но когда он покидал астрогаторскую, у него появлялась тенденция к излишней тревожности и мнительности.

— Полагаю, да, — ответил Калли, выключив внутреннюю связь и поднимаясь. — Корабль у нас в самом деле молдогский. Так почему бы нам не оказаться инопланетянами? Кто же еще мы такие? — Он улыбнулся Питу. — Если перед тобой стоит молдог, ты же не спрашиваешь у него документы — и так видно, что он инопланетянин. Стоит взглянуть на обводы нашего корабля — и всякому станет ясно, что мы — молдоги. И пока мы сохраняем дипломатическую неприкосновенность, нас не осмелятся беспокоить. Доук вполне может попросить помощи у полиции, если кто-то начнет излишне интересоваться кораблем. Амос Брейт очень удивится, обнаружив, что я прибыл в гости — но ему и в голову не придет, что я прибыл на борту молдогского корабля.

— Тогда мы сидим себе тихо — и ждем от тебя новостей, так?

— Или новостей от меня, или появления Листрома и его эскадры, — сказал Калли. — Если он появится, свяжись с ним и скажи, что меня он найдет через Амоса Брейта. Я буду в здании Трехпланетного Совета.

— Ты так уверен, что все сработает, как ты задумал, —

фыркнул Пит. — Думаешь, стоит тебе поговорить с Амосом, а Лису появиться на лунной Базе — и они так сразу поднимут лапки вверх и вручат тебе ключи от Зала Совета? А ты не забыл, что молдоги наверняка послали на выручку своим Наследникам Трона боевой флот — и флот этот сейчас на пути сюда?

— Не забыл. Больше того, именно на него я и рассчитываю, — хладнокровно сообщил Калли и похлопал Пита по плечу. — Что до всего прочего, если бы я и потратил час на объяснения, ты бы все равно ничего не понял. Поверь мне еще раз на слово, идет?

Пит кивнул — хотя и без особого энтузиазма.

— Еще какие-нибудь вопросы, друзья? — улыбнулся Калли-хэн, переводя взгляд с Пита на Вила, стоявшего рядом с астро-гатором. Антрополог молча покачал головой.

— Удачи, черт бы тебя побрал! — проворчал Пит.

21

Вагоном подземки, который мчался по безвоздушному туннелю с почти орбитальной скоростью, Калли направился в Канзас-сити, где предстояло сделать пересадку на другой маршрут, ведущий в Нью-Йоркский мегалополис. В пути он обнаружил, что охвачен довольно необычными чувствами.

Странно было вновь чувствовать себя на Земле — как в былые времена, когда он тайком пробирался сюда, чтобы угнать очередной космический корабль для восставших миров Приграничья. Одновременно О'Рурк испытывал непонятно откуда взявшееся чувство возвращения домой. Когда он прилетел на Землю в прошлый раз — злополучный визит, закончившийся арестом — то чувствовал себя чужаком, которому предстоит приспособиться к порядкам и обычаям землян. Теперь же, двигаясь в толпе пассажиров с естественностью и спокойствием хищника, преследуемого охотниками, но уверенного, что сумеет их обмануть, Калли-хэн не чувствовал напряжения, не дававшего ему покоя предыдущий раз.

О'Рурк смотрел на соседей по вагону подземки: они читали, разговаривали, закусывали и выпивали, просто дремали — и казались ему намного ближе и понятнее, чем когда-либо раньше. Они ничем не отличаются от жителей Приграничья, думал Калли, пока вагон тормозил, приближаясь к станции назначения — Нью-Йоркской жилой агломерации. Собственно, и с молдогами у них не так уж много различий. Обстоятельства формировали их соответственно определенному культурному шаблону, и вырваться из рамок этого стереотипа только благодаря своей свободной воле они не могут. И чтобы спасти их от себя самих, он, Калли, должен этот шаблон изменить.

Из здания вокзала он пневматической трубой добрался до центра. Выбрав ресторан, сквозь прозрачную стену которого было прекрасно видно небоскребы Трехпланетного Совета, Калли устроился в уютной укромной кабинке, заказал завтрак и первым делом поднял трубку телефона.

На экране появилось лицо — среднего возраста женщина с очень аккуратной прической и тщательно нанесенным, неброским макияжем. Все в ней говорило о крайней собранности и деловитости, скрытых достаточно искренней доброжелательностью.

— Секретариат советника Брейта, — сказала женщина. — Что я могу для вас сделать?

— Я бы хотел поговорить с кем-нибудь из личного персонала советника, если возможно, — с не меньшей любезностью в голосе ответил Калли. — Не могли бы вы пригласить Тома Доноу?

Женщина внимательно взглянула на Калли; последовала чуть заметная пауза нерешительности. Очевидно, секретарь не узнала Калли Уэна — он покрасил волосы в темно-каштановый цвет и загримировался. Во всяком случае, взгляд ее никаких подозрений не выдал.

— Боюсь, как раз сейчас его здесь нет, — ответила женщина. — Что ему передать?

— Буду очень благодарен, если он выберет время, когда я смогу его застать и поговорить. Я звоню по поручению другого человека, у которого срочное сообщение для господина Доноу. К сожалению, мы оба не можем оставить господину Доноу наши координаты, чтобы он нам перезвонил. Но если бы вы передали ему мои слова и приблизительно назвали время, в которое удобно перезвонить...

— Даже не знаю, право, — сказала женщина, записывая что-то в блокнот. — Господин Доноу — личный секретарь советника Брейта, он почти постоянно находится в распоряжении советника. Невозможно сказать, когда он появится в кабинете.

— И все же, если появится возможность, передайте ему мое сообщение, — сказал Калли. — У моего друга в самом деле очень важная информация для господина Доноу. Возможно, делу поможет, если вы упомянете Банк Приграничных Миров... полагаю, он прекрасно поймет, о чем идет речь.

Во взгляде женщины мелькнула настороженность.

— Приграничный Банк? Тот, что принадлежит господину Ройсу? Одну минутку, пожалуйста...

Изображение исчезло, но экран стал не серебристо-мерцающим, а тускло-серым — значит, на противоположном конце линии просто нажали кнопку «пауза». Калли терпеливо ждал. Примерно полминуты спустя изображение вновь загорелось, и появилась та же самая женщина.

— Очень сожалею, — произнесла она, — но сейчас никак невозможно связаться с господином Доноу. Он находится в офисе Совета — вместе с господином советником они готовят повестку

дня заседания, которое начнется в час. Но если ваш друг сможет подъехать к зданию Совета, я распоряжусь, чтобы ему приготовили пропуск на главном входе. Он сможет подняться в офис советника Брейта и подождать там.

— Это было бы просто великолепно! — просиял Калли.

— Отлично.— Она снова взяла ручку.— На чье имя выписать пропуск?

— Господин Смит... Уильям Смит,— продиктовал О'Рурк. Она записала имя и фамилию.

— Уильям Смит... Пропуск будет ждать, и я передам господину Доноу, чтобы он, как только освободится, вышел в приемную и встретил вашего друга.

— Благодарю вас, — сказал Каллихэн и повесил трубку.

Едва он успел закончить разговор, как подкатила автоматическая сервировочная тележка с заказанным завтраком. Переставив тарелки и стаканы на свой столик, Калли принялся за еду. Он был слишком опытен в политических и прочих баталиях, чтобы рваться в бой сломя голову, а кроме того, по собственному опыту, знал, что ему лучше всего действовать на сытый желудок. Брейта он отыскал — и это было главное. Теперь нужно было составить план, как действительно повидать отца Алии.

Едва кончив завтракать, Каллихэн покинул ресторан и отправился ко главному входу комплекса Трехпланетного Совета. Назвав имя Уильяма Смита, он получил от облаченного в черный мундир полицейского круглый значок с изображением трех планет, заключенных в окружность; вдоль нижней дуги маленького диска было написано его имя, а вдоль верхней — слово «Посетитель». О'Рурк прошел в фойе, к круглому столу справочной службы, и попросил выдать ему жезл-проводник.

Девушка в справочном бюро показала, как пользоваться жезлом — это было очень просто, нужно было лишь поворачивать рукоятку, пока в прорези не появится надпись «офис советника Брейта». Теперь жезл был настроен, и мог указывать дорогу. Девушка передала жезл Калли, тот принял проводник, поднял его, и тот сразу же повернулся, указывая в сторону лифтов. О'Рурк встал на очередной поднимающийся диск, который вознес его на три десятка этажей и остановился; прозрачная стена шахты лифта скользнула в сторону, и Калли, следуя указаниям жезла, зашагал по широкому коридору, устланному зеленой ковровой дорожкой, залитому мягким светом, с роскошными подвижными фресками на стенах.

Жезл дважды подсказывал, где сворачивать, пока О'Рурк не оказался у другого лифта. Поднявшись еще на изрядное количество этажей, Калли вышел в круглый холл, от которого отходило несколько коротких коридоров. Здесь кипела деятельность, мимо то и дело с озабоченным видом пробегали служащие, по большей части — посыльные и курьеры. Жезл указал на один из коридоров, но Калли туда не пошел. Вместо этого он повернул рукоятку жезла,

выключив его, а потом с нерешительным видом обратился к одному из спешащих курьеров:

— Прошу прощения...

Тот остановился.

— С моим указателем что-то стряслось — не работает. Вы не скажете, ресторан для обслуживающего персонала на этом этаже?

— Нет, не на этом, — кратко ответил курьер — круглолицый розовощекий молодчик, которого так и распирало от сознания собственной значимости, — на восемь этажей ниже. А что с вашим указателем? Позвольте, я посмотрю.

Он скорее сам взял жезл из руки Калли, чем подождал, пока О'Рурк его предложит, и посмотрел на рукоятку.

— Ничего удивительного. Он у вас выключен. Видите вот эту ручку?

— Вижу.

— Нужно, чтобы в прорези была надпись «ресторан». Вот так... — И, повернув рукоятку, как положено, курьер вручил жезл Калли. — Только повнимательнее с ней. Можно незаметно для себя выключить эту штуку — и тогда заплутаете в здешнем лабиринте, того и гляди, попадете в неприятности.

— Я буду крайне осторожен, — заверил его Калли.

— Это самое главное, — сказал курьер и отправился по своим делам.

Калли последовал в направлении, которое теперь показывал заново настроенный жезл, и в результате вернулся к лифтовым шахтам. Ступив на уплывающий вниз диск, он вновь принялся вращать рукоятку, пока в прорези не появились слова «подвальная энергостанция». Диск довольно долго уносил Калли в глубины здания. Наконец Калли очутился в коридоре с голыми мраморными стенами и металлическими дверями, расположенными через правильные интервалы. Он прошел до ближайшей развилки и там наугад попробовал открыть одну из дверей. Та оказалась закрытой. О'Рурк оставил дальнейшие попытки и энергичным шагом двинулся вдоль коридора — со стороны он выглядел как человек, спешащий по делу. Людей здесь встречалось намного меньше, чем наверху, но все равно, пустынными нижние этажи назвать было нельзя. Кроме энергетических установок и щитовых, здесь располагались склады и архивы. Калли то и дело попадались клерки — как мужчины, так и женщины — и довольно много курьеров.

Он бросил взгляд на часы. Без двадцати час. Значит, если секретарь не ошиблась, через двадцать минут начнется заседание Совета. Свернув в коридор побезлюднее, Калли некоторое время шагал с сосредоточенным видом, пока не заметил курьера, ростом и фигурой похожего на него самого. Когда тот проходил мимо, Калли стремительно развернулся и нанес бедняге молниеносный удар ребром ладони по шее. Человек обмяк и рухнул на пол, словно марионетка с перерезанными нитками.

Калли быстро нагнулся, вскинул бесчувственное тело на плечи,

как это делают пожарники, и размахисто зашагал вдоль коридора, пробуя все двери подряд. В первой комнате, которая оказалась незапертой, несколько клерков склонились над микрографом — они раздраженно подняли головы, когда О'Рурк чуть-чуть приоткрыл дверь.

— Прощу прощения... — пробормотал Калли, затворил дверь и поспешил дальше.

Наконец, две попытки спустя, Каллихэн обнаружил комнату, от пола до потолка забитую пачками бланков и каких-то формуляров в прозрачных пластиковых упаковках. На один из таких тюков он и уложил свою ношу. Курьер до сих пор не пришел в себя. Калли пощупал пульс, приподнял веко: если бедняге повезет, он отделается головной болью и ушибом шеи.

Вытащив из кармана моток скотча и положив его поблизости на одну из пачек, Калли быстро раздел курьера, скрутил ему лентой лодыжки и запястья, заведя руки за спину, и заклеил рот. Потом сам переоделся в униформу курьера.

Когда Каллихэн выходил в коридор, курьер, на котором теперь оставались только трусы да майка, уже начал подавать признаки жизни. О'Рурк вышел, захлопнув за собой дверь. Когда замок щелкнул, он посмотрел вперед, потом назад — коридор был пуст. Тогда он сунул в официальный конверт Трехпланетного Совета, прихваченный в только что покинутой комнате, несколько пустых бланков, заклеил его и, неся конверт вместо жезла, оставленного рядом со связанным курьером, энергично зашагал к лифту. Там он громко назвал номер этажа, на который первоначально препроводил его жезл. Диск начал подниматься.

Вновь войдя в круглый холл, он быстро зашагал вдоль коридора, по которому в первый раз не пошел. В конце обнаружился еще один круглый холл, но поменьше; за столиком здесь сидела средних лет секретарша — явно сестра-близнец той, что разговаривала с Калли по телефону.

— Лично советнику Брайту... Срочно, из его офиса, — сообщил он, показывая пухлый конверт.

— Вот как? Хорошо... Он в рабочем кабинете. Можете пройти. — Видя некоторую заминку, она добавила: — Вы новенький? Третья дверь налево, рядом с конференц-залом.

— Спасибо.

Перед указанной дверью он остановился и постучал.

— Войдите, — ответил голос, в котором нельзя было не узнать советника Амоса Брейта, несмотря на то, что дверная панель приглушала звук.

О'Рурк коснулся кнопки замка, створки распахнулись, он вошел в кабинет и услышал за спиной щелчок затворившейся двери.

В комнате находились два человека; оба повернулись ему навстречу — и, вздрогнув, замерли, словно пораженные громом. Свет падал в комнату через единственное широкое и высокое

окно. Амос Брейт — невысокий, плотный, темноволосый — сидел за рабочим столом. Рядом, передавая ему какой-то документ, стоял высокий, широкоплечий, седовласый человек. Оба молча смотрели на О'Рурка, пока тот приближался к столу. Потом Брейт сумел преодолеть оцепенение.

— Калли!

Помощник советника быстро отдернул руку с бумагами и сделал шаг назад — к двери в дальней стене кабинета.

— Погоди, Том, — небрежно бросил Каллихэн. Человек, который действительно был личным секретарем Амоса Брейта еще во времена, когда Калли был мальчиком, а Брейт — губернатором Калестина, снова замер. — Я должен поговорить с Амосом с глазу на глаз. Если после этого возникнет необходимость вызвать полицию — ты вполне успеешь это сделать.

— А с чего ты взял, что я стану с тобой разговаривать, Калли? — хрипло спросил Амос.

Его лицо, побледневшее было, снова стало приобретать нормальный цвет. Каллихэну показалось, что Брейт стал больше сутулиться и вообще как-то ссохся за годы, прошедшие с их последней встречи. И морщины у рта и возле глаз стали глубже, резче.

— Потому что я здесь, чтобы предложить тебе сделку, Амос, — весело сказал Калли. — Дай слово, что выслушаешь меня, а потом дашь беспрепятственно уйти — не прикажешь Тому вызвать полицию. А я даю слово, что сообщу тебе сведения, с помощью которых ты решишь все свои проблемы. Если же ты вызовешь полицию прямо сейчас, то гарантирую — вскоре ты об этом пожалеешь. — Он посмотрел прямо в темные, старчески запавшие глаза советника. — Ну, что ты выбираешь, Амос? Мы оба, если помнишь, всегда славились умением держать слово.

Брейт напрягся.

— Все мои проблемы? — повторил он подозрительно.

Он пожевал нижнюю губу, размышляя о чем-то, потом, очевидно, принял решение. — Ладно. Даю слово и принимаю твое. Том, подожди... там.

— Хорошо, Амос, — кивнул седой. Он повернулся, угрюмо взглянул на Калли и вышел через дверь в дальней стене.

О'Рурк и Брейт проводили его взглядами. Потом посмотрели друг на друга.

— Ладно, Калли, — осторожно сказал Амос; он встал и, обойдя стол, остановился лицом к лицу с О'Рурком. — Теперь все в твоих руках. Полагаю, ты отдаешь себе отчет, что я поставил на карту? Мою репутацию, даже место в Совете — и только потому, что поверил твоему честному слову. Так что лучше тебе не разочаровывать меня.

Каллихэн смотрел на советника. Все эти годы он помнил Амоса Брейта как человека, полного кипучей энергии, умевшего заставить других слушать и подчиняться. Таким он был, например,

в дни Фортаунской резни, когда без страха, безоружный, справился с буйством опьяненных кровью солдат и арестовал их безумного командира — с помощью его же подчиненных! А теперь, в кабинете, взнесенном почти на самый верхний этаж небоскреба, откуда управлялись три самых богатых и могущественных человеческих планеты, стоял призрак той фигуры, что отпечаталась в памяти Калли. Амос Брейт стал толще телом, но спал с лица. У него появились густые, седеющие усы. Черные волосы неестественно контрастировали с осунувшимся лицом и седыми усами. Амос стал сильно сутулиться. Больше того, изменился даже его голос: теперь он напоминал лай старого пса, напрасно защищающего давно остывший очаг опустелого дома. О'Рурку припомнилось предупреждение Алии. Да, отец ее в самом деле сильно изменился.

— Надеюсь, мое предложение того стоит, — отвечая на скрытую угрозу Амоса, сказал Калли. — Я пришел сюда, чтобы снять с тебя всю ответственность. Что может быть драгоценнее?

Брейт уставился на него.

— Как это понимать?

— Как? Это следует понимать, как тот самый переворот, *coup d'etat*, которого вы так боялись, Амос. Приграничье берет на себя управление Старыми Мирами. Возможно, для тебя это сюрприз, но сюда идет боевой флот молдогов.

— Знаю, — хрипло сказал Брейт. — Рун только что отправился ему навстречу. Он должен вернуться через восемь дней — доставить ноту молдогских правителей. И я повторяю — что за чушь ты несешь?

— Чушь? — переспросил Калли. — Действительно, чушь! Четыре года вы трясетесь от страха, четыре года хватаете людей из Приграничья, ни в чем не повинных и ни о чем не подозревающих, бросаете их в тюрьмы — и теперь это называется чушью! Ну, хорошо. Дела обстоят следующим образом. Молдоги готовы начать войну. Вы с ними договориться не можете, но мы, Приграничье — можем. Мы знаем, как избежать войны. Я же говорил, что у меня есть ключ ко всем твоим проблемам. Поэтому мы берем власть в свои руки. Трехпланетный Совет поступит очень разумно, если пойдет нам навстречу и эту власть спокойно передаст. Ты, Амос, можешь начать с того, что объявишь о своей добровольной отставке и призовешь остальных членов Совета поступить таким же образом.

— Я должен уйти? Вот так взять и уйти? — Брейт повернулся к двери, за которой несколько минут назад исчез Том Доноу.

— Пойдем! — хрипло сказал он.

Калли проследовал за советником. Они перешли в комнату больших размеров, в дальнем конце которой на возвышении вроде сцены или подиума стоял круглый стол. Вокруг него сидели пятеро — их лица были знакомы Калли. Это были остальные члены Трехпланетного Совета: всего, включая Брейта, их было ше-

ритм, принуждающий слушающего бездумно верить всему, что скажет поднаторелый в манипулировании мыслями оратор. — Я уже не говорю о данных статистики! Я говорю о том, что есть на самом деле... — с губ Брейта брызнула капелька слюны. — Пространство за границами Солнечной системы — это не место для нормальных людей. Там могут существовать лишь иноразумстеро — по два представителя от Венеры, Марса и Земли. Тут же стоял Том Доноу — его седые волосы казались светящимся ореолом на фоне панорамного видеоэкрана.

Инстинктом животного, попавшего в ловушку, О'Рурк почувал опасность и замедлил шаг. Но было поздно. Произошло то, чего он наполовину ожидал: руки его оказались схвачены сзади двумя охранниками в черной форме — двухметровыми здоровяками из Всемирной полиции. Он был беспомощен.

— Итак, — сказал Амос, направляясь к столу, — вы все слышали?

— Да, — Каллихэн узнал Влачека, старшего представителя от Марса. — Мы все слышали по внутренней связи. Но... ты ведь не думаешь, что это может оказаться правдой, хотя бы частично? Не может быть, чтобы приграничники смогли договориться с молдогами, избежав войны!

— Прекрати! Не строй из себя добропорядочного гражданина, который только и знает, что информационный бюллетень в вечерних новостях! — Рывкнул вдруг Брейт, напомнив Калли прежнего Амоса. Казалось, он вдруг стал выше ростом, как башня возвышавшаяся над остальными членами Совета.

— Это нечестно, Амос... — начал было Влачек, но Брейт одним свирепым взглядом заставил его замолчать.

— Нечестно! Какое нам дело до того, что честно, а что нет? Или до спасения человечества? Приграничник скажет слово, а вы уже и уши развесили. Или вы все забыли? Мы же пришли однажды к заключению, не оставившему ни тени сомнения — дальний космос разрушает человеческую личность, перестраивает человеческий организм... Они перестают быть людьми!

— Успокойся, Амос! — сказал человек, сидевший спиной к О'Рурку. — Сейчас не время для пропагандистских речей. Это не выборная кампания...

— Вам нужны факты!? — стремительно обернулся в его сторону Амос. — Доказательства у нас имеются, пусть мы и не знаем пока причин. Человечество вырождается, оказавшись за пределами Солнечной системы. Взгляните на этих дикарей из Приграничья! Вспомните, что случилось с солдатами в Фортауне на Калестине четырнадцать лет назад! Они потеряли человеческий облик в буквальном смысле слова! Скажете, я не прав?

Каллихэн засмеялся — он понял, куда клонит Амос. Брейт сделал вид, будто не услышал его смеха.

— И я сам был там, позвольте напомнить вам! — в голосе советника появились почти гипнотические нотки, какой-то особый

ные существа, вроде молдогов. А люди, оказавшись там, начинают меняться! Я это доподлинно *знаю*. И вы знаете, что я знаю, ибо я сам был там, на Калестине, и вернулся сюда, на Землю, чтобы рассказать вам! — Подавшись вперед, Амос ритмично бил ладонью по столешнице. Голос его перешел почти в крик. — И вы отказываетесь слушать правду — правду, которую говорю вам я — и готовы поверить в ложь — ложь, которую внушает вам человек, подобный этому? — Он вскинул руку, указуя пальцем на Калли. Его выпученные, налитые кровью глаза приковали к себе взгляды членов Совета. Они смотрели на Амоса, словно впад в транс — кто-то сидел неподвижно, кто-то нервно постукивал пальцами по столешнице, у кого-то отвисла челюсть.

— Именно, поверьте лучше *мне!* — услышав насмешливый голос Калли, все они вздрогнули. — Амос сообщил вам не все. Если говорить по сути, Амос полностью себя дезавуировал...

— Заткните ему пасть! — рявкнул Брейт.

Каллихэн не успел договорить — один из полицейских одним шлепком залепил ему рот и всю нижнюю часть лица специальной заплаткой — кляпом.

— Уведите его! — приказал Брейт. — Посадите под замок! Когда вернется Рун, передадим его молдогом... чтобы доказать, что к действиям этого безумца мы не имеем никакого отношения. Молдоги поймут, что все это — вина Приграничья.

— Амос! Подожди... — вскочил со своего кресла Влачек. — Одну минуту. Он собирался что-то сказать...

— Ну и что, собирался? И даже если он сам верит в то, что хотел сказать? В любом случае, это ложь. И ничем другим быть не может — если *это* говорит он, это уже заранее ложь. Уведите его!

Но постой! — Влачек невольно отшатнулся, когда Брейт вдруг стремительно обернулся и посмотрел ему прямо в глаза. — Он хотел что-то сказать о тебе, Амос. И если члены Совета чего-то не знают, мы должны...

— Ты *меня* подозреваешь, Влачек? — Брейт заговорил почти ласково, почти спокойно. — *Меня?* — Он развел руками. — Как можешь *ты* — или кто-либо из вас — меня подозревать? Не забывай, у меня мандат, выданный избирателями, и не только здесь, на Земле, но и на твоём родном Марсе тоже. Согласно недавним опросам общественного мнения, меня поддерживает восемьдесят процентов населения на всех трех планетах. Это вдвое больше, чем поддержка всех остальных представителей планет — вроде тебя, Влачек. И *ты* намерен сказать своим избирателям, Влачек, что подозреваешь *меня* — *меня* — на основании слов какого-то дикого приграничника? — Брейт замолчал; он стоял неподвижно, пристально глядя на Влачека; тот тоже безмолвно стоял. — Садись, Влачек, — тихо сказал Амос, и Влачек подчинился. — Я не виню тебя. Я тебя прощаю. Нам всем приходится тяжело. Мы все испытываем напряжение, чудовищное напряжение. Но мы его вы-

держим. Мы передадим этого смутьяна адмиралу Руну, мы отречемся от Плеяд и от полулюдей-колонистов, которые не дают молдогам покоя.

Брайт повернулся к облаченным в черные мундиры сержантам Всемирной полиции, которые крепко держали Калли, заломив ему руки за спину.

— Уведите арестованного, — тихо приказал он. — Заприте его где-нибудь неподалеку и не спускайте с него глаз. Но позаботьтесь, чтобы у него было все необходимое... в разумных пределах.

Он посмотрел на О'Рурка.

— Извини, мой мальчик, — печально сказал Брейт. — Мне в самом деле жаль тебя, Калли. Когда-то ты был для меня как сын... И до сих пор я думаю о тебе, как о сыне. Но мы должны быть готовы идти на жертвы... Даже если это наши сыновья, даже если это наши собственные жизни... Во имя человечества!

Брейт медленно опустился в кресло.

— Уведите его, — снова приказал он.

Полицейские вывели Каллихэна из кабинета и, прошагав по коридору, вышли в центральный холл. Люди бросали удивленные взгляды на странную троицу — полицейские продолжали держать О'Рурка за руки, заломив их за спину. Спустившись лифтом на несколько этажей и миновав несколько коридоров, они наконец втолкнули Калли в какую-то комнату.

Его раздели и тщательно обыскали. Потом охранники унесли его одежду, даже туфли, выдав взамен душевые шлепанцы, казенное белье, спортивные брюки и свитер. Только после этого с него сняли кляп.

— Так намного лучше, — прокомментировал Калли, растирая губы и подбородок.

В ответ полицейские ничего не сказали. О'Рурк почувствовал, что руки его свободны, услышал звук удаляющихся шагов, потом стук двери. Обернувшись, он понял, что его оставили одного. Единственная панель освещения в центре потолка бросала тусклый свет на жесткую койку, стол, стул, настенный видеоэкран и небольшой шкаф; за металлической ширмой имелся санузел.

Калли присел на койку, потом лег и перевернулся на спину. Он принялся изучать потолок: где-то в комнате должны быть потайные видеокамеры. Можно было расслабиться: Амос сделал ровно столько, сколько О'Рурк от него ожидал — не больше и не меньше. И тем самым советник бросил в почву семена собственного грядущего краха. Сейчас он, должно быть, отдает приказ держать присутствие Калли на Земле в секрете. А секрет уже наверняка просочился за пределы здания Совета.

Каллихэн закрыл глаза и некоторое время спустя заснул крепким сном.

Разбудил его металлический стук — дверь открыли, потом закрыли снова. О'Рурк приподнялся на локте и увидел, что у порога стоит на полу поднос с обедом. Поднявшись с койки, Калли взял его и занялся едой.

Покончив с этим занятием, он прошелся по комнате, исподволь отыскивая опытным взглядом бывалого арестанта слабые места своей очередной камеры. Возможно, ему удастся бежать.

Однако комната представляла собой просто металлический ящик. На экране тянулись к облакам башни Нью-Йоркского мегалополиса. Очевидно, комната находилась на одном из верхних этажей здания Совета — в случае, если на экране было настоящее изображение, а не запись, разумеется. В течение следующих двух часов он, как ни старался, ничего интересного и полезного не обнаружил. Лежа на койке, Калли смотрел в гладкий потолок, на молочно-белую осветительную панель. Оставалась, конечно, очень слабая надежда вывести из строя охранника — или охранников? — когда ему снова принесут еду. Однако, когда это произошло, надежда развеялась, как дым. Двое полицейских держали Калли под прицелом лазерных пистолетов, а третий внес в комнату поднос и поставил его на столик. Потом, захватив пустой поднос, охрана удалилась. Попытка завязать разговор наткнулась на холодное молчание. Четыре часа спустя — в девять по часам Калли — панель в потолке потускнела, и комната до семи утра погрузилась в полумрак.

Завтрак был подан в восемь. Калли съел его, но больше из чувства долга перед собственным организмом. Потом, охваченный апатией, прилег на койку и принялся заново рассчитывать все этапы и временные составляющие положения, в котором он оказался.

Амос сказал, что Рун, после переговоров с командирами боевого флота молдогов, должен вернуться на Землю через восемь дней. Один можно уже вычеркнуть. Вычеркнем еще один — на всякий случай. Следовательно, остается шесть. Самое большее через шесть дней Калли должен оказаться на свободе и начать действовать.

Теоретически Листром вполне может выручить его до истечения этого срока. Калли хорошо знал своих людей и достаточно точно мог спрогнозировать ход событий в Приграничье после того, как они с Листром расстались в точке связи.

Когда это было? Двенадцать суток они пробирались к Коронному Миру, два дня ушло на похищение принцев, десять — на возвращение, плюс время, проведенное здесь, — всего получается двадцать три. Итак, что могло произойти на Калестине за эти двадцать три дня?

Один день — на возвращение и посадку в верхней фермерской зоне. Потом не более чем полдня, чтобы отыскать и вытащить на

свет Божий Эмили Хазека. Затем довольно сложный период. Эмили потребуется дней пять, не меньше, чтобы собрать вооруженное ополчение и двинуться на штурм Калестин-сити, находящегося в руках головорезов Ройса, то есть, шесть дней из двадцати трех.

За сутки отряд Эмили должен достичь столицы. Еще день нужен, чтобы взять ее под контроль. Головорезы Ройса хороши в уличных драках, но для настоящего боя им не хватает умения и желаний. Два плюс шесть — восемь из двадцати трех.

Затем снова наступает медленный период. Эмили вышлет корабли на Даннену, на Казимир-3 и на остальные миры Приграничья. Тем, в свою очередь, придется потратить некоторое время на сбор отрядов. В лучшем случае Листром получит флот лишь недели две спустя. Четырнадцать дней и восемь — двадцать два. Следовательно, Листром мог выступить в поход только вчера.

Столь многочисленному соединению кораблей потребуется не меньше четырех суток на переход от Калестина к Солнечной системе — даже принимая во внимание преимущества астронавигации на хорошо изученной трассе. Значит, Листром достигнет окраин Солнечной системы не раньше, чем послезавтра. Нужно дать ему еще два дня — на контакт с лунной Базой, на переговоры с Нью-Йорком. Лишь после этого он, быть может, станет спасителем Калли.

Таким образом, О'Рурк должен провести в заключении еще шесть дней. Четыре из них пройдут без всякой надежды на помощь со стороны Листрома. А раз так, Каллихэну придется самостоятельно выбираться из этой металлической коробки.

Пока же ему оставалось одно — сидеть тихо и не терять надежды. Надежды, что он верно оценил нынешний характер Амоса Брейта, правильно понял состояние общественного мнения на Старых Мирах, сформированного тем же Брейтом. Тот, прежний Амос, которого Калли знал на Калестине, не допустил бы подобной ошибки — не поместил бы О'Рурка под замок, стремясь изолировать опасный вирус. Тот Брейт понял бы, что тем самым — при почти стопроцентной вероятности утечки информации за пределы здания Совета — он помещает вирус в инкубатор, где тот успеет вырваться.

Но от прежнего Амоса, кажется, мало что осталось. И если сведения об опросах общественного мнения верны и восемьдесят процентов поддерживают Брейта, то и большинство населения Старых Миров изменилось не в меньшей степени — и не в лучшую сторону. Болезнь зашла далеко. Охранники, приносящие еду, станут для Калли лакмусовой бумажкой. Их реакция покажет, какие именно перемены происходят снаружи — если таковые будут происходить, конечно. Каллихэн О'Рурк Уэн, явившийся защищать Старые Миры от надвигающегося боевого флота молдогов, арестован, посажен под замок по приказу Амоса Брейта. И слух об

этом неминуемо должен просочиться наружу — если уже не просочился.

— Кто посеет ветер, пожнет бурю — старая пословица права, — невесело подумал Калли. Отравленный собственным психическим ядом, Амос уже несколько лет манипулировал Старыми Мирами, используя два кнута, два страха — перед молдогами и перед Приграничем, инаразумными монстрами и безумными вырожденками. И если люди Трехпланетья окажутся между Сциллой и Харибдой, между угрозой вторжения инопланетян и путчем, приводящим к власти Приграничье — что выберут зараженные космофобией обитатели Старых Миров?

В этой схеме имелся слабый элемент, напомнил себе Калли. Люди должны сделать выбор вовремя, чтобы у них оставалось время спастись. Время сейчас было на вес золота, даже дороже — для всех, кроме О'Рурка, которому предстояло как-то убить шесть дней вынужденного безделья. Калли спокойно растянулся на койке, заставив себя не думать о нынешних проблемах, направив мысли в прошлое, к дням его юности, когда он только что покинул особняк губернатора Брейта и отправился в калестинский буш, чтобы стать траппером.

Воспоминания потекли, как река. Его первая охотничья вылазка, первые несколько дней в дикой, нетронутой цивилизацией стране... Сознание его еще не успело перестроиться, и грубая трапперская куртка все еще пахла городской гарью.

Ощущение времени, как потока частиц — бесценных минут, часов, дней, которые нельзя растрчивать понапрасну — заставляло Калли ускорять шаги, гнало дальше и дальше, в чашу буша. Чувство ограниченности и пределов возможностей заставляло его помнить о бремени рюкзака и винтовки. А груз неосуществленных притязаний заставлял точно рассчитывать, чего будут стоить добытые им шкурки. Поэтому первые несколько дней он чувствовал себя пришельцем на чужой территории, он был непрошенным гостем среди скал, деревьев, узких тропинок, перевалов и белоснежных горных пиков.

Но подобно постепенно выветривающемуся запаху городской гари, через несколько дней мало-помалу начали рушиться психологические барьеры. С каждым новым утром, когда он просыпался под открытым небом, с каждым ночным костром Калли внутренне изменялся. К концу четвертого дня он уже слился с первозданной природой. Вернее, был ею поглощен. Он больше не воспринимал время состоящим из минут и часов — Калли плыл сквозь него, спокойно, естественно, подобно планете, совершающей годичный круг своей орбиты.

Расстояние, которое он проходил от одного горного кряжа до другого, темно-синего и туманного на фоне голубого неба, казалось ему одним великанским шагом, и Калли совершал их лениво, мерно, сквозь череду восходов и закатов. Ноги его научились шагать автоматически, самостоятельно.

Потом, наконец, начали замедляться мысли. Калли уже не шел, а словно плыл, перестав ощущать вес рюкзака и винтовки, и мысли его становились длинными и ленивыми, как переход от одной гряды к другой...

Погрузившись в воспоминания, О'Рурк почти не заметил, как прошли пять следующих дней. Он едва ли заметил, что дверь комнаты открывалась и закрывалась теперь с почтительной осторожностью, а еда стала вкуснее и разнообразнее. Но пришло утро, когда внутренние часы Калли подали тревожный сигнал, и он вернулся к действительности — наступил шестой день. Время истекло — а Листром не появился.

Он сел и принялся за только что принесенный завтрак. О'Рурк чувствовал, что засиделся, и теперь перспектива активных действий казалась ему очень привлекательной. Позавтракав и приведя себя в порядок, он присел на койку и мысленно пробежался по всем этапам и поворотам своего плана, словно боец, который перед атакой проверяет, заряжен ли автомат.

Наконец, удовлетворенный — кажется, он ничего не упустил — Калихэн подошел к двери и забарабанил в нее кулаком.

23

Казалось, стука никто не слышит, хотя Калли грохотал изо всех сил.

— Охрана! — гаркнул он. — Охрана! Откройте! Мне нужно поговорить!

За дверью послышались голоса, но ее все равно не открыли. Постучав еще немного, О'Рурк вернулся к койке, присел и стал ждать.

Минуты три спустя щелкнул замок, и дверь распахнулась. В проеме стояла обычная тройца охранников. Один, с сержантскими нашивками на рукаве, тяжело дышал, словно ему пришлось пробежать изрядное расстояние, чтобы присоединиться к двум остальным. Все трое смотрели на Калли.

— Что... — сержант перевел дыхание. — Что случилось, господин Уэн?

Его вежливый тон очень сильно отличался от холодного презрения, с которым полицейские относились к Калли в первые дни. Слухи, отметил про себя Калли, в самом деле начинают просачиваться.

— По-вашему, я должен сидеть и смотреть на голые стены? — сердито сказал он. — Неужели нельзя принести мне почитать... или еще что-нибудь, чтобы занять время?

К этому времени сержант успел отдышаться.

— Все что угодно, сэр. Таков приказ. Все, что угодно... В разумных пределах. Вы только скажите, что вам принести...

— Несколько фильмокниг и просматриватель, — сухо сказал Калли. — И колоду карт — это можно устроить? Я бы поиграл сам с собой в приграничный бридж, если уж больше делать нечего.

— Конечно! Непременно! — отозвался сержант, доставая из нагрудного кармана черный служебный блокнот и стило. — В конце есть чистые страницы. Вывите и запишите все, что вы хотели бы получить. Мне придется утвердить ваш список — но это займет лишь пару лишних минут.

Калли поднялся, взял стило и блокнот, вырвал полдюжины чистых листочков, составил список из нескольких книг, включив туда же колоду карт, потом, словно вспомнив, добавил просьбу о свежих выпусках новостей. Листочек он вместе с блокнотом вручил сержанту.

— Я пометил там... колода должна быть в шестьдесят карт, такие делают у нас в Приграничье. В Нью-Йоркском комплексе когда-то был магазин импортных товаров, там такие колоды продавались. Чтобы играть одному, нужно четыре джокера разных цветов. Смотрите, чтобы не всучили ваши земные карты, мне они ни к чему.

— Если список будет передан вниз, вы получите именно то, что нужно, господин Уэн.

Сержант вышел в коридор, дверь снова была закрыта и заперта. Калли сел на койку и принялся ждать. Минут двадцать спустя он услышал щелчок замка — дверь отпирали. На этот раз сержант пришел один.

— Пожалуйста, сэр. Прошу прощения... сводку новостей принести не разрешили. Это от меня не зависит...

Он передал Калли четыре фильмокниги и просматриватель, а также колоду карт в пластиковой упаковке.

— Спасибо, — поблагодарил Калли. — Закройте на минутку дверь, я хочу кое-что вам сказать.

Немного помявшись, сержант затворил дверь.

— Спасибо, — тихо проговорил Калли. — Я решил воспользоваться случаем и сказать, что лично против вас ничего не имею. — В глазах сержанта мелькнула искра благодарности. — И против Амоса Брейта тоже. Полагаю, вам известно, что на Калестине я по существу был его приемным сыном. Амос был тогда великим человеком.

— Он и сейчас... великий человек. — В голосе сержанта звучала слабая, но заметная нерешительность.

— Вы верите в это? — Калли пристально посмотрел на него.

— Конечно... — снова чуть заметная пауза. — Ведь он единственный в Совете знает обе стороны — я хочу сказать, он одинаково знает Старые Миры и Приграничье. Больше того, — сержант заговорил увереннее, — он десять лет провел в Приграничье и смог вернуться... — он запнулся, смутившись.

— В своем уме? Неизменившимся? — подсказал Калли.

— Ну, в общем... да.

— Это интересно,— сидя на койке, О'Рурк откинулся к стенке и улыбнулся уголком рта. — А если с ним все-таки произошла перемена? А если он тихо свихнулся, пока находился на Калестине — только этого никто не заметил?

— Но как это возможно? — голос сержанта был тверд.

— Странно, странно... только он один... из тысяч людей... нисколько не изменился под влиянием Приграничья. Из всех жителей Приграничья — только он. Все спятили, он один сохранил ясность рассудка!

— Потому он и великий человек, — сержант сделал шаг назад, положил руку на дверную ручку. — Если вам больше ничего не нужно, господин Уэн, я вернусь к...

— Но если жизнь в Приграничье не прошла для Амоса даром, и он лишь скрывал этот факт, то многие, узнав теперь об этом, начнут по-другому к нему относиться, верно?

Сержант бросил на Калли удивленный взгляд.

— Вы имеете в виду... — он замолчал.

— Что? Что вы хотели спросить? — О'Рурк с невинным видом посмотрел в глаза охраннику.

— Нет, ничего. — Сержант повернулся и вышел.

Калли проводил его взглядом. Щелкнул замок. О'Рурк печально покачал головой — он знал, что скрытые видеообъективы передадут это движение тем, кто наблюдает сейчас за комнатой. Потом принялся с рассеянным видом осматривать свои приобращения.

Одну за одной он вставлял кассеты фильмокниг в просматриватель. Затем небрежно взял колоду карт.

Пластиковая обложка была гладкой и прозрачной. С этикетки смотрели на Калли слова: «Первая Граница — 60 карт». О'Рурк одобрительно кивнул: это была настоящая колода — из тех, которыми пользовались в свое время космические угонщики — взрывчатка, которую Калли описывал Майку и другим товарищам по оружию еще на борту «Нанш Ракх».

Каллихэн предположил, что нынешние владельцы магазина могли сохранить несколько старых колод, не подозревая об их истинной сущности. Только приграничник мог попросить такую колоду — если, конечно, она не лежала на витрине. А наличие колоды в шестьдесят карт было зарегистрировано в памяти магазинного компьютера — и больше нигде. Теперь у О'Рурка имелось оружие. Он перевернул колоду, чтобы осмотреть красную печатку-наклейку, одновременно служившую запалом и реле времени.

Но ее там не оказалось!

Секунду Калли тупо смотрел на колоду — на то место, где должна быть печатка. Потом понял, что произошло: колоду уже вскрывали. Выполняя предписания устава, охрана распечатала колоду, чтобы проверить, не спрятано ли между картами что-

нибудь полезное для арестованного. Ничего подозрительного не обнаружив, они вновь запечатали колоду, используя кусочек скотча.

Потенциально колода вполне могла взорваться, но без запала была не опаснее самой заурядной стопки бумаги. Задумавшись, Калли отодвинул карты, кассеты фильмокниг и все остальное в сторону, прилег на койку и закрыл глаза. Немного подремав, он вскочил и вызвал охранника.

-- Слушаю, господин Уэн?

— Знаете... — Калли дружелюбно улыбнулся. — Нельзя ли поставить сюда какое-нибудь растение? Чтобы не так мрачно было. Цветок в горшке, что-нибудь еще в этом роде...

— Я узнаю.

Дверь захлопнулась. Но меньше чем через час была распахнута вновь — охранник внес цветущую герань в тяжелом керамическом горшке.

— Вот это уже лучше! — поблагодарил его Калли. — Поставьте вот туда, на столик, пожалуйста.

Сам он тем временем продолжал раскладывать на койке карты, явно готовясь к партии в приграничный бридж. Дверь со звоном захлопнулась. Калли втянул носом воздух, одобрительно кивнул — пряный запах герани уже наполнил комнату.

Остаток дня он провел за игрой в карты и чтением. Когда осветительная панель померкла, О'Рурк небрежно смахнул на пол разбросанные по койке карты — так, что они упали в узкий промежуток между койкой и столиком. Потом разделся, залез под простыню, натянув ее до самого подбородка, и повернулся лицом к стене. Примерно полчаса он никак не мог успокоиться, ерзая и ворочаясь. Наконец дыхание его выровнялось, и он перестал шевелиться.

Весь остаток ночи — с точки зрения тайного наблюдателя, следившего за Калли, — арестант спал. Лишь несколько раз он поднимался, набирал в стакан воды, выпивал, снова набирал и относил к кровати, где ставил на пол, в промежуток между койкой и столиком. Время от времени О'Рурк беспокойно шевелился, что явно указывало на новый приступ жажды, которую он и утолял водой из приготовленного стакана.

Так все это могло представляться тайному наблюдателю. На самом же деле Калли работал под прикрытием столика, не теряя времени. Начал он часа через три после того, как якобы заснул. Затем, стараясь не выдать себя лишним движением, он принялся отвинчивать металлические ножки столика — те две, что были ближе к кровати. Первая ножка упорно сопротивлялась попыткам Калли открутить ее. Но постепенно, делая вид, будто тревожно шевелится во сне, Калли удалось сдвинуть дело с мертвой точки. Потом все пошло легко — нужно было лишь терпеливо, дюйм за дюймом поворачивать ножку.

Освободив ее, он осторожно, чтобы не нарушить равновесия

столика, балансировавшего на трех оставшихся, упер конец отвинченной ножки в изгиб локтя, прижав к полу противоположный. Правой рукой и зубами он терпеливо трудился над колодой карт.

Медленно и аккуратно он разорвал карты на мелкие кусочки и пропитал каждый обрывок водой из стакана. Когда картон размок до состояния папье-маше, О'Рурк принялся засовывать кусочки в отвинченную трубку, перемежая с порциями земли, позаимствованной из цветочного горшка, и наполовину пережеванными остатками ужина.

Чтобы заполнить трубку, ушла почти вся ночь. Это была не легкая работа. Когда в трубке не оставалось больше места, почти вся колода оказалась использованной. Потом Калли начал осторожно привинчивать ножку на место, спрессовывая начинку, пока кашица не выдавилась темным ободком вокруг гнезда. Потом он аккуратно подобрал прозрачную пластиковую обертку колоды, сунул в нее оставшиеся пять карт и положил в нагрудный карман рубашки — со стороны колода казалась полной. И только теперь О'Рурк заснул с чувством выполненного долга.

Часа три спустя принесли завтрак, и Калли был разбужен. Он заставил себя встать, поковырял яичницу с ветчиной, выпил кофе. Потом потер покрасневшие глаза и отправился к умывальнику. Умывшись, почистив зубы, побрившись и придя таким образом в более человеческое состояние, О'Рурк присел на стул. Он протянул руку к столику, ладонь его легла на просматриватель для фильмокниг. Калли без особого интереса вставил в него кассету, но мысли его были сосредоточены на металлической ножке стола, превращенной за ночь в бомбу.

Это и в самом деле была бомба. Нитроцеллюлоза, смешанная с землей из цветочного горшка, богатой органическими элементами, самовозгорится через несколько часов.

Рассчитать время точно Калли не мог — он был не настолько хорошим химиком. С подобными смесями О'Рурк не раз имел дело — когда в годы Восстания угонял для Приграничья космические корабли — и потому не сомневался: при нормальной комнатной температуре смесь достигнет точки самопроизвольного возгорания и взрыва еще до обеда.

Оставалось сделать две вещи: поместить ножку стола как можно ближе к той стороне двери, где находился замок, и найти наиболее безопасную позицию для себя.

И для того, и для другого он изобрел достаточно убедительный предлог. Сначала он так долго смотрел в окуляры просматривателя, что наблюдателю это наверняка до смерти надоело. Потом Калли решил заняться уборкой камеры. Сначала он с помощью простыни тщательно вымыл пол, после чего бросил грязную простыню мокнуть в раковину умывальника. Затем перепоясался сложенным, как кушак, полотенцем. Потом, словно только что подумав об этом, снял с кровати все остальное белье. Для этого пришлось отодви-

нуть столик — теперь он частично перекрывал дверной проем, а начиненная импровизированной взрывчаткой ножка оказалась притиснутой вплотную к замку. Белье он отнес к умывальнику и оставил там.

Наконец О'Рурк решился даже на такую крайность, как перенос матраса в ванную. Там он прислонил пенорезиновый тюфяк к металлическому листу ширмы-перегородки — защита получилась достаточно надежная. Калли приготовил набор сердитых и путаных доводов — на случай, если охрана, встревоженная странными маневрами арестанта, поспешит задать несколько вопросов относительно причин его выходящего за привычные рамки поведения. Однако охрана признаков беспокойства не выказывала, и он занялся стиркой, чтобы убить медленно тянувшиеся утренние часы.

Стирая белье, он — под воздействием однообразной работы — впал в полугипнотическое состояние, из которого был вырван громом взрыва. Годами выработанные рефлексы бросили Калли на пол; накрыв голову руками, он прижался к матрасу. Но удара взрывной волны он так и не почувствовал. И лишь секундой позже до Каллихэна дошло, что слышал он вовсе не взрыв самодельной бомбы.

Он заглянул в комнату и нашел ее в прежнем состоянии. Все пребывало на старых местах — в целости и сохранности. Снова донесся громовой раскат: это металлическая дверь камеры гремела под ударами кулаков — или даже прикладов?

— Калли? Ты здесь? — это был голос Листрома. — Отойди подальше от двери. Через минуту мы тебя вытащим.

Калли увидел, как металл возле замка засветился красным, потом обозначилась тонкая темная линия надреза; она становилась все шире, показался кончик бледного огня сварочной горелки. Вдруг в коридоре затрещали выстрелы, кто-то пронзительно закричал, затопали сапоги.

В этот миг Калли вспомнил о своей доморощенной бомбе. Одним прыжком он достиг двери, схватил столик и швырнул его в сторону ванной, за перегородку. Потом кинулся в дальний угол и присел.

Темная линия надреза на металле двери оставалась какой была — резать почему-то перестали. Бледная струя пламени резака тоже исчезла.

— Быстрее! Вытаскивайте меня! — крикнул Калли в надежде, что голос его все же расслышат сквозь шум. — У меня здесь бомба, она вот-вот взорвется!

Возня, топот и выстрелы в коридоре не прекращались. Огонек горелки так больше и не появился. Кажется, его не услышали.

Калли сидел, скорчившись в своем углу. Вдруг пониже замка появилась черная точка — она постепенно выросла, показался огонек горелки. Описывая дугу, огонек двинулся вверх, на соединение с уже прорезанной щелью. Потом, не дойдя до конца, оста-

новился. Несколько секунд ничего не происходило. Потом раздался грохот — словно прямо в комнате взорвалась небольшая бомба, отчего Калли инстинктивно втянул голову. Когда он снова посмотрел на дверь, замок уже висел на изогнутой полоске металла.

Дверь рывком распахнули. В комнату ворвались люди со здоровяком Листром во главе. О'Рурк кинулся им навстречу, стараясь вытолкнуть обратно в коридор, подальше от двери.

— Наружу, наружу... — крикнул он; рядом мелькнуло лицо Али — у Калли внутри похолодело. — В комнате бомба!

На этот раз его услышали, люди врассыпную бросились вдоль коридора. Из комнаты в спину Калли полыхнуло огнем, завизжали осколки. О'Рурку показалось, будто его огрело сзади громадным мешком с песком. Он упал.

Каллихэн был оглушен, но лишь на несколько секунд. Тело его, как у хорошего боксера, само знало что делать. Он вскочил; туман перед глазами уже начал рассеиваться. Прямо перед собой он увидел Алию. Листром, падая, сбил ее с ног, но девушка уже поднималась — как и многие остальные. Увидев Калли, Алиа всхлипнула и бросилась в его объятия, прижавшись так крепко, словно до окончания времен не собиралась выпускать Калли на свободу.

По счастливой случайности никто не был ранен, хотя весь пол в коридоре засыпало осколками — это было все, что осталось от мебели. Кто-то вдруг неуверенно засмеялся, к нему присоединились другие голоса. Несколько секунд спустя хохотали почти все, как дети на празднике, где вдруг произошло что-то неожиданное и смешное. Даже Алиа, чуть отодвинувшись от Калли, дрожащей рукой смахнула слезы с ресниц и тоже принялась смеяться.

Первым посерьезнел Калли. Постепенно успокоились и остальные. Глядя на его суровое лицо, они мало-помалу переставали смеяться. Калли осмотрелся — здесь был не только Листром, но и Вил, Доук, Пит Хайд, даже седовласый Том Доноу.

— Как вы меня отыскали? — поинтересовался О'Рурк.

Листром показал на Алию.

— Она сумела выяснить, куда тебя упрятали... С помощью этого вот человека... — он кивнул, указывая на Тома.

— Но почему ты здесь, с Лисом? — Калли обернулся к Алие. — Как ты здесь очутилась?

— Я уговорила Листрома взять меня с собой. Я подумала... Если у тебя неприятности, я смогу помочь, поговорить с папой... — она с виноватым видом замолчала.

— Ничего страшного, — мягко сказал Калли. — Теперь уже не придется.

— Верно, — согласился Листром. — Но если бы она меня не подгоняла, мы опоздали бы на день-два.

Он рассказал Калли, как развивались события последних недель. Следуя приказу О'Рурка, Листром привел корабли к

Калестину, посадил всю эскадру на каменистое сухое плато не далее как в десяти милях от фермы, принадлежавшей космическому экс-угонщику, прошедшему огонь, воду и медные трубы — тертому малому по имени Эмили Хазек. Едва успела рассеяться поднятая посадкой пыль, как показался Хазек собственной персоной, а с ним еще десяток фермеров-соседей. Листром поведаль им новости о событиях в Калестин-сити и передал приказ О'Рурка.

Человек калибром помельче поинтересовался бы, какое Калли имеет право приказывать, но Хазек был не из таких — что и доказал делом. Изрыгая проклятия на полудюжине разных языков одновременно, он сунул бразды правления хозяйством своей милейшей молодой супруге, от которой последние полтора года его не могли оторвать никакие силы Вселенной. Через два дня, прочесав фермерские районы, он прибыл к Калестин-сити во главе армии из двенадцати тысяч вооруженных фермеров на вездеходах-глайдерах с турельными лазерными установками.

Слухи о приближении армии Хазека опередили само ополчение, и наемники Ройса позорно бежали. Эмили разогнал остатки Ассамблеи, швырнул Ройса и его приспешников за решетку, после чего составил новую Временную Ассамблею, назначив себя спикером.

Это новое законодательное собрание выслало корабли-курьеры на все остальные планеты Приграничья — с приказом вооружить и отправить в их распоряжение все имеющиеся корабли, а также начать подготовку к отражению возможной внешней атаки. Тем временем Калестин-сити тоже занялся возведением системы обороны против нападения с орбиты.

К моменту, когда персонал космопорта закончил работу и эскадра Листрома с полностью укомплектованными экипажами готова была стартовать, три четверти кораблей Приграничья уже собрались у Калестина. Конечно, смешно было надеяться, что такая космическая самооборона-ополчение устоит против хоть одного крыла регулярного молдогского флота. Но на сканерах инопланетян десяток этих кораблей, одновременно входящих в прыжок, вполне можно было принять за боевое охранение армады, обороняющей Приграничье.

Тем временем, при содействии Эмили и под нажимом Алии, Листром в предельно краткий срок покинул Калестин и отправился к Земле. Флот его представлял собой сборную эскадру из пятидесяти кораблей всех родов и видов.

На расстоянии одного прыжка от Солнечной системы крупномасштабный сканер на борту «Нанш Ракх» засек появление флота, и Пит Хайд верно угадал в нем команду Листрома, а не передовой отряд молдогов. Пит немедленно поднял «Нанш Ракх» навстречу с Листромом, которая и состоялась на безопасном расстоянии от лунной Базы.

Листром отослал «Нанш Ракх» обратно на Землю вместе с Алией, чтобы выяснить судьбу Калли, а сам во главе группы из

трех молдогских кораблей совершил посадку на лунной Базе — как и приказывал ему О'Рурк.

В душе Листром не мог представить себе, что ему удастся обмануть или напугать командование Базы. Но он отличался упрямством и всегда исполнял приказы от и до, а кроме того понимал, что визит на Базу может сработать как блеф, поддержав Алию и всех остальных, находившихся в этот момент на Земле. Себя и команды трех молдогских кораблей верзила полагал в относительной безопасности. По молдогским кораблям стрелять не станут — пока не удостоверятся на сто процентов, что на борту нет молдогов. В самом худшем случае он сможет спокойно удалиться. В лучшем — поможет надавить на Трехпланетный Совет, заставив его освободить Калли.

К большому удивлению Листрома, арест О'Рурка и перспектива вторжения молдогской армады оказали на измученное давними страхами человечество ожидаемое воздействие — именно то, на которое рассчитывал Каллихэн. Адмиралы лунной Базы уже потеряли твердость духа. Листром не знал, что при первом же появлении его кораблей на сканерах Базы они пришли к заключению: молдоги, потеряв терпение, явились наводить порядок.

Все остальное сделали почти суеверный страх перед иномыслными существами и реакция на арест Калли. Офицеры лунной Базы были такие же люди, как и остальные жители Старых Миров. Услышав, что эти ужасные молдоги заключили союз с жестокими варварами-приграничниками, персонал лунной Базы потерял волю к сопротивлению. Командующий, адмирал Пилхард, хорошо понимал, что отдай он приказ сражаться, большая часть его подчиненных откажется. Вздыхнув — ведь он был уже пожилым человеком, который лично не имел желания развязать межзвездную войну с последующим взаимным истреблением людей и молдогов — адмирал решил сдаться на милость приграничников. По крайней мере, приграничники были людьми. Он не стал консультироваться со своими начальниками в Трехпланетном Совете. Он предпочитал не рисковать — вдруг с Земли придет приказ драться?

Таким образом, не пролив ни капли крови, Листром, к собственному изумлению, оказался во главе восьмидесяти процентов космических сил человечества. Он несколько растерялся, поскольку не знал, что делать дальше. Впрочем, он хорошо понимал, что действовать нужно — и быстро. Оставив два корабля охранять захваченную Базу, он направился на Землю, к космопорту Лонг-Айленда, где предполагал отыскать Алию, Ви́ла и остальных, ушедших на борту «Нанш Ракх» выручать Калли. Только О'Рурк мог возглавить переворот.

На Земле уже знали о случившемся — лазерная связь работала безупречно. Остальное сделали слухи. Космопорт оказался покинутым, повсюду царил хаос, население, подобно кроликам в норах, затаилось в своих домах, поскольку бежать было некуда.

Корабль Листрома опустился почти рядом с «Нанш Ракх». По видеофону Листром связался с Вилом, Доуком и Алией, которые вместе с Томом Доноу находились в офисе советника Брейта. Доноу, совершенно потрясенный последними событиями и тем воздействием, которое они произвели на Амоса, открыл Алие место заключения Калли. Как раз в этот момент в офис ворвались Листром, Пит Хайд и десяток вооруженных до зубов приграничников. Охрана особого сопротивления не оказала.

— Где сейчас Амос? — быстро спросил Калли, как только Листром закончил рассказ.

— В конференц-зале Совета, на шестьдесят втором этаже, — ответил верзила. — Доноу сказал, что ты знаешь, как туда пройти...

— Вперед! — перебил его Калли, помчавшись по коридору. — Где лифт?

— Туда! — Листром, догнав его, показал в сторону блока лифтовых шахт.

Встав на один из больших многоместных дисков, уплывающий вверх, Каллихэн повернулся к Листрому.

— Ты оставил своих людей командовать лунной Базой?

— Да.

— Передай, пусть объявят боевую готовность. Не думаю, чтобы флот молдогов появился так быстро, но... лучше быть наготове.

Листром снял с ремня коммуникатор и связался с «Нанш Ракх», а Калли тем временем обернулся к Хайду:

— Как далеко находятся молдоги, Пит?

— Не менее трех прыжков, — ответил астрогатор. — В последней сводке упомянут одиночный корабль, приближающийся к Солнечной системе. Не иначе, как Рун и его младшие Братья.

— Значит, он скоро будет здесь. Возможно, уже совершил посадку. Где принцы? На борту «Нанш Ракх»?

— Да, — подтвердил Пит.

— Приведи их сюда. И чтобы ни одна пушинка на них не упала — даже если придется охранять их всей командой!

— Понял.

На очередном этаже Пит покинул платформу лифта и поспешил к шахте, в которой диски уплывали вниз.

— Вил?

— Да, Калли? — седовласый антрополог стоял за его спиной.

— Пошли человека на нижний этаж, пусть узнает, как скоро явится сюда Рун. Пусть вызовет тебя, как только что-нибудь узнает.

Вил повернулся к одному из приграничников штурмового отряда.

— Калли... — Это был голос Алии. — Что ты думаешь делать дальше?

— Попробую уговорить Амоса, чтобы он передал мне право вести переговоры с Руном и его братьями.

— А если он не послушает тебя? — спросил Листром.

Калли быстро взглянул на верзилу Листрома, потом на Алию — та пристально смотрела ему в глаза.

— Тогда... все равно придется вести переговоры, — сказал он.

— Ты убьешь папу? — глухо сказала Алия. — Молдоги не поверят тебе, если он сам не скажет, что передает власть в твои руки — или пока они не увидят его мертвого тела.

— Необязательно. К тому же, я все еще полагаю, что смогу его убедить.

— Не сможешь. Теперь уже никто... не сможет. Неважно. Делай, что считаешь нужным. Для блага всех нас...

— Но я в самом деле уверен... — не договорив, Каллихэн быстро оглянулся. — Вил, вы с Доуком... Где Доук?

Вил как-то странно посмотрел на Калли.

— Я только что отослал его вниз.

— Верни его! — воскликнул Калли. — Вы оба должны быть со мной во время встречи с Руном. Он должен видеть полного Демона, правильно? Или я ошибаюсь?

— Нет, — с трудом выговорил Вил. — Если ты собираешься продолжить переговоры с адмиралом Руном, это лучше делать полной триадой.

— Тогда верни Доука. Немедленно... — Вил медленно повернулся. — Нет, погоди, не ты. Ты нужен мне здесь. Харв... — обратился О'Рурк к одному из приграничников. — Отыщи Доука и передай приказ — немедленно вернуться ко мне.

— Подожди... — начал Вил, но Харв уже спрыгнул с диска и пропал из виду на ушедшем вниз этаже. Вил пожал плечами.

— Приехали, — сообщил Том Доноу.

Платформа остановилась. Он вышел в тот самый круглый холл, который Калли хорошо помнил. Сейчас здесь не было ни души. Вслед за Доноу они прошли по коридору к массивным резным дверям из красного дерева; створки их были распахнуты настежь. Наконец они достигли зала Совета.

Амос в одиночестве сидел за столом на возвышении; на экране за его спиной виднелось небо, солнце на котором уже клонилось к закату. Зал ничуть не изменился со времени ареста О'Рурка, только три кресла напротив Амоса были заменены сиденьями вроде больших подушек, которыми пользовались молдоги. Правая рука Брейта лежала на каком-то черном предмете на столе, размерами и внешним видом напоминавшем коробку из-под обуви. Советник смотрел прямо перед собой и не заметил тихо вошедших в зал людей — толстая ковровая дорожка скрадывала звук шагов.

— Так, — сказал Калли. — Алия, ты идешь рядом со мной. Вил и Лис — тоже. Остальные — за нами, но не слишком близко.

Их шаги по паркету зала отдавались эхом, казавшимся оглушительным. Амос поднял голову. Он пристально смотрел на идущую к нему делегацию, пальцы крепко сомкнулись на черной крышке странной коробки.

— Стойте там! — хрипло приказал он, когда до стола оставалось футов десять. — Или я взорву и вас, и все остальное. Клянусь! Калли остановился.

— Так-то лучше, — сказал Брейт. — Ты ведь знаешь, я всегда без страха делал то, что должен.

— Не сомневаюсь, Амос, — спокойно произнес Калли. — Я знаю, что пугать тебя бесполезно. Но как именно ты собираешься нас взорвать?

Амос погладил черный ящик.

— Видишь?

— Вижу.

— Я предполагал, что когда-нибудь окажусь в такой вот ситуации, — словно размышлял вслух Брейт. — Я пытался доказать молдогам, что мы не намерены с ними воевать, что Старые Миры им не угрожают. Но я позаботился и о запасном варианте — на случай, если мы не сможем ничего доказать и окажемся без средств ведения войны. С помощью этого пульта, — он ласково похлопал черный ящик, — я могу подать специальный сигнал — и практически все военно-космические комплексы Солнечной системы будут взорваны, включая лунную Базу — она в первую очередь. Том, подтверди.

— Это правда, Калли! — послышался испуганный голос Доноу. — Еще пять лет назад Совет приказал тайно заложить заряды — даже военные об этом ничего не знали. Амос убедил всех, что военный переворот и захват власти Приграничем — лишь вопрос времени. Он в самом деле может все взорвать...

— Достаточно, Том, отдохни, — перебил его Брейт. — Калли уже знает достаточно. Поэтому ни шагу дальше, вы все! Ждать придется недолго. Пять минут назад я получил сообщение: Рун и остальные послы уже совершили посадку. Они будут здесь через несколько минут. Я передам всех вас в их руки — пусть поступают с вами, как считают нужным. Ибо вы — предатели рода человеческого.

Советник посмотрел на Калли, на Тома, на Алию, на тех, что стояли поодаль, потом снова на Алию. Взгляд его был холоден, как лед.

— Все вы, — хрипло повторил он, — все вы — предатели.

25

Наступила тишина.

— Через несколько минут? — заговорил наконец Калли.

— Пять или меньше, — ответил Брейт.

— Слишком долго, — странно тихим голосом сказал Калли. — Они не успеют.

— Не успеют? — запавшие глаза Амоса были устремлены на Калли.

— Не успеют тебя спасти, — объяснил Калли.

— Спасти меня? — хрипло засмеялся советник. — От чего?

— От себя самого. Ты намерен использовать пульт, не так ли, Амос? Как только войдут Рун и послы, ты подашь сигнал и взорвешь лунную Базу. И все прочие — только чтобы показать молдогам, что они могут не опасаться людей. А как они поступят с Приграничем — это не имеет значения, так?

Вил, стоявший за спиной Калли, издал какой-то странный звук — не то кашлянул, не то хотел что-то сказать, но у него не получилось.

— Вы это сделаете? — он справился с голосом. — Вы что, вообще молдогов не понимаете? Если вы разоружитесь, это не убедит их в вашем дружелюбии! Как раз наоборот! Вы абсолютно не представляете природы мышления молдогов...

— Конечно, не представляет, — вмешался Каллихэн. — Но не трать зря силы, Вил. Даже если бы Амос разбирался в способе мышления молдогов, ничего не изменилось бы. Он уже принял решение. Не так ли, Амос?

— Именно так, — хладнокровно сказал Брейт, глядя на О'Рурка сверху вниз. — Как только Рун войдет... Думаешь напасть на меня? Даже не мечтай, Калли. Эту комнату я тоже могу взорвать.

— Вместе с собой?

— Вместе со мной, — кивнул советник. — Думаешь, это меня остановит? Меня не испугаешь, я же тебе говорил.

— Да, внешней угрозой тебя не испугаешь, верно, — согласился Каллихэн.

— Что? Что ты имеешь в виду? — Амос пристально посмотрел на О'Рурка.

— У всех есть тайные страхи, — спокойно сказал Калли. — Человек может не испугаться разъяренной толпы, но если окажется в темной комнате...

— Я не боюсь темноты, — отрезал Амос.

— Нет, боишься. Есть одна такая особая темная комната, Амос.

Алия, стоявшая рядом с Калли, вдруг громко вздохнула. О'Рурк положил руку ей на плечо, не давая себя перебить.

— Все эти годы ты был слишком занят, чтобы вспоминать о ней, — продолжал Калли. — И ты готов устроить всему остальному человечеству братскую могилу — лишь бы только спрятать в ее глубине эту маленькую темную комнату. У тебя мания, Амос. Ты боишься глубокого космоса.

— Я боюсь глубокого космоса? Я полжизни провел на борту космических кораблей! — фыркнул Брейт.

— Не о том речь. Ты боишься того, что может таиться в глубинном космосе. Ты ведь понимаешь меня, Амос? Большая часть

людей на Старых Мирах больны этой манией. Вот почему ты так популярен, вот почему ты выигрывал на выборах — и не один раз. Вот почему ты можешь диктовать свои условия остальным членам Совета. Общество выбирает лидеров по своему образу и подобию. Ты стал самым влиятельным членом Совета потому, что больше остальных похож на людей, которые поставили этот Совет управлять собой!

— Калли,— медленно произнес Брейт.— Ты ведь не настолько глуп, чтобы всерьез надеяться заговорить мне зубы?

— Возможно. Но если ты не хочешь меня слушать, я не смогу тебя спасти.

Советник фыркнул.

— От чего?

— Я уже сказал — у тебя фобия. Это болезнь, корни ее — социокультурного происхождения. Глубоко внутри — там, где приросло твое темное животное подсознательное «я» — у тебя есть картинка: территория, которая по праву принадлежит человечеству. И границы ее — это пределы Солнечной системы.

— Но это же факт! — отрезал Брейт.

— Нет. Мы должны следовать мышлению молдогов. Они считают, что межзвездной расе принадлежит столько пространства, сколько она может удерживать и использовать. Так мыслит действительно галактическая раса. Вот почему в Приграничье никто не боится жить за пределами Солнечной системы. Мы не лезем из кожи вон, чтобы доказать себе, будто не имеем права жить там, где живем — в отличие от вас, космофобов!

— Из кожи вон? — мрачно захохотал Брейт.

— Именно. Ты морально и психологически схлопываешься, лишь только сунешь нос за границы Системы. А потом оправдываешь этот коллапс теорией, согласно которой не имеешь права там находиться.

Советник снова захохотал. Казалось, он наслаждался собственным смехом, потому что, запрокинув голову, смеялся громче и громче. Но когда Калли сделал шаг вперед, он сразу же замолчал. Пальцы его крепче обхватили черную коробку пульта.

— Стой, где стоишь! — рявкнул он.

— Стою, — успокоил его О'Рурк.

— Хорошо,— Брейт откинулся на спинку кресла и усмехнулся. — Итак, мы, космофобы Старых Миров, саморазрушаемся, чтобы доказать, будто ты прав! — Он снова хихикнул. — Ты кое-что забыл, Калли.

— А именно? — поинтересовался Каллихэн.

— То, что я жил на Калестине, и это никак на меня не повлияло. Если бы я не видел, что произошло с беднягами в гарнизоне Фортауна, я бы до сих пор мог оставаться губернатором Калестина. Но после Фортаунской резни понял, что обязан вернуться и добиться, чтобы Старые Миры узнали, какая это смертельная опасность для человечества — Приграничье; чтобы они

поняли — люди, оказавшись за пределами Системы, перестают быть людьми. Но я — я остался прежним, меня болезнь не тронула. — Он подался вперед и понизил голос, глядя Калли в глаза. — И знаешь, *почему*?

О'Рурк молчал.

— Я тебе скажу. Я был слишком крепок! И люди — здесь — это чувствуют! *Вот почему* они меня выбрали, доверяют мне!

Каллихэн молча смотрел на него. Потом медленно повернулся в сторону дверей — они стояли распахнутыми, так что были видны коридор и кусочек пустого холла. Калли просто стоял и глядел. Не меньше минуты Брейт в молчании созерцал затылок О'Рурка. Потом хриплым шепотом сказал:

— Что с тобою случилось? Что ты там высматриваешь?

— Твою темную комнату, — отозвался, не оборачиваясь, Калли. — Ты хочешь меня выслушать? Что ж, готовься. Это может начаться в любую минуту.

Хрипло вздохнув, советник выпрямился. Потом фыркнул и посмотрел в сторону, на экран — солнце уже висело над самым горизонтом.

— Калли... — нерешительно начал Вил.

— Тихо! — не повышая голоса приказал Калли, продолжая всматриваться вглубь коридора. — Всем молчать! Ни слова!

Наступила тишина. Секунды тянулись, как часы...

— *Пора!* — сказал Калли. И хотя голос его был почти шепотом, всем показалось, будто по залу прокатилось эхо. — Пора, Амос! Время истекло!

— Что? — Вздрогнув, Брейт посмотрел на Калли, на тех, кто стоял за его спиной, потом перевел взгляд на двери. По ковровой дорожке к залу беззвучно приближался Доук. — Что ты хочешь этим сказать? — советник подался вперед, прикрыв ладонью глаза — с экрана било закатное оранжевое солнце. — Это еще кто такой?

Доук уже прошел половину коридора, озадаченно глядя на собравшихся в зале людей. Потом взгляд его упал на Брейта, сидевшего за установленным на возвышении столом. Словно заколдованный, он смотрел на советника, и шаг его стал неуверенным. Потом, не отрывая взгляда, он пошел быстрее, и еще быстрее.

— *Кто это, я спрашиваю?* — выкрикнул вдруг Амос.

Словно услышав сигнал, Доук бросился бегом. Оттолкнув Калли, Вил прыгнул на возвышение — туда, где сидел Амос. Теперь Доук мог его хорошо видеть.

— Доук! — каркнул Вил. — Назад! Это не он! Клянусь, это не он!

Но тот уже мчался к подиуму — он видел только Амоса Брейта; Доук был бледен, как смерть, лицо его перекосилось, словно он сдерживал крик... одно-единственное слово...

— Отееее...

Никто не успел сообразить, что происходит. Доук врезался в столпившуюся на его пути группу, как камень в гладь пруда. Кто-то упал, Доук вынырнул из сумятицы, в руке его был любимый тюремный нож, лезвие которого теперь отблескивало красным.

— Останови его, Лис! — крикнул О'Рурк, бросаясь наперерез. Но Листром отшатнулся, по руке его заструилась кровь... Доук оказался прямо перед Калли... нырнул под вытянутую руку... до стола оставалось всего два шага...

За спиной Каллихэна, — он стремительно обернулся, понимая, что не успеет уже, — дважды прогремел старомодный револьвер Вила, тот самый, который антрополог таскал несколько месяцев, ни разу не используя.

Калли увидел Вила с древним орудием убийства в руке — из ствола змеился дым, лицо старика перекосилось, седые волосы разметались. Рядом, как изваяние, застыл Амос Брейт. Худенькая фигурка Доука падала — две пули словно молотом ударили в него, остановив бег.

Вил отшвырнул револьвер, прыгнул с возвышения и упал на колени рядом с Доуком. Советник прижимал к себе черный ящичек пульта, с опаской глядя вниз. Лицо у него было удивительно глупым.

— Зачем... — пробормотал Брейт, — зачем ты меня спас?

Вил разорвал рубашку Доука, чтобы осмотреть раны. Потом он поднял голову и бросил на Брейта свирепый взгляд.

— Это ваш сын. Калестин, Фортаун.

Брейт окаменел. Сначала казалось, будто он не понял слов антрополога. А потом он стал странно оседать.

— Сын... — пробормотал он. — Значит... его не убили... Боже... Нет, не он...

Пульт выпал у него из рук. Но советник словно не заметил, что остался без черной коробки. Пошатываясь, Брейт сошел с подиума. Ноги у него подкосились, и он упал на колени по другую сторону от распростертого тела Доука. Подняв потрясенное лицо, Амос посмотрел на Калли.

— Это правда, — хмуро подтвердил О'Рурк. — Я старался сделать так, чтобы вы не встретились, чтобы он не вошел сюда, но...

— Он умер? — Это был голос Али. — Вил?..

— Нет, — хрипло сказал Джемисон.

Руки его быстро двигались, словно обладали собственной независимой волей, и не имели никакого отношения к седоватому старику. — Сейчас я остановлю кровь, и если мы быстро доставим его в больницу... — Он взглянул на Брейта. — Доук думал, будто вы убили его мать, потому что на вас всегда была военная форма, когда вы приходили. Я не мог рассказать ему раньше... Тогда бы он понял, что мне все известно — о вас и его матери...

— Но откуда вы... — Амос изумленно смотрел на Джемисона.

— Я часто навещался в Фортаун, старался помочь, чем мог, — объяснил антрополог. — Было уже ясно, что добром дело не кончится. Так я услышал, что и вы там... бываете. Я нашел мать Доука — за ночь до того, как ее увидели вы... она была уже мертва. Одна из женщин уже забрала Доука, но об этом я узнал позже. Доук так и не узнал, кто вы на самом деле. Мать всегда отсылала его, когда вы приходили. У него остался только медальон с вашим портретом. Потому он и подумал, что вы — один из солдат гарнизона и убили его мать, напившись в ту ночь до бесчувствия. Все эти годы он охотился за вами, чтобы отомстить.

— Лучше бы он меня убил... — Брейт заплакал, как старик; он стоял на коленях, качался и плакал. Потом вдруг начал валиться на бок — Алия подхватила его, как мать подхватывает ребенка. Советник жалобно посмотрел на нее.

— Алия... — пробормотал он. — Я не мог... рассказать тебе...

— Думаешь, я не догадалась? Давным-давно! — сердито воскликнула девушка, обнимая отца. На глаза ее тоже навернулись слезы. — Думаешь, я не знала обо всем еще до того, как мы улетели с Калестина? Но я понимала: если хотя бы слухи о том, что произошло с тобой на Калестине, проникнут на Землю, ты потеряешь место в Совете... И я сказала себе: ты — великий человек, несмотря ни на что. Именно тот человек, который им здесь нужен! И пока Калли... — Запнувшись, она посмотрела на О'Рурка. — Но ведь ты тоже *знал*! — воскликнула она. — Откуда?

— Наверное, подсмотрел портрет в медальоне Доука, — не поднимая головы, проворчал Вил, продолжая накладывать повязку. Без куртки и рубашки Доук казался таким слабым и худым!

— Нет, я не подсматривал, — Каллихэн покачал головой. — Просто Доук слишком похож на тебя, Алия. Этого нельзя не заметить. Может, кто-нибудь другой и не обратил бы внимания, но только не я. И у него походка, как у Амоса. И едва я угадал главное, обнаружилась еще сотня мелких деталей... — Он повернулся к Джемисону. — Знаешь, когда я понял наверняка? Когда Доук балансировал на скользких направляющих, заставляя Совет Сопротивления принять вас двоих в число совершающих побег. Амос сделал бы это именно так, как Доук — точка в точку.

— Ну, сойдет, — сказал Вил, кончив бинтовать. — Отнеси его на нижний этаж, Лис, и узнай в справочном, где ближайшая больница...

Но едва Листром нагнулся, чтобы взять на руки Доука, который так и не пришел в сознание, как возле двери послышался шум, и в зал ворвался запахавшийся курьер.

— Молдоги... Адмирал Рун! — выдохнул он. — Уже в лифте... С двумя братьями...

— Быстро! — приказал О'Рурк Листром. — Переодень несколько человек в полицейскую форму... Доука вынеси через боковую дверь — она ведет в личный кабинет Амоса. Амос, покажи Лису, куда идти. Амос, да возьми себя в руки, наконец — Доука

поставят на ноги, можешь не сомневаться! Все остальные — выметайтесь отсюда, и как можно скорее! Нет, только не ты, Алия. Вил, мне будет нужна твоя помощь.

— Какая от меня польза, если нет Доука? — проворчал Вил.

Листром с Брейтом выводили людей из зала через кабинет советника.

— Ты должен иметь полную триаду, чтобы вести переговоры с триадой Руна, — сказал Джемисон. — И я уверен, Рун уже имеет описания нашей внешности. Кто займет кресло Доука?

— Алия, — лаконично ответил О'Рурк.

Он схватил испачканную кровью рубашку Доука, швырнул ее в угол, за кресло, потом сбросил обмотанное вокруг талии полотенце и сунул его Алие.

— Вот, прикрой голову.

Сначала Алия смотрела на него, не понимая, но потом быстро схватила полотенце.

— Зачем? — Вил удивленно переводил взгляд с Каллихэна на девушку.

— Калли ведь сказал! — нетерпеливо воскликнула Алия. — Мы с Доуком похожи! — Углом полотенца она принялась энергично стирать с лица косметику. — Вил, передайте мне куртку Доука! Жалко, зеркала нет... Вот! Теперь я складываю полотенце как косынку, чтобы не было видно волос... — сложив полотенце треугольником, она одной рукой подняла волосы, а другой повязала полотенце вокруг головы, туго затянув концы. — Вот! Ну, как я теперь выгляжу?

Девушка была одного роста с Доуком, и куртка пришлась ей впору. Если не считать косынки, придававшей Алие несколько пиратский вид, она и в самом деле была очень похожа на своего сводного брата.

— Чудесно! — сказал Калли. — Теперь занимаем места за столом, быстрее!

Троица едва успела опуститься в кресла, когда появились несколько приграничников в кое-как натянутых мундирах Всемировой полиции, с пистолетами на боку и поспешно заняли места по обе стороны входа. Несколько секунд спустя в проеме показались три молдога в обычных длинных балахонах. Они направлялись к столу, за которым с торжественным видом восседали Калли, Вил и Алия. Балахоны молдогов, почти доходившие до пола, создавали впечатление, будто послы не идут, а плывут, скользя над полом. Тот, что шел в середине триады, был выше остальных — он почти не уступал ростом Калли. Более того, в нем чувствовал жесткость и неуступчивость. Пораженный О'Рурк понял, что снова неведомо каким образом узнал адмирала Руна. Его необычный рост, внутренняя напряженность — все это он заметил еще во время визита адмирала на плавучую тюрьму, когда Калли с товарищами совершил побег.

Теперь, снова увидев Руна, Каллихэн почувствовал возвра-

щение чувства сопереживания, невидимой эмоциональной связи. Узнав адмирала, О'Рурк начал постигать небольшие различия между ним и младшими Братьями. Он заметил, что щеки Руна более впалые, морщинки под глазами резче, а туго обтягивающая череп кожа, кажется почти прозрачной.

Молдоги плавно приближались. Люди молча смотрели на них. Когда триада остановилась у возвышения, Калли поднялся, вместе с ним — Алия и Вил.

Глаза Руна встретились со взглядом Калли — и О'Рурку показалось, что глаза молдога странным образом западают, как бы уходят вглубь черепа, подобно глазам того капитана на захваченном молдогском курьере, который бросился на Калли. Несколько секунд Рун стоял неподвижно, потом взгляд его опустился, он уставился на пятна крови Доука, все еще темно и влажно блестящие на паркете. Адмирал пристально смотрел на эти пятна, потом снова поднял голову и взглянул в лицо Калли.

Наконец он заговорил — медленно, тщательно выговаривая слова. Его английский был почти лишен акцента.

— Мы пришли, чтобы беседовать с моим Крайне Достойным кузеном Брейтом. Вместо этого нас встречают лица, осмелившиеся издеваться над нами, изображая персонаж из нашей легенды. Эти лица захватывали наши корабли, угрожали жизни и здоровью наших людей. Где сейчас находится мой Крайне Достойный кузен Брейт?

— Прошу извинить меня... — начал было Калли по-английски, но тут же оборвал себя и перешел на молдогский: — Я сожалею, но лицо, о котором вы (личность) ведете речь, больше не имеет права говорить от лица всего человечества. Следовательно, вам придется говорить со мной (личностью) — Каллихэном О'Рурком Уэном, и с моими братьями — Вильямом Джемисоном и Доуком Тауншендом. Среди нас произошло то, что у вас называется Переменной Аспекта Достоинства. Теперь я (личность), мои септ, семья и клан — а это все мягколицые, живущие на планетах Плеяд — теперь мы (все поименованные люди) возглавляем человечество.

Рун снова молча посмотрел на Калли, потом заговорил по-молдогски:

— Следовательно, ты (личность), — сказал он веско, — будешь отвечать мне (личности). Потому что вы, люди, должны ответить перед нами, молдогами. Ты (личность) ответишь за вас (всех людей).

26

На мгновение в зале повисла полнейшая тишина. Потом Калли спокойно проговорил:

— Нет. Отвечать будете вы. Отвечать перед нами. Ты (личность) будешь отвечать мне (личности).

В лицах инопланетян не дрогнула ни одна черта. Помолчав немного, Рун ответил:

— Ты (личность) хорошо говоришь на языке молдогов. Но все же ты можешь говорить одно, а понимать другое.

— Нет, — возразил О'Рурк. — Здесь нет ошибки. Я (личность) говорю то, что подразумеваю. Позволь, я повторю сказанное на родном языке мягколицых, — он перешел на английский: — Ты, твои братья и твой народ — вам придется сейчас ответить за все обиды, нанесенные моему народу. — Он снова перешел на молдогский: — Не присядешь ли с нами (триадой), чтобы обсудить это дело?

Рун явно размышлял, какое решение принять. Потом поднялся на подиум, к столу; братья последовали за ним. Они заняли сиденья-подушки, расположившись лицом к лицу с Алией, Калли и Вилом. Молдоги сидели, подобрав под себя ноги, но не наперекрест, как это делают на Востоке, а параллельно, так что колени смотрели прямо вперед.

— Очевидно, вы (триада) начнете с того, что объясните мне (триаде) какие основания у вас (всех молдогов) жаловаться на нас (всех людей)?

— Я (личность) удивлен, — холодным тоном начал Рун, — что ты (личность) не имеешь представления о причинах нашей обиды на людей. Ты (личность) нападал на наши корабли, угрожал жизни наших людей, нарушал наши границы, наконец, похитил Наследников Трона. Ты (личность) не станешь отрицать, что я (личность) говорю правду?

— Не стану. Но я (личность) отрицаю одно: эти действия не могут быть основанием для обиды вас (всех молдогов) на нас (всех людей). Потому что все названное тобой (личностью) — основание для нашей обиды на вас.

Несколько секунд Рун хранил зловещее молчание.

— Вижу три объяснения твоим словам, — сказал наконец адмирал. — Первое: твои слова лишены смысла, потому вы (все люди) — народ безумцев; в этом случае не имеет смысла далее с тобой разговаривать. Второе: смысл слов твоих (личности) намеренно искажен, чтобы нас запутать или запугать — в этом случае нашему Достоинству нанесен непоправимый ущерб, и смысла далее разговаривать с тобой (личностью) не имеется. Третье: ты (личность) говоришь правду, слова твои имеют смысл, но я (личность) не понимаю тебя. Только вероятность существования этого третьего объяснения не дает мне (триаде) немедленно прекратить переговоры.

— Третье объяснение соответствует действительности, — подтвердил Каллихэн. — И если излагать суть кратко, в нем заключена наша обида на вас (всех молдогов). Вы не пони-

маете нас (всех людей). И даже не пытались понять, насколько я (личность) могу судить. Вы (все молдоги) неверно понимали действия людей и сделали их основанием для обиды.

— Как иначе возможно расценить насилие против нас (всех молдогов)? — спросил Рун. Глаза его снова казались глубоко запавшими, ушедшими вглубь черепа.

— Если взрослый без причины ударил взрослого, — спросил О'Рурк, — послужит ли это основанием для обиды?

— Определенно, — ответил Рун.

— А если взрослый ударит взрослого, чтобы не дать последнему совершить Недостойный поступок? Явится ли это основанием для обиды?

Глаза Руна казались теперь запавшими не так глубоко, как несколько секунд назад.

— Нет.

— Но и в первом, и во втором случае был совершен акт насилия. Явится ли он причиной для обиды или нет — это зависит от намерений совершившего акт. Разве не так?

— Я (личность) признаю, что слова твои (личности) верны, — согласился Рун. — Ты утверждаешь, что за вашими действиями имелась цель, нам (всем молдогам) неизвестная? И цель эта меняет основание для обиды — не вы против нас, а наоборот?

— Именно это я (личность) утверждаю.

Солнце на видеоэкране уже коснулось горизонта. Его закатные красные лучи били наискось сквозь весь зал Совета. В закатном свете молдоги казались темнее, чем обычно. Рун походил на зловещую почти черную статую.

— Тогда я (триада) хочу услышать о ваших целях. От их обоснованности будут зависеть наши (всех молдогов) действия.

— Ты (триада) сейчас о них услышишь, — сказал Калли. — Они проистекают из единого источника — факта, что мы (все люди) имеем отличную от вас (всех молдогов) систему оценки мыслей и поступков. Ты (личность) задаешься вопросом: «Достойно ли то, что я собираюсь сделать?». Я (личность) вместо этого спрашиваю себя: «Справедливо ли я поступаю?»

Рун холодно блеснул глазами.

— Я (личность) хорошо представляю это различие, — сказал он. — Мы еще несколько лет назад о нем догадались. Но и вы (все люди) знаете, что такое Достоинство, поскольку в языке вашем имеется соответствующее слово. И, следовательно, должны сознавать ответственность в поступках, которые затрагивают понятие «Достоинство» и нас (всех молдогов).

— Ты (личность), — быстро возразил адмиралу Калли, — продолжаешь упорствовать в непонимании. У вас (всех молдогов) тоже имеются слова, обозначающие то, что правильно и неправильно. Но если один из вас потерял Достоинство, успокоится ли он, сознавая, что поступил правильно?

— Ни в коем случае, — сказал Рун. — И я полагаю, ты (личность) это знаешь.

— Согласись тогда, что то же самое справедливо в отношении людей.

Рун снова замолчал — пауза длилась несколько секунд. Постепенно линии морщин вокруг его глаз стали мягче, глаза больше не были такими запавшими.

— Если это верно, — сказал он, — то нашим народам сильно не повезло: мы столь различны — и при этом вынуждены быть соседями.

— Все нет, — возразил О'Рурк. — Лучше поблагодарить судьбу, что между нами, соседями, существует лишь одно большое различие.

— О чем ты (личность) говоришь? — Рун удивленно воззрился на Каллихэна. — Это не просто большое различие, оно — как расстояние между звездой и звездой. Невозможно представить разумные существа, не имеющие понятия о Достоинстве. Мы полагали, что вы (все люди) хотя бы частично имеете такое представление.

— Имеем, — откровенно согласился Калли. — Но я (личность) сомневаюсь, что вы (все молдоги) в равной степени имеете представление о правильном и неправильном, справедливом и несправедливом, потому что ты (личность) продолжаешь говорить так, словно полагаешь Достоинство более высокой мерой, чем правильность. А ведь они равны по своей важности, каждая — для своей расы.

— Едва ли тебе (личности) удастся мне это доказать, — произнес Рун; в голосе его слышалась новая нотка — по контрасту с обычно невозмутимым тоном адмирала, нота эта звучала почти взволнованно.

— Могу. И покажу, как вы (все молдоги) не понимали нас (всех людей), хотя мы вас при этом понимали.

Калли выжидающе замолчал.

— Я (личность) внимательно слушаю, — произнес Рун. — Говори.

— Отлично! — Голос О'Рурка стал тише, доверительнее. — Начну с того, что покажу, как мы (все люди) с самого начала умели понимать Достоинство — с самого первого контакта наших народов. А ты (личность) поправь меня (личность), если я в чем-то ошибусь. Договорились?

— Договорились, — согласился Рун.

— Первое... — Каллихэн загнул палец. — Когда молдоги вступили в контакт с людьми на планетах Плеяд, они не признали нас за цивилизованный народ.

— Правильно, — подтвердил Рун. — Люди обладали развитой технологией, но в поступках ваших не было ничего, подобного поступкам молдогов. Поэтому мы предположили, что вы — люди — особый вид разумных животных, с которыми нам лучше не ссориться. Вы были нам мало интересны.

— Второе... — Калли загнул следующий палец. — Вы заме-

тили, что людей в Плеядах становится все больше, что мы строим там города, что у нас имеется общественная организационная структура. Она отличалась от молдогской, но явно была намного развитее, чем у самых разумных животных. Вам впервые показалось, что мы — тоже цивилизованный народ, межзвездная раса, хотя совершенно не похожая на молдогов. Поэтому вы закрыли границу между вами (всеми молдогами) и нами (всеми людьми), чтобы обсудить между собой наш статус.

— Это правда, — согласился Рун. — Вы правильно нас поняли.

— Далее, — О'Рурк загнул еще один палец. — Вы (все молдоги), обсудив положение, пришли к неслыханной идее: люди, оставаясь не-молдогами, являются одновременно полноправными цивилизованными личностями. Мы — не животные, мы — такие же разумные существа, как молдоги. И, следовательно, вы должны вести с нами дела, соблюдая всяческое Достоинство.

— Ты (личность) говоришь правильно, — бесстрастно подтвердил Рун.

— Следовательно, — Каллихэн опустил ладонь на стол, — вы предприняли первый шаг к Достойным отношениям с людьми. Вы предложили нам свидетельство собственного Достоинства — официально потребовали передать вам (всем молдогам) часть принадлежавшего нам (всем людям) межзвездного пространства, дабы показать нам, что молдоги — гордый, храбрый, уверенный в своем Достоинстве народ.

— Совершенно верно, — сказал адмирал Рун, — но вы на это требование не ответили Достойным требованием противоположного свойства, чтобы молдоги и люди путем Достойных переговоров установили общую границу. Через человека по имени Брейт вы неясно дали понять, что можете уступить Плеяды.

— И это был столь Недостойный поступок, что в глазах молдогов он не мог быть ничем иным, кроме как хорошо продуманным оскорблением. Мы (все люди) как бы намекали, что вы (все молдоги) недостаточно Достойный народ, недостаточно храбры и могущественны, и требуете в свое владение территорию, заранее предполагая, что требованию уступят.

— Именно так и произошло, — сказал Рун, в голосе которого звучала негибкая твердость — насколько человек мог различать оттенки эмоций, окрашивающие голос молдога. — Хотя и невольно, вы (все люди) не оставили нам иного выбора, как только добиваться исполнения выдвинутого требования, которое первоначально было лишь жестом Достоинства. Мы (все молдоги) вынуждены были начать войну против людей. Но ваши корабли были не хуже наших, то есть война привела бы ко взаимному уничтожению. И хотя провокация была слишком откровенной, мы предприняли попытку вступить в переговоры с человеком по имени Брейт.

— Который дал тебе (триаде) понять, — с не меньшей твер-

достью продолжил Калли, — что только люди, живущие на планетах Пляяд, в Приграничье, желают войны с молдогами. И ты (триада) воспринял это утверждение как дополнительное оскорбление, прекрасно понимая, что планеты Пляяд не выстоят против сил вашего флота даже одного дня.

— Правильно. Но нам удалось сдержать себя. И мы получили новое оскорбление. Ты (личность) и другие — человек по имени Брейт уверял, что все вы с планет Пляяд — вторглись в наше пространство, на наши планеты, совершая бессмысленные и оскорбительные действия, например, имитируя мифического Демона Тьмы, якобы предвещаая тем самым Перемену Аспекта Достоинства. Более того, вы атаковали наши корабли, захватили их команды, нарушили рамки всякого Достоинства и похитили Наследников Трона, угрожая прервать линию наследования семьи Барты, которая возглавляет народ молдогов, что привело бы к действительной необходимости переменить Аспект. Нашему терпению пришел конец. Дальше мы (все молдоги) уступать не в состоянии, если не желаем потерять всякое Достоинство. Люди толкают молдогов к войне — да будет так! Если только ты (личность) не убедишь меня (личность), что у вас есть веские причины... — Рун показал хищным костистым пальцем на заходящее солнце — жест был очень неожиданным, потому что до сих пор молдог сидел как каменный. — ...До того, как закатится ваша главная звезда. Иначе войны с молдогами людям уже не отвратить. Войны до конца!

Рука Руна упала, как плеть.

— Но сначала скажи, — попросил Калли, — верно ли я (личность) истолковал смысл ваших (всех молдогов) действий?

— Ты (личность) истолковал наши действия правильно, — сказал Рун. — Но сейчас, в критический момент, какое значение может иметь твое понимание наших Достойных мотивов?

— Потому что! — Голос Калли был подобен удару хлыста; Алия и Вил вздрогнули; О'Рурк указал пальцем на молдогов. — Я обвиняю вас (всех молдогов) в неумении и нежелании понять действия нас (всех людей), хотя мы понимали ваши действия! Обида нанесена не молдогам, а людям — весомая, обоснованная обида!

Рун, не дрогнув ни единым мускулом, хранил молчание, пока Каллихэн не опустил указующий перст.

— Я (личность) жду ответа, — сказал Рун — глаза его вновь казались глубоко запавшими, — в каком непонимании ты (личность) обвиняешь нас?

— Как я уже объяснял, люди пользуются мерилем Правильности там, где молдоги используют мерило Достоинства. Когда мне (личности) потребовалось истолковать поступки Моих Почтенных Кузенов-молдогов, предъявивших права на планеты Пляяд, я не стал задавать вопрос: «Какое право имеют они требовать Пляяды?» Нет, я спросил: «Где и как мы (все люди) затронули

Достоинство молдогов?» В результате я понял истинные причины ваших действий. — Калли перевел дыхание. — Но вы (все молдоги) и ты (личность), говорящий от их имени, не сделали того же со своей стороны. Вы не спросили: «Какое право имеют люди так поступать?» Вас трогала лишь ваше Достоинство — никто из вас не увидел истинной причины. Следовательно, виноваты вы (все молдоги) и ты (личность), говорящий от их лица! — Калли поддался вперед. — Скажи! — повелительно произнес он. — Кто будет более Достоин у молдогов — тот, кто пытается понять поступки своего соседа, или тот, кто таких усилий не прилагает?

Рун чуть заметно вздрогнул. Голос его уже не звучал так твердо, как прежде, но ответил он немедленно, не задумываясь:

— Двух мнений быть не может. Тот, кто прилагает усилия к пониманию, более Достоин.

— Благодарю, мой кузен Рун, — хладнокровно сказал О'Рурк. — Таким образом, мы пришли к заключению.

— Мы пришли к заключению, — согласился Рун. — Но теперь я (личность) вынужден требовать объяснения ваших действий с точки зрения Правильности.

— Я (личность) отвечу, пусть выслушает меня мой кузен Рун. В тот момент, когда молдоги выдвинули свое Достойное требование, у людей наступило время Перемены Аспекта Правильности, то есть в тот момент не было вождя, который мог бы говорить от имени всех людей.

— Я (личность) принимаю это объяснение, — сказал Рун. — Но мы (все молдоги) ценим действия, а не оправдания их отсутствия.

— Тогда я (личность) продолжу. Поскольку не было вождя, не могло быть и ответа — немедленного ответа. Мы бы дали его, конечно — как только завершилась бы Перемена Аспекта. Но в тот момент нам требовалось время, и ни Достоинство, ни Правильность не обязывали людей заявлять, что мы — народ, разделенный на две неравные части из-за Перемены Аспекта.

— Я принимаю и это объяснение, — голос Руна был лишен какой-либо эмоциональной окраски и казался очень далеким, отрешенным.

— Следовательно, — продолжал О'Рурк, — нужно было оттянуть время, давая молдогам понять, что мы переживаем Время Перемен и не в состоянии дать немедленный ответ. — Назовет ли мой кузен Рун хотя бы одно из наших действий, которое давало бы вам (всем молдогам) понять, что мы не намерены принять во внимание возможность войны?

Рун молчал несколько долгих секунд.

— Я (личность) не могу назвать подобного действия. Более того, мы (все молдоги) ждали беспрецедентно долго — насколько это позволяло Достоинство. Но ты (личность) говоришь, что вы (все люди) намеренно ввели нас в заблуждение, а это подразумевает оскорбление!

— Нисколько! Потому что мы пытались через мои (личности) поступки дать понять истинную причину нашего промедления. Неужели мой кузен Рун сам этого не видит? Зачем еще могло понадобиться мне и моим братьям, сидящим здесь, вторгаться в пространство молдогов и принимать личину Демона Тьмы? Это был знак Перемены Аспекта — единственный, который, в моем понимании, молдоги должны были понять и признать. Но почему было решено, будто мягколицый Демон знаменует Перемену Аспекта среди молдогов? Полагаю, что мягколицый Демон указывает на соответствующую переменную среди мягколицых!

На этот раз Рун сидел в молчании необыкновенно долго.

— Должен признать, — заговорил он, наконец, — что если сказанное — правда, мы (все молдоги) в самом деле нанесли обиду вам (всем людям), а не наоборот. И все же, похитив Наследников Трона, ты (личность) совершил поступок слишком серьезный, чтобы он был только лишь знаком Перемены. Аспект Достоинства всех молдогов оказался в опасности. Возместить ущерб ты (личность) можешь только, если вернешь тела Наследников и дашь объяснение. Какое? Этого я (личность) не могу себе представить. С точки зрения Достоинства оправдания такому поступку быть не может.

— Совершенно верно, — согласился Каллихэн. — И с точки зрения Правильности — тоже. Но если соединить Почтенность и Правильность — мы получим оправдание — *единственно* возможное. Сыновья и племянник Барты и их братья — живы.

— Живы? — Рун выкатил глаза. — Как такое возможно? Вы их не убили? Они не покончили с собой? Старший из них достаточно взрослый, чтобы понимать...

— Мы (триада) не позволили им совершить самоубийство, — перебил Калли, понимая, что это уже оскорбление, но сделав ставку на то, что в критический момент все условности подвергнутся сомнению.

— Не позволили... — глубоко запавшие глаза Руна уставились на Калли. — Это почти самое глубокое оскорбление! Зачем же было их похищать?

— Дабы продемонстрировать, как возможно сосуществование Почтенности и Правильности, — ответил О'Рурк. — Не погрешив против Правильности, люди совершили немислимое для молдогов — похитили Наследников Трона в период, когда среди вас не происходило настоящей Перемены Аспекта Достоинства. Но Правильность не позволила нам совершить то, что молдоги совершили бы с легкостью. Правильность запрещает нам отбирать жизнь у детей — даже детей врагов — или позволять детям отобрать жизнь у себя самих. — Калли замолчал. Но прежде, чем Рун успел что-либо ответить, заговорил опять: — Наоборот, Правильность требует от людей заботы о детях. Мы берем на себя

ответственность за их здоровье и жизнь. Это аналогично тому, что подразумевает Достоинство, хотя и не одно и то же. Ты (личность) и я (личность) хорошо видим тонкости и различия в смыслах, но детям они не важны. И именно это люди надеялись продемонстрировать молдогам, пока принцы находятся в наших руках. Я (личность) полагаю, что замысел удался — ваши дети смогли понять людей, как я — молдогов, что было уже доказано.

Сначала всем показалось, будто адмирал Рун не собирается отвечать. Но он заговорил, очень медленно и отрешенно:

— Я (личность) не верю услышанному. Но даже если бы все было именно так, я не вижу со стороны молдогов стремления понять вашу странную Правильность и ее требования.

— Взгляни вокруг, кузен Рун! — твердо и убежденно сказал Каллихэн. — Сама вселенная тому доказательство. Я (личность) с самого начала всеми силами стремился к тому, чтобы две великие галактические цивилизации могли сосуществовать мирно, не поглощая или уничтожая друг друга, а сотрудничая. И ключ к сотрудничеству — ответственность, которую люди и молдоги должны принять на взаимно выработанных условиях, оценивая поступки каждой стороны ее собственными мерками...

Рун молчал, словно каменный. Калли подался вперед.

— Конечно, — сказал он, — многого мы не сможем понять до конца. Люди никогда не прочувствуют вашего братства, троичного единства сестер и братьев. Но и молдоги, соответственно, в полной мере не ощутят нашей уверенности в силах одиночки, бросающего вызов вселенной — лицом к лицу, один на один. Вы не поймете до конца, что такое наше «я». Но так ли это важно? Нам не нужны взаимные объятия, нам нужно научиться правильно воспринимать друг друга, чтобы выжить, быть друзьями и добрыми соседями по Галактике. Выбор один: взаимное уважение, приятие — или взаимное уничтожение.

Калли замолчал, и Рун снова ничего не ответил. Взгляды младших Братьев адмирала были устремлены на высокую фигуру, сидевшую в центре триады; Братя тоже хранили молчание. Калли быстро нащупал на столе коммуникатор, нажал кнопку; послышался гудок вызова.

— Найдите мне Пита Хайда, — тихо сказал О'Рурк по-английски, — он где-то рядом с залом Совета...

— Калли? — голос Пита был слышен только О'Рурку; в коммуникаторе использовался направленный сонический луч. — Я в холле. Возле поворота в коридор.

— Пит! — Каллихэн заговорил быстро, сливая слова, чтобы адмирал и его братья не уловили смысла — вся триада пристально смотрела на лидера землян, словно пыталась прочесть его мысли. — Где принцы? Ты их потерял?

— Черта с два! — пропел голос Пита. — Я с ним здесь уже полчаса торчу.

О'Рурк медленно, с облегчением вздохнул.

- Пора, Пит! Приведи их сюда, сейчас же!
- Хорошо... Я только и ждал твоего...
- Скорее, Пит!
- Понял.

Секунду спустя Каллихэн увидел в дверном проеме — двери были приоткрыты, — как по ковровой дорожке коридора к залу приближаются Пит, Листром и трое Наследников молдогского Трона. Они вошли — и принцы увидели Руна и его Братьев.

Наследники тут же вознамерились со всех ног броситься к адмиралу, но Пит и Листром удержали их за руки.

— Дядя Рун! — тоненьким голоском крикнул Хиркер, пытаясь выкрутиться из мощной лапы Листрома. — Это я (личность), Хиркер! Мягколицы не разрешали мне к тебе (личности) прийти!

Рун стремительно обернулся, его Братья — тоже. Через мгновение все трое были уже на ногах. Калли, Алиа и Вил тоже поднялись.

— Отпусти их! — приказал О'Рурк Листрому по-английски, и трое Наследников помчались к возвышению, где стоял стол переговоров. У края они остановились, Хиркер — в центре, как и положено. Он направил обвиняющий палец на Калли.

— Дядя Рун! Вот эти мягколицы, которых ты (личность) видишь сейчас, похитили нас (триаду)... И вот этот не разрешил нам совершить Достойное действие! Поэтому мы (триада) до сих пор живы!

Рун шевельнулся — как-то неловко, однако, не успел и рта раскрыть, как самый младший из принцев, Отга, пропищал:

— Дядя Рун! Отведи меня (личность) на корабль мягколищих, чтобы мне разрешили посмотреть рубку управления! Даже Самым Достойным Правильность не позволяет входить в рубку мягколищих без Ответственного Компетентного лица из его семьи!

Рун взглянул на малыша — Отга тут же застыдился, сделал шаг назад и занял положенное ему место в шеренге триады. Потом Рун медленно перевел взгляд на Хиркера, который все еще указывал пальцем на Калли. Рука Хиркера медленно опустилась.

— Мой Крайне Достойный Племянник, — веско сказал Рун, — к указанному лицу Недостойно обращаться таким образом. Ибо теперь он (личность) зовется Кал'хэн Орак У'н, вместе со своими Братями он возглавляет семью, септ и клан, предводительствующие мягколищими людьми. И в грядущие годы тебе (личности) предстоит вести с ним (личностью) переговоры, касающиеся отношений двух народов — молдогов и людей — когда ты (личность) сядешь на место дяди Барти и его Братьев. Высокое положение означает высокую ответственность, и ты (личность) был не совсем Достоин в отношении кузена У'на!

Юный принц посмотрел на адмирала Руна, потом — виновато — на Калли.

— Я (личность) очень сожалею, — пробормотал он. — Про-

стит ли меня (личность) мой Крайне Достойный кузен — в надежде, что я (личность) отныне буду более Достоин в отношениях с ним? Я еще очень мал, — добавил Хиркер, и в голосе его послышалась неожиданная уверенность, — но я (личность) расту и учусь. Очень, очень быстро!

КОНЕЦ

СОДЕРЖАНИЕ

СВЯТОЙ ДРАКОН И ДЖОРДЖ	3
НИКТО КРОМЕ ЧЕЛОВЕКА	205

Г. ДИКСОН

СВЯТОЙ ДРАКОН И ДЖОРДЖ

Гл. редактор *А. Л. Кноп*

Переводы: *Крылов, Кулаков, Жураховский*

Корректор *М. С. Павлова*

Технич. редактор *А. И. Иванов*

Сдано в набор 16.02.93. Подписано в печать 15.08.93. Печать офсетная. Формат
бумаги 60×90¹/₁₆. Заказ 194. Тираж 25000. Объем 24 печ. л.

Уважаемый читатель!

Секция научно-художественной и научно-фантастической литературы Союза писателей Санкт-Петербурга учредила Литературную премию имени Александра Беляева.

Согласно Положению о премии, она присуждается ежегодно за лучшие произведения, изданные в году, предшествующем присуждению, по следующим разрядам:

- автору научно-фантастической оригинальной книги на русском языке;
- переводчику научно-фантастической книги на русский язык;
- автору научно-художественной оригинальной книги на русском языке;
- переводчику научно-художественной книги на русский язык;
- автору критической работы или совокупности критических работ, посвященных вопросам научно-художественной и научно-фантастической литературы;
- издательству научно-художественной и/или научно-фантастической литературы по совокупности книг, выпущенных в течение года.

Правом выдвижения на премию обладают сами авторы книг, писатели, редколлегии журналов и издательств, книготорговые организации, а также общественные объединения читателей и любителей научно-художественной и научно-фантастической литературы.

В течение всего года Вы можете направить свои предложения по выдвижению на премию по адресу: 191187, г. Санкт-Петербург, Шпалерная ул., 18, Оргкомитет Литературной премии имени Александра Беляева.

В предложении подробно укажите имя, отчество и фамилию автора, название книги, год и место ее издания, укажите подробно, от чьего имени Ваше предложение. При возможности—пришлите, пожалуйста, и саму выдвигаемую Вами на премию книгу.

Если Вы хотите и можете поддержать своим спонсорским взносом денежный фонд Беляевской премии, просим перечислить деньги на расчетный счет № 14000700076 в Дзержинском филиале АО «Банк Санкт-Петербург» МФО 171047 Ленинградского отделения Литературного фонда РСФСР с указанием целевого назначения «Литературная премия имени Александра Беляева».

Ваших предложений ожидает Оргкомитет Беляевской премии. Все они будут рассмотрены Жюри.

От Вас зависит отличить и вознаградить труд любимых Вами авторов, переводчиков и издателей.

Воспользуйтесь этой возможностью!

Оргкомитет Литературной премии
имени Александра Беляева

